

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА

The Long War

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT
STEPHEN BAXTER

The Long War

ЭКСМО

Москва

2015

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ СТИВЕН БАКСТЕР

Бесконечная война

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

П 68

Terry Pratchett & Stephen Baxter

THE LONG WAR

Copyright © Terry and Lyn Pratchett and Stephen Baxter, 2013

All rights reserved.

First published as The Long War by Transworld Publishers, a division of the
The Random House Group Limited

Художественное оформление И. Саукова

Иллюстрация на переплете Анатолия Дубовика

Пратчетт, Терри.

П 68 Бесконечная война / Терри Пратчетт, Стивен Бакстер. – Москва : Эксмо, 2015. – 448 с. – (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-77298-8

Много лет минуло с первого путешествия Лобсанга и Джошуа Валиенте по Долгой Земле. В колониях родились и выросли новые поколения людей, уже не представляющие свою жизнь в рамках привычной нам цивилизации.

Джошуа Валиенте теперь отец семейства и мэр одинокого поселения за несколько тысяч переходов от Базовой Земли, но вынужден бросить все и вновь отправиться в путь. Расселяющиеся по множеству миров люди ошибочно решили, что человек – венец творения, а значит, всякие тролли, кобольды и бигли – просто тупые животные. С чем последние категорически не согласны. Джошуа вместе с Лобсангом должны предотвратить назревающую войну, победителей в которой не будет...

Впервые на русском языке! Продолжение саги о Бесконечной Земле от создателя Плоского мира Терри Пратчетта и известного писателя-фантаста Стивена Бакстера.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© В. Сергеева, перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77298-8

Посвящается Лин и Риане, как всегда.

Т.П.

Сандре

С.Б.

1.

В альтернативном мире, в двух миллионах переходов от Земли.

Троллиху звали Мэри – так прочитала Моника Янсон на бегущей строке видеоклипа. Никто не знал, как упомянутая троллиха называла сама себя. На экране двое дрессировщиков, мужчины, один в чем-то вроде скафандра, стояли над Мэри, которая сидела, съезжившись в углу, в помещении, похожем на высокотехнологичную лабораторию. Если только существо, которое напоминает кирпичную стену, заросшую черным мхом, способно съезжиться в принципе. К мощной груди Мэри прижимала детеныша. Детеныш – сам по себе комок мускулов – тоже был одет в серебристый скафандр, и от датчиков, прикрепленных к его плоскому черепу, отходили проводки.

– Отдай, Мэри, – произнес один из мужчин. – Ну же, не упрямься. Мы так долго готовились. Джордж выпустит малыша в Дыру в этом скафандре, он поплавает в вакууме где-то час, а потом вернется к тебе целый и невредимый. Даже позабудется.

Второй дрессировщик хранил зловещее молчание.

Первый осторожными шажками приблизился к Мэри.

– Никакого мороженого, если не перестанешь упрямиться.

Огромные, совершенно человеческие руки Мэри зажестикулировали. Быстро, почти неразборчиво, но решительно.

Вокруг видео в сети шли многочисленные споры: почему Мэри просто не перешла в ту минуту? Вероятно, потому, что ее держали под землей. Нельзя перейти из погребя, ведь в последовательном мире на этом месте сплошной камень. И потом, Янсон, отставной лейтенант мэдисонского полицейского департамента, знала, что есть множество способов помешать троллю перейти после того, как он оказался у вас в руках.

То, что пытались сделать эти люди, также подвергалось обсуждениям. Они находились в мире рядом с Дырой – в шаге от вакуума, от открытого космоса, от пустоты, где должна была находиться Земля. В рамках космической программы они хотели проверить, можно ли использовать в Дыре труд троллей, такой полезный на Долгой Земле. Неудивительно, что взрослые тролли с огромной неохотой заходили в блуждающую пустоту, поэтому исследователи и пытались тренировать молодняк. В том числе детеныша Мэри.

– Некогда возиться, – сказал второй, достал металлический прут – шокер – и шагнул вперед, целясь в грудь троллихи. – Сейчас мамочка скажет малышу «пока-пока»...

Мэри схватила шокер, переломила пополам и воткнула острый конец прямо ему в правый глаз.

Зрелище было жуткое, сколько ни смотри.

Мужчина рухнул навзничь, разбрызгивая ярко-алую кровь. Коллега оттащил его за пределы досягаемости тролля.

– О господи! О господи!

Прижимая детеныша к груди, Мэри, забрызганная человеческой кровью, продолжала жестикулировать.

После этого события развивались быстро. Дрессировщики попытались усмирить троллиху немедленно, они даже навели на нее пистолет. Но их остановил мужчина постарше, который держался с большим достоинством и, с точки зрения Янсон, походил на бывшего космонавта.

Возмездие было отсрочено, поскольку инцидент привлек много внимания.

С тех пор как видео из лаборатории попало в сеть, оно само по себе стало сенсацией в аутернете, и жалобы хлынули потоком. Долгая Земля наполнилась примерами жестокого обращения с животными, особенно с троллями. В интернете и аутернете кипели яростные войны между теми, кто признавал за людьми право поступать как вздумается с коренными обитателями Долгой Земли, в том числе убивать их при необходимости — некоторые ссылались на библейское господство человека над рыбами, птицами, зверями и ползучими тварями, — и теми, кто намекал, что человечеству не стоит тащить в новые миры *все* свои недостатки. Инцидент в мире рядом с Дырой — именно потому, что он произошел в рамках космической программы, воплощавшей максимум человеческих амбиций (пусть даже, как подумала Янсон, ученые проявили скорее бесчувствие, нежели откровенную жестокость), — так вот, этот инцидент стал ярчайшим примером. Шумное меньшинство взывало к федеральному правительству на Базовой Земле, требуя принять меры.

А другие гадали, что думали тролли. Потому что тролли тоже умели общаться.

Моника Янсон, которая смотрела клип, сидя у себя дома, в Мэдисон-Запад-5, пыталась расшифровать жесты Мэри. Она знала, что язык, которому троллей обучали в лабораториях, был основан на человеческом,

а именно американском, языке жестов. Янсон в ходе своей полицейской карьеры редко имела дело с жестами, до специалиста ей было далеко, но она сумела понять то, что говорила троллиха. Как поняли и миллионы людей на Долгой Земле – все, кто видел клип.

«Я не хочу. Я не хочу. Я не хочу».

Тролли не были тупыми животными. Мэри защищала свое дитя.

«Не вмешивайся, – сказала себе Янсон. – Ты на пенсии – и больна. Твои путешествия окончены».

Но, конечно, выбора не оставалось. Она выключила монитор, выпила еще одну таблетку и взялась за телефон.

В еще одном мире, почти таком же далеком, как Дыра, не вполне человек повстречался с не вполне собакой. Первую разновидность гуманоидов люди называли кобольдами, более или менее неточно. «Кобольд» – древнегерманское название горного духа. А этот конкретный кобольд, который обожал человеческую музыку – особенно рок шестидесятых, – никогда не бывал в шахте.

Собакоподобных существ люди называли биглями, и опять-таки неточно. Они не были биглями и вообще не походили ни на одно животное из тех, что видел Дарвин во время путешествия на самом знаменитом «Бигле» на свете.

Ни кобольда, ни бигля не волновали прозвища, данные людьми. Но к людям они не были равнодушны. Точнее сказать, они их презирали. Пусть даже кобольд испытывал непреодолимую тягу к человеческой культуре.

– Тролли несчастны. Повсюду, – прошипел он.

– Так, – прорычал бигль. Точнее, прорычала.

На шее у нее висело золотое кольцо с сапфирами.

– Их запах пятнает мир-р-р-р...

Речь кобольда звучала почти по-человечески, а у суки представляла собой смесь рычания, жестов и поз. Но они понимали друг друга, используя квазичеловеческий язык в качестве некоего местного наречия.

И у них была общая цель.

– Загнать вонючек обр-р-р-ратно в их бер-р-р-логи!

Собакообразное существо выпрямилось, вскинуло волчью голову и завыло. Из сырых зарослей донеслись отклики.

Кобольд пришел в восторг при мысли о том, чего можно достичь в результате этой авантюры. Одни сокровища он припрятал бы для себя, другие обменял бы. Он старательно скрывал, что боится собачьей принцессы, своей необычной клиентки и союзницы.

На военной базе на Базовых Гавайях капитан американского военно-воздушного флота Мэгги Кауфман в изумлении смотрела на «Бенджамен Франклин», воздушное судно размером с «Гинденбург» – совсем новенькое, которым ей предстояло командовать...¹

А в спящей английской деревне преподобный Нельсон Азикиве раздумывал в контексте Долгой Земли о своем маленьком приходе – бережно хранимом уголке старины в контексте неведомых далей – и о собственном будущем...

В парке Йеллоустон, на Базовой Земле.

Смотритель Герб Льюис работал всего второй день. И, разумеется, он понятия не имел, что делать с гневной жалобой от мистера и миссис Вирджил Дэвис из Лос-Анджелеса по поводу того, что девятилетняя

¹ «Гинденбург» – дирижабль, построенный в 1936 году в Германии и считавшийся самым большим в мире (245 метров в длину).

Вирджилия страшно расстроилась, а папочку в день ее рождения выставили вруном. Герб не был виноват в том, что гейзер отказался работать. И никому не стало легче, когда в тот же день Дэвисы увидели себя на всех новостных каналах и веб-сайтах, а странное поведение гейзера попало на первые страницы прессы.

В клинике Корпорации Блэка на Ближних Землях.

– Сестра Агнес? Я вынужден снова разбудить вас ненадолго, просто для калибровки...

Агнес показалось, что она слышит музыку.

– Я не сплю. Я думаю.

– Добро пожаловать обратно.

– Обратно – откуда? Кто вы такой? И что это за пение?

– Сотни тибетских монахов в течение сорока пяти дней...

– Что за ужасная музыка?

– Все претензии к Джону Леннону. В качестве текста он взял цитаты из Книги мертвых.

– Какая трескотня.

– Агнес, для полной физической ориентации потребуется некоторое время. Но, думаю, вы уже можете увидеть себя в зеркало. Погодите минутку...

Агнес не знала, сколько времени прошло, но наконец она увидела свет – мягкий и постепенно усиливающийся.

– Вы ощутите некоторое давление, когда вас поднимут и поставят. Ничего неприятного. Мы не можем приступить к работе над свойствами передвижного модуля, пока вы не окрепнете, но в новом теле вы освоитесь с минимумом неудобств. Поверьте, я сам проходил через это много раз. Сейчас вы увидите себя...

И сестра Агнес увидела свое тело. Розовое, обнаженное и *очень* женственное. Не чувствуя, как дви-

гаются губы – точнее, вообще не чувствуя собственных губ, – Агнес спросила:

– А до *этого* кто додумался?

2.

Салли Линдси прибыла в Черт-Знает-Где внезапно и в ярости. Но когда бывало иначе?

Джошуа Валиенте услышал ее голос, доносившийся из дома, когда возвращался после работы в кузнице. В этом мире – как и во всех мирах Долгой Земли – был конец марта и уже темнело. С тех пор как Салли девять лет назад почтила своим присутствием его свадьбу, ее визиты сделались редкими и, преимущественно, означали, что где-то стряслась беда, причем серьезная. И Хелен, жена Джошуа, прекрасно это знала. Чувствуя, как в животе стянулся узел, Джошуа ускорил шаг.

Он обнаружил Салли за кухонным столиком. Она держала в ладонях глиняную кружку с кофе и смотрела в сторону. Салли не заметила его, поэтому Джошуа задержался в дверях, чтобы посмотреть на гостью, осмыслить происходящее, прийти в себя.

Хелен возилась в кладовке – Джошуа видел, что она ищет соль, перец, спички. Салли, в свою очередь, вывалила на стол достаточно мяса, чтобы прокормиться несколько недель. Этого требовал обычай поселенцев. Семейство Валиенте не нуждалось в мясе, но правила есть правила. Они гласили, что путешественник приносит мясо, а хозяин дома в знак благодарности готовит ужин и предлагает гостю некоторые приятные мелочи, которые трудно добыть в глуши – соль, перец, уютный ночлег в настоящей кровати. Джошуа улыбнулся. Салли гордилась тем, что была независимей, чем Дэни-

эл Бун и капитан Немо, вместе взятые, но, разумеется, даже Дэниэл Бун мог стосковаться по перцу.

Салли исполнилось сорок три – на пару лет старше Джошуа и на шестнадцать лет старше Хелен, что отнюдь не помогало им общаться. Седеющие волосы она аккуратно стягивала в хвост и носила свой обычный наряд – прочные джинсы и безрукавку с обилием карманов. Как всегда, Салли была сухощавой, жилистой, сверхъестественно спокойной. И внимательной.

И теперь она рассматривала предмет на стене – золотое кольцо, украшенное сапфирами, которое свисало на бечевке с грубого гвоздя местнойковки. Один из немногочисленных трофеев, которые остались у Джошуа после путешествия по Долгой Земле, проделанного в обществе Лобсанга. «Того самого путешествия», как называл его мир десять лет спустя. Кольцо было довольно безвкусное и слишком большое для человеческого пальца. Но его и сделали не люди, насколько знала Салли. Чуть ниже висело другое украшение – пластмассовый браслет. Детский, дурацкий, дешевый. Но, несомненно, Салли помнила, что значила для Джошуа эта вещица.

Он шагнул вперед, нарочно толкнув дверь, чтобы та скрипнула. Салли повернулась и критически, без улыбки взглянула на него.

– Вот и ты, – сказал он.

– А ты потолстел.

– Приятно тебя увидеть, Салли. Я так понимаю, ты пришла не без причины. Ты никогда не появляешься просто так.

– О да.

«Наверное, такой была и Бедовая Джейн¹, – подумал Джошуа, неохотно садясь. – Пороховая бочка,

¹ Бедовая Джейн (Марта Джейн Каннари Бёрк) – американская авантюристка второй половины XIX в., жившая на Диком Западе.

которая время от времени взрывается в твоей жизни. С той разницей, что у Салли больше доступа к туалетным принадлежностям».

Хелен возилась на кухне – Джошуа чуял запах мяса, которое жарилось на гриле. Когда он перехватил взгляд жены, та отмахнулась от молчаливого предложения помочь. Джошуа был благодарен ей за деликатность. Хелен пыталась не мешать. Деликатность, да, но в то же время он боялся, что его ждет очередной приступ ледяного молчания. У Салли, в конце концов, были долгие, непростые и *всем известные* отношения с Джошуа, прежде чем он познакомился с Хелен. Более того, Салли стояла с ним рядом, когда он впервые повстречал ее, семнадцатилетнюю девочку, в новеньком поселении на Долгой Земле. Иными словами, молодая жена Джошуа никогда не прыгала от радости, когда появлялась Салли.

Салли ждала ответа, то ли не обращая внимания на подобные тонкости, то ли не желая обращаться.

Джошуа вздохнул.

– Ну, рассказывай. Что случилось на сей раз?

– Очередной подонок убил очередного тролля.

Джошуа покачал головой. В аутернете такие новости появлялись то и дело. Троллей угнетали по всей Долгой Земле, от Базовой Земли до Вальгаллы и дальше, до самой Дыры, судя по недавним сенсационным сообщениям о жутком инциденте, в котором принял участие детеныш тролля в скафандре эпохи пятидесятых.

– Он буквально разделал на части, – продолжала Салли. – Случай зарегистрирован правительственной организацией в Пламблайне, на самой границе Меггеров...

– Я знаю.

– Погибший тролль был молодым. Его убили, чтобы изготовить какое-то народное лекарство. В кои-то веки

ублюдка арестовали по обвинению в жестокости. Но семья возмущается. Потому что, черт возьми, тролли просто животные, правда?

Джошуа покачал головой.

— Мы живем под эгидой правительства США. О чем спорить? Разве здесь не должны действовать законы о жестоком обращении с животными?

— *Здесь* творится бардак, Джошуа, федералы и правительства штатов никак не разберутся, кто за что отвечает, и в любом случае непонятно, каким образом их власть распространяется на Долгую Землю. Не говоря уже о недостатке средств для того, чтобы проводить законы в жизнь.

— Я не отслеживаю политику Базовой Земли. Мы защищаем троллей, распространив на них гражданские права.

— Правда?

Джошуа улыбнулся.

— Удивлена? Между прочим, ты не единственный сознательный человек на свете. Во всяком случае, тролли слишком полезны, чтобы выгонять их или истреблять.

— Ну, не везде люди настолько цивилизованны. Не забывай, Джошуа, Эгиду возглавляют политики Базовой Земли, которые, по большому счету, те еще сукины дети. Они ничего не понимают. Это не та публика, которая станет мараить свои лакированные ботинки где-нибудь за пределами парка на Западе-3. Они не имеют понятия, насколько важно, чтобы люди сохраняли дружеские отношения с троллями. Достаточно послушать долгий зов...

Иными словами, вскоре каждый тролль на Долгой Земле должен был узнать о все подробности.

Салли продолжала:

— Знаешь, проблема заключается в том, что до Дня перехода основные сведения о человечестве тролли

черпали в местах наподобие Мягкой Посадки, где они жили бок о бок с людьми. Мирно и конструктивно.

– Пусть даже и немного странно.

– Ну... да. А сейчас тролли имеют дело с *обычными* людьми. То есть с идиотами.

Охваченный страшным предчувствием, Джошуа спросил:

– Салли, зачем ты пришла? Чего ты от меня хочешь?

– Чтоб ты исполнил свой долг.

Джошуа знал: она имеет в виду, что он должен отправиться с ней в дебри Долгой Земли. Спасать мир. Опять.

«К черту, – подумал он. – Времена меняются». Он сам изменился. Его долг – быть здесь, с семьей, дома, в поселении, жители которого сделали глупость и избрали Джошуа мэром.

Он влюбился в этот поселок еще до того, как поселился в нем, решив, что первопроходцы, назвавшие свой новый дом Черт-Знает-Где, скорее всего, были весьма достойными людьми с чувством юмора – так оно и оказалось. Хелен, которая некогда отправилась вместе с семьей на поиски счастья, такой образ жизни был привычен с детства. В том месте, куда они пришли – в долину Миссисипи за миллион Земель от Базовой, – река изобиловала рыбой, а суша дичью и полезными ископаемыми, в том числе свинцом и железной рудой. Благодаря сделанному с воздуха спектрометрическому анализу ближайших месторождений, о котором Джошуа попросил в качестве услуги, они даже открыли медный рудник. В качестве приятного бонуса климат здесь оказался лишь немного прохладнее, чем на Базовой Земле, и зимой местная Миссисипи регулярно замерзала, являя собой потрясающее зрелище, пусть каждый год и грозила гибелью двум-трем беспечным поселенцам.

Когда они прибыли, Джошуа, даже по сравнению со своей молодой женой, казался новичком, несмотря на весь опыт странствий по Долгой Земле. Но со временем он обрел репутацию опытного охотника, мясника, ремесленника, а также неплохого кузнеца и плавильщика. Не говоря уже о мэре (до следующих выборов). Хелен тем временем сделалась старшей акушеркой и главным специалистом по травам.

Конечно, им приходилось нелегко. Семьи поселенцев жили вне доступа к торговым центрам, им самим приходилось печь хлеб, коптить ветчину, топить жир и варить пиво. Поселенцы работали не покладая рук. Но работа приносила удовольствие. Из нее и состояла нынешняя жизнь Джошуа.

Иногда он тосковал по одиночеству. По творческим отпускам, как он выражался. По ощущению пустоты, когда он был совершенно один в мире. Когда ничто не давило на мозг (это давление он чувствовал даже здесь, хотя по сравнению с Базовой оно было ерундовым). Когда жутковато давало о себе знать Иное, как Джошуа называл Тишину. Нечто похожее на присутствие чьего-то обширного разума, ну или скопления разумов, где-то очень далеко. Однажды он встретил такой отдаленный разум — Первое Лицо Единственное Число. Но он знал, что есть и другие. Джошуа слышал их, как звуки гонга в далеких горах.

Что ж, всё это он получил. Но вот что, как Джошуа постепенно понял, было гораздо важнее — жена и сын... а в перспективе, возможно, второй ребенок.

Он пытался не обращать внимания на то, что происходило за пределами поселка. В конце концов, Джошуа ничем не был обязан Долгой Земле. Он спас немало жизней в последовательных мирах в День перехода, а впоследствии открыл множество Земель с Лобсангом. Он внес свой вклад в новую эпоху, не так ли?

Но в его доме, за кухонным столом, сидела Салли, воплощение прошлого, и ждала ответа. Джошуа не торопился. Даже в лучшие времена он не умел отвечать быстро. Джошуа утешался мыслью о том, что спешить никогда не нужно.

Они просто смотрели друг на друга.

Слава богу, наконец вошла Хелен и поставила на стол пиво и бутерброды. Самодельное пиво, местная говядина, домашний хлеб. Она села рядом и начала мило беседовать, расспрашивая Салли о том, где она успела побывать. После ужина Хелен вновь отказалась от помощи мужа и засуетилась, унося посуду.

Все это время между строк шел иной разговор. В каждой семье есть свой тайный язык. Хелен отлично знала, зачем здесь Салли, и после девяти лет брака Джошуа чувствовал ее грусть от неизбежной разлуки, словно ловил трансляцию по радио.

Если Салли и понимала, то не подавала виду. Как только Хелен вновь оставила их наедине за столом, она начала:

- Как ты сам знаешь, это не единственный случай.
- Какой случай?
- Убийство в Пламблайне.
- Да уж, Салли, ты не любительница легких бесед.
- И это даже не самый жуткий инцидент. Хочешь подробный перечень?
- Нет.
- Ты же видишь, что творится, Джошуа. Человечеству дали шанс. Новое начало, бегство с Базовой Земли – из мира, который мы уже испоганили...
- Я знаю, что ты сейчас скажешь.

Потому что на его памяти Салли говорила это уже миллион раз.

- Что мы, получив шанс обрести рай, облажаемся, прежде чем успеет высохнуть краска на ограде.

Хелен с решительным стуком поставила в центр стола огромную миску с мороженым. Салли уставилась на нее, как собака, обнаружившая кость бронтозавра.

– Вы готовите мороженое? Здесь?!

Хелен села.

– В прошлом году Джошуа потратил столько сил, чтобы сделать ледник. Правда, было не так уж трудно – главное, начать. Тролли любят мороженое. И у нас здесь жарко, а потому очень приятно иметь что-нибудь такое, чтобы торговать с соседями.

Джошуа слышал подтекст, даже если его не слышала Салли. «Дело не в мороженом. Дело в нашей жизни. В жизни, которую мы строим здесь. И тебе, Салли, в ней нет места».

– Ну, угощайся, у нас еще много. Уж поздно... но, конечно, ты можешь заночевать. Хочешь посмотреть школьную постановку, в которой играет Дэн?

Джошуа увидел на лице Салли неприкрытый ужас. Сжалившись, он сказал:

– Не волнуйся, все не так страшно, как кажется. У нас смышленные дети, порядочные и любезные родители, хорошие учителя... уж я-то знаю, я один из них, и Хелен тоже.

– Вы сообщаете учите детей?

– Да. Основной упор делаем на навыки выживания, металлургию, лекарственные травы, биологию Долгой Земли. Целый спектр практических навыков, от обработки кремня до изготовления стекла...

– Но мы учим детей не только выживать, – подхватила Хелен. – Мы ставим довольно высокую планку. Школьники даже изучают греческий язык.

– Мистер Йохансен. Перипатетик. Приезжает дважды в месяц из Вальгаллы, – Джошуа улыбнулся и указал на мороженое. – Ешь, пока не растаяло.

Салли взяла большую ложку и попробовала.

– Ого. Поселенцы и мороженое.

Джошуа решил, что нужно вступить за честь семьи.

– Ну, вовсе не обязательно повторять судьбу отряда Доннера¹, Салли...

– А еще у вас есть мобильники, так?

Жизнь здесь и впрямь была капельку проще, чем в других поселках. На Западе-1397426 водились даже спутниковые навигаторы – и только Джошуа, Хелен и еще несколько человек знали, отчего Корпорация Блэка выбрала этот конкретный мир, чтобы испытать новые технологии, запустив двадцать четыре наноспутника с портативной пусковой установки. Своего рода подарок от старого друга...

В числе тех, кто знал, была, разумеется, и Салли.

Джошуа взглянул на нее.

– Перестань, Салли. Навигаторы и все остальное здесь благодаря мне. Я это знаю. И мои друзья.

Хелен усмехнулась.

– Один инженер, который тут что-то чинил, сказал Джошуа, что Корпорация Блэка считает его «ценным долговременным вложением», достойным дальнейшего развития. Поэтому моего мужа и задабривают небольшими подарками.

Салли фыркнула.

– Значит, так Лобсанг к тебе относится. Как униЗИтельно...

Джошуа пропустил ее слова мимо ушей, как всегда делал, слышав это имя.

– И потом, я знаю, что некоторые пришли сюда именно из-за меня.

– Знаменитый Джошуа Валиенте.

¹ Поход Доннера – трагический эпизод переселения американских пионеров на Запад, в ходе которого более сорока человек погибли от голода в горах Сьерра-Невады зимой 1846/47 г.

– Почему бы и нет? Приятно, когда не нужно заниматься рекламой самим. И потом, если человек не вписывается, он просто уходит.

Салли открыла рот, готовясь отпустить очередную шпильку.

Но Хелен, видимо, решила, что с нее хватит. Она встала.

– Салли, если хочешь отдохнуть, гостевая комната – дальше по коридору. Спектакль начнется через час. Дэн – наш сын, если помнишь, – уже в ратуше, помогает украшать зал, точнее, шпыняет приятелей. Возьми мороженое с собой, если хочешь. Идти недалеко.

Джошуа натянуто улыбнулся.

– Здесь повсюду недалеко ходить.

Хелен посмотрела в грубое оконное стекло.

– По-моему, еще один идеальный вечер.

3.

Вечер действительно был прекрасным.

«Разумеется, – думал Джошуа, когда они втроем шагали в ратушу смотреть школьный спектакль, – разумеется, этот мир уже не назовешь девственным». В заросли вгрызались вырубки, из кузниц и мастерских поднимался дымок, лес прорезали неумолимые дороги. Но все-таки в глаза бросались основные вехи ландшафта – изгиб местной Миссисипи, мосты, деревянные настилы на берегах. Черт-Знает-Где выглядел точь-в-точь как его прототип на Базовой Земле – Ганнибал, в штате Миссури – в девятнадцатом веке, в эпоху Марка Твена. И это, с точки зрения Джошуа, было прекрасно.

Но сейчас идеальное небо портил висящий в воздухе твен.

Воздушное судно разгружали при помощи канатов, ящик за ящиком, тюк за тюком. В надвигающихся су-

мерках корпус сиял бронзой. Твен напоминал корабль из иного мира – некоторым образом так оно и было. Хотя до спектакля оставалось всего ничего, на улице стояли, глядя в небо, несколько школьников – мальчишек с характерным ненасытным видом, которые отдали бы все на свете, чтобы в один прекрасный день стать пилотом твена.

Твен был символом многих вещей, подумал Джошуа. Для начала Долгой Земли как таковой.

«Долгая Земля». В День перехода, двадцать пять лет назад, человечество внезапно открыло в себе способность переходить в последовательные миры, в бесконечную анфиладу копий планеты Земля. Не требовалось никаких космических кораблей – каждая Земля находилась в пределах пешей досягаемости. И каждая более или менее походила на оригинал, за исключением поразительного отсутствия людей и результатов их деятельности. Отдельный мир для каждого, кто хотел, бесчисленное множество Земель, если научные теории гласили правду.

Одни, столкнувшись с подобной перспективой, забирались в дверь и прятались под кровать. Другие проделывали то же самое мысленно. Зато третьи процветали. И для таких людей, обитавших в рассеянных по новым мирам поселениях, четверть века спустя твены стали неотъемлемой частью пейзажа.

Десять лет назад Джошуа и Лобсанг предприняли исследовательскую экспедицию на «Марке Твене» – первом воздушном средстве для транспортировки грузов и пассажиров, способном переходить. И тогда Дуглас Блэк, глава Корпорации Блэка, построивший «Марк Твен», и главный владелец филиала, который спонсировал Лобсанга и его разнообразные проекты, объявил, что готов подарить эту технологию новому миру. Типичный для Блэка жест, который восприняли

с массой цинического скепсиса и в то же время с распростертыми объятиями. И вот десять лет спустя твены колонизировали Долгую Землю, точь-в-точь как некогда повозки-конестоги и «Пони-экспресс» осваивали Дикий Запад. Твены летали и летали, связывая между собой развивающиеся последовательные миры. Они даже стимулировали рост новых отраслей промышленности. Гелий для оболочек, редкий на Базовой Земле, добывали в последовательных версиях Техаса, Канзаса и Оклахомы.

Теперь даже вести распространялись по Долгой Земле при помощи воздушного флота. Появилось нечто вроде межмирового интернета, получившего название аутернет. В каждом попутном мире твены сдавали на местные узлы связи пакеты обновлений, которые затем распространялись по данной Земле, и принимали новости и почту. Когда корабли встречались вдали от магистрального пути «Базовая Земля – Вальгалла», экипажи наносили друг другу визит, как водилось на китобойных судах в старину, и в процессе обменивались новостями и корреспонденцией. Все это происходило неформально, но в любом случае так работал интернет и на Базовой Земле до Дня перехода. Система была надежной, хоть и неофициальной: если адрес верный, письмо дойдет до адресата.

Разумеется, некоторые жители в поселках наподобие Черт-Знает-Где жаловались на присутствие чужаков, ведь твены так или иначе воплощали Базовое правительство – властно протянутую руку, которой радовались не все. Политика в отношении колоний Долгой Земли качалась туда-сюда, от враждебности и прямых запретов до сотрудничества и юридического признания. Нынешний закон гласил: если в поселении живет более сотни человек, оно обязано официально

сообщить о себе федеральному правительству на Базовой Земле. Тогда его наносили на карту и прилетали твены – они спускались с неба, доставляя пассажиров и скот, сырье и медикаменты и забирая все то, что поселенцы хотели переправить по местным каналам на гигантские транспортные узлы наподобие Вальгаллы.

Курсируя между Базовой Америкой и самыми дальними мирами, находившимися под ее эгидой, – до Вальгаллы, в полутора миллионах переходов от Базовой Земли, – твены связывали множество Америк воедино, беззлобно намекая, что все они пляшут под одну дудку. Пусть даже многие обитатели этих последовательных миров понятия не имели, о какой дудке речь и что за мелодию она играет, поскольку думали в первую очередь о себе и своих соседях. Базовая Земля с ее законами, политикой и налогами казалась чем-то невероятно далеким, абстрактным, вне зависимости от твенов.

И сейчас две пары глаз подозрительно смотрели на очередной твен.

Салли спросила:

– Думаешь, он там?

Джошуа ответил:

– По крайней мере, его итерация. Твены не могут переходить, если на борту нет искусственного разума. Ты же знаешь, он – сплошная копия самого себя. Он любит быть там, где что-то происходит, а сейчас что-то происходит повсюду.

Они говорили о Лобсанге, конечно. Джошуа и теперь вряд ли сумел бы объяснить, кто такой Лобсанг. Или что он такое. «Вообрази себе бога внутри компьютера или телефона, твоего или чужого. Вообрази существо, которое фактически и есть Корпорация Блэка, со всей ее мощью, властью и богатством. И которое, несмотря на это, выглядит вполне здоровым

и благожелательным по меркам большинства богов. И иногда бранится по-тибетски...»

Джошуа сказал:

– До меня тут случайно дошел слух, что одну свою копию он отправил за пределы Солнечной системы на ракете. Сама знаешь, Лобсанг предпочитает перспективу. И считает, что предосторожность лишней не бывает.

– Значит, он сможет пережить даже взрыв Солнца, – сухо подытожила Салли. – Очень приятно. Ты с ним общаешься?

– Нет. Сейчас нет. То есть последние десять лет. С тех пор как он – ну или очередная его копия, которая осталась на Базовой Земле, – позволил какому-то придурку с ядерной бомбой в рюкзаке уничтожить Мэдисон. Мой родной город, Салли. Какой смысл в присутствии Лобсанга, если он не мог это предотвратить? А если мог, то почему не помешал?

Та пожала плечами. Десять лет назад она рядом с Джошуа стояла в разрушенном Мэдисоне. Видимо, ответа Салли не знала.

Он посмотрел на Хелен, которая шагала впереди и болтала с соседями. На лице у нее было, как сказал бы Джошуа, ветеран брачных отношений, «наилучшее» выражение. Не без основания встревоженный, он поспешил догнать жену.

Все явно испытали облегчение, когда дошли до ратуши. Салли прочитала название спектакля на написанной вручную афише, которая висела на стене:

– «Месть Моби Дика». Да вы шутите?!

Джошуа не смог подавить улыбку.

– Отличная пьеса. Подожди, еще увидишь, как он примется громить браконьеров. Дети специально ради этого эпизода выучили несколько фраз на японском. Пошли, у нас места в первом ряду...

Спектакль действительно был замечательный, начиная с самой первой сцены, когда повествователь в штормовке вышел на сцену и объявил:

- Меня зовут Измаил.
- Привет, Измаил, – ответил зал.
- Привет, мальчики и девочки.

Когда хористов трижды вызвали на бис после финального номера – «Гарпун любви», – даже Салли хотела в голос.

На вечеринке после спектакля дети и родители развлекались в зале. Салли тоже осталась. Но, как заметил Джошуа, на болтавших взрослых и на радостные лица детей она смотрела с очень кислым видом.

Он рискнул спросить:

- О чем ты думаешь?
- Здесь все так мило, блин.

Хелен спросила:

- Не в твоем вкусе, да, Салли?
- Я невольно думаю, как вы беззащитны.
- Перед чем?
- Будь я циником, я бы сказала, что рано или поздно какой-нибудь харизматичный придурок растопчет ваш идиллический «домик в прерии». – Салли взглянула на Хелен. – Прости, что выругалась при детях..

К удивлению Джошуа – и, возможно, самой Салли, – Хелен расхохоталась.

– Ты совсем не изменилась. Не волнуйся. Никто нас не растопчет. По-моему, мы довольно сильны. Физически и интеллектуально, я имею в виду. Для начала, мы не верим в Бога. Большинство родителей в Черт-Знает-Где – атеисты, в лучшем случае агностики. Люди, которые живут, не требуя помощи свыше. Мы, правда, учим детей золотому правилу...

– Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

– Да, в том числе. И тому подобные базовые принципы. Мы отлично ладим между собой. Работаем вместе. И хорошо воспитываем детей. Они учатся, потому что им интересно. Видишь Майкла, вон того мальчика в инвалидном кресле? Он написал сценарий сегодняшнего спектакля и сам сочинил арию Ахава.

– Которую? «Вторую ногу я отдам за твой плавник»?

– Да. Ему всего семнадцать, и если он не сможет учиться музыке, значит, в мире нет справедливости.

У Салли сделался непривычно задумчивый вид.

– Ну, раз тут живут такие люди, как вы с Джошуа, у Майкла наверняка будет шанс.

Хелен сморгнула.

– Ты смеешься?

Джошуа напрягся, приготовившись к взрыву. Но Салли просто ответила:

– Никому не говори, что я так сказала, но я завидую тебе, Хелен Валиенте, урожденная Грин. Самую капельку, но завидую. Хотя и не из-за Джошуа. Кстати, отличный напиток, что это такое?

– Здесь растет одно дерево, что-то вроде клена... я покажу, если хочешь. – Хелен подняла бокал. – За тебя, Салли.

– С какой стати?

– За то, что Джошуа с твоей помощью дожил до нашего знакомства.

– Да, это так.

– Оставайся у нас, сколько будет угодно. Но ответь правду. Ты пришла, чтобы позвать Джошуа с собой, так?

Салли уставилась в бокал и спокойно ответила:

– Да. Извини.

Джошуа спросил:

– Дело в троллях? Салли, чего конкретно ты от меня хочешь?

– Поставь точку в споре о законах. Апеллируй к случаям в Пламблайне и в Дыре, ну и так далее. Попытайся добиться приказа о защите троллей, с должным проведением его в жизнь...

– То есть мне нужно вернуться на Базовую.

Салли улыбнулась.

– Почувствуй себя Дэви Крокетом, Джошуа. Выйди из лесной глуши и валяй прямо в Конгресс. Ты – один из немногих пионеров Долгой Земли, у которых на Базовой есть доступ куда угодно. Как у убийцы с топором.

– Спасибо.

– Так ты пойдешь?

Джошуа взглянул на Хелен.

– Я подумаю.

Хелен отвела глаза.

– Давай найдем Дэна. Хватит волнений для одного вечера, его теперь и так не уложишь.

Хелен пришлось дважды за ночь встать, прежде чем Дэн успокоился. Вернувшись во второй раз, она потыкала Джошуа.

– Ты спишь?

– Теперь нет.

– Я вот о чем думаю. Если ты пойдешь, возьми и нас с Дэном. Хотя бы до Вальгаллы. Но вообще-то мальчик должен хоть раз в жизни увидеть Базовую Землю.

– Ему понравится, – сонно пробормотал Джошуа.

– Нет, когда он узнает, что мы собираемся отдать его в школу в Вальгалле...

Как бы Хелен ни расхваливала местную школу перед Салли Линдси, она все-таки хотела отправить Дэна в большой город, чтобы он обзавелся новыми знаком-

ствами и набрался опыта, который позволил бы ему сделать обдуманый выбор в будущем.

– Салли не так уж плоха, когда не изображает Энни Оукли¹.

– Она, как правило, не желает зла, – пробормотал Джошуа. – А если желает – значит, жертва заслужила.

– Ты, кажется... только об одном и думаешь.

Он перекатился на бок, чтобы взглянуть на жену.

– Я видел новости в аутернете. Салли не преувеличивает насчет проблем с троллями.

Хелен нащупала его руку.

– Ловко подстроено. Мало того, что внезапно появилась Салли. У меня такое ощущение, что твой шофер ждет тебя в небе.

– Но ведь это чистое совпадение, что твен появился именно сейчас!

– Может быть, Лобсанг сам разберется?

– Не получится, милая. Лобсанг так дел не делает, – Джошуа зевнул, потянулся к жене, поцеловал ее в щеку и отодвинулся. – Отличный был спектакль, правда?

Хелен лежала без сна. Спустя некоторое время она спросила:

– Тебе обязательно идти?

Но Джошуа уже похрапывал.

4.

Он не удивился, когда Салли не вышла к завтраку.

И когда понял, что ее нет. Очень в духе Салли. Наверное, она уже была далеко, где-то в недрах Долгой Земли. Джошуа осмотрел дом, ища следы ее присутствия.

¹ Энни Оукли (1860–1926) – американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью.

Салли странствовала налегке и старалась не оставлять за собой беспорядка. Она пришла и ушла – и перевернула его жизнь с ног на голову. В очередной раз.

Джошуа нашел лишь короткую записку. «Спасибо».

После завтрака он отправился в ратушу, чтобы посвятить несколько часов управлению городом. Но тень твена в небе застилала единственное окно в кабинете, нависала над ним, отвлекала, мешала сосредоточиться на повседневных делах.

Джошуа поймал себя на том, что рассматривает одинокий плакат на стене, так называемую Декларацию самарянина, которую в минуту раздражения сочинил какой-то поселенец. С тех пор она, как вирус, распространилась по аутернету и оказалась в тысячах молодых колоний.

«Дорогой новичок. Добрый самарянин по определению добр и терпелив. Однако прежде чем принять участие в гонке за землю, учти, что добрый самарянин требует следующее:

1. Прежде чем уйти из дома, разузнай хоть что-нибудь о том месте, куда направляешься.

2. Когда доберешься, послушай, что скажут тебе люди, которые уже там живут.

3. Не верь картам. Даже Ближние Земли еще не исследованы толком. Мы не знаем, что там. И тем более не знаешь ты.

4. Шевели мозгами. Не ходи один. Где можно, бери с собой рацию. Предупреди кого-нибудь, куда направляешься. Ну и так далее.

5. Принимай все меры предосторожности, если не ради себя, то ради бедолаг, которым придется нести обратно то, что от тебя останется.

Извини за грубость, но это необходимо. Долгая Земля изобильна, но она не прощает ошибок. Спасибо, что прочитал.

Добрый самарянин».

Джошуа нравилась эта Декларация. Она отражала незыблемый и добродушный здравый смысл, которым отличались молодые нации, возникающие в недрах Долгой Земли. Новые нации, да...

Ратуша – слишком пышное название для массивного деревянного строения, в котором хранилось все необходимое для бумажной работы и которое с утра, после детского спектакля, выглядело слегка потрепанным. Что ж, для своих целей оно вполне годилось, без мрамора пока можно было и обойтись.

И, конечно, никаких статуй снаружи, в отличие от административных зданий в Базовой Америке. Ни пушек времен Гражданской войны, ни бронзовых табличек с именами павших. Когда растущий город зарегистрировался, федеральное правительство предложило поселенцам нечто вроде набора для изготовления памятников, чтобы соединить поселок будущего с американским прошлым. Но обитатели Черт-Знает-Где отклонили это предложение по многим причинам, большинство из которых были связаны с приключениями, пережитыми их прадедушками в Вудстоке и штате Пенсильвания. Никто еще не проливал кровь за *эту* землю, не считая Хэмиша, свалившегося с часовой башни, ну и, разумеется, жертв москитов. Так к чему памятники?

Джошуа напугала горячность сограждан, и с тех пор он иногда об этом задумывался, на свой тихий лад. Он пришел к выводу, что вся проблема в идентичности. Возьмем историю. Отцы-основатели Соединенных Штатов по большей части были англичанами... вплоть

до того момента, когда они осознали, что можно ими не быть. Население Черт-Знает-Где по умолчанию считало себя американцами. Но они уже становились ближе к своим соседям в данном конкретном мире – к горсточке поселений в последовательных версиях Европы, Африки и даже Китая, с которыми общались при помощи коротковолнового радио, – нежели к обитателям Базовой Земли. Джошуа с интересом наблюдал за тем, как менялось ощущение национальной принадлежности.

Тем временем отношения с Базовой Америкой становились все менее приятными. Споры шли годами. Юридически выражаясь, несколько лет назад администрация президента Коули – сам Коули незадолго до того добился лишения колонистов всех прав и доходов на Базовой Земле – обнаружила, что из ее рук уплывают значительные налоговые поступления от торговли, которая развивалась как между разнообразными поселениями Долгой Земли, так и между отдаленными мирами и Базовой Землей. Коули объявил: если вы находитесь под эгидой Соединенных Штатов, то есть живете в последовательной версии Америки, на востоке или на западе, неважно как далеко, – вы де-факто являетесь американским гражданином, подчиняетесь американским законам и обязаны платить американские налоги.

Тут-то и возникали вопросы. Налоги? На что? И как их платить? Местная торговля в основном осуществлялась за счет натурального обмена, или при помощи расписок, или с уплатой услугой за услугу. Только на Ближних Землях в игру вступали доллары и центы. И многим налогоплательщикам было нелегко скопить достаточно денег, чтобы удовлетворить упомянутые налоговые запросы.

Но даже если налоги удавалось заплатить, что колонисты получали взамен? Им хватало еды, свежей воды, чистого воздуха, земли. О, земли было много. Что ка-

сается более замысловатых вещей, то десять лет назад поселенцу приходилось возвращаться домой, если он нуждался в чем-нибудь высокотехнологичном, от стоматологии до услуг ветеринара, и платил он, разумеется, долларами. Но теперь даже в Черт-Знает-Где стояла новенькая больница, а ниже по течению, в Твистед-Пик, – ветеринарная клиника, и у тамошнего врача была быстрая лошадь, партнер и ученик. Если человек хотел смотаться в большой город, Вальгалла представляла собой аутентичный палаточный мегаполис, непрерывно растущий в Верхних Меггерах, и там имелись все возможные достижения культуры и техники.

Колонистам всё труднее становилось понять, для чего вообще нужно Базовое правительство – и, следовательно, что они получают, платя налоги, в основном из сумм, вырученных за доставку сырья, которое караваны твенгов непрерывно возили на Базовую Землю. Даже в этом уютном и цивилизованном городке, вдалеке от «мозговых трестов» Вальгаллы, населенной людьми наподобие Джека, отца Хелен, кое-кто призывал окончательно разорвать узы, связывающие поселение со старой Америкой.

Тем временем, после нескольких лет относительного затишья, в ходе недавних контактов с Базовой Землей Джошуа замечал растущую неприязнь федерального правительства к молодым колониям. В Базовой Америке даже поговаривали, что колонисты – это паразиты, пусть даже их оставшееся дома имущество уже давным-давно было конфисковано. Несомненно, Коули мечтал переизбраться в текущем году на новый срок; во время первой гонки за кресло в Белом доме он примкнул к умеренным, сделав этот вынужденный шаг после мэдисонского инцидента, когда большую часть населения спасли от ядерного взрыва, заставив перейти с «нулевого уровня». Некоторые комментаторы подо-

зревали, что Коули вновь склонялся на сторону своих изначальных соратников, «Друзей человечества», рьяных противников переходов. Соединенные Штаты давно уже привыкли подозревать все остальные страны на свете — и теперь подозревали самих себя.

Джошуа, глядя на солнечное небо за окном, вздохнул. Как далеко это может зайти? Было хорошо известно, что Коули при помощи твенов собирается устроить демонстрацию военной мощи на Долгой Земле. В аутернет просачивались мрачные слухи — а может быть, дезинформация — о том, что планировались и более решительные действия.

Стоило ли ждать войны? Большинство войн в прошлом велись из-за земли и богатств, так или иначе. Но благодаря неисчерпаемому изобилию Долгой Земли причина для конфликта исчезла, не так ли? Зато бывали прецеденты, когда репрессивное налогообложение и прочие действия центрального правительства вели к тому, что колонии начинали бороться за независимость...

Бесконечная война?

Джошуа посмотрел на твен, который по-прежнему загадочно висел над городом и ждал его, чтобы вновь унести навстречу приключениям.

Он пошел искать Билла Чамберса, городского секретаря, бухгалтера, лучшего охотника, превосходного повара и потрясающего лжеца, хотя это последнее свойство мало кого заставляло усомниться, когда Чамберс называл себя отдаленным наследником поместья Бларни в Ирландии.

Они были ровесниками и некогда дружили в Приюте, насколько мог завести друзей такой нелюдим, как Джошуа. Несколько лет назад он принял Билла с распростертыми объятиями, когда тот появился в Черт-Знает-Где. Вернувшись из путешествия с Лобсангом,

Джошуа обнаружил, к своему неудовольствию, что стал знаменитостью – тем более что Лобсанг вместе с Салли ушел в тень, оставив Джошуа на виду, – и чаще начал обращаться к людям, которых знал раньше, до того как прославился. К людям, которые были тактичны и ничего от него не требовали.

В некоторых отношениях Билл совсем не изменился. Он всякий раз напоминал о своих ирландских корнях, когда только возникала возможность. И пил больше, чем в юности. Точнее сказать, *еще* больше.

Билл неторопливо шагал к деревянному двору, когда заметил Джошуа.

– Здорово, господин мэр.

– Ага, и тебе привет. Послушай... – и Джошуа рассказал, что ему нужно на Базовую Землю. – Хелен настаивает, что они с Дэном пойдут со мной. Ну... идея неплохая. Но лучше подстраховаться.

– На Базовую, говоришь? Где бандюки, громилы и прочая милая публика? Договорились.

– Утренний Прилив тебя отпустит?

– Сейчас она топит свечное сало во дворе. Я у нее потом спрошу... – Билл кашлянул, и на этом его попытки проявить деликатность закончились. – Кстати, во сколько нам станет проезд?

Джошуа взглянул на ожидавший в небе твен.

– У меня ощущение, что никто из нас за дорогу платить не будет, старик.

Билл присвистнул.

– Неплохо. Тогда я забронирую нам лучшие места. А Хелен, кстати, тебе дала вольную, э?

Джошуа вздохнул. В будущем предстояла еще одна непростая сцена.

– Я об этом позабочусь, Билл. Правда.

Они зашагали дальше вместе.

– Кстати, как там ваш спектакль?

- Кошка сдохла.
 - Неужели так скучно?
 - Нет, у них действительно умер корабельный кот.
- Очень трогательная сцена во втором акте.

5.

Хелен Валиенте, урожденная Грин, хорошо помнила тот момент, когда испортились отношения между Базовой Землей и ее детьми, рассеянными по Долгой Земле.

Она была еще подростком и жила в Перезагрузке, на Западе-101754. Все эти годы Хелен вела дневник, где описывала детство, проведенное в Базовом Мэдисоне, переезд в Мэдисон-Запад-5, а затем путешествие с семьей через сто тысяч миров, чтобы основать новое поселение в пустом мире – поселение, которое они выстроили сами, имея в распоряжении только собственные руки, умы и сердца. А наградой со стороны Базовой Америки – да, они по-прежнему считали себя американцами – стала ненависть. Хелен вспоминала: именно это – даже не болезнь жены – окончательно превратило мягкого Джека Грина из выросшего на Базовой Земле инженера-программиста в сурового колониста и рьяного радикала.

Двенадцать лет назад. Ей тогда было пятнадцать.

Кризис. Молодое поселение под названием Перезагрузка переживало раскол.

Некоторые ушли, чтобы начать еще раз своими силами. Другие вернулись на Сотысячную дожидаться, когда Компания соберет партию для возвращения на Базовую Землю. Сама Хелен больше всего переживала из-за того, что папа не разговаривал с мамой, хотя она и болела.

Виновато было правительство. Колонисты получили письмо, которое робко принес почтальон по имени Билл Ловелл. Американская почтовая служба уже уволила Билла, но он сказал, что будет разносить письма просто так, пока целы ботинки, и поселенцы обещали в уплату его кормить.

Письмо пришло от федерального правительства. Все люди, постоянно живущие в мирах за пределами Запада или Востока номер двадцать и обладающие какими-либо активами на Базовой Земле, лишались упомянутых активов, которые конфисковывались в пользу государства. Поскольку мама лежала больная, отцу пришлось объяснить Хелен, что такое «активы» и «конфисковать». Это значило, что все деньги, которые папа с мамой заработали, прежде чем отправиться на Долгую Землю, и оставили на банковских счетах, чтобы платить, например, за лекарства от рака, за содержание оставшегося дома брата Рода, за колледж, если бы Хелен и ее сестра Кэти однажды захотели бы учиться дальше... все деньги украло правительство. Украло. Так сказал папа. И Хелен не сочла это чересчур резким словом.

Отец сказал, что земная экономика пошатнулась от переходов. Причем еще до того, как Грины ушли. Люди, которые покинули Долгую Землю, представляли собой сплошной отток трудовых ресурсов, тогда как обратно на Базовую поступал лишь тоненький ручеек продуктов и сырья. Оставшиеся злились, что им приходилось содержать бродяг и лодырей, как они называли колонистов. Более того, некоторые вообще не умели переходить, а потому ненавидели тех, кто умел. Например, Род, родной брат Хелен, оставшийся дома. Хелен часто задумывалась, что он чувствует.

Отец сказал:

– Похоже, правительство решило умаслить противников переходов, совершив *воровство*. Во всем виноват этот крикун Коули.

– Ну и что мы теперь будем делать?

– Соберем совет в ратуше, вот что.

Правда, тогда еще у них не было ратуши. Было общественное поле, расчищенное от зарослей и камней, которое они называли ратушей, и именно там собрались поселенцы. «Хорошо, что нет дождя», – подумала Хелен.

Рис Генри, бывший торговец подержанными автомобилями – нечто вроде местного мэра, – председательствовал на собрании, в своей обычной задиристой манере. В руке он держал письмо.

– Ну и что мы намерены делать?

Они не собирались терпеть, дело ясное. Поговаривали о том, чтобы маршем протеста дойти до Базового Вашингтона. Но кто останется кормить кур?

Поселенцы решили составить список вещей, которые по-прежнему доставляли с Базовой Земли. Во-первых, лекарства. Книги, бумага, ручки, электронные приборы, даже предметы роскоши наподобие духов. Делясь, обмениваясь, ремонтируя, они, возможно, смогли бы продержаться с имеющимся запасом, пока события не войдут в колею. Кому-то пришло в голову, что нужно поближе сойтись с соседями. По дюжине ближайших миров было разбросано немало поселений, уже получивших название «округ Нью-Скарсдейл». Колонисты могли помогать друг другу в экстренных случаях, делиться необходимым.

Некоторые задумались о возвращении на Базовую. Мать с ребенком-диабетиком. Люди, которые поняли, что приближающаяся старость плохо сочетается с тяжелым фермерским трудом. Те, кому просто было страшно жить без поддержки правительства, как бы далеко оно ни находилось. Но другие, например отец Хелен, убеждали их не уходить. Поселенцы полагались друг на друга. Они создали спектр взаимодополняющих навыков, которые помогали им выживать, если все

работали сообща. Нельзя же, чтобы поселение, которое они создали, распалось. И так далее.

Рис Генри позволил им говорить, пока все не выдохнулись. Люди разошлись, не придя ни к какому решению.

На следующее утро, впрочем, солнце встало по расписанию, надо было кормить кур и таскать воду. Жизнь продолжалась.

Три месяца спустя.

Кэти, сестра Хелен, перенесла свадьбу на более ранний срок. Они с Гарри Бергрином собирались подождать до следующего года, поскольку хотели построить приличный дом. Все поняли, что они решили пожениться поскорей, пока мама была еще жива и могла на них посмотреть.

Хелен, как и многие девочки, выросла, мечтая о свадьбе как у сказочной принцессы. И вот она увидела свадьбу поселенцев. Получилось иначе, но все равно весело. Гости начали сходитья рано, но Кэти, Гарри и их родственники уже приготовились к приему. Жених и невеста были одеты по-домашнему — никаких белых платьев и смокингов. Впрочем, Кэти носила небольшую изящную вуаль, которую смастерила Хелен из подкладки к старому спортивному костюму.

Постепенно собирались друзья и знакомые извне — из поселков Нью-Скарсдейла и из других, более дальних мест. Гости приносили цветы и угощение к столу, а также кое-какие практичные подарки — столовые приборы, кастрюли, тарелки, кофейники, чайники, сковороды, набор инструментов для очага, чистилку для обуви. Некоторые из этих вещей были сделаны на месте — посуда в гончарне Перезагрузки, железные предметы в кузне. Сложенные кучкой у большого очага в доме Гринов, подарки не особенно впечатляли, но Хелен вскоре поняла,

что, по сути, это именно то, что нужно молодой чете, чтобы обставить свое первое жилище.

Около полудня появился Рис Генри. В довольно щегольской куртке, чистых джинсах, сапогах, при узеньком галстуке, чисто умытый. Хелен знала, что никто в Перезагрузке не воспринимал «мэра Генри» так серьезно, как он сам. Но все-таки в поселке нужен человек, обладающий властью официально скрепить брак – вне зависимости от далекого правительства, – и Генри играл свою роль хорошо. Ну и шевелюра у него была роскошная.

Когда Гарри Бергрин поцеловал невесту и все зааплодировали (а мать невесты держалась за руку мужа, чтобы сфотографироваться стоя), даже у почтальона Билла на глаза навернулись слезы.

Хелен записала в своем дневнике, что это был хороший день.

Еще три месяца спустя.

«2 ребенок у Бетти Доук Хансен. Здрв. млч, 7 ф. Мать б-на, швы, крвтч.»

Хелен устала. Слишком устала, чтобы писать в дневнике дурацкой скорописью, пусть даже теперь им приходилось экономить бумагу.

Роды прошли не так уж плохо. Белла Доук и ее маленькая команда акушеров и учениц, в том числе Хелен, были уже достаточно компетентны в своем деле, хотя тем утром и работали наперегонки со смертью. Хелен пришлось бегать по городу, ища доноров. Они все служили ходячими банками крови друг для друга, но не всегда удавалось найти нужную группу достаточно быстро. «Вот тебе урок, – подумала Хелен. – Составь список групп крови и тех, кто готов поделиться».

Папа ушел рано утром, вскоре после того, как Хелен вернулась. Наверное, на мамину могилу у реки. Маме

всегда нравилось это место. Уже прошел месяц с тех пор, как она умерла от рака, и отца по-прежнему мучила совесть, словно он был в чем-то виноват, словно вызвал опухоль, приведя жену сюда. Хотя, конечно, он был ни при чем, ведь, насколько помнила Хелен, именно мать всегда служила движущей силой – она настояла на том, чтобы покинуть Базовую Землю.

Месяц, который казался длиннее полугода, с тех пор как их отвергло федеральное правительство. «Господи, – подумала Хелен, – а мы по-прежнему здесь, кто бы мог подумать?»

Пришлось учиться быстро. Они гораздо сильнее, чем сознавали, полагались на разнообразные блага с родины. Теперь поселенцы все делали сами. Вязали, варили пиво, лили свечи, готовили суп. Из тыквенной кожуры получался неплохой уксус, а из молотого древесного угля – зубная паста. Стало легче, когда Билл Ловелл принес новый товар – миниатюрные наборы справочников и энциклопедий, а также подшивки «Национальной Америки» начала пятидесятых, полные чертежей паровых машин и практических советов по огромному количеству поводов. Колонисты даже всерьез задумались, что именно стоит выращивать в полях и на огородах, после того как прекратилась поставка витаминных таблеток и в поселке зафиксировали несколько случаев цинги. Цинги!

Они помогали друг другу. Я натаскаю тебе воды, пока у тебя болеет ребенок, а ты покормишь моих кур, когда я буду в отлучке. На все была своего рода неписаная цена, получившая название «фавор» – валюта подвижного достоинства, основанная на взаимных услугах, обменах и долговых расписках. Маме наверняка понравилась бы сама себя регулирующая местная экономика.

Несмотря на суровые предупреждения о том, что случится, когда исчезнет теоретическая защита Базо-

вого правительства, поселок не заволонали толпы бандитов. Конечно, бывали проблемы, например новые волны эмигрантов, которые время от времени приходили с Базовой или с Ближних Земель и пытались осесть в окрестностях Перезагрузки. Юридически ситуация была непростая, потому что свои права на землю колонисты обговорили с федеральным правительством на Базовой Земле, которое вроде бы ими больше не интересовалось. Но мэру Нью-Скарсдейла обычно удавалось спровадить пришельцев, выдав клочок бумаги с подписью, дарующий им землю в пятидесяти или сотне миров дальше на Запад (сделку, как правило, обмывали в таверне в обмен на пригоршню расписок). На Долгой Земле всегда находилось свободное место — столько места, что хватало всем желающим.

Конечно, еду то и дело воровали с полей — и даже из домов (что упрощали переходы). В основном поселенцы смотрели на это сквозь пальцы. Однако события приняли серьезный оборот, когда с поличным застукали парнишку по имени Дуг Коллинсон, пытавшегося утащить бета-блокаторы из аптечки Мелиссы Гаррис, которой прописали сердечные лекарства. Дугу они были не нужны — он собирался их кому-то продать. Хорошие лекарства числились среди самых дорогих вещей в поселке. Мелисса поймала Дуга и догадалась разбить палкой переходник, чтобы он не сумел удрать, прежде чем сбежались соседи. И сейчас Дуг сидел под арестом в погребе, пока старшие решали, что с ним делать. Медленно, из необходимости как-то реагировать на подобные случаи, стало появляться нечто вроде системы для поддержания закона и порядка, сообща с поселениями в соседних мирах.

Постепенно обретала очертания и собственная жизнь Хелен. Папа не раз намекал, что Хелен шестнадцать и пора избрать некий путь. Ну что ж. Она стала

акушеркой, хотя подумывала и о том, чтобы специализироваться – заняться лекарственными травами. Множество растений и грибов, которые они обнаружили на Западе-101754, не росли на Базовой Земле. Она могла стать бродячим торговцем, а может быть, учителем – гуру, который путешествует по мирам со своими знаниями, товарами и уникальными травами. Впрочем, Хелен решила, что еще успеет определиться.

Они жили не в раю. На Долгой Земле можно было потеряться – и потерять себя. Но, возможно, весь свой простор Долгая Земля преподнесла человечеству в качестве финального подарка. Простор, дававший любому шанс жить так, как хочется. Хелен подумала, что ей нравится счастливый компромисс, которого они достигли в Перезагрузке.

Вскоре после этого появился Джошуа Валиенте, который возвращался из далеких миров, ведя за собой на буксире сломанный воздушный корабль и источая романтику Верхних Меггеров – и, да, рядом с ним была Салли Линдси. Хелен, тогда семнадцатилетняя девочка, почувствовала, что ее мир перевернулся. Она ушла вместе с Джошуа, и они поженились и стали создавать очередное молодое поселение.

Базовое правительство тем временем вновь протянуло руку к разбросанным колониям и собрало их под так называемую Эгиду. Внезапно всех обязали платить налоги. Джек Грин, которого недавно письмо и прекращение поставок привели в ярость, еще больше разозлился, когда ему навязали Эгиду. Хелен подумала: в отсутствие мамы он заполнял политикой пустоту в своей жизни.

А появилась Салли, и Джошуа вновь отвлекся на нее.

Ночью, накануне отбытия на твене в Вальгаллу, когда вещи уже были сложены, Хелен не могла заснуть. Она вышла на веранду – на этой прохладной Земле сто-

яла необычайно теплая для марта погода. Хелен посмотрела на твен, висевший на привязи в небе над городком. Со своими боковыми огнями он напоминал модель галактики. Хелен негромко произнесла:

– Были мы веселы, и юны, и умны...

Джошуа вышел к ней, обвил сильными руками талию жены, уткнулся носом в шею Хелен.

– Что это, любимая?

– Одно старое стихотворение. Викторианской поэтессы по имени Мэри Элизабет Кольридж. Боб Йохансон читал его восьмиклассникам.

*Были мы веселы, и юны, и умны,
Но пришли к нам на праздник хмельной
Двое – женщина с Западом в странных очах
И мужчина, к Востоку спиной.*

Правда, цепляет?

– Ни на Востоке, ни на Западе я о тебе не забуду. Обещаю.

Хелен не нашла слов для ответа.

6.

Нельсон Азикиве – преподобный Нельсон, как обращались к нему прихожане в церкви, или просто «преп», как они называли его в пабе, – наблюдал, как пастух Кен ухватил беременную овцу и перебросил через плечо. Для этого требовалась недюжинная сила, с точки зрения Нельсона: овцы у Кена не были легковесами.

Кен зашагал к живой изгороди.

Он сделал еще шаг. И исчез.

И появился через несколько секунд, вытирая руки не слишком чистым полотенцем.

— Ну, пока сойдет. Там пока остались волки, до которых не дошло. Попрошу Теда протянуть еще тысячу ярдов электрического ограждения. Хотите посмотреть, преподобный Нельсон? Вы удивитесь, сколько дел мы там провернули. Совсем рядом.

Нельсон помедлил. Он терпеть не мог тошноту, которая накатывала после перехода. Утверждали, что спустя некоторое время перестаешь ее замечать, и, возможно, так оно и было, по крайней мере для некоторых, но Нельсону каждый переход давался с трудом. Однако следовало вести себя по-добрососедски. В конце концов, позавтракал он давно, и, быть может, удастся обойтись сухими позывами... Нельсон нащупал в кармане рычажок переходника и зажал рот платком.

Когда он немного оправился, то в первую очередь заметил, что в последовательной Англии — в одном шаге от дома — не было тщательно расчищенного поля под ногами, зато прямо за оградой, сложенной из камня, росли лесные деревья. Старые. Гигантские. Упавшие стволы поросли ярким мхом и грибами. Это могло послужить приятным поводом для написания проповеди о силе и тщетности человеческих устремлений. Но Нельсон, которому подходило под шестьдесят, не собирался всю жизнь оставаться священником.

Здесь было светлее, чем дома, и Нельсон взглянул на солнце, которое, казалось, в этот мартовский день стояло в нужном месте... ну, более или менее. Хотя время в последовательных мирах шло примерно с той же скоростью и события, определявшие календарь — закат, рассвет, смена времен года, — случались плюс-минус одновременно, но, если верить последнему выпуску «Природы», некоторые из новых Земель подчинялись не *совсем* одному ритму. Они отставали от ближайших соседей или опережали их на долю секунды, что можно было доказать при помощи тщательных астрономиче-

ских наблюдений, например за покрытиями звезд. Еле заметная, но реальная разница, для которой Нельсон не находил никаких логических объяснений. Никто не знал, как и почему возник этот феномен, — и до сих пор никто его не изучил, поскольку то была лишь одна из множества загадок, порожденных последовательными мирами. Как странно, как причудливо...

Разумеется, Нельсон перестал мыслить как священник, обратившись, хоть и со стыдом, к своему изначальному состоянию — состоянию ученого. Но по всему миру люди — в том числе коллеги Нельсона — уже на протяжении четверти века бросали дома, собирали вещи и отправлялись исследовать великую анфиладу миров, называемую Долгой Землей, и никто не знал, как она работает, хотя бы на самом базовом уровне: как на ней течет время и как эти миры там оказались... а главное, для чего. Ну и как священник должен был реагировать?

Именно это, хоть и косвенно, служило причиной внутреннего беспокойства Нельсона.

К счастью для коз и беременных овец вокруг — и для Джой, молодой пастушьей собаки, которую обучал Кен, — им не приходилось лежать ночью без сна, размышляя о подобных вещах. Искоса поглядывая на Нельсона, животные затрусили прочь. Овцы щипали траву, козы лопали буквально все, что попадалось.

Пастух Кен объяснил Нельсону, что значит Долгая Земля для таких, как он. В последовательной Англии, на Западе и Востоке-1 и 2, фермеры расчищали заросшую лесами землю в масштабах, невиданных со времен каменного века, — и им пришлось заново этому учиться. Сначала вырубаете деревья и употребляете их на что-нибудь полезное, потом выпускаете пастись животных, либо выращенных прямо на месте, либо принесенных по одному с Базовой Земли. Вся молодая поросль падет жертвой овец и коз — таким образом, лес

не вырастет вновь. Зато трава пробьется. Трава умна, говорил Кен. Она выживает даже после того, как ее съедят до основания.

Нельсон неверно судил о Кене, когда впервые встретил этого загорелого, крепкого, молчаливого человека, чьи предки жили среди здешних холмов с тех пор, когда на свете вообще появилась такая штука, как предки. Лишь по чистой случайности Нельсон выяснил, что Кен некогда читал лекции в Батском университете, пока, как и многие другие, вскоре после Дня перехода не переосмыслил свою жизнь и будущее. В случае Кена его будущее лежало на ферме в одном шаге от Базовой Земли.

Кен был типичным представителем британской нации. Опыт освоения Долгой Земли поначалу проходил в Англии болезненно. Эмиграция с перенаселенных Британских островов, особенно из промышленных городов на севере, в Уэльсе и Шотландии, далеких от самодовольной столицы, обрела такие масштабы, что резкое сокращение населения привело к экономическому кризису — и к инфляции. Те годы называли Великим Спадом.

Но затем в последовательных Британиях начала развиваться своя экономика. И последовала вторая волна эмигрантов — более осторожных, практичных, трудолюбивых. К тому времени на Ближних Землях полным ходом шла промышленная революция; казалось, у англичан в крови постройка паровых двигателей и железных дорог. Некоторая доля с трудом обретенных богатств уже начала возвращаться на Базовую Землю.

В дальнейшем, исследуя и колонизируя Долгую Землю, британцы проявили себя дотошными, терпеливыми и осторожными — и достигли заметных успехов. Как Кен.

Но теперь Нельсону предстояло свое путешествие.

Они провели некоторое время, обсуждая состояние стада. Потом Нельсон кашлянул и произнес:

– Знаешь, Кен, мне очень нравится у себя в приходе. Такое мирное место. Хотя внешне вещи меняются, их душа остается прежней. Понимаешь меня?

– Хм.

– Когда я впервые сюда приехал, то часто гулял по холмам. Я видел следы людей, которые здесь жили испокон веков – до того, как Англия стала Англией. На церковном дворе и на военном мемориале я встречаю фамилии, которые повторяются из века в век. Порой кто-нибудь уходил сражаться за короля, которого не знал, в края, где никогда не бывал; иногда он не возвращался домой. Но земля выдержала, понимаешь? Эти места, удаленные от больших городов, остались более или менее неизменными после великих потрясений со Дня перехода. Наверное, здешним жителям было очень тяжело уходить. И мне будет нелегко.

– Вам, преподобный?

– Ты первый, кому я говорю. Я поговорил с епископом, и он разрешил мне уйти, как только приедет мой преемник... – Нельсон обвел взглядом стада. – Посмотри на них. Они пасутся, как будто им предстоит целая вечность, и вполне счастливы.

– Но вы-то не овца, преподобный.

– Да. На самом деле изрядный кусок жизни я был ученым – и принес обет иного рода, нежели тот, которому подчиняюсь сейчас. Хотя, должен признать, в голове у меня они почти нераздельны. Короче говоря, мне нужна новая цель – цель, которая больше соответствует моим способностям и моему прошлому, уж прости эту нескромность.

– Вы меня и за большее прощали, преподобный.

– Может быть, да, а может быть, нет. Ну, если ты закончил, разреши угостить тебя пинтой в пабе. А потом мне нужно кое-кому позвонить.

Кен ответил:

– Пинта – это прекрасно.

Он свистнул.

– Джой! Сюда, девочка.

Собака примчалась на зов, виляя хвостом, и прыгнула в сильные объятия Кена, как привыкла, чтобы хозяин мог отнести ее обратно на Базовую Землю. Ужин в миске Джой регулярно появлялся в совсем ином уголке множественной вселенной, но собаку это совершенно не заботило, лишь бы хозяин не забывал ей свистнуть.

7.

Нельсон знал: рассказать Кену такие новости – все равно что нанять рекламного агента. Ну, что сделано, то сделано.

Вернувшись домой, он сделал несколько последних звонков – признаваясь, извиняясь, принимая поздравления. А потом с облегчением перезагрузил компьютер, откинулся на спинку кресла и стал наблюдать, как загораются многочисленные экраны. «Параметры поиска. Первое. Возвращение воздушного корабля «Марк Твен». Второе. Лобсанг. Дополнительно: информация из СМИ за последние двадцать четыре часа, с уклоном в актуальные проблемы, учесть бритву Оккама...»

Диапазон частот здесь был кошмарным, но только не для Нельсона. Человек с таким прошлым – а он некогда работал на Корпорацию Блэка, пусть и не напрямую – обзаводился множеством контактов в разных полезных местах. Рука руку моет. Не далее чем в прошлом году рядом с кладбищем приземлился черный вертолет, и группа техников, ступив на приходскую землю, обеспечила Нельсону доступ к любому количеству спутниковой информации – включая каналы, очень мало кому известные, – а главное, средства для ее расшифровки.

Покончив с последними новостями, Нельсон отправился на кухню. Исследования вроде тех, что он начал, никогда не бывают быстрыми, и, пока его программные агенты бороздили сеть, он разогрел себе карри в микроволновке.

И задумался – как часто делал – о предыдущих обитателях этого домика. Электроника в кабинете – телефон, лэптоп, планшет – была более или менее современной, хотя, по большей части, не удивила бы пользователя десять-двадцать лет назад. К этому аргументу прибегали некоторые критики, не одобрявшие эмиграцию. Потребности оказывают давление на людей; необходимо голодать, чтобы что-нибудь изобрести, и жить в окружении конкурентов, чтобы стремиться к новым вершинам. А на Долгой Земле, где было легко наполнить брюхо, изобретения прекратились. И все же никто из предшественников Нельсона, даже из самых недавних, не обладал таким доступом к технологиям, неважно, устаревшим или нет.

Причем Нельсон, как и они, не смог заставить древний сортир работать как положено. Нельсону нравилась эта мысль – она возвращала его к реальности.

Закончив с готовкой, он вернулся в кабинет – поиск еще шел – и за едой зашел в «Мастер-викторину». Это был малоизвестный чат, доступ в который получали только по личному приглашению – а приглашение представляло собой череду заданий. Нельсон, заинтригованный головоломкой, которую ему прислали без всяких комментариев, однажды, несколько недель назад, после вечерни занялся ею, потратив на разгадку двадцать семь минут. В награду ему прислали еще одну, такую же дьявольски запутанную. В течение нескольких следующих дней задачи возникали одна за другой. Нельсона впечатляли вопросы, которые требовали не только познаний в самых разных областях, но также

и умения пользоваться этими познаниями наперегонки со временем, привлекая множество дисциплин и антидисциплин... В сфере умников и чудаков, в погоне за ускользающим и странным, сильнейший интеллект, как понял Нельсон, ничего не стоил без способности быстро аккумулировать знания, без интуиции и бесконечного интереса к странному и из ряда вон выдающемуся. Именно таких людей, судя по всему, и отбирала «Мастер-викторина».

На седьмой день Нельсона впустили в чат. Тогда впервые он узнал его название. На первый взгляд «Мастер-викторина» выглядела как самый обычный чат, за одним исключением: все участники знали, что они в некотором смысле – избранные, и это придавало происходящему особый оттенок. Самозваная элита интеллектуального мира – и притом очень полезная, если навести ее на цель.

То и дело разговоры в чате возвращались к монополии, известной как Корпорация Блэка, которую участники по большей части терпеть не могли. И это, разумеется, само по себе было загадкой.

Когда Нельсон выходил в сеть или, точнее, в сети, то встречал в киберпространстве множество людей, которые испытывали непреодолимое отвращение к черным вертолетам, правительству, частому мытью, а главное – секретам, и в довершение всего истово ненавидели Корпорацию Блэка. Что было довольно странно, если подумать, поскольку продукция Блэка более или менее поддерживала саму инфраструктуру интеллектуальных чатов. Разумеется, они всегда полнились домыслами, слухами и откровенным враньем о том, что происходило в суперсекретных лабораториях Корпорации.

Да, все знали историю Блэка, некоторые эпизоды которой стали, с точки зрения Нельсона, известны не хуже, чем история Рождества Христова. В своем роде

это был классический американский сюжет. В начале девяностых Дуглас Блэк, которому не исполнилось и тридцати, и его сподвижники открыли «маленькую компьютерную фирму» на нефтяные деньги, которые оставил Блэку покойный дедушка. С самого начала продукция фирмы включала такие востребованные клиентами вещи, как компьютеры с мощными аккумуляторами и свободный от багов софт. Машины, которые были партнерами человека, а не средствами для выкачивания денег и не рекламой каких-то будущих усовершенствованных моделей. Машины, которые казались совершенными. И с самого начала Блэк начал жертвовать деньги в разные благотворительные фонды по всему миру, включая учебную программу в Южной Африке, в которой принял участие и сам Нельсон.

Со временем продукция Блэка поднялась на новую высоту и начала заметно прогрессировать. Блэк получил множество наград за свою интеллектуальную смелость, насколько знал Нельсон. В конце концов, он ведь стал основателем «интуиционной лаборатории». Теория гласила: поскольку множество важных научных открытий были сделаны по чистой случайности, значит, процесс можно ускорить, если создать ситуацию, в которой совершается очень большое количество случайностей, и внимательно наблюдать за результатами. Если верить легенде, Блэк даже сознательно брал на работу людей, которые не вполне сознавали, что делали, или обладали плохой памятью, или отличались врожденной невезучестью и безалаберностью. Идея, конечно, была бредовая. Хотя Блэк принял кое-какие меры предосторожности — в частности, выстроил свою лабораторию так, как обычно строят фабрики взрывчатых веществ.

Инновации Блэка обеспечили ему гигантские цифры продаж, любовь публики и массовую атаку врагов, которых он мгновенно нажил. Почтенные компании,

которым он доставлял неприятности и чьи доходы свел почти к нулю, обвиняли его в чем попало, от монополистских замашек до недостатка патриотизма. Но публика не проглотила наживку — напротив, люди продолжали покупать изящную продукцию Блэка. И, несомненно, влюблялись в самого Блэка — героя, гордого авантюриста, который показывал нос старым, отстающим от времени фирмам, вкладывая огромные суммы во внушительные, сверхзатратные, безумные проекты наподобие подводных домов и прыжков на орбиту и в то же время рассыпая вокруг благодеяния и добрые дела, на которые уходили умопомрачительные деньги.

Боги воистину улыбнулись Блэку, когда результаты эксперимента, целью которого было найти новый тип хирургического пластика, перегрелись на солнце и превратились в «гель», как его впоследствии называли, — занятное квазиорганическое вещество, обладающее самоорганизующейся и самовосстанавливающейся бионейронной схемой, достаточно разумное, чтобы физически приспособиться к обстоятельствам, в которых оно оказывалось. После первых опытов газеты называли это вещество «разумным пластырем», но вскоре оказалось, что в нем кроется нечто большее и гораздо более смышленное. Гель — самокорректирующееся и пластичное средство хранения и переработки информации — во всех своих формах стал основой продукции Блэка. Появились новые товары — и новые представления о товарах. Множество конкурентов Блэка вообще сошли со сцены.

И тогда правительство насторожилось. Блэк был попросту слишком богат и влиятелен, а также слишком щедр и популярен, чтобы его терпеть. Правительство Соединенных Штатов попыталось взять действия Блэка под контроль, прикрываясь различными фигурными листками вроде национальных интересов, или, по

крайней мере, развалить его империю. Говорили про суверенное право государства, про милитаризацию предприятий Блэка.

Но он поспешно принялся вкладывать средства в проекты, как будто не имевшие ничего общего с обороной и безопасностью, например в медицину. Внезапно корпорация принялась опекать обделенных членов общества, позволяя немым говорить, а хромым ходить. Люди начинали видеть, слышать, передвигаться, бегать, плавать, даже жонглировать благодаря протезам, имплантам и прочей продукции, выпускаемой Корпорацией Блэка и ее филиалами. С таким послушным списком Блэк мог спокойно утверждать, что административные гонения не имели под собой никаких национальных интересов; правительство просто преследовало крупный капитал и, о ужас, склонялось к социализму.

Блэк сделал еще более широкий жест, когда – почти десять лет назад – через посредство международного синдиката промышленников практически подарил ООН, мировым правительствам и людям на новых землях технологию производства твенов. Твены, которые курсировали в пределах американской Эгиды – полицейские и военные корабли, как и коммерческие, – сплошь были произведены Корпорацией Блэка и построены по себестоимости. Более того, синдикат основал новые благотворительные фонды, и Блэк в очередной раз стал героем.

Невзирая на все это, тем не менее имя Дугласа Блэка для многих в аутернете было ругательным.

Нельсон тщетно искал разумные причины и не нашел ни одной. Среди любителей изливать желчь в сети не было тех, кто затаил на Блэка личную обиду; никто, к примеру, не работал в конкурирующих компаниях – и, следовательно, их карьере ничто не грозило. Едва ли не самое страшное, что можно было сказать о Дугласе

Блэке как о человеке, так это назвать его трудоголиком, который работал что есть сил и требовал того же от подчиненных. Возможно, потому-то он и не пользовался популярностью. В сети ходила легенда, что интуиционная лаборатория Блэка стояла даже за изобретением переходника, который положил начало Долгой Земле. Блэк чем-то разозлил изобретателя, и схема переходника сделалась всеобщим достоянием, взбудоражив человечество, — но никто не заработал на этом ни пенса, во всяком случае напрямую.

Тайн было много. И Блэка ненавидели.

Люди, скрывающиеся за разнообразными псевдонимами, которые попадались Нельсону на глаза в «Мастер-викторине», отличались умом. Что было неудивительно, учитывая высокую планку, установленную для входа в чат. Иногда казалось, что членство в «Менсе»¹ дает не более чем право виртуально подносить кофе на этом сборище. Участники «Мастер-викторины» были неглупы, о нет. Но...

Нельсон встречал различных людей на своем жизненном пути и думал, что хотя бы некоторых из них способен разгадать. Эти мужчины и женщины были умны, по-настоящему умны. Но в некоторых, даже через безличное пространство чата, он ощущал нечто темное и потаенное. Нечто, выдаваемое случайным комментарием или нетривиальным оборотом фразы. Зависть. Или параноидальные подозрения. Недоброжелательство и холодную ненависть — чувство, которое нуждалось в отдушине, в *любой* отдушине. Человек наподобие Блэка, который был общественным деятелем, а потому объектом либо зависти, либо подозрений (ведь совершенства не бывает), становился идеальной

¹ «Менса» — международный интеллектуальный клуб, для вступления в который нужно получить максимально высокие баллы при сдаче стандартных тестов.

мишенью. Это настроение редко выходило наружу, но бросалось в глаза тем, кто умел наблюдать.

Особенно если наблюдатель вырос в Южной Африке и еще не забыл детских впечатлений.

В любом случае, что бы ни думали остальные про Блэка, Нельсону нравилась Корпорация во всех своих чудесных и многообразных проявлениях. В особенности ему нравились загадки, которые возникали в связи с различной деятельностью Корпорации, — и он мог их разгадывать.

Например, бесцельно скользя по периферии информационного облака, которое окружало Блэка, Нельсон заметил, как часто упоминают некий «Проект “Лобсанг”». Но при любом поиске он заходил в тупик, ссылки никуда не вели. Лобсанг. Это слово означало по-тибетски «большой мозг», а значит, кто-то в Корпорации Блэка обладал не только чувством юмора, но и некоторыми способностями к языкам. Но Лобсанг было также и именем собственным, и постепенно Нельсон начал представлять Лобсанга в виде живого существа. Существа, которое можно было выследить.

И теперь Нельсон, сидя в одиночестве в своем холодном доме, перед восемью экранами — окнами в мир, — улыбался. Поиски внезапно принесли плоды.

На одном из экранов появилось изображение воздушного корабля «Марк Твен», довольно потрепанного после знаменитого ныне путешествия, — его на буксире притащили туда, где прежде располагался Мэдисон, десять лет назад стертый с лица земли взрывом ядерной бомбы. Корабль привели Джошуа Валиенте и некая молодая женщина, которую никто, насколько знал Нельсон, не смог впоследствии опознать.

Нельсон был практически уверен, что видел все трофеи, которые Джошуа Валиенте привез из своего необыкновенного путешествия на «Марке Твене». Корпора-

ция сделала типичный для Дугласа Блэка жест и отдала годзиллабайты данных, собранных в ходе экспедиции, в распоряжение изъявивших желание университетов, для открытого публичного доступа и изучения. Годзиллабайты. Нельсону подсознательно не нравилось слово «петабайт», общепринятый термин для особенно больших объемов информации. Слову, которое напоминает нежный укус котенка, просто недостает отваги, чтобы соответствовать назначению. Годзиллабайты, с другой стороны, громко объявляли миру, что имеют дело с чем-то очень, очень большим... и, возможно, опасным.

Нельсон видел этот клип – и его варианты с других камер, под другим углом – уже много раз и гадал, отчего наткнулся на него теперь. Глядя на картинку, он обнаружил, что поспешная любительская съемка запечатлела Валиенте, который в санобработочном лагере на Западе-1 нес под мышкой кошку. Какой-то зевака за пределами кадра расхохотался и сказал: «Ух ты, корабельный кот». И кто-то, наверное неизвестная спутница Валиенте – хотя ее тоже не было видно, – ответил: «Да, умник, он еще и по-тибетски говорит».

Только очень внимательный слушатель мог разобрать эти бессмысленные слова. Но поискав, несомненно, ухватился за слово «по-тибетски» – дополнительный параметр поиска по имени «Лобсанг». Потому-то этот эпизод замысловатой саги о приключениях «Марка Твена» и выплыл на поверхность, требуя внимания Нельсона.

Что имела в виду женщина? Зачем упоминать Тибет в такой неподходящей ситуации? Нельсон пока что понятия не имел, к чему все клонится. Но он нащупал связь между одним из самых знаменитых проектов Блэка – путешествием на «Марке Твене» – и одним из самых малоизвестных, а именно Лобсангом, воплощенным в единственном слове.

Разумеется, полное отсутствие каких-либо других ссылок само по себе было подозрительно.

Сейчас он не мог больше ничего выяснить; Нельсон обнаружил только то, что уже знал и так. Он зевнул, моргнул и свернул экраны. Он не сомневался, что тут какая-то тайна, и ощутил приятный холодок предвкушения при мысли о том, что пойдет по следу дальше. Именно поэтому Нельсон отказывался от приходских обязанностей — чтобы, пока он располагал ресурсами и силой, двинуться по следу, куда бы тот ни привел.

Но, разумеется, всеобъемлющая загадка, которая не давала ему покоя в первую очередь, заключалась в проблеме переходов как таковых — во внезапном открытии Долгой Земли, куда совершили прославленное путешествие на воздушном корабле Джошуа Валиенте, его ехидная спутница и, очевидно, кошка, умеющая говорить по-тибетски. В кардинальных изменениях вселенной, которые Нельсон застал на своем веку. Разумеется, он был заинтригован. Что это сулило для человечества, для будущего... и для Бога? Он не мог не задаться таким вопросом.

Наилучшей стратегией было поначалу браться за тайны поменьше. И вот, прежде чем лечь спать, воодушевленный Нельсон надел фартук, схватил ящик с инструментами и отправился в уборную. Она представляла собой массивное строение с каменным полом и поручнями возле унитаза. Отличный был бы сортир, если бы за все эти годы кто-нибудь сумел его наладить. Работал он как угодно, только не так, как надо. Нельсон поклялся до отъезда привести уборную в порядок, и потому он с особенным тщанием пытался выяснить, отчего унитаз неизменно засорялся при восточном ветре.

«Честно говоря, — подумал Нельсон, стоя на коленях перед потрескавшимся фаянсовым сидалищем, как перед языческим идолом, — просто диву даешься, с чем готовы мириться англичане».

8.

Итак, семья Валиенте отправилась в Верхние Меггеры, в Вальгаллу, чтобы оттуда пуститься в дальнее путешествие на Базовую Землю. Полет на твене через три сотни миров занял всего лишь несколько часов.

В Вальгалле их встретил Томас Куангу с большим самодельным плакатом с надписью «Валиенте». Еще один старый приятель Джошуа. Томасу подходило под пятьдесят, длинные черные волосы он стягивал в хвост, а смуглое красивое лицо озаряла широкая улыбка. Он говорил с ощутимым австралийским акцентом.

— Добро пожаловать, клан Валиенте, добро пожаловать на Землю номер один миллион четыреста тысяч. Ну, официально четыреста тысяч тринадцать, поскольку наши отцы-основатели добирались сюда, будучи под кайфом, и сбились со счета, но для красоты мы обычно округляем. Рад тебя видеть, Джошуа.

Джошуа улыбнулся и пожал ему руку. Томас нагнулся, чтобы помочь донести вещи.

Еще не вполне придя в себя, слегка пьяные от лекарства, снимавшего тошноту, они стояли на бетонной площадке под выпуклым корпусом корабля — Джошуа, Хелен, Дэн и Билл Чамберс, с грудой багажа в ногах. Джошуа показалось, что сходявшие с твена пассажиры терялись на просторах аэродрома.

А за ним расстился город Вальгалла — группы массивных зданий под синим небом, слегка затянутым смогом. Слышался шум транспорта, ревели и лязгали машины на стройках. Здесь было тепло — теплее, чем в Черт-Знает-Где, но тем не менее за запахом горячего гудрона и бензина в этом новом городе Джошуа ощущал соленый аромат близкого Американского моря, совсем как он помнил его со времен своего первого визита, десять лет назад.

Над головами скользнуло что-то массивное, гудя и вздымая вихрь, — еще один твен, большой, грузовой, отправлялся в обычный транзитный маршрут к Ближним Землям и Базовой. Главная функция Вальгаллы заключалась в том, что она служила транспортным узлом, конечной станцией для бесчисленных воздушных кораблей, которые курсировали по миллиону миров с грузами и пассажирами. Не случайно Вальгалла возникла в том месте, которое в большинстве последовательных Америк лежало в районе Миссисипи: на твенах грузы возили между мирами, а по реке сплавляли в пределах одной Земли.

Дэниэл Родни Валиенте, восьми лет от роду, никогда еще не видел кораблей такого размера. Он восторженно запрыгал.

— Мы покатаемся на такой штуке, па?

— Да, скоро, сынок.

— А вот и Салли Линдси, — сказала Хелен. — Какой сюрприз.

— Перестань, — негромко попросил Джошуа. — Я ведь сам договорился с ней здесь встретиться.

Салли была одета как обычно, в походную безрукавку с бесчисленными карманами, и несла с собой легкую кожаную сумку.

— Сколько шума, — сказала она, подходя, и драматическим жестом приложила ладони к ушам. — Повсюду шум. Нас нужно звать Ното clamorans. Человек шумливый.

Хелен без улыбки взглянула на нее.

— Путешествуешь с нами? Великий странник согласился лететь на коммерческом твене?

— Ну, мы все едем в одну сторону. Почему бы и не возобновить знакомство? Можем обменяться рецептами мороженого.

Джошуа схватил жену за руку, на тот случай, если ей вдруг вздумается закатить Салли оплеуху.

Улыбка Томаса, наблюдавшего за этой немой сценой, слегка остекленела.

– Та-ак... чую напряжение в воздухе.

– Тут всё сложно. Лучше не спрашивай, – буркнул Билл.

– А это что за тип? – резко поинтересовалась Салли.

– Томас Куангу, – сказал Джошуа. – Он мой давний друг.

– Вы меня не знаете, мисс Линдси, зато я слышал о вас от Джошуа.

– О боже. Поклонник.

Хелен шагнула вперед.

– Мы еще не знакомы толком, мистер Куангу. Я Хелен Валиенте, урожденная Грин...

– Та самая. Ну конечно, – Томас пожал ей руку.

– «Та самая»? – Салли рассмеялась.

– Вещи все здесь? У меня тут машина неподалеку. Джошуа заблаговременно послал мне сообщение, и я заказал для вас номера в отеле...

Пока они шагали по бетонной площадке, в толпе прочих пассажиров, Томас сказал:

– Не вините жителя Вальгаллы за то, что он внимательно изучил подвиги Джошуа, мисс Линдси.

– Он женат, – строго заметила Хелен. – И больше никаких «подвигов» не будет, если только я смогу этому помешать.

– Да, но все-таки во время Того Самого Путешествия он открыл Пояс Вальгаллы. Пачку Северных Америк с богатыми внутренними морями. Самое то для колонизации.

– Открыл? – огрызнулась Салли. – Если не ошибаюсь, я тут побывала первой.

Они дошли до машины — низкого открытого электромобиля с восемью пластмассовыми сиденьями.

— Ну, запрыгивайте.

Машина отъехала.

— Мы с Томасом старые друзья, — сказал Джошуа, то ли объясняя, то ли извиняясь.

— То есть он странствует уже давно? — уточнила Салли.

— Мы встретились в Верхних Меггерах, много лет назад... у нас обоих был творческий отпуск, хотя Томас называет их «походами». Мы вроде как родственные души. Узнав, что он здесь, в Вальгалле, я попросил его помочь.

Хелен сказала:

— Спасибо, мистер Куангу. Но чем же вы занимаетесь в остальное время?

— Посмотри на него, — вмешалась Салли. — Разве не понятно? Глянь, как он одет. Он стригаль. Профессиональный бродяга.

— Ну, более или менее, — через плечо отозвался Томас. — Я вырос в Австралии, и бродяги меня всегда зачаровывали. Многие мои родственники сами ушли бродить по последовательным мирам. И меня интригуют прирожденные путники — такие, как вы и Джошуа. Феномен в целом. Хотя сам я не из их числа. Еще мне интересно, какой облик приобретет человеческая цивилизация благодаря Долгой Земле. Ведь пока что со Дня перехода сменилось лишь одно поколение. Мы в самом начале пути. Кстати, я поучаствовал в разработке образа Вальгаллы. Города как такового.

— Разработка образа! — фыркнула Салли.

Томас не смутился.

— Самый чистый способ жизни на Долгой Земле — быть стригалем. Бродить можно в одиночку, семьей или компанией единомышленников... стригали просто идут,

срывая плоды, которые висят пониже. Долгая Земля так богата, что нет нужды делать что-либо еще. Но суть Вальгаллы в том, что это – город, настоящий город, со всеми основными чертами крупного человеческого сообщества, как на Базовой, однако опорой для него служат стригали...

Они въехали в плотно застроенный район, и Джошуа заметил табличку «Центр 4». Здания из кирпича, бетона и дерева, стоявшие растянутыми группами, были невысокими, приземистыми, массивными. Типичная колониальная архитектура. Центр города был совершенно в духе Верхних Меггеров – просторный, больше похожий на пригородный супермаркет на Базовой Земле. На широких улицах кое-где попадался транспорт, в основном на конной тяге, и пешеходы – большинство с переходниками. В Вальгалле не задерживались надолго.

Но, несомненно, в городе происходила какая-то политическая жизнь. На огромных пустых стенах кое-где висели плакаты и красовались надписи.

ПОДДЕРЖИМ МЕСТНЫЙ КОНГРЕСС НИКАКИХ БАЗОВЫХ НАЛОГОВ! ДОЛОЙ КОУЛИ И ГЕНОЦИД

Томас продолжал рассуждать про стригалей и городá.

– Я написал книжку, – сказал он. – «Стригали и новая теория цивилизации».

Хелен нахмурилась.

– Книжку? Кто теперь читает книжки?! По крайней мере, новые.

Томас, продолжая рулить одной рукой, постучал себя по лбу.

– Она здесь. Я путешествую по мирам и устраиваю лекции.

– Джонни Шекспир, – пренебрежительно сказала Салли.

Машина остановилась перед четырехэтажным зданием с длинным фасадом. Томас сказал:

– Ну вот. «Залатанный барабан», лучший отель в Вальгалле. Номера заказаны на три недели, если вдруг понадобится.

Салли нахмурилась.

– Так долго? Зачем? Мы приехали, просто чтобы сесть на твен, идущий к Базовой.

– Салли, – мягко произнес Джошуа, – мы с Хелен приехали, чтобы подыскать школу для Дэна.

У Дэна отвалилась челюсть.

– Вы отправите меня сюда?

Хелен гневно уставилась на мужа.

– Отличный способ сообщать новости.

– Извини.

Хелен похлопала сына по руке.

– В Вальгалле лучшие школы в Верхних Меггерах, Дэн. Будет весело. И ты узнаешь много нового, чему никогда не научишься в Черт-Знает-Где. Но если ты не хочешь уезжать...

Дэн нахмурился.

– Я не маленький, ма. А здесь учат водить твены?

Джошуа рассмеялся и взъерошил мальчику волосы.

– Ты можешь научиться чему угодно, парень. В том-то и дело.

Хелен повернулась к Салли.

– А еще мне нужно повидать отца.

Томас кивнул.

– Джек Грин! Еще один современный герой. Основатель движения «Дети свободы», ныне организатор конгресса, который привлек делегатов из тысяч населенных Америк...

– И одна сплошная проблема, – подытожила Хелен.

– Мы не договаривались, что зависнем здесь, – огрызнулась Салли. – Почему ты меня не предупредил?

Джошуа пожал плечами.

– Ты не стала ждать, пока с тобой посоветуются. И потом, как бы ты отреагировала? Именно так, правда? Салли взяла свою сумку.

– Я ухожу.

И исчезла с легким щелчком.

Томас вздохнул.

– Какая женщина. Надеюсь, она даст мне автограф. Пошли, надо зарегистрироваться.

9.

Утром Билл вышел, чтобы «немного пошляться в одиночку», как он выразился. Джошуа заставил приятеля взять с собой мобильник – чтобы прислать за ним машину, когда он станет «недееспособен».

Билл ушел, как раз когда появился Томас, чтобы отвезти Джошуа, Хелен и Дэна в школу. Она находилась в районе под названием Центр 7, в другой части замысловато спроектированного города. Поэтому они вновь забрались в автомобильчик Томаса и поехали.

Вальгалла заметно выросла с тех пор, как Джошуа побывал тут в последний раз. Начавшись с чистого листа, она всегда позиционировала себя как нечто большее, нежели просто город. Даже в своей базовой планировке она выглядела притягательно оригинальной: Вальгаллу составляли шестиугольные кварталы, которые тянулись по южному побережью здешней версии Американского моря, вдаваясь в девственный лес. Многие дома были покрыты светопоглощающей краской, а кое-где на крышах густо росли растения, служа еще одним – естественным – слоем кровли.

Там, где открывался вид на север, виднелось море, похожее на серебристую равнину. Береговая линия

здесь лежала примерно на той же долготе, что в Базовом Чикаго. На побережье город показался Джошуа старше — это было эхо старинной Америки, воспоминания о ее морском прошлом. Там стоял настоящий порт, в основном застроенный деревянными зданиями, складами, верфями; Джошуа увидел даже нечто вроде рыбацкой часовни и предположил, что там уже наверняка есть мемориальные таблички в память о тех, кто погиб в здешнем море. Ни могил, ни костей... Дальше тянулись причалы, стапеля, молы. В море маячили серые тени кораблей, одни с механическими моторами, другие с угольными топками, и многие — под парусами, точь-в-точь реконструкции или музейные экспонаты.

Моряки исследовали новый океан, ловили рыбу, ставили ловушки. Они охотились на ужасных морских рептилий, похожих на плезиозавров, и украшали лодки гигантскими челюстями и позвонками. Как китобои XVIII–XIX веков на Базовой Земле, здешние мореплаватели изучали свои миры пристально, намного превосходя ученых и соединяя воедино разбросанные поселения на берегах Американских океанов. Они не были китобоями, в отсутствие китов, но Джошуа подумал, что нужно однажды урвать время и исследовать все это с Дэном, а заодно поговорить про «Моби Дика».

И всякий раз, когда проглядывал дальний край города, путешественники видели нечто очень странное. Последние пригороды, с многочисленными фабриками и кузнями, просто заканчивались, упираясь в вырубку или частично осушенные топи. Ни лугов, ни пастбищ, ни возделанных полей за пределами городской черты. Вальгалла обходилась без прилегающих фермерских районов.

Джошуа знал теорию Вальгаллы. Это отчасти был ответ нынешнего поколения на вызов, брошенный бесконечными просторами Долгой Земли. В День перехода

человечество (ну или большая его часть, которая, в отличие от Салли и ее семьи, пребывала в неведении) начало распространяться по внезапно расширившейся Земле, диаметром в восемь тысяч миль и с такой площадью поверхности, что сфера Дайсона рядом с ней казалась шариком для пинг-понга. Как они там жили – зависело от предпочтений, образования и инстинктов. Одни мотались туда-сюда между Базовой и Ближними Землями, ища чуть больше свободного места или новых способов подзаработать. Другие, как Грины, отправлялись в дальнюю глушь и основывали новые поселения – такова была история колониальной Америки, на сей раз развертывающаяся на бесконечном фронтире. А третьи просто брели куда глаза глядят, подкрепляясь неистощимыми богатствами Долгой Земли. Их называли стригалими.

Все шло неплохо – пока не требовалось удалить зубной нерв. Или починить электронную читалку. Или человек мечтал, чтобы его дети научились не только пахать поле и ловить силками кроликов. Или из-за москитов у него началась лихорадка. Или, черт возьми, просто хотелось пройтись по магазинам. И некоторые возвращались на Базовую – или в густо населенные Верхние Земли.

Вальгалла была еще одним вариантом – новенький, с иголочки, город, выросший в Верхних Меггерах, в недрах Долгой Земли, однако в ином стиле. Вальгаллу поддерживали не фермеры, а стригали. Такие прецеденты бывали и в человеческой истории на Базовой Земле. Со временем популяции охотников и собирателей вполне могли совершить что-нибудь выдающееся и перейти на уровень высокоразвитого общества. В Уотсон-Брейк, штат Луизиана, пять тысяч лет назад бродячие американские племена выстроили внушительные земляные укрепления. Вальгалла просто подняла этот образ жизни на новый, современный, сознательный уровень.

Так или иначе, именно о теории Вальгаллы Жак Монтекьют, директор школы, решил поговорить, когда пригласил Дэна и его семью к себе в кабинет для ознакомительной беседы.

– Основной принцип Вальгаллы – это баланс, – сказал Монтекьют.

Ему было около тридцати; стройный, капельку суровый, он говорил с акцентом, который Джошуа назвал бы французским, но в нем звучали удивительно знакомые нотки... и фамилия тоже казалась знакомой. Монтекьют...

В кабинете находился еще один ребенок кроме Дэна. Смуглая неулыбчивая девочка лет пятнадцати по имени Роберта Голдинг.

– Большинство наших взрослых граждан сами предпочли оставить старый мир и прежний образ жизни. Им нужно то, что может дать большой город, но они пришли на Долгую Землю не за тем, чтобы изнурять себя полевыми работами или жить в трущобе во имя городской экономики. Наш город существует без всего этого... – он ободряюще улыбнулся Дэну. – Ты понимаешь, каким образом мы живем без фермеров, которые выращивают еду?

Мальчик пожал худенькими плечами.

– Может, вы ее воруете.

Хелен вздохнула.

Роберта Голдинг заговорила – впервые после знакомства:

– Вальгалла – это город, который поддерживают стригали. Охотники и собиратели. Логика элементарная. Интенсивное земледелие может прокормить на несколько порядков больше людей, живущих на одном акре площади, чем охота и собирательство. В отдельно взятом мире сообщество стригалей, даже если природ-

ных ресурсов достаточно, неизбежно рассеется, распадется, и концентрация населения, необходимая для создания города, будет невозможна. А здесь стригали могут рассредоточиться если не географически, то по множеству последовательных миров – по сотне Вальгалл, оставленных в первобытном состоянии, – она изобразила руками что-то вроде сэндвича и улыбнулась. – Наш город – результат наслоения миров, каждый из которых слегка возделан. Вместо интенсивной культивации – интенсивное собирательство, уникальное урбанистическое решение, возникшее после Дня перехода.

Джошуа показалось, что девочка словно читает по учебнику.

– А ты отлично подготовилась, – заметила Хелен, словно обвиняя Роберту в неискренности.

– Очень хорошо, Роберта, – сказал Монтекьют. – Ну и, конечно, здорово, что в географическом смысле мы живем в таком богатом месте, на берегу изобильного моря...

Джошуа щелкнул пальцами.

– Мягкая Посадка. Вот что. Вы с Мягкой Посадки. Вы оба. Я узнал ваш акцент, мистер Монтекьют, и вспомнил фамилию. Если не ошибаюсь, я некогда встречал вашу бабушку.

Тот, казалось, слегка смутился, но тут же улыбнулся.

– Китти? На самом деле это моя прабабка. Она часто вспоминала, как познакомилась с вами, мистер Валиенте, много лет назад. Да, я с так называемой Мягкой Посадки. И Роберта тоже.

– Мягкая Посадка... – негромко повторила Хелен. – Так ее назвала Салли Линдси, если не ошибаюсь? И название пристало. Говорят, все дети там невероятно умны... – она неуверенно взглянула на Дэна, который пытался завязать ноги в узел.

– Хорошо, что ты встретил однокашницу, Дэн, – сказал Джошуа.

– Только я здесь долго не пробуду, – ответила Роберта, достаточно вежливо, но прямо. – Меня пригласили в экспедицию на Восток-20 000 000.

Джошуа вытаращился на нее.

– К китайцам?

Монтекьют улыбнулся.

– И меня тоже, – признал он. – Хотя я там буду просто наблюдателем. Роберта выиграла нечто вроде стипендии. Жест доброй воли между Базовым американским правительством и новым китайским режимом. Но это все так, между прочим. Что ж, – он встал. – Давай я покажу тебе школу, Дэн, пока твои мама и папа выпьют кофе. Стловая дальше по коридору.

Дэн охотно зашагал за ним.

– Что тебе нравится в школе? Логика, математика, дебаты, черчение?

– Футбол, – ответил Дэн.

– Футбол? А еще?

– Рубить дрова.

– Правда?

– У меня даже значок есть.

Джошуа и Хелен переглянулись и посмотрели на молчаливую, серьезную Роберту. Затем они хором сказали: «Кофе» – и вышли из кабинета вслед за Монтекьютом и Дэном.

10.

Чтобы увидеться с отцом, Хелен пришлось официально договориться о встрече, и это привело ее в ярость.

Джек Грин, шестидесяти лет от роду, обзавелся кабинетом в скромном здании, которое служило

в Вальгалле городской ратушей, судом, полицейской штаб-квартирой и резиденцией мэра. Он работал, когда Хелен провели к нему. Джек Грин сидел за столом, на котором лежали лэптоп, два мобильного и пачка рыхлой писчей бумаги. На стене висел большой телевизионный экран. Джек едва взглянул на дочь, которую не видел... как долго? С позапрошлого Рождества? Он сидел, предупредительно воздев палец и не сводя глаз с лэптопа, а Хелен стояла и ждала.

Наконец Джек Грин в последний раз стукнул по клавиатуре и откинулся на спинку кресла.

– Так. Готово. Извини, детка.

Джек встал, поцеловал Хелен в щеку и снова сел.

– Нужно было доделать речь, которую мы пишем для Бена.

Он имел в виду Бена Кийса, мэра Вальгаллы.

– Кстати, я как раз вспомнил...

Джек взял пульт, нажал на кнопку, и на большом экране появилось изображение сцены, несколько референтов в костюмах, звездно-полосатое знамя – и ярко-синий флаг Вальгаллы, висевший рядом с ним на заднем плане.

– Бен вот-вот будет говорить. Все в последнюю минуту, да. Но, как только он закончит, речь разойдется по всему миру и доберется до Базовой Земли со скоростью аутернета. Впечатляет, правда?

Хелен, видимо, выбрала неудачный момент для визита.

– Можно я сяду, папа?

– Конечно, конечно.

Джек снова встал – слегка неуклюже – и придвинул дочери стул. Как и многих представителей его поколения, строивших города на Долгой Земле, наподобие Перезагрузки, с нуля, в пожилом возрасте его скрутил артрит.

– Как там Дэн?

– Ты ошибся с возрастом на прошлой открытке на день рождения.

– Хм. Извини. Надеюсь, он не расстроился.

Хелен пожала плечами.

– Он уже привык.

Джек улыбнулся, продолжая поглядывать на экран.

Хелен задвинула досаду подальше.

– Я просто заскочила мимоходом, папа. Ты же знаешь, мы едем на Базовую. Заодно решили показать Дэну Свободную школу. Мы надеемся устроить его туда, если мальчику понравится.

– Хорошая идея. Один из принципов Вальгаллы – открывать хорошие школы и растить свободных, открытых, образованных людей. Это основа любой демократии.

– Папа, не читай мне лекцию.

– Извини, извини. Ничего не могу с собой поделать, милая. И прости, что отвлекаюсь. Но ситуация требует. Дело не только в непрерывно растущих налогах. Подонки из «Друзей человечества», которые финансируют предвыборную кампанию Коули, просто источают недоброжелательство, с каким бы пафосом он ни вещал об отсутствии дискриминации. Это хуже, чем расизм. На их языке мы, умеющие переходить, – низшая раса, злобные аморальные мутанты. Нам нужно за себя заступиться. И мы боремся! Некоторые комментаторы уже предрекают, что сегодняшняя речь Кийса станет нашей Декларацией независимости, хотя они еще ее не слышали. Представляешь?

– И тебе обязательно нужно влезть, да?

– Ну а как я должен поступить?

– Точно так же ты вел себя в Перезагрузке. Командовал другими, чтобы отвлечься от собственных проблем.

– Ты заговорила так же, как твоя сестра?

Кэти, на несколько лет старше Хелен, тоже замужняя, осталась в Перезагрузке. И ей не нравилось, что прочие члены семьи перебрались в другие места.

– Нет, папа. Послушай, я в курсе, что ты не стар...

– Я не собираюсь записываться в ополчение, детка.

– Знаю, знаю... просто мне кажется, что хватит уже убегать.

– От чего?

– Ты не виноват, что мама заболела.

– Продолжай. В чем еще я не виноват?

– В том, что сделал Род.

– Твой брат взорвал Базовый Мэдисон.

– Нет. Он был частью идиотского заговора, который устроили отчаявшиеся фобики. Прости, папа. По-моему, ты заваливаешь себя работой, чтобы...

– Чтобы сублимировать вину? По Фрейдю? Надо же, моя дочь – психолог, – жестко произнес Джек. – Послушай, проблема тут не в вине. Люди живут, как живут. Но какими бы ни были твои глубокие личные мотивы, ты все-таки можешь постараться сделать что-нибудь хорошее.

Хелен указала на экран.

– Например, как твой мэр Кийс?

Джек повернулся туда же.

Бен Кийс поднялся на возвышение, держа в руках пачку рыхлой бумаги местного производства. У него была приятная кинематографическая внешность, но волосы Кийс отрастил длинные, в духе колонистов, и носил не костюм, а практичный рабочий комбинезон тускло-оливкового цвета. Когда он заговорил, Хелен с трудом могла разобрать слова сквозь аплодисменты и возгласы из зала.

– Жители Вальгаллы! Сегодня в этом мире настал исторический день – как и во всех мирах Долгой Земли. В нашей власти начать все сначала...

Джек улыбался.

– Том Пейн¹. Это я вписал.

– ...определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью... В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее...

– Ха! – Джек Грин хлопнул в ладоши. – А это прямая цитата из Декларации независимости. Какая минута для американского правительства! Его собственные основополагающие принципы обращены против него же!

На экране появилась стоявшая перед Кийсом толпа, которая жестикулировала, совсем как троллиха Мэри, и распевала:

– Я не хочу, я не хочу!

Хелен поняла, что отец заинтересован только речью и последующими комментариями. Она тихонько встала и на цыпочках вышла из комнаты. Джек Грин даже не обернулся.

Хелен ничего не знала о революциях. Она представить не могла, к чему все идет. Впрочем, она задумалась, где же тут «права» троллей и прочих созданий, которым пришлось уживаться на Долгой Земле бок о бок с людьми.

Томас Куангу с сочувственным видом ждал ее в вестибюле. Видимо, он знал непростую семейную историю Гринов и прекрасно понимал чувства Хелен.

– Пойдемте, – предложил он. – Я угощу вас здешним кофе.

И в уютной кофейне, в нескольких кварталах от ратуши, Томас рассказал ей кое-какие эпизоды собственной биографии.

¹ Томас Пейн (1737–1809) – англо-американский писатель, философ, публицист, прозванный «крестным отцом США».

11.

Томас Куангу прекрасно помнил тот день, когда его жизнь изменилась. День, когда он оставил мир условностей и сделался профессиональным стригалем, если можно так выразиться. Это произошло двадцать лет назад, всего через пять лет после Дня перехода, когда сам феномен еще казался пугающим и новым. Томасу было тридцать.

Он позаимствовал у отца машину, выехал из Джигалонга, затормозил у потрепанного непогодой деревянного указателя и вылез под полдневное солнце, с переходником на боку. Не считая проселочной дороги, ведущей к Джигалонгу, и обнесенного забором клочка кроваво-красной земли, обозначавшего вход на кенгуровую ферму в соседнем мире, там больше не было ничего. Ничего, кроме просторов Западной пустыни, огромной, гнетущей, чье однообразие нарушалось лишь одним-единственным, изглоданным эрозией валуном. Буквально ничего – во всяком случае, в глазах первых европейцев, которые, придя сюда, едва сумели разглядеть людей, которые уже жили тут. Для них Австралия была *terra nullius*, пустая земля, и это стало юридическим принципом, оправдавшим захват.

Но Томас был наполовину марту. Его всегда тепло принимали родичи с материнской стороны, даже когда она вышла по любви за белого, нарушив строгие племенные правила брака. И, с точки зрения Томаса, по крайней мере теоретически знакомого с образом жизни своих предков, здешняя земля была богатой. Непростой. Древней. Здесь ощущался груз времени. Томас знал, как существовала эта на первый взгляд бесплодная земля, как поддерживала укоренившуюся на ней жизнь. Еще он знал, как выжить, как прокормиться при необходимости.

А еще у Томаса был секрет, который принадлежал только ему.

Он нагнулся, чтобы заглянуть в пещеру, высеченную в камне тысячелетними ветрами. Она была не настоящая — просто углубление, наполовину занесенное сухим песком. Томас обнаружил ее мальчишкой, когда гостил у бабушки с дедушкой в Джигалонге и в одиночку бродил по бушу. Даже тогда он любил одиночество. В глубине пещеры, где приходилось присесть, чтобы что-нибудь увидеть, был Охотник, как Томас его называл, — примитивная фигурка, вооруженная чем-то вроде копья, которая преследовала огромное неопределенное животное, в окружении спиралей и лучей. Томас догадывался, что этому рисунку несколько тысяч лет, судя по слою патины.

Насколько он знал, до него никто не видел Охотника. И потом тоже. Томас хранил секрет.

Он всегда считал Охотника другом. Невидимым спутником. Якорем стабильности в море перемен.

Томас был смышленным ребенком. Его забрали из местной школы и начали готовить к лучшему будущему; он поступил в колледж в Перте и даже провел некоторое время в Америке, прежде чем вернулся в Мельбурн и стал делать компьютерные игры «для умников». Томас был достаточно черным, чтобы служить знаковой фигурой для либералов, и достаточно белым, чтобы те, кто его окружал, могли обращаться с ним как с ровней.

А потом случился кризис сознания, и Томас начал изучать тех, кого оставил дома, — родню своей матери. Каким образом культура, насчитывавшая примерно шестьдесят тысяч лет, свободная и самодостаточная всего три века назад, сделалась самой зависимой на планете — изолированной, изгнанной с собственных земель, раздавленной безработицей и наркотиками. Каким образом она погибла под натиском насильствен-

ных переселений и «белого» образования. Каким образом во времена его бабушки племя депортировали, чтобы оно не погибло под британскими реактивными снарядами «Синяя молния», которые в опытном порядке выпускали из Вумеры.

Конечно, всем этим моральным метаниям поспособствовало то, что самого Томаса избили в Сиднее какие-то подонки, не желавшие терпеть в городе таких, как он, пусть даже в костюме и при галстуке. В любом случае у Томаса наконец открылись глаза.

Потом он женился. Ханна проходила адвокатскую практику. Молодая и умная белая женщина из богатой семьи, жившей в Новом Южном Уэльсе. Они надеялись завести ребенка. Но Ханна умерла от рака, когда ей было всего двадцать три. Хелен горячо сочувствовала Томасу, вспоминая, как внезапно ушла ее собственная мать.

Тогда Томас ощутил всю бессмысленность своей работы. Он вернулся в Перт и поступил в одну прогрессивную ассоциацию, занимающуюся правами аборигенов. У него появился шанс изучить родную культуру. Он даже работал «туземным гидом» для интересующихся белых туристов. Родственники матери смотрели на Томаса пренебрежительно, зато он многое узнал.

А потом появились переходники и открылась Долгая Земля. Персональная вселенная Томаса затрещала по швам, как и у остальных людей. Многие аборигены, особенно молодые, немедленно ухватились за возможности, предоставляемые новыми технологиями, и ушли прочь в поисках лучшего мира. Подальше от Базовой Земли с ее треклятой историей.

Сам Томас переходил редко в те дни, разве что для пробы. Да и зачем? После всех пережитых им крутых поворотов Томас едва ли сознавал, кто он такой. Он был ходячим противоречием, ни черным, ни белым, женатым — и одиноким. Что он мог узнать о самом себе

в чужих мирах, чего не знал до сих пор? Его тянуло не вперед, а назад, к отправной точке, к Охотнику в пещере, к одному-единственному стабильному факту в жизни, похожему на гвоздь, вбитый в душу.

Но на сей раз Томас пришел в пещеру с переходником. Он задумал эксперимент.

Выбрав наугад направление, он нажал на рычажок.

Австралия-Запад-1.

Там разводили кенгуру, как и на Востоке-1. Томас увидел спутанных лошадей, груды туш, составленные шалашиками винтовки с бронзовыми дулами. На бревне сидели несколько человек. Увидев Томаса, они протянули ему пластиковые бутылки с пивом. Он отмахнулся.

Разведение кенгуру обрело все большую популярность, даже на Базовой Земле. Их оказалось выгодно разводить на мясо. Если считать фунт на фунт, кенгуру требовали втрое меньше растительности, чем овцы, в шесть раз меньше воды и почти не производили метана (кенгуру редко пукают). У Томаса не было никаких объективных причин возражать, но ему просто казалось, что это неправильно. Новый мир казался придатком к старому, и Томас не желал иметь с ним ничего общего.

Он пошел дальше, на Запад-2, 3, 4. От каждого перехода мутило, нужно было время, чтобы оправиться.

Понадобилось два часа, чтобы добраться до Запада-10, и там Томас остановился. Он сел на выветренный край скалистого утеса, который ничем не отличался от своего оригинала на Базовой Земле, и огляделся, не спеша впитывая новые впечатления.

И вдалеке он увидел какое-то движение. Стадо огромных, медлительных, неуклюжих зверей – силуэты на фоне бледно-голубого неба. Они передвигались на четырех ногах и неопытному взгляду Томаса казались похожими на носорогов. Возможно, это действительно

были сумчатые родственники носорогов, за которыми охотились родственники львов. Заметил он и кенгуру, которые стояли на задних ногах и ощипывали нижние ветви деревьев, но они были большие, больше любого кенгуру на Базовой Земле. Огромные и мускулистые. А вдалеке бежало животное, похожее на динозавра, – какой-то хищник, может быть, бескрылая птица. В мире царила тишина, не считая рева гигантских травоядных.

Томас попил воды из пластиковой бутылки. В некоторые из ближайших миров наведывались охотники, неспособные устоять перед соблазном поохотиться на местную мегафауну, но здесь, в десяти переходах от Базовой, не было никаких следов человека, даже отпечатков ног.

Томаса окружал другой мир – мир без людей. Зря он думал, что все версии Западной пустыни совершенно одинаковы. Не настолько. Этот регион везде оставался засушливым, но Томасу показалось, что здесь зеленее, чем на Базовой, – там и сям виднелись клочки жесткой травы и приземистые деревца. На Базовой Земле племя его матери шестьдесят тысяч лет покоряло землю огнем; а это был мир без европейцев, но и без аборигенов.

Томас, впрочем, пришел сюда не ради флоры и фауны.

Когда он оправился настолько, чтобы встать, то обошел скалу, направляясь к пещере – она находилась там же, где и на Базовой Земле. Томас опустился на колени, неловко придерживая переходник у пояса. Пришлось заслонить глаза от света заходящего солнца, чтобы заглянуть внутрь.

Рисунок был там, в пещере. Томас знал, что так и будет. Впрочем, не вполне *его* Охотник. Еще одна человеческая фигурка, преследующая еще одного примитивно нарисованного зверя. А вокруг – чуть иной набор спиралей, лучей, штрихов, зигзагов. Осторожно прикоснувшись к рисунку, он ощутил покрывавшую его

патину. Рисунок был таким же древним, как и на Базовой Земле. Его оставил какой-то тип, который научился переходить. Сам по себе. Тысячи лет назад.

Томас сел, прислонившись спиной к камню. Он рассмеялся бы, но не хотел проявлять неуважение к тишине — а уж тем более привлекать внимание каких-нибудь сумчатых львов. Разумеется, здесь наверняка побывали путники-аборигены. Где способность переходить могла оказаться полезнее, чем в засушливом сердце Австралии? Если его предки действительно научились извлекать пользу из соседних миров, пусть даже только в экстренных случаях, доступные им ресурсы должны были невероятно умножиться.

Шестьдесят тысяч лет на то, чтобы понять, каким образом.

Но даже если так, то явно путников было меньше, чем теперь. Возможно, подумал Томас, наступило новое Время снов, повторение той эпохи, когда его предки брели по пустой земле — и она начинала существовать. Для поколения Томаса настала пора стать новыми Предками, положить начало новому Времени снов, способному охватить всю Долгую Землю.

И на сей раз они создадут мир, который не присвоят белые колонисты.

Томас с мобильником в кармане сидел у камня, один в мире.

Он мог вернуться и сообщить о своей археологической находке.

Или же пойти прогуляться. Раздеться до трусов, все бросить и уйти...

Пользуясь плодами бесконечно щедрой земли, он сделался стригалем — это было еще до появления самого слова, которое потом вошло в общий обиход. В свое время до Томаса стали доходить легенды о Джошуа

Валиенте и других суперпутниках – легенды, которые распространялись по Долгой Земле, – и он уже смотрел на тех, кто разделял его образ жизни, с научной точки зрения... а потом встретил Джошуа в одной из очень далеких безмолвных Америк.

– Но это случилось потом, – сказал он Хелен. – А тогда я просто погладил того Охотника на Западе-10, встал, нажал на переключатель и ушел навсегда.

Она улыбнулась.

– Видимо, Долгой Земле есть что сказать любому из нас.

– О да. Ну а вы? Расскажите про Перезагрузку. Еще кофе?

12.

Они провели в Вальгалле три недели, чтобы Дэн привык к городу и к мысли о том, что он будет здесь учиться, пусть даже директор Жак Монтекьют и молчаливая Роберта собирались на Базовую Землю, чтобы присоединиться к китайской экспедиции. У Хелен было много времени, чтобы изучить местную кухню, в том числе попробовать разные сорта кофе – достаточно, чтобы сделать вывод, что он в достоинства Вальгаллы не входит.

Но все неудобства забылись, когда они взошли на борт «Золотой пыли». Большую часть первых суток Хелен провела, расслабляясь, посиживая в салоне и попивая отличный кофе, который ей не доводилось пить... ну да, с тех пор как отец в последний раз водил ее в уютную семейную кофейню в Базовом Мэдисоне – незадолго до того, как они покинули старый мир навсегда. Хелен было лет двенадцать.

«Золотая пыль» напоминала лучший во всех мирах отель, только снятый с фундамента и дрейфующий в облаках – оболочка длиной в восемьсот футов и гон-

дола из полированного дерева, добытого в Верхних Меггерах, напоминавшая какой-то огромный предмет мебели. Хелен неловко было подниматься на борт. Ковер лежал даже на трапе, а в прихожей мог разместиться их дом целиком.

Конечно, их приняли как почетных гостей – Джошуа, Дэна, Хелен, даже Билла Чамберса... и Салли Линдси, которая оказалась не настолько горда, чтобы отказаться от круиза на борту летающего дворца. Всё благодаря Джошуа, разумеется, – герою-путешественнику. При желании знаменитый Джошуа Валиенте мог жить исключительно за чужой счет, хотя никогда этого не делал. Джошуа был полон противоречий. Но удовольствия вроде путешествия на «Золотой пыли» он научился не отвергать – во всяком случае, к этому его приучила жена.

Дэн оказался в своей стихии. Он мечтал стать пилотом твена с тех пор, как научился ходить, и бегал даже за потрепанными маленькими местными судами, которые пролетали над Черт-Знает-Где. Когда семья взошла на борт «Золотой пыли», Хелен подумала, что у мальчика вот-вот глаза из орбит выскочат.

Но поначалу мать беспокоилась за Дэна, который впервые отправлялся в дальний путь. Хелен не была прирожденным путником, а Джошуа – не просто прирожденным, но *образцовым*. Точно так же, как Дэн сочетал в себе разные цвета – отцовские темные волосы и бледную кожу матери, – в качестве путника он тоже находился где-то посередине между родителями. И вдобавок в анамнезе у мальчугана был дядюшка-фобик, Род, брат Хелен, который вообще не умел переходить. Лекарственные препараты для преодоления тошноты значительно прогрессировали, поэтому почти каждый мог выдержать даже скоростное путешествие... почти каждый, но не все. Если Дэн выказал бы признаки дис-

комфорта, родителям пришлось бы прервать путешествие (Хелен, во всяком случае; она не сомневалась, что Джошуа отправится дальше с Салли), да и мечте Дэна настал бы конец. Джошуа и Хелен оба втайне испытали облегчение, когда судовой врач, который не отходил от пассажиров, когда твен пустился в путь, украдкой показал им оттопыренный палец.

Команда души не чаяла в Дэне. По настоянию Хелен мальчика обязательно сопровождал либо один из родителей, либо младший член команды, назначенный капитаном. Он сказал, что его зовут Босун Хиггз. Но в остальном Дэну позволялось лазать по кораблю, от лестниц и мостков внутри огромного «мешка», занятого пузырями с гелием, до трюма и машинного отделения. Он побывал в парадных салонах, в ресторане, служившем бальной залой, даже в рулевой рубке — огромной прозрачной выпуклости на носу судна, откуда было видно Американское море, с лесистыми берегами, и гигантские корабли, выплывавшие из соседних миров, чтобы присоединиться к каравану, идущему на восток, к Базовой Земле. Новый мир каждую секунду. Невероятное, удивительное зрелище — даже для таких малоподвижных людей, как Хелен.

На второй вечер взрослые отужинали за капитанским столом. Ни на что меньшее семья Валиенте и не могла рассчитывать. Ресторан находился на носу, прямо под рулевой рубкой. Хелен не верила своим глазам, настолько роскошной была эта зала, с белой деревянной филигранью повсюду, с позолоченными бивнями мамонта и гигантскими желудями, висевшими по углам. Оригинальные картины маслом, с изображениями различных видов Долгой Земли, украшали стены. А еще там были кресла, ковер, мягкий, как щенячья шерсть, и даже люстра над столом. Все это приятно отвлекало внимание от соседей по столу, по большей части оскор-

бительно богатых, – коммерсантов, транжирившие доходы, и туристов с Базовой Земли, решивших устроить «путешествие всей жизни» и неоднократно принимавших Хелен и Джошуа за обслуживающий персонал.

Главным удовольствием были виды снаружи. Из-за капитанского стола прямо в окно виднелись мелькавшие внизу миры и блестящие корпуса соседних кораблей – десятки твенов висели под меняющимся небом, как китайские фонарики. «Золотая пыль» уже проделала долгий путь – переходя с максимальной скоростью, мир в секунду, твен мог проделать девяносто тысяч переходов за день, но в среднем летела небыстро, и путешествие к Базовой Земле должно было занять несколько недель. По мере того как наступал вечер, миры, в основном безлюдные, темнели, только раз мелькнули городские огни, и капитан сказал, что это голландская Америка, точная копия Базовой Америки, отданная голландцам федеральным правительством. Долгая Земля поначалу не приносила им особой пользы, поскольку во всех последовательных мирах зéмли, которые они веками тщательно отвоевывали у моря, по-прежнему лежали под водой...

Кульминация шоу – капитан рассчитал время ужина, чтобы они застали торжественный момент, как раз когда подали десерт и заходящее солнце коснулось горизонта – кульминация настала, когда великое Американское море, которое сопровождало им с тех пор, как они покинули Вальгаллу, пропало, поначалу превратившись в цепь разбросанных озер, а затем вовсе исчезнув под лесным покровом, который тянулся, насколько хватало глаз, темно-зеленый в свете вечерней зари. У Хелен заныло сердце, когда они утратили связь со своим морем – или хотя бы его копиями.

Но, когда свет померк, они увидели, что море сменилось рекой, широкой, тихой, похожей на сияющую лен-

ту, лежавшую на земле. Это была Миссисипи, ну или отдаленная родственница великой Базовой реки, неизменной в большинстве Америк – Черт-Знает-Где в том числе тоже стоял на берегу тамошней Миссисипи. Ей предстояло сопутствовать «Золотой пыли» до конца рейса.

Дэна с огромным трудом уложили спать. Хелен во всем винила десерт – слишком много шоколада. Джошуа тем временем пошел искать Билла, который праздновал с командой.

13.

Добрые жители Фор-Уотерс, в глуши последовательного Айдахо, казалось, очень обрадовались, увидев американское судно «Бенджамен Франклин» в небе над поселком. Они быстро соорудили нечто вроде обеда в складчину для пятидесяти человек экипажа; говядина была такой ароматной и пикантной, что дух покойного бычка наверняка одобрительно посматривал вниз.

Но вскоре разговор, мягко выражаясь, зашел в тупик.

Капитан Мэгги Кауфман шагала по главной – и единственной – улице городка Фор-Уотерс. Расположенное в полутора сотнях тысяч переходов от Базовой Земли, в типично фермерских угодьях Кукурузного пояса, это аккуратное поселение кишело людьми. На первый взгляд оно напоминало Додж-Сити¹, только без перестрелок, зато, разумеется, с неизбежными башнями сотовой связи – подарком Корпорации Блэка. Местный провожатый Мэгги, мэр Жаклин Робинсон, с гордостью указывала на разные достижения, в том числе на неплохую больницу, в которой лечились и обитатели аналогичных поселений из соседних миров.

¹ Додж-Сити – город в штате Канзас, в XIX веке часто подвергавшийся набегам бандитов и ставший символом необузданных нравов Дикого Запада.

Но Жаклин, сурового вида женщина лет пятидесяти, была странно напряжена и нервничала. Мэгги подумала: возможно, из-за небольших грядок с анашой, которые она заметила в одном-двух садах, заодно с какими-то экзотическими растениями – прямо на улице, на виду.

Перехватив взгляд Мэгги, мэр Робинсон сказала:

– В основном просто конопля. В ней как таковой нет ничего страшного. Из пеньки получается хорошая ткань для рабочей одежды. Моя мать родом из Чехии, и дедушка рассказывал, как однажды копы уничтожили делянку, которая должна была стать его новой рубашкой...

Мэгги помолчала. Она знала, что порой тишина эффективнее расспросов. Затем она уточнила:

– В основном?

– Что касается других вариантов... ну, подросткам вроде бы неинтересно, и на городском собрании мы решили, что для взрослых ничего страшного нет, а детей пусть держат подальше. Правда, вынуждена признать, есть одна штука – экзотический цветок, который растет в лесу к западу отсюда, видимо, чисто местный. Вот от него крышу сносит. Даже если просто прогуляться по лесу...

Робинсон говорила слишком быстро; наконец она выдохлась и пожала плечами.

– Не обижайтесь, капитан, что я, хотя бы теоретически, смотрю на вас как на представителя правительства. У нас здесь свой набор ценностей. То есть мы считаем себя американцами и подчиняемся конституции, но сомневаемся, что какое-то далекое правительство вправе диктовать нам, что делать и чего не делать.

Мэгги ответила:

– Я – действующий офицер военного флота, а не коп. Более того, по традиции военному флоту прямым текстом запрещено лезть во внутреннюю политику. Мэр Робинсон, я прибыла не для того, чтобы крити-

ковать или судить. С другой стороны, наша флотилия здесь, чтобы предложить помощь. У меня, как у капитана, большая свобода действий в том, как истолковывать полученные приказы...

Она сама не знала, насколько убедительно звучат ее слова. Мэр по-прежнему нервничала.

– Послушайте... вы хотите сказать что-то еще?

Робинсон внезапно взглянула на Мэгги так, словно ее застучали на чем-то дурном.

– А что вы можете сделать? Если и вправду случится что-то серьезное.

Мэгги неторопливо повторила:

– Я не коп. Но, может быть, мы сумеем помочь.

Робинсон по-прежнему сомневалась. Но наконец она произнесла – с тревогой и вызовом:

– Здесь... совершилось преступление. Точнее, два преступления. Мы сомневаемся, как быть.

– Так.

– Пострадал ребенок. Наркотики. Да, наркотики. И убийство.

Мэгги ощутила, как стянулся узел в животе. Но ведь многословная защита местной наркокультуры и впрямь выглядела натянуто.

– Послушайте, – продолжала Робинсон. – Я не хочу говорить об этом на улице. Давайте зайдём ко мне.

14.

Команда воздушного корабля «Бенджамен Франклин» не выполняла никакой специальной военной миссии, пусть даже судно и принадлежало к военно-воздушному флоту.

Экспедиция «Франклина» – продолжительное путешествие по Долгой Земле – была, строго говоря, пробным опытом поддержания единства американской Эги-

ды, идеи, которую по-прежнему высоко ставили в Базовом Вашингтоне, даже если нигде более. Ну и плюс некоторые научные цели. Каждый последовательный мир надлежало занести в судовой журнал, зарегистрировать попутные Джокеры, описать неизвестные формы жизни, геологические формации и климатические условия – и с особым тщанием повсюду искать разумных существ. Таким образом, «Бенджамен Франклин», оснащенный для подобной миссии, был не грузовой баржей, а воздушным кораблем последней модели, до краев набитым датчиками – и оружием.

Но истинной задачей «Франклина» было обойти последовательные Земли в пределах границ Соединенных Штатов и продемонстрировать американский флаг как можно большему числу колоний – сколько удастся обнаружить (точнее, открыть). Многие не регистрировались у Базовых властей. «Франклину» предстояло найти и сосчитать американцев, а также напомнить им, что они таки *американцы*.

Операция началась три недели назад, в апреле, в Ричмонде на Базовой Земле. Мэгги Кауфман стояла под открытым небом в городском парке, со своей командой, старшим помощником Натаном Боссом и главным судовым хирургом Джо Макензи, перед пустой сценой с никем не занятой трибуной. По бокам сцены вяло болтались звездно-полосатые флаги, наверху висел огромный плакат «Сила в единстве». Парк располагался неподалеку от северного берега реки Джеймс, и, поскольку дело происходило на Базовой Земле, из клубов смога зловеще выступали многоэтажные здания. Некоторые были заброшены. Заколоченные окна напоминали выбитые глаза.

Барьер отделял представителей военно-воздушного флота от публики, из любопытства собравшейся со все-

го и даже из соседних миров. И для любопытства были причины, даже если кого-то не особенно впечатляло зрелище сотен солдат, стоявших на задних лапках. Твены и сами по себе являли впечатляющее зрелище. В небе висели шесть новеньких, сверхсовременных военных кораблей — детища концерна Объединенных технологий, «Дженерал электрик», Торговой компании Долгой Земли и Корпорации Блэка. «Шенандоа», «Лос-Анджелес», «Акрон», «Макон», «Авраам Линкольн». И «Бенджамен Франклин», старик под командой тридцативосьмилетней Мэгги. Звучные старые имена гордых новых кораблей, самых мощных во всем американском военном флоте, не считая лишь экспериментального «Нейла Армстронга», уже отправившегося с отдельной исследовательской миссией в дебри Долгого Запада.

Наконец началось какое-то шевеление, и место на трибуне занял президент Коули, заметно вспотевший в своем темном костюме коренастый мужчина с глянцевыми волосами, так густо набрызганными лаком, что у него на голове как будто торчал пластик. По бокам стояли охранники в традиционных черных пиджаках и солнечных очках.

На сцене президента поприветствовал адмирал Хайрэм Дэвидсон (военно-морские силы США). Дэвидсон, чья база располагалась в Кэмп-Смит, на Гавайях, командовал новым военным подразделением — ДолАм. Его, в свою очередь, сопровождал адъютант — капитан Эдвард Катлер, воплощенная бюрократия, с точки зрения Мэгги, но, насколько она могла судить, у адмирала он был своим человеком.

Знаменитый — ну или печально известный — Дуглас Блэк присутствовал лично, в числе политиков и прочих высокопоставленных особ, уже выстроившихся возле сцены, чтобы позжать Коули руку. Блэк показался удивительно маленьким Мэгги, которая с любопытством

его разглядывала. В свои семьдесят с хвостиком он, сморщенный, лысый, высохший, походил на Горлума в солнечных очках. Именно Блэк подарил им технологию, лежавшую в основе постройки военных твеннов – ту самую, благодаря которой стали возможны переходящие корабли, – и у него было не меньше прав находиться здесь, чем у других. Снабжал он или нет деньгами президентскую кампанию Коули (диничная Мэгги подозревала, что Блэк поддерживал обе стороны и еще пачку независимых кандидатов), его присутствие сделало событие еще зрелищнее.

Пока на сцене продолжались рукопожатия и похлопывания, в небе рокотал вертолет «Птичка» – символ защиты и угрозы. Сама миссия и торжественное отбытие твеннов планировались уже некоторое время, но в ответ на Декларацию Вальгаллы Базовому правительству пришлось еще расширить военные ресурсы.

Однако когда Коули подошел к трибуне, несмотря на всю шумиху и откровенное политиканство, Мэгги Кауфман ощутила внутренний трепет от того, что стояла перед лицом самого президента.

Коули заговорил. Микрофон усиливал его голос, лицо отображалось на экране за спиной. После небольшого вступления, в духе такого рубахи-парня, президент перешел к делу.

– В День перехода в стене мира как будто открылась огромная дверь, за которой расстился заманчивый новый пейзаж. И что людям было делать? Некоторые решили уйти – те, кто полагал, что лучшая жизнь ждет их там, а не на прекрасной зеленой планете, которую дал нам Бог и которую мы теперь вынуждены называть Базовой Землей. И они ушли. Все, кто чувствовал себя несправедливо обиженными, все шайки, секты, фракции, которые считали, что им будет лучше в каком-нибудь другом месте, – беспокойные, антисоциальные

или просто любопытные люди. Они отправились по неведомым тропам в никуда. Не могу отрицать, это притягательно. Дверь, которую уже невозможно запереть. Статистика показала, что в первые несколько лет после Дня перехода мы потеряли пятую часть населения Базовой Земли, подлинной Земли. И мы знаем, каковы были последствия...

Коули указал на молчаливые здания вокруг, на заколоченные окна, и кое-где в толпе послышался одобрителный рык.

— Мы стали беднее — те, кто остался дома, чтобы заботиться о родных и выполнять свой долг. Мы стали беднее — те, кто остался на Базовой Земле. И не только это. Внезапно наш прежде защищенный мир оказался открыт угрозам — незнакомым новым угрозам из бесчисленных измерений.

Экран внезапно наполнился картинками. Калейдоскоп ужасов, от печально известных убийц, террористов, насильников, похитителей, которые быстро изучили разрушительный потенциал переходов, до шайки грязных бандитов из Верхних Меггеров, которые словно сошли с экрана какого-нибудь второсортного вестерна, до откровенной жути, являвшейся из странных новых миров. Фантастического вида гуманоиды, своим обликом словно пародирующие людей, — и Мэри, троллиха-убийца с кротким взглядом. Эта фотография вызвала в толпе громкие возгласы.

— Вот почему я, как главнокомандующий, организовал в наших военных силах новое подразделение, чтобы решать эти проблемы. Оно называется ДолАм, и его представители собрались сегодня здесь, в историческом центре Ричмонда. И многие тысячи сейчас проходят обучение в лагерях по всему миру, а также на Ближних Землях. Давайте поддержим их!

Он первым зааплодировал, и толпа послушно захлопала.

– Сегодня, – громко продолжал Коули, – я объявляю начало первой важной миссии – операции «Блудный сын».

Снова слышались аплодисменты, на сей раз с ноткой недоумения.

– Не сомневаюсь, название говорит само за себя. Наша задача – не противостоять врагу, а дотянуться до заблудших детей. Мы демонстрируем не военную мощь, а твердую и уверенную родительскую власть. На этих шести превосходных новых кораблях наши юные воины отправятся в дальние миры, на Запад – и продемонстрируют свою силу «колониям», – Кроули изобразил пальцами кавычки.

Раздались одобрителльные возгласы и крики: «Надрать им задницу!» и «Превратить Вальгаллу в парковку!».

Коули воздел руки.

– Позвольте мне еще раз повторить. Это не карательная экспедиция. Моя деятельность направлена исключительно на поддержку предпринимателей, которые активно развивают экономику так называемых Ближних Земель и увеличивают национальное благосостояние. С ними мы спорить не собираемся. Но нам есть что сказать тем, кто поселился далеко и ведет совершенно непродуктивную, никчемную жизнь – кто охотно принимает от американской Эгиды защиту, но не желает ничего жертвовать на ее содержание.

Снова аплодисменты и крики.

Коули показал толпе листок бумаги.

– Здесь у меня так называемая Декларация независимости. Издевательство над славным моментом нашей истории.

Он театральным жестом разорвал бумажку под одобрителльное улюлюканье.

– Наша миссия придет к завершению, когда командующий операцией, присутствующий здесь адмирал

Дэвидсон, поднимется на ступени городской ратуши в самозваном мятежном государстве – Вальгалле – и примет заблудших сынов, которые пожелают вернуться в лоно большой семьи. Америка разбросана по множеству миров. Пора призвать тех, кто отбился от стада. Время собирать камни, время вновь обрести силу в единстве! – и Коули указал на плакат у себя над головой.

Затем он обернулся к военным.

– Чтобы выполнить эту святую миссию, я обращаюсь к вам, молодые люди. Книга пророка Исаяи, глава шестая, стих восьмой: «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня». Кого pošлю я исполнять операцию «Блудный сын»? Кто пойдет для нас?

Всем им было велено ответить: «Пошли меня! Пошли меня!» Но дисциплина слегка ослабла – моряки и пехотинцы принялись кричать и улюлюкать.

Стоя рядом с Мэгги, Джо Макензи ворчливо проговорил:

– Коули, конечно, тот еще сукин кот, но все-таки он наш президент.

– Он просто флюгер, док, – ответила Мэгги. – Коули льстит избирателям, делая вид, что собирается обуздать Долгую Землю, и в то же время задабривает колонистов, придавая нашей миссии вид миротворческой.

Мак взглянул на тяжеловооруженные твены.

– Да уж, миротворцы. Это вам не санки Санта-Клауса. Повезет, если мы нигде не спровоцируем перестрелку.

– До стрельбы не дойдет.

– Ну, как бы там ни повернулось, нам дали задание, и нужно его выполнить.

– Это правда, – сказала Мэгги.

Конечно, как только они покинули Базовую Землю, то столкнулись с немалыми сомнениями по поводу своей миссии. Многие пионеры Долгой Земли, по крайней мере первое поколение, покинули Базовую *именно* потому, что питали сильнейшие подозрения по адресу федерального правительства. В Америке с момента основания это чувство всегда было сильно. Что Базовое правительство могло теперь предложить какой-нибудь далекой колонии? Оно грозило налогами, но при этом гарантировало чертовски мало услуг — и с течением времени отобрало то малое, что некогда дало. Защита? Но ведь никакого явного противника не было — ни плохих парней, чтоб за ними следить, ни пугал, чтобы назначить «врагами». Китай пытался оправиться от постпереходной революции. Последовательные Европы были заселены мирными фермерами. Новое поколение африканцев возвращало к жизни свой разоренный континент, ну или его последовательные версии. И так далее. Никаких угроз.

Невзирая на слабость аргументов, Мэгги Кауфман понимала, что должна дипломатично напоминать заблудшим колониальным овцам, что они — часть большого стада. Потому что там, в округе Колумбия, кое-кто подозревал, что новообретенная страна под протекторатом Эгиды потихоньку распадается, — и правительство инстинктивно чувствовало, что позволять этого нельзя. Они так думали еще до того, как из Вальгаллы пришла провокационная Декларация.

Все это предстояло в будущем. А пока у Мэгги достаточно было проблем в настоящем. Ее неопытной команде предстояло распутать ужасающий этический и юридический узел во время путешествия на еще не обкатанном корабле, на борт которого они поднялись спустя всего несколько недель после торжественной речи Коули.

15.

Кабинет мэра Фор-Уотерс, что предсказуемо, был обставлен в колониальном стиле, хотя и располагался в настоящем особняке, сравнительно с домами эпохи Дэниэла Буна. Впрочем, старина Бун оценил бы и одобрил вывешенные на просушку шкуры, банки с соленьями в углу, лопаты и прочие садовые инструменты – мелочи быта поселенца, который по горло занят выживанием. И в доме был подвал – доказательство того, что мэр и ее семья отличались рассудительностью (или, возможно, страдали легкой паранойей). Никакой незванный гость не мог перейти в помещение, находившееся под землей.

– Пострадал ребенок, – повторила Робинсон. – Слушайте, капитан.

Мэгги села.

– Это случилось неделю назад. Девочку зовут Анджела Гартман. Семья обнаружила ее без сознания. Анджела не приходила в себя, она впала в кому и очнулась лишь через несколько дней. Мы знаем, кто это сделал, кто дал Анджеле наркотики и сам заторчал вместе с ней. И мы знаем, кто совершил убийство.

Какое убийство?!

– Где сейчас эти люди?

Мэр пожала плечами.

– Раньше нам не приходило в голову построить тюрьму. Мы выстроили на зиму каменный ледник – им и воспользовались. Он очень прочный. Вряд ли кто-нибудь сумеет из него выбраться.

– И туда вы посадили человека, который дал ребенку наркотики?

Робинсон взглянула на нее.

– Извините, вы неправильно поняли, а я неточно выразилась. У меня язык заплетается, когда я волну-

юсь. Тот сукин сын не в леднике. Он в морге. Собственно, вот. В леднике сидит отец девочки.

– А, значит, он обнаружил наркодельца...

– И убил его.

– Так, – до Мэгги стало доходить. – Два преступления. Наркотики и убийство.

– Никто этого не отрицает. Но в результате мы... раскололись. Из-за того, как теперь быть. Что делать с Гартманом.

«Почему именно я?» – подумала Мэгги. Ей велели бодро махать флагом и символизировать добрую волю. Прямо сейчас Натан Босс, ее старший помощник, покупал у поселенцев свежие овощи. А она... «Ну а почему бы нет? Именно за этим я сюда и прилетела».

– Я так понимаю, что вы даже не пытались связаться с Базовым правительством?

Робинсон покраснела.

– По правде говоря, мы испугались. Мы никогда не сообщали Базовому правительству о своем существовании. Решили, что ему незачем знать.

– Ни здесь, ни в соседних мирах нет никакой местной судебной системы?

Мэр покачала головой.

Мэгги сидела молча, позволяя тишине сгуститься.

– Так. Вот что нужно сделать. В первую очередь вы должны собраться и сообщить Базовому правительству, что вы *здесь*. Мы вам с этим поможем, ну и с такими вещами, как ратификация земельных заявок. Вы посадили человека под арест без суда, без каких-либо формальных процедур, и надо разобраться. Повторюсь: у меня нет каких-либо прав осуществлять контроль над вами. Но мы можем помочь. И в первую очередь вы позвольте нашему корабельному врачу как следует осмотреть девочку.

Через несколько часов Джо Макензи вышел из дома Гартманов. Маку перевалило за пятьдесят, он был сед и потрепан многолетней полевой практикой и работой в «Скорой». Он, конечно, по возрасту уже не подходил для экспедиций, и Мэгги пришлось обойти кое-какие правила, чтобы он мог отправиться вместе с ней. И этим солнечным вечером выражение лица доктора было исключительно мрачным.

— Знаешь, Мэгги, иногда я просто слов не нахожу. Бывает хуже, конечно, но учти, я бы не отказался провести некоторое время наедине с тем типом, вооружившись бейсбольной битой, а поскольку я как врач прекрасно знаю, куда надо метить...

В такие минуты Мэгги радовалась, что предпочла карьеру семье и детям, оставив сладостное бремя заботы о потомстве своим братьям, сестрам и подругам. Ей вполне достаточно было называться тетушкой.

— Это нормально, Мак.

— Нет, ненормально, во всяком случае для маленькой девочки. Я бы предпочел, чтобы ее отправили в клинику на Базовую для полного обследования. Или, по крайней мере, на некоторое время взяли на борт для наблюдений.

Мэгги кивнула.

— Нужно встретиться со здешним начальством.

Они сошлись в кабинете мэра. Вместе с Мэгги прибыли Мак и Натан Босс. Мэгги пригласила на встречу Жаклин Робинсон и некоторых граждан, которых мэр назвала уравновешенными и рассудительными, по крайней мере по здешним меркам. Им предстояло вынести вердикт.

Они сели, и все взглянули на капитана. Мэгги поняла, что на нее смотрят как на спасительницу. Она кашлянула. Настало время приступить к действиям.

— Для протокола — а мы ведем протокол — я хочу заметить, что это просто расследование. Если необхо-

димо, за ним последуют должные юридические процедуры. У меня нет прав контроля. Но я приняла на себя ответственность по просьбе мэра Фор-Уотерс, чтобы беспристрастно выяснить факты. Я подвожу итоги того, что услышала; насколько я понимаю, никто этого не отрицает. Неделю назад Родерик Бэкон угостил наркотиками Анджелу Гартман, девяти лет, дочь Рэймонда и Дафны Гартман. Услышав крики дочери, Рэй Гартман вбежал в комнату и увидел Бэкона. Девочку рвало, у нее были судороги. Гартман передал ребенка матери и принялся бить Бэкона, а затем выволок на улицу и отделал так, что тот скончался через несколько минут. По словам соседей, привлеченных шумом, Бэкон молил о пощаде и твердил, что ему велел это сделать «огненный ангел» – мол, по его наущению он передал «невинному ребенку» частичку собственного «внутреннего света»... ну, вы поняли. В отсутствие адвоката я попросила моего старшего помощника, капитана Натана Босса, взять у Гартмана показания относительно событий того вечера, а также расспросить вдову Бэкона. По ее словам, накануне преступления тот собрал урожай психоактивных цветов, растущих в местных лесах. У него был какой-то бизнес на стороне, бизнес весьма сомнительный... он продавал это вещество в соседних мирах.

Мэгги замолчала. Она жалела, что ей не доставало подготовки. Обведя взглядом остальных, она продолжала:

– Для протокола. Ребенка оставят до завтра на «Бенджамене ФранкLINE» под присмотром доктора Макензи. Мать девочки может побыть с ней до утра – я пришлю сюда члена экипажа, чтобы сопроводить миссис Гартман на корабль. Тем временем... что ж, Бэкон мертв, а Рэй Гартман под арестом. Я понимаю чувства лиц, замешанных в этом деле. Я не юрист, не судья, но вот мое персональное заключение. Вынуждена признать, что Бэкон во всех отношениях виновен. Он созна-

тельно подверг себя действию наркотика — цветов, растущих в лесу, — и, с моей точки зрения, он ответственен за свое дальнейшее поведение. Что касается Гартмана, убийство есть убийство. И все же осудить разъяренного отца я не в силах. Что дальше? Мы напишем рапорт, и сюда с Базовой Земли прибудут полицейские, чтобы полностью вникнуть в дело и решить его по закону, но на это могут понадобиться годы. Эгида велика, и полиции приходится нелегко. Тем временем Рэй Гартман сидит в леднике. Как быть? Вы — вы все — должны стать судьями и присяжными, обвинителями и защитниками. Если что, обращайтесь за советом. Но вы вправе *сами* решать свои проблемы, и я настоятельно предлагаю вам разобраться с этим самым, действуя в рамках американского закона, как вы его понимаете.

Она вновь обвела их взглядом, одного за другим.

— В конце концов, именно такой независимости вы, вероятно, хотели, когда пришли сюда. Договоритесь на будущее с соседями. Не сомневаюсь, вместе вы сможете организовать нечто вроде окружного суда. Я слышала, в колониях это становится распространенной практикой. Наймите двух-трех юристов, назначьте судью... — тут Мэгги выдохлась и встала. — Я закончила. Остальное решайте сами, сообща. Но ради бога... Натан, сначала присмотри, чтобы ребята взяли образцы, только пускай стоят с подветренной стороны... а потом, ради бога, сожгите эти цветы. Всё, по крайней мере на сегодня. Расшифровку протокола я вам раздам завтра.

Вечером Мэгги встретила Джо Макензи, когда тот выходил из маленького корабельного медпункта.

— Ну, как она?

— Слава богу, я успел провести один семестр в детской клинике.

— Хочешь кофе?

Зайдя в каюту, Макензи с благодарностью взял кружку с кофе, сделал два блаженных глотка и произнес:

– Знаешь, по-моему, тот подонок получил что заслужил. Но мы – офицеры американского военного флота. Даже Уайатту Эрпу¹ приходилось хотя бы делать вид, что он уважал закон.

– Надеюсь, они сами до этого додумаются. Как додумались другие поселения.

– Но в других поселениях не растут эти чертовы цветы. И, на мой взгляд, здесь пахнет хиппи – ты ведь понимаешь, что я имею в виду? Ощущение, что здешняя публика не особенно-то заботится о делах. Контркультура, которая развивается по дурному сценарию. Слишком уж у многих шарики за ролики заехали.

Мэгги уставилась на врача.

– Откуда ты все это знаешь, Мак?

– Мой дед оставил мне каталог «Вся Земля», там уйма материала по альтернативной культуре шестидесятых и семидесятых... ну, я и заинтересовался. Некоторые их ценности вполне похвальны. Но если коснуться сути... секрет того, чтобы построить дом на Долгой Земле, – не в идеалах и не в теории. И не в анаше. Это – тяжелый труд, чувство юмора, помощь соседей и взгляд в будущее. А в Фор-Уотерс – зерно трагедии. Мы с Маргаритой Джа из биологического отдела исследовали очаровательные цветочки, которые растут повсюду в здешних лесах. Галлюциноген, вызывающий привыкание. Сильнейший. И растет он, как сорняк.

– Но Мак... послушай. Неужели мы будем посылать людей из отдела по борьбе с наркотиками в каждое поселение? Придется местным как-то самим разобраться.

¹ Уайатт Эрп (1848–1929) – легендарная личность эпохи Дикого Запада, якобы очистивший некоторые пограничные поселения от бандитов.

– Да, на Базовой в конце концов именно так и решились. После Дня перехода наркоторговля пережила бум – поскольку наркодилеры получили возможность переходить, их стало невозможно контролировать. В бедных кварталах полиция просто отступила и... Скажем так, получился естественный отбор в действии.

Мэгги взглянула на врача, когда он бесстрастно произнес эти слова. В ходе своей карьеры Мак, несомненно, видел множество вещей, с которыми не сталкивалась даже она, кадровый офицер. Мэгги сказала:

– Ну, с этой конкретной проблемой мы разобрались. Думаю, они просто выпустят Гартмана. Но пережитый шок пойдет им на пользу: они найдут какой-нибудь способ управляться со своими делами.

– Конечно. Вот прямо сразу, – мрачно отозвался Мак. – Самое страшное, что экспедиция едва успела начаться. Что ждет нас в следующем мире?

16.

В шести днях пути от Вальгаллы, где-то возле миллионной отметки, «Золотая пыль» остановилась у просеки в очередном девственном лесу, занимавшем целый континент. С воздуха просека казалась аккуратной маленькой четырехугольной проплешиной в зелени, до странности трогательным островком человеческого присутствия, затерянным в огромном лесу.

Но, если взглянуть пристальнее, становилось понятно, что просеку сделали не люди, а группа троллей – под руководством человека. Тролли продолжали работать даже под взглядами пассажиров, мускулы под черным мехом так и ходили.

Босун Хиггз оказался смышленным парнишкой и к тому же удивительно сведущим в том, что касалось Долгой Земли. Сознавал он и значимость троллей. Эти

большие гуманоиды жили повсюду, хотя и не обязательно большими группами. Они так или иначе влияли на ту местность, по которой странствовали, поскольку что-то съедали, что-то вытаптывали, что-то убирали с пути. По своей экологической функции они напоминали крупных африканских животных — слонов или антилоп гну. Как выяснила Хелен, ландшафты последовательных миров, не похожие на нынешнюю Базовую Землю, в то же время не походили и на Базовую, какой она была до появления человечества, — потому что, как только возникло человечество, тролли бежали.

Впрочем, здешние рабочие тролли выглядели вполне довольными. Но их надсмотрщик держал в руке кнут, как немедленно заметила Салли. Джошуа предположил, что он им пользуется, только чтобы щелкать и привлекать внимание.

— Ну да, конечно, — ответила Салли.

Хелен знала, что трудно судить, насколько тролль доволен. Она не раз слышала о пугающих инцидентах, наподобие печально знаменитого случая с троллихой Мэри, о котором говорили все, даже снобы на борту «Золотой пыли». Но повсюду, где были люди, были и тролли — и усердно работали. Им вроде бы нравилось. И, разумеется, если люди чересчур давили, тролли просто переходили.

Возможно, они оказались слишком полезны для того, чтобы человечество прислушалось к голосу совести. Неприятная мысль. И, как сказала Салли, оставалось лишь гадать, что сами тролли думали о людях.

С корабля сбросили припасы для лесорубов и подняли на борт образцы экзотического лишайника в маленьких пластиковых емкостях — лишайника, взятого с *очень* старых деревьев. Старые деревья были редкостью на Базовой Земле — и начали исчезать даже на Ближних Землях, где лес активно вырубали. Так тор-

говали на «Долгой Миссисипи», как называли пилоты этот маршрут. На Базовую Землю шло сырье – древесина, продукты питания, минералы, – но оптовые товары в основном поступали из миров Кукурузного пояса, и только самые редкие и ценные вещи стоили того, чтобы приносить их из-за отметки в полмиллиона, – например, уникальный лишайник и другие образчики экзотической флоры и фауны. Наблюдая за процессом, Джошуа предположил, что, возможно, надо заняться экспортом кленового ликера из Черт-Знает-Где. В обмен Базовая Земля присылала легкие по весу, но высокотехнологичные товары, от медицинских аптек до электрических генераторов и катушек оптического волокна, чтобы проложить приличную линию связи в новых мирах. Такая торговля испокон веков велась с поселениями на новых территориях, например между Британией и американскими колониями до Войны за независимость, когда высококачественную заводскую продукцию посылали за море в обмен на сырье. Джек Грин и его коллеги по Местному конгрессу наверняка сказали бы, что это эксплуатация. Но, с точки зрения Хелен, система работала.

И потом, кто бы кого ни эксплуатировал, разумеется, было хорошо, что бесконечная вереница воздушных кораблей связывала миры, населенные людьми. Во всяком случае, так думала Хелен.

В двенадцати днях пути от Вальгаллы они пересекли условную границу Кукурузного пояса – огромной ленты земледельческих миров, толщиной в треть миллиона, которая начиналась примерно в четырехстах шестидесяти тысячах переходов от Базовой. В небесах здесь было не так просторно – попутные твены плыли к Базовой Земле, встречные направлялись дальше, в недра Долгой Земли, вверх по течению, так сказать.

«Золотая пыль» до сих пор двигалась достаточно быстро, но теперь начала то и дело останавливаться. Вдоль Долгой Миссисипи в последовательных мирах стояли путевые станции, и Хелен объяснили, что, по мере приближения к Базовой, они будут попадаться все чаще. Там твены делали остановку, чтобы принять грузы, свезенные из ближайших миров. Основным продуктом импорта в этом регионе была кукуруза, и команда с помощью троллей выстраивалась в цепочку, заполняя мешками зияющие трюмы твенгов. Путешественникам предлагали кое-какие удобства для отдыха и развлечения, но, как заметила Хелен, манеры здесь оставляли желать лучшего. Многие станции были снабжены небольшими каталажками.

В одном из миров, чуть теплее остальных, владельцы станции развели обширные сахарные плантации и посадили апельсиновые и пальмовые рощи, столь редкие на севере любой из последовательных Америк. Сахароварня, где обрабатывали тростник, представляла собой огромную шумную фабрику, а хозяева выстроили себе дом в колониальном стиле, с верандами и резными колоннами, увитыми магнолиями. Капитана, семейство Валиенте и еще нескольких человек пригласили выпить апельсинового ликера. В полях виднелись согнутые спины рабочих троллей, и в жарком воздухе плыло их пение.

Настоящим зрелищем для туристов в Кукурузном поясе была лесная промышленность. Целые плоты бревен из северных лесов сплавляли вниз по одной или другой Миссисипи, на станции вытаскивали из воды при помощи твена или двух, а затем тролли и люди складывали несколько плотов вместе. В результате получалась одна огромная платформа, порой достигавшая акра в длину и состоявшая из длинных прямых стволов, очищенных от коры и крепко связанных между собой. Она висела в воздухе; каждую платформу несла целая

эскадра твенгов. Корабли переходили из мира в мир со своим огромным грузом, с троллями и надсмотрщиками, которые ехали на платформе в хижинах и палатках. Потрясающее зрелище.

Еще интересней оказалось то, что везли на Долгую Землю. Одним из главных предметов экспорта с Ближних Земель в дальние миры были лошади. Твен приземлялся, и по огромному трапу из трюма выходил целый табун молодняка под надзором ковбоев.

Время от времени путешественники встречали остатки старых пеших маршрутов, вроде того, которым проследовала семья Хелен, направляясь в Перезагрузку, на Запад-101754. Они видели флажки, предупредительные надписи, заброшенные домики. Благодаря твенам времена медленных и утомительных пеших переходов через сотни тысяч миров минули. Эпоха, которая продолжалась лишь несколько лет, но успела войти в легенду. Хелен задумалась, что поделявают теперь люди вроде капитана Батсона, который возглавлял их партию. Но тропами еще пользовались — по ним в ту или в другую сторону гнали стаи троллей. Хелен не могла разобрать, поют тролли или нет.

Это были просто вспышки, которые исчезали через секунду, по мере того как «Золотая пыль» неслась дальше.

17.

Спустя десять лет после эпического путешествия Джошуа Валиенте и Лобсанга твенны, тайну которых Корпорация Блэка бескорыстно открыла всем желающим, стали основным способом перевозок пассажиров и крупных грузов по Долгой Земле. Но, как радостно думал Жак Монтекьют, готовясь к экспедиции в не-

дра последовательного Китая, некоторые путешествия были особенно увлекательны.

Они с Робертой Голдинг собирались стартовать из Базового Китая. Как только закончились долгие предварительные переговоры, корабли-близнецы «Чжэнь Хэ» и «Лю Ян» поднялись в облако смога, висевшее над Сянченом, в провинции Хенан. Стоя в обзорном салоне «Чжэнь Хэ», Жак смотрел в иллюминатор и видел над собой огромную серебристую оболочку, которая вздрагивала, как тело мощного животного, когда твен плыл в воздухе. Подвижный корпус твена представлял бы собой внушительное зрелище, даже если бы не был украшен изображениями сцепленных рук – символом образовавшейся восемь лет назад Федеративной китайской республики.

Вскоре они оставили позади летное поле и поплыли над фабриками, стоянками и свалками мрачной промышленной зоны. Роберта Голдинг, пятнадцатилетняя подопечная Жака, стояла у огромного, от пола до потолка, окна, бесстрастно наблюдая за пейзажем внизу. Тролли, находившиеся в обзорном салоне, принялись петь «Медленный рейс в Китай» в своей обычной манере – раз за разом, с многослойными гармониями, напоминавшими мед на куске хлеба.

Вокруг Жака различные члены экипажа, вперемежку с неофициально одетыми людьми, похожими на ученых, тоже смотрели в иллюминаторы и смеялись над шутками, которые Жак не понимал – и не смог бы перевести на английский, даже если бы понял. Жак и Роберта, оба родом с Мягкой Посадки, привыкли к постоянному присутствию троллей. Но некоторые матросы на них так и глазели, словно видели впервые. Жак заметил, что один матрос, стоявший рядом с троллями, носил на бедре какое-то массивное оружие, словно ожидал, что они впадут в буйство.

Молодая китайка в форме, видимо также член экипажа, предложила Жаку и Роберте напитки – фруктовый сок и воду. Жак взял воду.

– Спасибо.

– Не за что.

– Отличная песня.

– Мы подумали, что вам понравится, – жизнерадостно ответила она. – Мы, то есть команда. Тем более что это – *быстрый* рейс из Китая.

Китайка протянула руку для пожатия. Темноволосая, скорее аккуратная, чем привлекательная, она выглядела лет на двадцать пять.

– Я лейтенант Ву Юэ-Сай. Офицер федеральной армии, прикомандированный к Китайскому национальному космическому управлению.

– А, которое возглавляет проект «Восток-20 000 000».

– Именно. Логику сами понимаете. Наши космические инженеры умеют обращаться с самой современной техникой в незнакомых и экстремальных условиях. Кто лучше подходит для исследования далеких восточных миров? Впрочем, меня учили на пилота. Я надеюсь однажды стать космонавтом. Но сейчас у меня неофициальная задача – составить компанию вашей протеже, мисс Роберте Голдинг. Если вы не против – и мисс Голдинг тоже. Зовите меня Юэ-Сай.

– А ее Роберта.

– Может быть, Робби? Бобби?

Жак взглянул на Роберту, которая с серьезным видом пила апельсиновый сок.

– Роберта, – твердо сказал он. – И что значит составить компанию?

– Я не намного старше. И мы одного пола. Я получила широкое образование в области философии и гуманитарных наук, а также естествознания и инженерного искусства, как и мисс... как и Роберта.

– Ну, Роберта по большей части самоучка.

– Моя основная обязанность – заботиться о ее безопасности всякий раз, когда мы будем сходить с корабля. Во время наземных прогулок и так далее. Несомненно, нас ждут всякие опасные случайности.

– Какое обдуманное решение.

– Вы делаете мне честь. Я специально изучала английский язык. Как и многие члены экипажа, в том числе капитан.

– Я вижу. Спасибо. Мы сработаемся.

– Не сомневаюсь, – сказал, торопливо шагая к ним по застеленной ковром палубе, капитан Чень Чжун.

Завидев его, члены экипажа выпрямились и слегка посерьезнели. Чень поздоровался с Жаком и Робертой и показал им нечто вроде пульта управления.

– Сейчас отправимся. Мы уже в воздухе, но вскоре поплывем по мирам...

Акцент у капитана был сильнее, чем у Ву, но и сложнее. Фразы он строил почти как англичанин. Лет пятидесяти, невысокий и довольно полный для военного, как подумал Жак, капитан держался спокойно и очень уверенно. Жак побился бы об заклад, что Чень удержался на своем месте после падения коммунистического режима.

– Я рад, что вы отправитесь с нами и что все формальности преодолены. Непростой процесс, ведь наше государство совсем молодо. Разумеется, благополучие мисс Голдинг – главный приоритет.

Капитан повернулся к Роберте.

– Надеюсь, вам понравится путешествие. Какая красавица! Извините меня за эти слова. Но вы так серьезны. Роберта посмотрела на него сверху вниз.

Чень подмигнул Жаку.

– Ваша спутница молчалива. Но наблюдательна. Несомненно, вы вникаете в детали с самого начала. Например, необычное поступательное движение корабля...

К облегчению Жака, Роберта снизошла до ответа.

– Гибкий корпус, вы имеете в виду? Снабженный чем-то вроде искусственных мускулов, которые сокращаются, реагируя на электрические импульсы?

– Очень хорошо, очень хорошо. Электричество дает солнечная энергия. Вы понимаете, почему эта система нам подходит? Попутные миры можно изучать с минимумом шума и прочего вмешательства. Мы надеемся достичь Востока-20 000 000, нашей конечной цели, которая расположена почти в десять раз дальше того места, куда добирались люди до сих пор, всего за несколько недель. Согласно подсчетам, в процессе придется поддерживать скорость, то есть поперечную составляющую скорости – в сто миль в час. Вы, конечно, понимаете зачем.

Роберта пожала плечами.

– Элементарно.

Жак и Юэ-Сай переглянулись. Это было одно из самых неприятных словечек Роберты. Необходимость поддерживать одну и ту же скорость могла быть очевидной для нее, но не для Жака и, судя по всему, не для Юэ-Сай. Впрочем, им пришлось обойтись без объяснений.

Чень продолжал:

– Значит, вы разбираетесь в инженерном деле. А как насчет общей эрудиции? Вам известно происхождение названий наших кораблей?

– Лю Ян была первой китайской женщиной-космонавтом. А Чжэнь Хэ – евнухом-адмиралом, который...

– Да, да. Вижу, мы мало чему можем вас научить, – капитан улыбнулся. – Значит, будем исследовать Долгую Землю вместе.

Он поднял прибор, который держал в левой руке, – что-то вроде телевизионного пульта, как показалось Жаку. На нем красовался знакомый логотип Корпорации Блэка. Чень сказал:

– Надеюсь, все принимали лекарство? Теперь, если вы готовы... пора сделать первый шаг.

И нажал на кнопку.

Жак ощутил знакомый толчок, но приглушенно, слабо.

Густо застроенный ландшафт Базовой Земли мгновенно исчез. Внезапно по окнам застучал дождь, капли отскакивали от оболочки. Тролли, совершенно не смущаясь, продолжали петь.

Чень подвел всех к большим, обращенным вниз иллюминаторам на носу гондолы, чтобы было лучше видно. С первого взгляда Жак не заметил особой разницы между Хенан-Восток-1 и его оригиналом на Базовой Земле – еще больше фабрик и угольных электростанций, изрыгавших дым, проселочные дороги, дымная пелена в воздухе... Однако вдалеке виднелись леса, которых уж точно не было на Базовой.

Чень воскликнул:

– Хенан! Давным-давно эта провинция была колыбелью династии Хань. А потом превратилась в мрачную дыру, сплошную промзону. Сто миллионов человек на территории размером со штат Массачусетс.

Это сравнение мало что говорило Жаку, но суть он уловил.

– Базовый Хенан некогда массово поставлял мигрантов в такие города, как Шанхай. Они становились уборщиками, мелкими служащими, барменами, проститутками. Легко догадаться, что в День перехода изрядная часть населения Хенана спешно перебралась в новые миры. У властей ушло некоторое время, чтобы восстановить порядок. Не стоит недооценивать эффект, который оказали переходы на китайцев как на нацию в те первые дни – эффект не только экономический. Я имею в виду скорее психологические последствия,

как вы сами убедитесь. Разумеется, вам известно, что беспорядки после Дня перехода в конце концов привели к... *отставке* прежнего коммунистического режима.

Капитан внимательно взглянул на Роберту, явно ожидая реакции.

– Итак, наше путешествие началось, мисс Голдинг. Мы – на Востоке-1. Первом из двадцати миллионов. Как вы себе представляете цель грядущей экспедиции?

Девочка задумалась, прежде чем ответить.

– Посмотреть, что там.

Казалось, капитану понравился этот простой ответ.

– Да! Мы сосчитаем миры, занесем их в каталог, пронумеруем. Так сказать, измерим Долгую Землю в длину. Я видел ваш школьный табель – у вас необыкновенный интеллект. Вам ведь не кажется, что простое исследование, сбор фактов, – это *элементарно*? Мы похожи на энтомологов, не правда ли?

Роберта пожала плечами.

– Нужно сначала собрать коллекцию, если хочешь понять бабочек. Или зябликов.

Чень ненадолго задумался.

– А-а. Как Дарвин на Галапагосских островах. Изящное сравнение. Что ж, зябликов не обещаю, но бабочки... – он загадочно не договорил.

– Зачем вы взяли с собой троллей?

Он внимательно взглянул на нее.

– Хороший вопрос. Я мог бы и догадаться, что вы его зададите. В процессе планирования большинство отмахивались от наших троллей, считая их чем-то вроде кабаре или зоопарка. Но только не вы. Тролли, в некотором смысле, и есть Долгая Земля, не так ли? Долгий зов удерживает ее воедино – и отвечает музыкальной восприимчивости, которой славятся китайцы. Мы, возможно, заберемся дальше, чем заходили когда-либо бродячие тролли. Только представьте себе. И мы хо-

тим, чтобы все, что мы обнаружим в самых отдаленных версиях Китая, стало частью троллевого пения.

Жак сказал:

– Конечно, вы знаете, что тролли – неотъемлемая часть нашей жизни. В том месте, откуда мы прибыли.

– Да. Я слышал. Хотя вы держите его местонахождение в тайне, если не ошибаюсь.

– Наша частная жизнь нам очень дорога.

– Ну разумеется.

Чень нажал на кнопку, и они вновь перешли. Жак заметил на стене счетчик – мерцающие цифры, ведущие счет мирам.

На Востоке-2 небо было ясным, солнце стояло высоко, землю покрывали сплошные леса, являя собой разительный контраст с Базовой Землей и даже с Востоком-1. Цвет и свет потоком хлынули в салон, так что у зрителей захватило дыхание.

Чень сказал:

– Сами понимаете, отчего внезапный доступ к другим мирам так напугал людей. Наша нация старше вашей, старше Европы. Китай строили, возделывали, сражались за него и добывали в нем руду на протяжении пяти тысяч лет. Для нас было шоком, когда мы шагнули в первобытные леса. Последовал немедленный культурный отклик. Активизировалось движение в поддержку окружающей среды. Песни, стихи, картины, по большей части скверные. Ха! В общем, больше мы ничего не могли сделать для Запада-1 и Востока-1. Они быстро пали жертвами первой волны путешественников. Беспомощных и бесталанных мигрантов. Ближайшие миры превратились в огромные трущобные города. Но правительство быстро спохватилось, и мы сделали из Востока-2 национальный парк, памятник Дня перехода и нашего внезапного возвращения к прошлому собственной страны – во всяком случае, мы постара-

лись. Даже здесь нам мешают выбросы промышленных заводов, которые стоят, например, на территории Соединенных Штатов, и в ООН постоянно идут переговоры. Также мы храним тут некоторые наши сокровища – многовековое наследие Китая. В том числе здания, демонтированные и вновь собранные храмы. На Долгой Земле человечество спасется от гибели, если наш родной мир постигнет какое-нибудь бедствие, – и наше культурное прошлое тоже.

Роберта прижалась лбом к иллюминатору и удивленно приоткрыла рот, на мгновение превратившись в обыкновенного любопытного подростка.

– Я вижу животных, которые идут по лесу. Слоны? Они движутся вон туда, к реке, на север.

Чень улыбнулся.

– Слоны, которые в некоторых мирах заходят на север аж до Пекина. А еще верблюды, медведи, тигры, львы, черные лебеди и даже речные дельфины. Тапиры! Олени! Ящеры! В День перехода наши дети задыхались в свободном от смога воздухе, их пугало яркое солнце, и они круглыми глазами смотрели на животных.

Капитан вновь нажал на кнопку.

На Востоке-3 лес был вырублен, а река, перегороженная плотиной, вышла из берегов. На рисовых полях трудились, согнувшись, люди. Они не смотрели вверх, на мелькавшие над ними тени твенгов. То же самое путешественники увидели на Востоке-4, 5, 6 и далее, хотя методы сельского хозяйства различались. В некоторых мирах развивалась промышленность – от далеких литейных заводов и электростанций поднимался дым, по обширным полям двигались примитивного вида машины. В других трудились только люди и животные.

– Все очень хорошо организовано, – заметил Жак.

– О да, – бодро ответила Юэ-Сай. – Мы, китайцы, принесли с собой в последовательные миры дисциплину

и трудолюбие, равных которым, смею заметить, в мире нет. Под властью коммунистов мы были однопартийным государством, вооруженным достижениями позднего капитализма и способным на разные масштабные предприятия. В последние десятилетия мы запустили множество крупных проектов на Базовой Земле – строили плотины, мосты, железнодорожные линии и прочую инфраструктуру. Даже развивали космическую программу. И вот Долгая Земля предложила нам чистый холст. После смены режима, несмотря на крушение идеологии, мы не утратили прежних навыков. Вот вам новый Китай.

Роберта спросила:

- А можно здесь притормозить?
- Конечно.

Чень нажал на кнопку.

Жак посмотрел вниз. Корабль висел над залитым водой полем, на котором терпеливо стоял крестьянин, держа веревку, обвязанную вокруг шеи животного, похожего на буйвола.

– Вот сцена, которую вполне можно было наблюдать две тысячи лет назад, – сказал Жак.

Роберта произнесла:

– Капитан Чень, в некоторых из этих сельских миров стоят фабрики. Вы производите искусственные продукты питания?

– А также генно-инженерные злаки. Современная техника сельского хозяйства...

– Но здесь, насколько я понимаю, удобряют почву навозом. По-моему, это противоречие.

Юэ-Сай ответила:

– Мы используем оба метода. Воплощение одного древнего разногласия в китайской философии.

– А, даосизм против конфуцианства, – сказала Роберта.

Чень явно был впечатлен.

Юэ-Сай кивнула.

– Совершенно верно. Дао значит путь. Следовать пути значит жить в гармонии с природой. Последователи Конфуция, напротив, уверяют, что человек должен покорять природу, на благо самой природе, как и для пользы человечеству. Из-за философских разногласий случались войны. Во втором веке нашей эры конфуцианство победило. Но теперь у нас достаточно места, чтобы исследовать разные варианты.

– Дао джай шиньяо, – проговорила Роберта.

Чень рассмеялся.

– «Путь – в кале и моче». Очень хорошо, очень хорошо.

Роберту, казалось, его похвала не порадовала и не обидела.

Корабль двинулся дальше. После отметки 20 начались промышленные миры. Жак видел внизу фабрики, электростанции, шахты, технопарки, вгрызающиеся в зелень лесов. Между мастерскими и довольно жалкими на вид бараками, столовыми и душевыми сновали вереницы рабочих. Над ними плыли грузовые корабли – или неподвижно висели, привязанные к высоким столбам. Во многих мирах в воздухе густо стояли дым, сажа и смог.

Чень заметил реакцию путешественников.

– Мало кто из жителей Запада это видел. За исключением тех, кто вложил деньги в новый Третий фронт. Например, Дуглас Блэк.

– Почему «Третий фронт»? – спросил Жак.

– А, это придумал Мао, – ответил Чень и вновь подмигнул. – В ответ на советскую агрессию шестидесятых годов Мао разбросал предприятия производственного оборудования по всему Китаю, вплоть до самых западных районов. Чтобы было труднее уничтожить нас ядерными бомбами. Он поощрял рабочих переезжать

вслед за фабриками. «Чем дальше от отца с матерью, тем ближе к сердцу Мао» – такой был слоган. Так и теперь. Можно ненавидеть Мао за его преступления, но восхищаться замыслами.

Жак задумался, бывает ли одно без другого. Вслух он произнес:

– Неужели вы всерьез предполагаете, что есть некий риск войны с Западом?

– Есть другие угрозы. Сами по себе переходы дестабилизировали нации – в том числе, конечно, Китай. И климатические изменения на Базовой Земле, со всеми возможными результатами, тоже могут стать серьезной проблемой.

Они достигли Востока-38, если верить счетчику на стене. За стеклами бушевала гроза. Два корабля дрейфовали в небе, затянутом огромными, грузными, стремительно несущимися серыми облаками. Дождь заливал леса. Жак заметил внизу нечто вроде шрамов от ударов молнии – черные кратеры на фоне сплошного лесного покрова.

Чень выжидающе смотрел на своих спутников.

– Не понимаю, – сказал Жак. – Что мы надеемся здесь увидеть?

– С вероятностью заметить это можно только с орбиты, – ответил Чень. – Здесь военные инженеры при помощи атомного оружия прокладывают тропы и туннели через Гималаи, устраняя причину геологической катастрофы, которая нарушила круговорот воды в Евразии. В этом мире Азия останется зеленой.

Жак был потрясен.

– Вы изменяете форму целой горной цепи?

– А почему бы нет? В соседнем мире мы направляем в другое русло все реки, берущие начало в Гималаях, за исключением Янцзы, чтобы увлажнить сердце континента.

– Снова мечты Мао, – заметила Роберта.

– Да! Вы изучали историю. Проекты, которые были слишком дороги или рискованны, чтобы реализовать их, пока мы располагали только Базовой Землей. А теперь можно спокойно экспериментировать. Какие у нас мечты, какие замыслы! Разве мы – не великий Китай?

Возможно. Но Жак задумался, как отразятся эксперименты в новых мирах, в новом окружении на душах здешних колонистов. В западных мирах развивались новые Америки, вполне разделявшие изначальные ценности – может быть, с небольшими изменениями. И здесь наверняка было то же самое – новые Китаи развивались, уходя корнями в одну и ту же древнюю историю, и, разумеется, китайцы всегда останутся китайцами – но каждый мир обретал иное лицо. И Жак гадал, как скоро новые Китаи ощутят беспокойство и попытаются освободиться от своего гигантского родителя, как сделали Америки в Поясе Вальгаллы.

В небе трещали молнии, и тролли забеспокоились, песня начала рассыпаться.

Чень с явной неохотой поднял пульт.

– Я хотел бы показать вам новые горы. Но медлить нельзя, здесь небезопасно.

– Из-за молний? – уточнил Жак.

– Нет-нет. Радиоактивные осадки. Двинемся дальше. Теперь мы будем прибавлять скорость. Эти корабли – экспериментальные машины, созданная нашими инженерными компаниями в сотрудничестве с Корпорацией Блэка. Одна из целей экспедиции – испытать их.

Миры стали сменяться все стремительней, пока – насколько мог судить Жак по частоте собственного пульса – скорость не достигла приблизительно одного мира в секунду, вжик, вжик, вжик, потом еще быстрее. Большинство миров не были ничем примечательны – просто зеленые пятна под ясным или пасмурным небом. Но кое-где солнце отражалось от ледяных щитов, лежавших далеко внизу под килем твена.

Гостям показали что-то вроде гостиной. Стюард разносил еду, легкие напитки, китайский чай, и они сидели и болтали, пока целые миры скользили мимо, оставаясь незамеченными. Жак подозревал, что Роберта предпочла бы побыть одна – позаниматься, почитать, заняться собственными наблюдениями. Но она сидела вежливо, хоть и молчала по большей части.

Примерно через час корабль притормозил. Освещение слегка изменилось. Выглянув в иллюминатор, Жак заметил бабочек – огромную стаю, окружавшую корабль. Бабочки беззвучно бились о стекла обсервационного салона. Большинство были маленькими и невзрачными, но некоторые щеголяли яркими цветами и крыльями размером с блюдце. Солнечный свет просвечивал сквозь бледные чешуйки.

Чень рассмеялся, увидев лица гостей.

– Мир бабочек. То, что на Западе называют Джокером. Разумеется, экологии нужны не только бабочки. Тем не менее здесь, в этой части Китая, больше никого вы не увидите. Мы понятия не имеем, как это произошло и где тут сбой. Но... что есть, то есть. Помните, Роберта Голдинг, я говорил, что мы будем считать бабочек? Ну и что вы думаете?

Наконец лейтенант Ву Юэ-Сай сказала:

– Здесь было бы трудно продемонстрировать теорию хаоса.

Все замолчали и задумались. Жак рассмеялся первым.

А у Роберты сделалось удивленное выражение лица.

18.

Экипаж «Бенджамена Франклина» всерьез воспринял приказ воплощать власть Базового американского правительства на Долгой Земле. Как объяснила чле-

нам экипажа Мэгги, придется не только снимать котят с деревьев.

И поэтому твен без предупреждения остановился в поселении под названием Перезагрузка, на Западе-101754, в последовательной версии штата Нью-Йорк.

Небольшая партия, возглавляемая старшим помощником Натаном Боссом, в кои-то веки сошедшим с корабля, высадилась на небольшой утоптанной прогалине, рядом с узкой тропкой, которая вела с побережья местного Атлантического океана. Натан прекрасно разглядел планировку городка с воздуха – с борта «Франклина». Поселение находилось вне поля зрения, но на расстоянии короткой пешей прогулки. Аккуратные небольшие поля, вдававшиеся в гущу леса, дома, над которыми вился дымок, широкие проселочные дороги.

Они собирались «воззвать к сердцу и разуму», как выражалась капитан Кауфман. Появиться в поселке без предупреждения, чтобы дать знать о себе и о своей миссии... а еще ласково напомнить колонистам, что они продолжают оставаться американцами. Впрочем, они еще не вполне выработали методу. В том числе на ощупь шел Натан Босс, впервые возглавивший наземную партию.

И логистика в данном случае была на диво сложной. Это поселение и его соседи в последовательных мирах представляли собой нечто вроде расширенного округа. Поэтому «Франклин» летал туда-сюда между разными Землями, навещая один поселок за другим, сбрасывая снаряжение и высаживая группы летчиков и морпехов в каждом из соседних миров.

Операция могла пойти насмарку по огромному количеству причин, и Натан прекрасно это сознавал.

Ну и плюс еще тот факт, что миры Долгой Земли сами по себе ставили в тупик любого из членов экипажа «Франклина», по большей части родившихся на

Базовой Земле. Ожидая, пока морпехи вслед за ними высадутся с твена, летчики инстинктивно выстроились по периметру, хотя никакой видимой угрозы здесь, на Западе-101754, не было. Люди оглядывались и явно терялись в догадках. Большинство выросло в городе. Ну а здесь не было никаких городов. Никого, кроме оленя (то есть Натан подумал, что это олень), который глазел на них из зарослей. Ничего, кроме прогалины в лесу. И самодельной таблички с надписью от руки:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПЕРЕЗАГРУЗКУ
ОСНОВАНА В 2026 г. ОТ Р.ХР.
НАСЕЛЕНИЕ 1465

Мичман Тоби Фокс, странноватый тип, компьютерщик из инженерного отдела, которому было поручено провести перепись обитателей Долгой Земли, послушно записал численность местного населения.

Солнце скрылось за облаками, но для начала мая день стоял теплый, и Натан немедленно вспотел в своей форме, да еще с рюкзаком на спине.

Настоящие проблемы начались, когда лейтенант Сэм Аллен покинул твен последним и «Бенджамен Франклин» с легким хлопком перешел в соседний мир.

Аллен возглавлял небольшой отряд морских пехотинцев, прикомандированный к экспедиции. Пока его бойцы стояли и озирались, явно растерявшись в этом новом мире, как и матросы «Франклина», Аллен пристал к эксперту Дженнифер Вонг.

— Ну и где наше снаряжение?

Вонг уже надела рюкзак и возилась с рацией и навигатором.

— Лейтенант, оно должно было приземлиться в радиусе полумили, а не нам на голову...

— Я в курсе. В какую сторону идти?

Натан знал, что груз снаряжения — груда коробок в веревочной сетке — был снабжен радиомаячками, чтобы привлечь внимание прибывшей партии. Но Вонг явно что-то смущало. Она нажимала на экран и даже крутила регуляторы на старомодном передатчике. В ответ слышалась какая-то пронзительная музыка с бренчанием гитар.

Гардемарин Джейсон Санторини прислушался и ухмыльнулся.

— Чак Берри. Мой отец его обожает. Неплохая штука, хотя и столетней давности.

— Идиотская местная радиостанция, — буркнул Аллен. — Какой-нибудь пацан играет в сарае. Выключи.

Вонг повиновалась.

Мичман Тоби Фокс был нервным коротышкой. И, прежде чем Натан успел оценить ситуацию, именно он самым неблагоприятным образом поинтересовался:

— Лейтенант, так *где* же наши вещи?

Аллен обернулся к нему.

— Точно не здесь! Дураку понятно.

— Не исключаю, что они оказались в другом мире, лейтенант, — заметила Вонг. — Иначе я бы уже поймала сигнал.

Сверив списки, они это быстро выяснили. Оборудование приземлилось в окрестностях другого города, Нью-Скарсдейла.

— Это ваша ошибка, сэр, — сказала Вонг. — Скарсдейл — на Западе-101752.

Аллен начал:

— Где бы ни был этот идиотский...

Фокс посмотрел на счетчик.

— Прямо сейчас мы на Западе-101754, сэр. Там, где и положено.

Кто-то ошибся при подсчете последовательных миров. Натан подозревал, что произошло недопони-

мание между военно-морским экипажем и летчиками, рожденными и обученными на Базовой Земле, которые не привыкли планировать операции в нескольких последовательных мирах.

Они все-таки влипли.

– Ну и бардак, – вспыхнул Аллен. – И ваши парни, блин, перешли, не проверив, то ли это место!

Остальные просто стояли вокруг и слишком волновались, чтобы ответить. Вдруг где-то кто-то зарычал, быть может, гигантский медведь – этот рык напоминал гул землетрясения, и люди сгрудились плотнее.

– Ладно, ладно, – продолжал Аллен. – Пошлем гонца. Пусть вернет корабль, пусть нас отвезут к нашему снаряжению, ну или снаряжение к нам.

Он наугад ткнул пальцем.

– Ты, Маккибен. Доставай свой переходник, и поживее...

– Извините, лейтенант, – сказал Маккибен. – Не могу. Я его оставил.

– Что ты сделал?! Ладно. Кто, блин, еще высадился на Западе номер сто тысяч хрен знает сколько, не взяв с собой самый важный предмет снаряжения, а именно переходник, способный вернуть его домой?

Все переглянулись.

Натан подумал: это явный недосмотр. Они устраивали здесь демонстрацию силы; они высадились легковооруженными, но в бронежилетах, с приспособлениями для переноски грузов, с рюкзаками, где лежали необходимое снаряжение и боеприпасы, ну и со всяким исследовательским барахлом, которое тоже приходилось нести на себе. Каждый мало-мальски опытный человек прекрасно понимал причину. От шлема до ботинок – все это весило немало, и люди оставляли на корабле то, что не было нужно во время операции. Ведь предполагалось, что они просто спустятся в маленькое поселе-

ние, расположенное в спокойном мире, где пробудут пару часов. Зачем брать с собой переходник, который, будучи создан по военным стандартам, представлял собой увесистый кирпич?

Выяснилось, что переходник не взял никто. Ни Натан, ни даже лейтенант. И никто не посмел улыбнуться. У Натана не хватило смелости посмотреть в глаза Аллена.

Потом кто-то попросил у приятеля воды, потому что на жаре хотелось пить, но воды у того не оказалось. Более того, ее не оказалось ни у кого, потому что они рассчитывали найти запас в сброшенном с корабля грузе. Даже Натан, даже лейтенант. Неподалеку журчал ручей — его было слышно. Но там стояли люди, выросшие на Базовой Земле, в которых с детства вбивали, что нельзя пить воду где попало — по крайней мере, не бросив в нее таблетку йода. А йод никто не взял.

Ни Натан, ни лейтенант.

Аллен обошел всех, стиснув кулаки, с таким видом, словно ему очень хотелось кого-нибудь ударить.

— Ну ладно. Значит, дойдем до гребаной Перезагрузки и начнем оттуда. Согласны, капитан Босс?

Натан кивнул.

— В какую сторону идти, Вонг?

Но не было ни навигатора, ни корабля, способного дать ориентировку, и даже бумажные карты, что предсказуемо, лежали среди прочего снаряжения. Окруженные деревьями, похожими на шпили соборов, люди не видели поднимающихся над крышами дымков; они не могли даже ориентироваться по солнцу, поскольку день стоял пасмурный. Поганая ситуация с каждой секундой становилась еще поганее.

И тут на прогалину неторопливо вышел человек, напевая, с удочками в руке и с большой рыбиной, которую

он нес, перебросив через плечо. Лет пятидесяти, дочерна загорелый, со слегка скованной походкой. Обнаружив полтора десятка вооруженных людей, он на мгновение замер, а затем широко улыбнулся.

— Привет, бойцы, — сказал он. — Я что-нибудь нарушил? Честное слово, я ее брошу обратно в воду...

Лейтенант Аллен гневно уставился на него, потом повернулся к Вонг.

— Спроси, знает ли он, где Перезагрузка.

— Сэр, вы знаете, где Перезагрузка?

— Меня зовут Билл Ловелл, кстати говоря, — произнес мужчина и обвел их взглядом.

Натан ощутил сильнейшее смущение и почувствовал, что одет крайне неуместно.

— Только не говорите, что вы заблудились.

Аллен не ответил.

Натан попытался объяснить.

Ловелл слушал и качал головой.

— Каким же образом ваши пилоты умудрились сбросить груз не в том мире?

Натан с горечью произнес:

— Мы пока только учимся, сэр.

Ловелл продолжал улыбаться.

— Да, заметно. Вы, ребята, просто еще не усвоили здешний образ мыслей. Вот и заблудились, как дети малые. И вы действительно намерены добраться до Вальгаллы?

— Вы знаете про нашу миссию? — спросила Вонг.

— Ну, новости тут расходятся быстро. Вас это, может, и удивляет, но только не меня. Я раньше служил почтальоном. В американской почтовой службе, прежде чем они прекратили доставку писем в далекие миры. Конечно, мы в курсе.

У Аллена был такой вид, словно ему хотелось вре-
зать этому типу рукояткой пистолета.

– Так ты проводишь нас до Перезагрузки или что?!

Ловелл шутливо поклонился.

– Следуйте за мной.

Натан сам не ждал, что надеялся увидеть в Перезагрузке. Декорации Додж-Сити? Нечто вроде густо застроенного стимпанкового рая? Несколько примитивных ферм, отвоеванных у девственного леса? Клуб любителей банджо? На самом деле – хорошо видный, если шагать по главной тропе от реки, – в лесу стоял городок. Американский городок, судя по флагу, висевшему на школе.

Билл Ловелл показывал местные достопримечательности.

– Это дом старого Уэллса. Один из самых первых.

В саду за аккуратным выбеленным забором, как на самой обыкновенной пригородной улице, работала женщина.

– Конечно, здесь было совсем не так, когда пришли первые поселенцы в двадцать шестом...

Тоби Фокс спросил:

– Всего четырнадцать лет назад?

– Вот универсальный магазин Артурсона. Пока что единственный в городе, хотя кое-где у жителей можно купить пиво и ликер, или получить ужин, или снять комнату.

Санторини спросил:

– А доллары тут принимают?

Ловелл лишь рассмеялся.

У коновязи стояли лошади и верблюды. Из магазина доносился смех.

Из одного дома вылетела компания ребятишек и побежала по улице. В своих домодельных кожаных штанах, куртках и мокасынах, Натану они все показались индейцами.

– Уроки закончились, – объяснил Билл и приложил воронкой ладонь к мясистому уху. – А вот еще – слышите?

Когда дети скрылись вдали и их болтовня затихла, Натан услышал далекое постукивание.

– Новая лесопилка. Точнее, старая, но с новым паровым мотором. Местного производства – по крайней мере, железные детали. Скоро будет электричество от водяной турбины. Мы сейчас даже строим телеграф, чтобы держать связь с фермами, которые стоят далеко. В географическом смысле.

Он говорил так, как будто гордился жителями Перегрузки. По-отцовски.

– Здесь полно детей, – заметила Вонг.

– Да, на многих Землях настоящий всплеск рождаемости. Через пару веков тут будут сотни миров с населением свыше миллиарда. Только подумайте. Сколько маленьких налогоплательщиков.

У Вонг округлились глаза. Ее горизонты, насколько мог судить Натан, расширились прямо на глазах.

– Но, возможно, никто никогда их не сосчитает, – заметила Вонг.

– Это уж моя работа, – с ноткой гордости сказал Тоби Фокс.

– А вот и она. Кэти! Кэти Бергрин!

Светловолосая женщина лет тридцати решительной походкой шла через улицу. Она удивленно оглянулась на Билла Ловелла и посмотрела с явным беспокойством на Натана и его коллег в военной форме.

– Что это такое? Вторжение?

Ловелл пожал плечами.

– Кажется, они пришли, чтобы сосчитать нас. Ну или что-то такое. Для начала они заблудились. Как по-твоему, твой отец даст американским солдатам глоток воды?

Женщина улыбнулась – почти дерзко.

– Ну, пусть рискнут попросить. Пойдемте. Но оружие придется оставить за дверью.

19.

Джек Грин, шестидесяти лет, показался Натану Боссу типичным кабинетным радикалом. Он грозно уставился на стоявшего на пороге лейтенанта Аллена – буквально пригвоздив взглядом к месту этого рослого вооруженного армейца, – прежде чем впустить его с отрядом в дом. В любом случае им пришлось оставить оружие у двери и снять на крыльце походные ботинки.

Оставшись в носках, они вошли в просторную гостиную с холодным очагом, несколькими охотничьими трофеями и грудami книг и бумаг. Натан подумал, что комната очень опрятная, почти по-военному. Он уже знал, что у хозяина есть дочь по имени Кэти. Натан немедленно догадался, что это – жилище вдовца, которому некуда девать время.

Джек Грин яростно смотрел на них, как на непослушных детей.

– Так. Я вас впустил и позволил укрыться от жары. Этого требуют базовые принципы гуманизма. Я дам вам воды. Насос на заднем дворе.

Кивнув, Аллен отправил двоих за водой. Они сбросили рюкзаки у дверей и вышли. Вскоре все уже пили воду из глиняных кувшинов.

– Пьем быстрее, чем коренные бостонцы в день святого Патрика, – заметила Вонг.

Джек посмотрел на лейтенанта Аллена.

– Я могу одолжить вам переходник. Пошлите кого-нибудь из своих детишек вдогонку за кораблем.

Он рассмеялся.

– Ну и путаница...

– Спасибо, сэр.

– Не благодарите, потому что больше ничего я для вас делать не собираюсь, – сказал Джек, отмахнувшись. – Садитесь, если хотите. Только ничего не сломайте. Не надо ни с чем играть и пачкать мои бумаги.

Солдаты начали сбрасывать рюкзаки, расстегивать бронежилеты, снимать камуфляжные куртки. Они сидели маленькими кучками и тихо разговаривали; через несколько минут Натан заметил, что один из них вытащил дорожный набор для игры в крестословицу.

Аллен с отвращением взглянул на него.

– Ты не взял с собой переходник, Маккибен. Не взял, блин, даже воды для питья. Зато прихватил игрушку.

– Приходится выбирать, лейтенант.

Хозяин вернулся за свой заваленный бумагами стол. Натан заметил, что вся мебель в комнате самодельная, грубая, но прочная.

Джек произнес:

– Трудно сказать, что я удивлен. Весть о вашем триумфальном шествии по мирам опережает вас. Но Билл, за каким чертом ты привел их ко мне?

Вид у бывшего почтальона был плутовской.

– Ну а кто еще в этом маленьком поселке сумеет как следует поприветствовать наших, эм-м... освободителей?

Лейтенант Аллен, заслышав их разговор, встревожился. Не дожидаясь разрешения, он сел напротив Джека и вытащил из кармана куртки распечатанный список.

– Джон Родни Грин, он же Джек. Правильно?

– Что это у вас такое, список рождественских поздравлений?

– Список подписавших так называемую Декларацию независимости, сэр. А также тех, кто ее составил.

Джек улыбнулся.

— Ну и что вы намерены сделать? Застрелить меня? Или арестовать и связанным доставить на борт?

— Мы здесь, чтобы защитить вас, сэр. Вовсе не для того, чтобы доставлять проблемы.

— Ну спасибо.

— На самом деле мы благодарны вам за помощь, мистер Грин, — отчетливо произнес Аллен. — Вы можете помочь нам и еще кое в чем. Мичман Фокс... — он щелкнул пальцами, подзывая Фокса, — ведет перепись населения.

— Правда? Рад за тебя, сынок.

— Теперь, когда мы оказались здесь, я понимаю, что понадобится некоторое время, с этой вашей странной системой, «округом», разбросанным по нескольким мирам, ну и все такое. Не найдется ли у вас свободной комнаты, где Фокс мог бы переночевать...

— Солдаты с Базовой Земли под моей кровлей жить не будут.

— Мы готовы компенсировать неудобства.

— Чем? — с интересом спросил Джек.

— Ну... разумеется, в денежном эквиваленте. Я уполномочен выписывать чеки. В разумных пределах, конечно. И наличные у нас с собой тоже есть.

— Какие? Доллары?

— Абсолютно законное платежное средство, сэр, поскольку Перезагрузка находится в пределах американской Эгиды, — сухо заметил Аллен.

Джек вздохнул.

— Ну и что я буду делать с долларами? Заплачу ими Биллу за пойманную рыбу? Ну и что он будет с ними делать? Эти бумажки будут просто носиться на ветру, как мухи над коровьей лепешкой...

Аллен собирался сказать в ответ что-то резкое, но Фокс подался вперед и заинтересованно спросил:

– А какой бы платы *вы* хотели, сэр? Чем у вас тут расплачиваются?

– Мы называем это фаворами, – сказал Джек.

– Фаворы?

– Скажем, я предоставляю вам комнату на несколько ночей. Это фавор. Теперь вы, в свою очередь, тоже должны мне фавор. Нужно условиться о его форме до того, как вы переберетесь с вещами. Будь на вашем месте Билл, он принес бы рыбы. Таким образом, он вернет мне фавор, и мы будем квиты. Или, если я не хочу рыбы, Билл может сходить к старому Майку Доуку, дальше по улице, который здорово умеет подковывать лошадей, и отдать рыбу ему, таким образом, передав Майку тот фавор, который должен мне. И когда моя лошадь собьет подкову...

Аллен вскинул руку.

– Я понял.

Фокс уточнил:

– Значит, вы не пользуетесь бумажными деньгами. Но у вас же бывают работники извне. Врачи, например.

– С ними мы тоже так или иначе расплачиваемся фаворами.

– Специалисты, например инженеры, способные построить плотину. Ну и так далее. Наверняка бывают случаи, когда вы *не можете* оказать человеку услугу. Нельзя съесть больше одного обеда зараз или надеть больше одной пары брюк...

Джек подмигнул Фоксу.

– Хороший вопрос. Что ж, у нас есть кое-какие активы. Золото, серебро, ювелирные украшения. Даже некоторое количество бумажных денег, если хотите знать, – мы ни от чего не отказываемся, если у человека нет иного способа расплатиться и он отчаялся. Мы не монахи, повинующиеся уставу. Мы иногда отступаем

от правил, если это облегчает жизнь. Но в норме мы обходимся самообеспечением; для того и нужны фаворы.

Аллен внимательно взглянул на него.

— Значит, вы все-таки принимаете доллары. Но не желаете брать их от нас. От представителей вооруженных сил.

Джек рассмеялся ему в лицо.

— Послушайте, вы и ваши кассиры в Вашингтоне лишились всяких прав на нашу помощь, когда десять лет назад отрезали колонистов от Базовой Земли. Когда закрыли Центр поддержки поселенцев, когда конфисковали мои сбережения. Вы даже уволили старину Билла.

Ловелл ухмыльнулся:

— Да брось. Мне и так неплохо.

— Все эти «права и обязанности Эгиды», о которых разглагольствует президент Коули, не имеют никакого отношения к нам, — продолжал Джек. — Да, лейтенант, я дам вам воды, чтобы облегчить страдания детей, которых вы сбили с пути истинного. Но помимо того... Я мог бы взять ваши доллары, но не возьму, потому что мне не нравитесь ни вы, ни Базовое правительство, которое вы представляете, и я хочу, чтоб вы поскорей убрались.

Натан видел, что лейтенант Аллен медленно накаляется, как вулкан.

— Не говорите глупостей!

Фокс поспешно начал:

— Извините, сэр. Столкновение сознаний — именно та причина, по которой...

— Заткни хайло, парень.

Фокс немедленно съежился.

— Да, сэр.

Аллен вытащил из внутреннего кармана пачку сто-долларовых банкнот и положил их на самодельный стол.

— Я прошу вас взять деньги, сэр. Или принять последствия.

Джек спокойно взглянул на него.

– Как там сказала та бедная троллиха, когда такие, как вы, пытались отнять у нее детеныша?..

– Американская армия тут совершенно...

– «Я не хочу», – произнес Джек, сопровождая слова тролльим языком жестов. – Я не хочу, сэр. Не хочу.

Аллен нахмурился.

– Мичман Фокс, наденьте на этого человека наручники.

Джек рассмеялся. Фокс, в нерешительности, не двинулся с места.

В углу, где играли в крестословицу, возникла небольшая перепалка.

– Маккибен, придурок, «юго-запад» пишется в два слова, а не в одно.

– Сомневаюсь, что наручники – это адекватная реакция, лейтенант Аллен, – спокойно ответил Натан.

Аллен в ярости хлопнул дверью.

А Натан задумался, каким образом он будет отчитываться перед капитаном Кауфман.

Выслушав объяснения, в первую очередь Мэгги избавилась от лейтенанта Сэма Аллена.

А во вторую попросила о встрече с Джеком Грином, чтобы получше узнать, что представляет собой система фаворов.

20.

В Рудном поясе семейство Валиенте стало свидетелями аварии.

Корабли несколько раз останавливались над засушливыми мирами в этой части Долгой Земли, чтобы принять на борт различную руду – не только массивные образцы наподобие боксита или даже драгоцен-

ные металлы, золото и серебро, но также и множество минералов, которые были редки на Базовой Земле или, во всяком случае, очень высоко ценились: германий, кобальт, галлий.

Но авария произошла в неколонизированном мире.

Валиенте как раз зашли в рулевую рубку, и Хелен с Дэном все видели. Твен замедлил ход, поскольку приближался к печально известному Джокеру, примерно в восьмидесяти тысячах переходов от Базовой Земли, и пилот знал, что нужно быть осторожным и делать не более двух переходов в минуту. Когда они наконец перешли в Джокер, пейзаж за окном — скудная зелень, рощицы и прерии — изменился, появились голые, кирпично-красные, пыльные скалы. Даже местная версия Миссисипи съежилась до размеров ржавой струйки, которая текла по долине, казавшейся для нее слишком широкой. По неведомым причинам этот мир страдал от страшной засухи. Он походил на Марс.

И там лежал упавший корабль.

Он назывался «Пенсильвания». Пыльная буря застигла его, когда он осторожно пытался пересечь Джокер, а потом один из мешков с гелием — может быть, изначально поврежденный — разорвался от внезапного расширения, вызванного жарким и сухим воздухом. Утечка произошла быстро, зато катастрофа — медленно и неумолимо; наверняка ощущения были жуткие. Пассажиры «Золотой пыли» видели обломки корабля сквозь пелену пыли, которая шелестела за окнами. Это заканчивалась буря, которая погубила «Пенсильванию». С воздуха твен напоминал шестисотфутовый риф, наполовину уже занесенный красным песком.

«Золотая пыль» первой наткнулась на потерпевшее крушение судно. Пока Дэн и Хелен держались в стороне, стараясь никому не мешать, в капитанской каюте собралось срочное совещание, включавшее и команди-

ров других кораблей, как только те стянулись в Джокер. Вскоре была разработана стратегия, и экипаж принялся за работу энергично и четко, так что у Хелен потеплело на душе. Они бросили якорь и живо соорудили нечто вроде импровизированного лифта, опускавшего и поднимавшего людей на открытой платформе. Хелен увидела приятеля Дэна – Босуна Хиггза, который собирался присоединиться к спасательной группе, собранной со всех кораблей.

Пока экипажи работали, капитан вызвал по внутренней связи добровольцев из числа пассажиров. «Добровольцы из числа пассажиров». У Хелен дрогнуло сердце, когда она это услышала.

Разумеется, она не могла помешать.

Все шло хорошо три-четыре часа. Солнце медленно закатилось, и песчаная буря наконец утихла. Оттуда, где стояла Хелен – из поднебесья, – виднелись люди, похожие на хорошо организованных муравьев, возившихся вокруг корпуса упавшего судна. Они копали туннели среди обломков, выводили тех, кто мог ходить, выносили тяжелораненых и погибших. Под навесом разбили полевой медицинский пункт, и вскоре первых пострадавших подняли на борт «Золотой пыли». Ее расположение лучше всего подходило для того, чтобы принять раненых, и на ней имелся хорошо оборудованный лазарет, который можно было быстро превратить в настоящий госпиталь. Другие партии занимались спасением хотя бы части груза «Пенсильвании», который по большей части составляла пшеница из Кукурузного пояса. Третьи исполняли печальную обязанность – рыли могилы вокруг места крушения.

Потом раздалась тревога в рулевой рубке. Один из членов экипажа «Золотой пыли» угодил в ловушку глубоко в недрах «Пенсильвании» – под ним подломился

каркас, когда он героически пытался добраться до последней группы потерпевших. Он застрял в обломках, слишком высоко над землей, чтобы перейти. Остальные быстро принялись изобретать способы спасения.

— Ого, — сказал Дэн, прислушиваясь к треску сообщений по рации. — Кто это, по-твоему, а, мам?

«Только не твой отец, — молча взмолилась Хелен. — Только не Джошуа. Для разнообразия — только не Джошуа».

С носа «Золотой пыли» спустили еще один трос, за который держались двое — Босун Хиггз и Салли Линдси. Сердце у Хелен падало быстрее, чем снижалась платформа. Очень осторожно спасатели, нырнув в дыру в скомканной оболочке твена, скрылись в темноте. Хелен слышала приглушенные переговоры по рации и видела свет фонариков глубоко в недрах «Пенсильвании». Затем настала тишина.

Наконец Салли крикнула:

— Вытаскивайте!

Медленно и осторожно лебедка завертелась. Сначала поднялась платформа, на которой стояли Салли и один из членов экипажа, а за ними тянулся длинный кабель. До Хелен донеслось:

— Все нормально. Самолюбие несколько пострадало, но не более того. Подымайте дальше.

Кабель тянулся из дыры. И вот, в лучах заходящего солнца, болтаясь вниз головой на кабеле, привязанном к ноге, появился Джошуа.

Дэн закатил глаза.

— Ну, папа!..

Хелен подумала, что сын идеально подытожил ситуацию.

К ее огромной досаде, инцидент попал в аутернет и на новостные каналы. Иногда так трудно быть женой Супермена.

И — как сказал впоследствии Джошуа, потому что Хелен-то на *нее* не смотрела — едва его вытащили из обломков, Салли ухмыльнулась и исчезла.

21.

«Бенджамен Франклин» проходил через миры Рудного пояса всего лишь несколько дней спустя после катастрофы. В присланном по аутернету коммюнике «Франклину» предписывалось вернуться от Перезагрузки в один из миров Рудного пояса, примерно в семидесяти тысячах переходов от Базовой Земли. Там какой-то идиот застрелил двух троллей.

Пока «Франклин» плыл между мирами, Мэгги Кауфман — не в первый раз с начала экспедиции — гадала: может быть, вся Долгая Земля — это испытание, которое человечество до сих пор с успехом проваливало? С одной стороны, по-прежнему оставались обитатели Базовой Земли, чей образ жизни не имел ничего общего с бесконечной ширью по ту сторону садовой ограды; с другой стороны, до сих пор, двадцать пять лет спустя после Дня перехода, люди уходили на запад и на восток, даже в Верхние Метгеры и еще дальше, задумываясь лишь о том, какие грибы тут съедобны. Одной из неофициальных целей экспедиции было доставлять в безопасные места раненых или просто потрясенных, сдавших после первой же зимы без электричества, после неожиданного визита медведя, стаи волков, а кое-где и динозавров. Умные люди, хоть им поначалу и пришлось учиться всему, быстро разработали эффективные способы добиваться своего, но умных Мэгги встречала немного. Идиоты продолжали делать глупости — например, стрелять в троллей, несмотря на напряженную политическую атмосферу вокруг инцидента

с Мэри. И именно на разгребание последствий подобного идиотизма то и дело призывали «Франклин».

И вот корабль плыл над засушливыми версиями Техаса, прислушиваясь к радиопередатчику и разыскивая партию, чье местонахождение – в последовательном и в географическом смысле – было известно лишь приблизительно. Экипаж с огромным интересом слушал рассказы о случившейся с «Пенсильванией» катастрофе. Мэгги убедилась, что никакой помощи от нее не требовалось.

Наконец неподалеку от местной версии Хьюстона они обнаружили примитивный лагерь, откуда на них смотрела маленькая одинокая фигурка. Натан Босс указал на рощицу неподалеку, которая несла на себе следы явного беспорядка, возможно драки. Мак осторожно привлек внимание Мэгги к инфракрасным изображениям неподвижных остывающих тел в глубине зарослей. Там, видимо, сложили трупы.

Мэгги, Натан и Джо спустились. Одинокая фигурка в лагере – женщина – ждала их у потухающего огня. Вида она была довольно сурового, лет сорока – чуть старше Мэгги, – на вид типичный странник. Она представилась просто – Салли. В числе оружия, которое она носила за спиной, оказалась керамическая складная винтовка. На лице Салли явственно читалось: «У меня полно дел».

Мэгги достаточно хорошо знала своих подчиненных и не сомневалась, что они будут осторожны. А еще – благодаря вводным совещаниям на Базовой – она знала, кто эта женщина.

Салли предложила им кофе и спальник, чтобы сесть. Тратить время даром она не стала.

– По-моему, вам тут делать нечего. С такими вещами я и сама могу разобраться. Я вас не звала.

Натан спросил:

– А кто звал?

– Его уже давно нет – он сбежал. Ну ладно, раз уж вы здесь. Слушайте. Я отправила в надежное место неподалеку компанию так называемых ученых, которые убили по крайней мере трех троллей.

– Ученых? – переспросил Натан.

– Биологи. Утверждают, что прибыли сюда изучать троллей. Один из них как раз и позвал на помощь, и я позволила ему уйти. Остальные...

– Что значит «отправила в надежное место»? – резко спросила Мэгги.

Салли злобно усмехнулась.

– Троллей взяли в плен для каких-то экспериментов по скрещиванию с другими гуманоидами. Что неудивительно, они сопротивлялись и переходили на запад. За ними отправилась погоня, и в результате самец и две самки погибли, то есть как минимум эти трое, всю сцену целиком я не видела. Без родителей остался детеныш. Не сомневаюсь, вам известно, какой фурор сейчас производит человеческое обращение с троллями...

– И все-таки это не дает вам право на какие-либо самостоятельные действия, кем бы вы ни были, – хрипло произнес Мак.

Салли улыбнулась.

– Ну, никто не умер. Им не особенно уютно, но они живы. В отличие от троллей. И, кстати, если ваша команда попытается меня задержать, я перейду быстрее, чем вы успеете досчитать до трех.

Мэгги прекрасно сознавала, что ответом на малейшую угрозу со стороны Салли, при всей ее самоуверенности, станет молния с «Франклина». С другой стороны, капитан Кауфман хотела вникнуть в ситуацию – и, раскусив, как ей показалось, Салли, она увидела некий способ...

– Я совершенно не намерена задерживать вас, э-э... Салли. Мы не полиция. Насколько я понимаю, эти люди заслужили все, чему вы их подвергли. Впрочем, я бы

посоветовала вам, по крайней мере, отложить оружие, которое вы носите за спиной. Давайте немного снизим напряжение. А потом прогуляемся в тот лесок, где лежат тела, и побеседуем. Я хочу разобраться.

Салли помедлила. Затем кивнула, сняла оружие, и женщины зашагали к роще, оставив Мака и Натана допивать переваренный кофе.

– Конечно, я знаю, кто вы, – быстро сказала Мэгги, надеясь выбить Салли из колеи.

– Правда?

– Разумеется. Вы – женщина, которая путешествовала вместе с Джошуа Валиенте. Новости быстро расходятся.

Точнее сказать, Салли упоминали на совещаниях как ту еще занозу – и, да, любительницу самосуда.

– Салли Линдси, если не ошибаюсь? По крайней мере, это одно из имен, под которыми вы известны.

Салли пожала плечами.

– А я слышала про вас, капитан Маргарет Диана Кауфман. Нетрудно было изучить ваш послужной список – каждый, кто интересуется политикой Долгой Земли, знает все про «Франклин», прочий флот и его миссию. Как в кино. На самом деле я даже рада, что появились именно вы, – вы, кажется, один из наименее тупых офицеров, каких сюда посылают.

– Спасибо.

Салли внимательно воззрилась на Мэгги.

– Послушайте, раз уж вы здесь. И раз уж вы, судя по всему, не псих, помешанный на военщине.

– Вот это похвала.

– Я верю в интуицию. В то, что нельзя упускать возможности. У меня есть одна идея насчет охраны порядка...

– Строго говоря, это не наше дело... – Мэгги вновь заняла оборонительную позицию. – О чем вы вообще?

– Может быть, вы не так глупы, как ваши коллеги, но какую же идиотскую задачу на вас повесили. Блин, и в самом деле похоже на «Звездный путь» – горстка кораблей патрулирует бесконечные миры. Послушайте, если хотите управлять Долгой Землей, научитесь мыслить шире.

– Что вы предлагаете?

– Вам нужен союзник, способный охватить всю Долгую Землю, – Салли пристально взглянула на Мэгги. – Я имею в виду троллей.

Мэгги была захвачена врасплох.

– Что?!

– Используйте троллей. В том числе возьмите парочку на корабль. Люди уже давно сотрудничают с троллями, если нуждаются в дружеской помощи. Почему бы и не в военной сфере? У них обширная система коммуникации и огромная племенная память...

– Долгий зов.

– Да. Не говоря уже о несомненной физической силе.

Для Мэгги это был перебор. Она подумала, что ее действия чересчур далеко отошли от речи президента, с его идеей суровой любви. С одной стороны, следовало как-то отреагировать на ситуацию с троллями.

– Я должна подумать. Зачем вам вообще это нужно? Салли пожала плечами.

– Я на стороне троллей. Лучший способ защитить их – сделать вашими сотрудниками. Может быть, в результате они снова научатся нам доверять...

Мэгги вслед за Салли зашла в заросли и увидела двух мертвых троллей – третий труп, по словам Салли, остался в каком-то из соседних миров. К убитой матери прижимался живой детеныш.

– Вы сказали, что эти люди, ученые, сидят где-то неподалеку.

– Вы их увидите. И лучше поторопитесь, пока не пришли другие тролли.

– Какие другие тролли?

Салли многозначительно взглянула на нее.

– В сумерках этот осиротевший детеныш, как бы мал он ни был, попытается присоединиться к долгому зову. Его услышат другие тролли. И когда они придут... Знаете, тролли относительно милосердны. По сравнению с тем, как повели бы себя большинство людей. Но они *очень* любят своих детенышей.

– Намек поняла.

Они зашагали обратно к костру.

– Послушайте, – сказала Салли, очевидно поддавшись порыву. – Раз уж у вас, капитан Мэгги, голова, кажется, варит как надо, посмотрите-ка вот на эту штучку.

Она порылась в небольшой грудке снаряжения и извлекла какой-то блестящий прибор – трубку, снабженную клавиатурой и смутно напоминающую музыкальный инструмент, только технически усовершенствованный. Мэгги подумала: «Похоже на окарину, сделанную Эйнштейном».

– Это троллий зов.

– Что-что?

– Двустороннее переводящее устройство для общения с троллями. Я довольно ловко научилась с ним обращаться. Я могу позвать на помощь или сообщить об опасности. Конечно, троллий язык совершенно не похож на наш, и я обхожусь самыми базовыми понятиями. Это просто прототип. Но всё лучше, чем ничего. Если на корабле будут несколько троллей и такая штука...

– Где я могу ее получить?

– О, это не для продажи, – заявила Салли. – Но я могу раздобыть ее для вас у производителя.

– У кого?

Салли просто улыбнулась.

И Мэгги решила рискнуть.

– Ладно. Достаньте мне такой прибор. Предпочитаю иметь несколько вариантов. И насчет троллей я подумаю.

– Хорошо.

– Как вас найти?.. О, я так понимаю, вы сами меня найдете.

– Вижу, вы и правда неплохо соображаете.

Когда кто-либо из членов экипажа сходил на землю, его, разумеется, не выпускали из виду, поэтому подчиненные Мэгги слышали каждое слово.

Натан Босс думал, что следовало задержать Салли Линдси или хотя бы попытаться.

Джо Макензи предположил, что Мэгги сошла с ума, если хотя бы задумалась о том, чтобы взять на борт троллей.

– Не знаю, Мак. Нам действительно нужны новые методы. За последний месяц я кое-что усвоила. Салли права. Если удалиться от Базовой больше, чем на десять переходов, это все равно что открытый космос. Нельзя контролировать Долгую Землю, как оккупированный город в зоне военных действий. Или хотя бы как Базовый Нью-Йорк. Свобода – это беспорядок. Послушай, Мак... узнай кое-что для меня. Найди специалиста по троллям...

22.

«Золотая пыль» и прочие корабли преодолевали Ближние Земли – несколько десятков последовательных миров, оставшихся до Базовой Земли. В этих мирах, весьма развитых, твены так и кишели в небесах, и столкновения во время переходов были реальной угрозой. Кое-где даже приходилось следовать за идущими

щим по земле лоцманом, который переходил, проверял обстановку и возвращался, убедившись, что путь чист.

Но даже толкучка Запада-3, 2 и 1 оказалась пустяком по сравнению с тем, что они обнаружили, перейдя наконец на Базовую Землю. Только что путешественники видели пейзажи Запада-1 – и вдруг словно оказались над местом взрыва авиабомбы, уничтожившей всю зелень на много миль вокруг. Вместо лесов были бетон, битум и сталь, сверкающая река превратилась в мутно-серую, с каменными набережными и мостами, под грязным бесцветным небом. Джошуа подумал: вот наглядная демонстрация того, во что человечество способно превратить мир, если дать ему побольше нефти и два-три столетия сроку.

Сама «Золотая пыль» словно уменьшилась, когда осторожно приземлилась на бетонную площадку. И первым делом, сойдя с корабля, Джошуа увидел на стене старого кирпичного склада огромный портрет президента Коули, стоявшего вытянув руку ладонью вперед, словно желая сказать: «Не лезь к нам!»

Салли, идущая следом за Джошуа, осматривалась пренебрежительно и сердито. Она вернулась – надолго или нет – из своей последней отлучки. Хотя Джошуа знал Салли много лет, он по-прежнему имел мало представления о разнообразных каналах, по которым к ней шли сведения о происходящем на Долгой Земле. Салли, похоже, считала ее зоной своей личной ответственности.

И теперь она мрачно сказала:

– Добро пожаловать домой.

Сшедшие с корабля пассажиры отправились в иммиграционную зону – огромный зал, полный змеящихся очередей, пропускных пунктов и сканеров. Придурки из Департамента национальной безопасности сидели так, что их лиц не было видно, а на стенах висели

угрожающие инструкции и загадочные плакаты с надписью «Быт. 3:19».

Как и в любом аэропорту, здесь яркие указатели направляли поток пассажиров к другим транспортным системам – самолетам, поездам, автобусам, такси. Транспорт активно развивался на Базовой Земле после Дня перехода. Чтобы совершить долгое путешествие по какой-нибудь из Ближних Земель, проще было, как правило, смотаться на Базовую, сесть в автобус или в самолет, достигнуть места назначения и перейти. Но на страже доступа к благам цивилизации стоял иммиграционный контроль. Джошуа окинул взглядом свою компанию, пока они томились в очереди. Дэн, никогда в жизни не выдавший ничего подобного, явно растерялся. Хелен, как всегда, была стоически терпелива. Билл еще не вполне оправился от сильнейшего похмелья после прощальной пьянки с экипажем «Золотой пыли». Салли закатывала глаза, созерцая бесконечную человеческую глупость.

Пока они ждали в очереди, к ним подошел человек – низкорослый, энергичный, в черной сутане, белом воротничке и шляпе с крестом. Дэн шарахнулся от него. В руках у незнакомца была Библия, на цепочке висел небольшой медный шарик, откуда несся густой запах благовоний. Видимо, этот тип обслуживал стоявшую толпу.

Подойдя к пассажирам «Золотой пыли», он всучил Салли листовку.

– Во имя Бога, теперь, когда вы вернулись домой, оставайтесь здесь, на Базовой Земле – *единственной* подлинной Земле.

Салли нахмурилась.

– С какой стати? И кто вы такой?

Он с напором ответил:

– Нет никаких доказательств, ни научных, ни теологических, что развоплощенная душа способна путе-

шествовать по разным мирам. Если ваши дети умрут там, в диких лесах, их души *никогда* не найдут дороги к стопам Господа, — и он перекрестился. — Судный день близок. Даже теперь, во всех так называемых последовательных мирах, в недрах этих безбожных копий единственной подлинной Америки, геенна огненная уже изрыгает ядовитый дым...

Салли рассмеялась и откровенно послала его куда подальше, гораздо энергичнее, чем рискнул бы сделать Джошуа. Человек в рясе поспешно зашагал на поиски более покладистых жертв.

— Вот псих, — заметил Билл.

Наконец очередь дошла и до них. Багаж тщательно осмотрели, каждого путешественника пропустили через сканер. Джошуа и Салли прошли первыми. На другой стороне обоих снабдили браслетами на запястье — яркими и, несомненно, снабженными «жучками» для слежки. Браслеты полагалось носить не снимая до самого отбытия с Базовой.

Пока они ждали остальных, Джошуа негромко произнес:

— Не понимаю. Вся эта процедура с досмотрами... в прошлый раз ничего такого не было. Главное, зачем? Конечно, в последовательных мирах есть некоторые угрозы для Базовой Земли — инфекционные заболевания и агрессивные существа. Но Долгая Земля — открытая граница. Мы послушно летим на твене и прибываем на конечную станцию, хотя можем перейти обратно из любой точки Базовой, с полным рюкзаком жуков-усащей. Не вижу логики.

Салли закатила глаза.

— Ты не понимаешь символов, Джошуа. Президент Коули говорит своим избирателям: смотрите, вот как я вас защищаю. Смотрите, как ужасны эти путники, какую опасность они представляют, — она взглянула

на ряды охранников. – Компании, которые производят охранное оборудование, получают немало денег из бюджета. Страх приносит большие доходы.

– Ты цинична.

– Джошуа, цинизм – единственный разумный ответ на выבריки человечества. Особенно на Базовой Земле.

Наконец подошли Дэн, Хелен и Билл. У Дэна были круглые глаза и озадаченный вид, но мальчик не особенно испугался, как заметил с облегчением отец. Воссоединившись, они забрали вещи и зашагали через переполненный зал, ища выход к такси. Джошуа заметил нечто новенькое, появившееся с тех пор, как он в последний раз навестил Базовую: небольшие участки людных тротуаров, отмеченные желтыми штрихами, служили местами для перехода, и люди старались их не занимать, чтобы не мешать прибывающим. Только на Базовой Земле были нужны такие предосторожности, и Джошуа ощутил неприятный приступ клаустрофобии.

К ним подошел еще один человек, на сей раз в элегантном деловом костюме, с полиэтиленовым пакетом. Видимо, путешественников не собирались ни на минуту оставлять в покое. Этому типу было лет тридцать. Рдеющие волосы, очки, обворожительная улыбка...

Он встал прямо на пути, так что пришлось остановиться. Джошуа подумал: еще один религиозный псих. Но мужчина произнес внятно и спокойно:

– Добро пожаловать на Землю, мутанты.

И сунул руку в пакет.

Джошуа бросился вперед, чтобы оказаться между ним и своей семьей. Краем глаза он заметил, что Салли подхватила Дэна на руки и мгновенно, с легким хлопком, перешла. А мужчина вытащил нож – короткий и тяжелый. И метнул его.

Нож вонзился Джошуа выше правого соска. Он упал на спину, обливаясь кровью.

Он увидел, как Хелен кулаком ударила нападавшего по лицу. Она была повитухой, а значит, не жаловалась на слабосилие — мужчина рухнул навзничь. К ним уже бежали копы и охранники.

Мир для Джошуа посерел и угас.

23.

— Твоего несостоявшегося убийцу зовут Филипп Мотт, — сказала Моника Янсон, наливая Джошуа кофе. — Младший поверенный, работал в одном из крупных железнодорожных концернов. Ни в чем таком не замечен, полиции не попадался. Не фобик, насколько нам известно, и семья его не бросала. Обычно такие вещи провоцируют агрессию.

Джошуа хорошо знал этот синдром. Хелен была сестрой Рода Грина, сообщника тех, кто взорвал в Мэдисоне бомбу, — фобика, ставшего преступником.

— Но, — продолжала Янсон, — своего переходника у Мотта нет. Он вообще, насколько известно со слов свидетелей, никогда не переходил. Он много лет поддерживал «Друзей человечества» президента Коули, в том числе самых фанатичных, от которых теперь даже Коули официально отмежевывается...

Джошуа поерзал на кушетке — слишком глубокой, чтобы улечься удобно. Спустя несколько дней после покушения плечо почти зажило, но по-прежнему было перевязано, и рана порой давала о себе знать острой вспышкой боли, если он слишком расслаблялся. Салли сидела рядом, с кружкой кофе, на краешке сиденья. Как всегда, с таким видом, словно она собиралась пулей вылететь за дверь — или перейти. Дэн играл во дворе в баскетбол с Биллом, бросая мяч в старое ржавое кольцо, прикрепленное к стене дома. Джошуа слышал, как они носились, и Дэн громко комментировал происходящее.

А Хелен — с ума сойти! — сидела под арестом за нападение.

Они остановились у давнего друга Джошуа, бывшего мэдисонского лейтенанта Моника Янсон. Ее дом, расположенный на окраине Мэдисон-Запад-5 — куда перебрались после взрыва обитатели Базового Мэдисона, — был типичной для Ближних Земель постройки, массивный, из дерева, которое некогда невероятно высоко ценилось на Базовой. Персональное прошлое Янсон отражалось в том, что дом полнился всякой современной электроникой. Широкоэкранный телевизор, мобильники, лэптоп...

Янсон перевалило за пятьдесят, но, на неопытный взгляд Джошуа, выглядела она старше. Моника похудела, поседела и коротко подстриглась. Джошуа заметил белые пластмассовые баночки с лекарствами, стоявшие на полке над большим очагом, а прямо над ними, на кожаной тесемке, свисало с крючка кольцо с сапфиром, когда-то найденное Джошуа. С одобрения Хелен, он принес кольцо на Базовую, с неопределенным намерением показать этот впечатляющий трофей нескольким близким друзьям.

По телевизору какой-то геолог осторожно обходил озерцо с бурлящей грязью в одном из последовательных Йеллоустонов на Ближних Землях. Видимо, тревожные симптомы были не только в Базовом Йеллоустоне. Комментатор игривым тоном рассказывал об уснувших гейзерах, мигрирующих животных и о том, какую выгоду это приносит Национальному парку, поскольку туристы приходят поглазеть на свежие хтонические беспорядки в последовательных мирах. Возможно, тот псих в порту был прав насчет огня и серы в Йеллоустоне, пусть даже он все неправильно понял.

Салли спросила:

— Значит, Мотт никогда раньше ничего такого не выкидывал?

– Во всяком случае, об этом нигде не сказано. Но сейчас многие «Друзья человечества» так себя ведут. Их тактика эволюционировала. Они впитывают пропаганду, помалкивают, держатся в тени – и носят с собой колья...

– Колья? – переспросил Джошуа.

– Так они называют оружие. Кольями, как известно, убивают вампиров. Каждому путнику – железный кол. Их очень трудно отследить. И вот однажды они встречаются жертву в удобном месте. Например, возле терминала, но по ту сторону рамок, чтоб никто не знал, что у него в сумке... именно там, где этот тип вас встретил, Джошуа.

– И узнал в лицо, – сухо сказала Салли.

– И нанес удар. Кстати говоря, он целил в сердце. Пусть он и промахнулся, но могли бы возникнуть некоторые проблемы, если бы ты попытался перейти с куском железа, воткнутом в грудь.

Салли фыркнула.

– Я слышала, на Базовой Земле есть страны, где правительство проделывает такие штуки намеренно. Хирургически вживляет железные клипсы в сердце или в артерию.

– Да, – подтвердила Янсон, – это называется «ставить скобки». Не беспокойтесь, Мотт под арестом, ему предъявят обвинение. Закон и порядок на Базовой сейчас не те, что в мое время, но такие покушения никому с рук не сходят.

– И моей жене, видимо, тоже не сойдет, – с горечью заметил Джошуа. – Поверить не могу, что Хелен арестовали.

– Ну, она таки вырубил Мотта. Вот это был удар. Отделается предупреждением, самооборона и все такое.

– Но она сидит за решеткой! У нее отняли переходник и отказались выпустить под залог. Сколько нам придется ждать, чтоб Хелен отпустили?

– Боюсь, такова теперь политика в отношении тех, кто не живет на Базовой Земле или хотя бы на Ближних Землях.

Салли покачала головой.

– Базовая Земля полна параноиков, и управляют ими параноики. Неудивительно, что люди не хотят возвращаться.

– Ну, ты все-таки вернулся, – сказала Янсон, обращаясь к Джошуа. – Встречаешься с сенатором Старлингом, так?

– Чтобы поговорить о троллях... – Джошуа пожал плечами и поморщился от боли. – Спасибо, Янсон. Я знаю, ты немало потрудились, чтобы это устроить. Но сейчас я сомневаюсь, что поступил мудро, вернувшись на Базовую.

– Нужно же попытаться, – резко заметила Салли. – В Черт-Знает-Где мы через все это прошли.

Он устало отозвался:

– Конечно. Но теперь мы на Базовой, и очевидно, что благополучие троллей отнюдь не в первых строках списка у здешних политиков.

Янсон кивнула.

– Наверное, ты прав. Но инцидент с троллихой Мэри вызвал шум даже на Базовой Земле. Исключительный случай, такая очевидная жестокость и несправедливость, черт побери, причем в научной среде! Дальше просто некуда. Вот шанс что-то изменить. И поэтому я уж постаралась добиться встречи со Старлингом.

Салли подтвердила:

– Вот именно. Джошуа, что толку в твоей знаменитости, если ты ею не пользуешься во благо?

Он поморщился.

– Моя знаменитость привела исключительно к тому, что меня пырнули ножом, жену посадили за решетку, а мой сын перепугался до чертиков.

Янсон выглянула в окно.

– Ну, этот маленький колонист крепче, чем кажется. Джошуа скривился.

– Президент Коули назвал бы его маленьким мутантом.

Янсон грустно улыбнулась.

– И грешником.

Салли кивнула.

– Бытие, 3:19. Мы видели плакаты.

Джошуа закрыл глаза, вспоминая уроки закона Божьего в Приюте.

– Вот что Бог сказал Адаму и Еве после изгнания из Рая. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

– Точно, – сказала Янсон. – Господь отправил нас в мир, или миры, чтобы трудиться. Вы, стригали, просто бродите без дела, ну или так вас здесь описывают – как отпетых лодырей. Без труда человечество не способно прогрессировать, и все такое.

Джошуа вздохнул.

– Подталкиваемые этим безумием, мы скатываемся к войне.

Янсон отхлебнула кофе. Джошуа показалось, что ее знобит, хотя день был теплый.

Он негромко спросил:

– Как ты поживаешь, Моника?

Она взглянула на него.

– Лучше говори «лейтенант Янсон».

– Значит, ты обосновалась здесь, на Западе-5?

– Ну, даже сейчас никого не пускают в Базовой Мэдисон надолго. Тебя, может, пустят на часок, если захочешь посмотреть. Я поговорю с кем надо... Жуткое место. Природа прет вовсю. Среди обгоревших развалин растут степные цветы. Американский Чернобыль, вот как его называют. Земля постепенно залечивает раны.

Джошуа осторожно спросил:

– А ты?

Янсон устало подняла глаза.

– Это так очевидно?

– Извини.

– Не извиняйся. У меня лейкемия. Сама виновата. Я слишком часто скакала туда-сюда после взрыва. Но с таблетками жить проще, и поговаривают о генной терапии.

– Ты всегда старалась делать то, что должно, – кратко сказал Джошуа. – Вот твое главное качество.

Она пожала плечами.

– Такова работа копа.

– Но ты шла дальше, чем большинство копов. И я тебя за это ценю.

Он потянулся, скривившись от боли, и коснулся руки Янсон.

– Не сдавайся. Слышишь?

Салли нетерпеливо встала.

– Если вы решили распустить сопли, то без меня.

Джошуа повернулся к ней.

– Что, уже уходишь?

Она подмигнула.

– У меня всегда много дел, Джошуа. Сам знаешь. Но я вернусь. До встречи, лейтенант Янсон.

И Салли исчезла.

Янсон подняла брови.

– Я сварю еще кофе.

24.

Марлон Джексон, референт сенатора Старлинга, намеревался держаться невозмутимо во время встречи с этим странным Валиенте. Джим Старлинг, по опыту

Джексона, был вполне управляем. К сожалению, сенатор отличался хорошей, пусть и избирательной, памятью, которая порой мешала направить его в нужную сторону. Но, по крайней мере, приступы гнева у сенатора были короткими и несерьезными, и в этом он походил на Линдона Джонсона, если верить описанию прадедушки Джексона: «Настоящий торнадо, пока не выдохнется, а там считай, что твое дело в шляпе». Предки Джексона много лет закулисно двигали демократию.

Но прадедушке не приходилось иметь дела с современными технологиями. Например, с электронным ежедневником, в который внесли назначенную встречу с Джошуа Валиенте, пусть даже все, у кого был доступ к ежедневнику, отрицали свою причастность. Даже когда Джексону удалось стереть запись, она появилась снова. Видимо, Валиенте кто-то поддерживал; Джексон, не новичок в правительственном штате, знал основные признаки.

И это непременно *должен* был быть кто-то вроде Валиенте, которого Джексон в последний раз видел лично, когда тот, стоя перед правительственной комиссией по расследованиям, всячески уходил от прямых ответов касательно своего загадочного путешествия по Долгой Земле на беспилотном корабле. На корабле, управляемом какой-то *тайной* технологией, из тех, что впоследствии Корпорация Блэка подарила американцам, вызвав немую ярость политических кругов. Валиенте, живой символ Долгой Земли, поддерживаемый некоей незримой рукой, – Валиенте, который буквально силой пробился сюда, чтобы увидеться с сенатором Старлингом, который презирал колонистов и все с ними связанное. Столкновение сознаний случилось в то самое время, когда политическая обстановка сделалась сложной как никогда, и в довершение этой ерунды с троллями – Декларация Вальгаллы...

По меркам Джексона, небольшой инцидент вышел из-под контроля и грозил неприятностями. Как ручная граната, брошенная на пол. Если бы только он мог превратить идиотские вспышки сенатора в нечто похожее на конструктивный диалог, все было бы хорошо. В таких делах остается лишь надеяться.

И Марлон проглотил очередную таблетку от язвы.

Когда охрана наконецпустила Джошуа Валиенте и его приятеля, одетых как золотоискатели, от предполагаемого начала встречи уже прошло несколько минут. Джексону показалось, что в кабинет середины двадцать первого века вторглось полулегендарное американское прошлое.

После короткого вступления Валиенте перешел прямо к делу.

— Мы опоздали на семь минут из-за вашей системы безопасности. Вы боитесь одного меня или всех своих избирателей?

Прежде чем Джексон успел ответить, Валиенте обвел взглядом охотничьи трофеи на стенах.

— Какой интересный выбор. Либо несъедобные, либо редкие животные. Либо то и другое сразу. Очень символично.

Его спутник загоготал.

Джексон не сказал еще ни слова. Он боролся; у него было такое ощущение, словно он столкнулся с первобытной силой.

— Может быть, вы сядете, мистер Валиенте? И вы... — он заглянул в сводку, — мистер Чамберс?

По крайней мере, на это они согласились.

Что представлял собой Валиенте? Джексона уверяли, что он просто слабоумный, в котором нет ничего особенного, кроме умения переходить. Но Валиенте оказался сложнее. Даже его голос звучал странно,

с точки зрения Джексона, который пытался оценить своего собеседника. Джошуа словно выкладывал слова одно за другим, как игрок выкладывает карты, решительно и уверенно. Он казался довольно медлительным, зато неумолимым. И если уж он начинал движение, остановить его было не проще, чем разогнавшийся танк.

А что касалось трофеев на стене, Джексон знал, что голову тигра приобрел еще дедушка Старлинга, купивший ее у продавца китайских афродизиаков, но остальное, по большей части, было результатом подвигов самого сенатора. Чутье не подвело Джошуа: трофеи словно предупреждали посетителей, что сенатор обладает внушительным запасом оружия, которое содержит в должном виде и не стесняется пускать в ход. Впрочем, большинство тех, кто голосовал за Старлинга, были поклонниками огнестрела. Джим Старлинг не стал бы обращать внимание на нытиков-экологов, которые распускали сопли из-за того, что в каком-то далеком мире убили Бемби.

И так во всем.

В любом случае Джексон решил, что это не его проблема, ему просто нужно было продержаться час-полтора, пока гостям не укажут на дверь.

– Кофе, господа?

– А чая у вас совсем нет? – спросил Чамберс.

Джексон позвонил, и напитки принесли через пару минут.

Затем, к своему большому облегчению, Джексон услышал, как в уборной смыли воду. Дверь открылась, и появился сенатор – слава богу, в кои-то веки с застегнутой ширинкой.

Старлинг, тучный, пятидесяти лет с небольшим, без пиджака, застигнутый в разгар рабочего дня, казался обезоруживающе гостеприимным. Колонисты встали, и вид у них сделался чуть менее ершистый, пока сенатор

жал им руки. Старлинг хорошо это умел – он обрабатывал людей с первой же секунды, как только появлялся перед ними.

Насколько мог судить Джексон, Валиенте удивился, когда сенатор попросил у него автограф.

– Это не для меня, а для моей племянницы. Она ваша большая поклонница.

Валиенте словно хотелось извиниться, когда он подписывал карточку.

– Я за вас не голосовал. Бюллетени нам не присылают.

Старлинг пожал плечами.

– Но вы по-прежнему мой избиратель, согласно определению, данному Эгидой, и окружным спискам. (Джошуа сохранил за собой юридический адрес Приюта в Мэдисон-Запад-5.) И вы сами теперь занимаетесь политикой, так?

Он полистал лежавшие на столе бумаги.

– Мэр в каком-то поселении. Восхитительно.

Сенатор плюхнулся в большое кресло и продолжал:

– Итак, господа, вы проделали долгий путь из вашего отдаленного мира, вы добрались до Вашингтона, вы желали срочно меня видеть. Давайте перейдем к делу. Насколько мне известно, вы добиваетесь создания заповедников на второстепенных Землях, так?

– Да, сэр, – ответил ирландец – Билл Чамберс.

– Нет, – сказал Джошуа, вновь бросаясь в бой. – Тролли – не животные. И нет никаких второстепенных Земель. Каждая Земля – это отдельный мир. Не стоит ставить Базовую Землю в центр мироздания, сэр.

Джексон набрал воздуха, чтобы вмешаться. Но сенатор принял ответ Валиенте с юмором.

– Допустим. Но Земли, которые меня интересуют, населены американскими гражданами и находятся под властью Эгиды. Я озабочен тем, чтобы гарантировать нашим гражданам права, даруемые конституцией.

Он вновь поворошил бумаги.

– Кажется, я понимаю, зачем вы здесь. Но, может быть, вы расскажете своими словами?

Джексон убедился, что Валиенте никудышный оратор, несмотря на свой политический опыт. С запинками, по мере сил, Джошуа попытался изложить проблемы, накопившиеся на Долгой Земле из-за дурного обращения с троллями.

– Послушайте, когда я узнал про случай с Мэри и ее детенышем, то пришел в ужас. Но это всего лишь верхушка айсберга. В Черт-Знает-Где мы защищаем троллей, распространив на них гражданские права...

– Что? Вы серьезно? И насколько далеко вы их распространили? Нет, не отвечайте. Какие бы самодельные законы вы ни устанавливали в вашем Черт-Знает-Что...

– Черт-Знает-Где.

– Короче говоря, не переполняйте чашу. Тролли – гуманоиды. Так? Гуманоиды, похожие на людей, но не люди, и неважно, какие законы вы придумываете в вашем сельском захолустье. Тролли – животные, притом, судя по последним отчетам, опасные. И этих тварей, которые сильны и агрессивны, по вашим словам, не следует убивать и как-либо притеснять? Так? Я прочел все бумаги, пусть даже мой ассистент, возможно, думает, что я этого не сделал, – и сенатор подмигнул Джексону. – Сильные агрессивные животные, а теперь еще и убийцы.

Валиенте подтвердил:

– Да, сильные. Даже самка весит как борец сумо и бьет как боксер-тяжеловес. Агрессивные? Только если их вынуждают. В большинстве случаев от троллей много пользы.

– Пользы?

– Сенатор, тролли и люди работают вместе. Так ведется повсюду на Долгой Земле, даже на Ближних

Землях... черт возьми, вы должны об этом знать – о дополнительном ресурсе, который представляет собой троллей труд.

Тролли жили во всех мирах, колонизированных людьми. С точки зрения поселенцев, лишенных станков и техники, тролли были покладистыми и толковыми работниками, способными расчистить поле, перевезти копны сена, даже помочь с постройкой школы. В более развитых сообществах Ближних Земель троллей приставляли к работе на огромных овечьих пастбищах, которые покрывали множество последовательных Австралий, они стригли овец и пряли шерсть, трудились на гигантских каучуковых плантациях многочисленных Малайзий и стояли у сборочных конвейеров на фабриках некоторых ближних Америк.

– Все может быть... – Старлинг пошуршал бумагами. – Но вот у меня пачка сообщений о том, как ваши тролли нападают на людей. В одном случае человек остался парализованным, в другом погибла женщина и пострадал маленький ребенок. И так далее. Что скажете?

– Сенатор, тролли опасны точно так же, как медведь в национальном парке. То и дело какой-нибудь идиот-турист пытается сфотографировать своего ребенка в обнимку с маленьким славным мишкой. Подобная глупость даже в Базовой Америке приводит к печальным последствиям, а на последовательных Землях, более или менее диких, она фатальна. Мы неустанно твердим об этом людям. В большинстве последовательных миров глупость – прелюдия к смерти. И ситуация ухудшается, сенатор. У троллей есть один обычай под названием долгий зов, благодаря которому тролли во всех мирах узнают о случившемся. На распространение информации требуется некоторое время, но рано или поздно, если люди будут обращаться с троллями как

с опасными животными, наши отношения с ними повсюду кардинально изменятся...

Старлинг громко рассмеялся.

— Знаете, вы прямо как те придурки, которые типа качают у деревьев энергию. Долгий зов? А дальше вы мне скажете про гнев Зеленой богини? Подведем итог, мистер Валиенте: мы обязаны защитить наших граждан, в том числе от их собственной глупости, которая не является преступлением. Иначе тюрьмы бы не пустовали. Особенно здесь, в Вашингтоне. Ха!

Валиенте не отставал.

— Я лишь прошу, сэр, о чем-то вроде декларации, в которой Соединенные Штаты даровали бы троллям статус охраняемого вида в пределах Эгиды.

— И все? — Старлинг развел руками. — Но вы должны понимать, что в нашей стране ситуация с защитой животных сама по себе непроста. У нас есть федеральные законы, но множество законопроектов проводится на уровне отдельных штатов. От кого конкретно вы хотите принятия этих законов, не говоря уж об их реализации? В любом случае при нынешнем количестве проблем, касающихся так называемых колониальных миров, ведутся бесконечные дебаты о том, как действуют на Долгой Земле Базовые законы.

Он вновь глянул в свои бумаги.

— Я вижу, вы требуете, чтобы этих ваших троллей считали экзотическими животными. В таком случае они попадают под защиту министерства здравоохранения сельскохозяйственных животных. Но я могу выдвинуть и встречный аргумент — что они не экзотичны, а эндемичны. Тролли есть на всех последовательных Землях, ведь так? Значит, привычные категории здесь неприменимы, как юридические, так и моральные. Что касается конкретного случая на исследовательской базе — если она находится в пределах Эгиды, им потребовалось

бы разрешение министерства сельского хозяйства для использования троллей в эксперименте. Во-первых, упомянутое разрешение нужно было бы получить, и, во-вторых, возможно, их действия даже удалось бы проконтролировать. Но, понимаете ли, мистер Валиенте, хотя в случившемся были задействованы американские граждане, эта база, насколько я знаю, не находится в последовательной Америке. Кажется, она где-то на территории Англии. Наверное, обратиться с жалобой вам следовало в Лондон, а не сюда... – он пожал плечами и оттолкнул бумаги. – Послушайте, юридическая основа очень зыбкая, и лично мне в ваших словах недостает моральной ясности. Я слушаю, господа, но не понимаю сути жалобы. Максимум, что я могу сделать, так это озвучить ваши претензии в Сенате. Но, честно говоря, не особенно расположен. И потом, вы забываете о более широких проблемах.

– Каких?

– Нравится вам это или нет, мистер Валиенте, но затронуты вопросы национальной безопасности. Речь не о животных, черт возьми. Я говорю об *угрозе*. Вот что волнует моих избирателей – здесь, на Базовой Земле. Угроза неведомого. Дела обстояли не так плохо, когда мы боялись только пришельцев с другой планеты, как в кино. По крайней мере, тогда мы были бы предупреждены. По крайней мере, мы постарались бы перестрелять их в небе. Но теперь у нас открыты все границы. Теперь пришельцы могут просто взять и войти!

Ирландец (Джексону снова пришлось вспоминать его имя – Билл Чамберс) впервые открыл рот.

– Сенатор, вы имеете в виду те военные твены, которые вы рассылаете по Долгой Земле, да?

Старлинг подался вперед.

Джексон напрягся, готовясь к буре. Он знал, как выглядит его хозяин и повелитель, будучи по-настоящему рассерженным.

— Да, сэр, — ответил Старлинг. — Это единственно возможный ответ. Кто-то же должен подготовиться к худшему. Такова обязанность ответственного правительства.

К ужасу Джексона, Чамберс издал губами непристойный звук.

— Да бросьте, сенатор. Шутите вы, что ли? Вы просто даром тратите время и деньги и призываете к всеобщей драке. Вроде «отставания по ракетам» в шестидесятые, вроде одиннадцатого сентября, вроде взрыва в Мэдисоне. Чем неопределеннее угроза, тем больше денег вылетит на ветер, так? Послушайте, я там живу — и вот что я вам скажу. Я скажу, что нельзя держать одно правительство на миллион Америк, и вы сами это доказываете. Так просто не получится, будет одна сплошная чертова бюрократия. Бюрократия и есть. Блин, да за столько веков гребанные англичане не сумели разрешить ирландский вопрос как следует. Так неужели вы намерены решить проблему Долгой Земли?

Валиенте засмеялся.

— Лучше не произноси эту речь, Билл, когда военные корабли покажутся над нашей городской ратушей.

— Да-да. Придержи язык, деревенщина.

Но Чамберс еще не закончил.

— Знаете, до Дня перехода одного мира для вас было вполне достаточно. Потому что вы даже не подозревали о существовании остальных. А теперь мы ушли туда и кое-чего добились своим трудом, а вы, оставшиеся дома, тоже претендуете на кусок пирога, мать вашу. Теперь одного мира вам мало. Почему нельзя просто оставить нас в покое?

Старлинг пристально взглянул на него. Потом сел и, к облегчению Джексона, повернулся к Валиенте. По крайней мере, физическая расправа никому не грозила. На сей раз.

– Мне нечего сказать вашему спутнику, мистер Валиенте, – произнес Старлинг. – Впрочем, *вы* меня разочаровали. Насколько я знаю, вы славитесь как человек правдивый и осторожный. Я читал отчеты, в которых вас восхваляли за мужество, проявленное в День перехода, когда вы были мальчиком. Множество детей и подростков обязаны вам жизнью. Потом вы отправились на Долгую Землю и зашли туда, где никто еще не бывал. Так? Просто чудо что такое. И вот вы приходите сюда и выдвигаете нелепые требования, несете чушь про этих тварей... Я-то думал, что вы видите картину целиком. Какого черта?..

Он неожиданно усмехнулся. Джексон знал, что излюбленный прием Старлинга – превратиться в рубаху-парня, морально измолотив противника.

– Послушайте. Давайте не будем ссориться. Вы человек смелый, но наивный; кажется, вы считаете, что я – просто орудие военно-промышленного комплекса. Тем не менее вы высказались и сделали это неплохо, и от нашей дискуссии я получил большое удовольствие. Сестра Агнес гордилась бы вами, с позволения сказать.

У Валиенте перехватило дыхание. Несомненно, на это сенатор и рассчитывал. А Джексон был впечатлен тем, что Старлинг дочитал сводку до конца.

– Да, я знаю про Приют, который некогда находился на Союзном проезде, мистер Валиенте. Он стал частью легенды, не знаю уж, к добру или к худу. И я однажды видел Агнес – приходила, чтобы произнести гневную речь по одному поводу. Я огорчился, когда узнал о ее смерти. Не сомневаюсь, она много значила для вас и для других бывших воспитанников.

Валиенте улыбался – таково было действие харизмы Старлинга.

– Да... спасибо. Агнес умерла мирно. На ее похоронах даже присутствовал представитель Ватикана.

– Видимо, дань уважения достойному врагу. Судя по тому, что я знаю о деятельности сестры Агнес.

– Да. Пусть даже они твердили, что она была худшим католиком после Торквемады. Или так говорила она сама. Знаете, мистер Старлинг, я даже не то чтобы скучаю по ней. Такое ощущение, что она не умирала.

25.

Хелен уже ждала его, когда он вернулся в Мэдисон-Запад-5. К их обоюдной радости, ее выпустили из тюрьмы, но взамен поместили под домашний арест у Янсон.

Жена выслушала полный горечи рассказ о встрече со Старлингом. А потом, чтобы развлечь Джошуа, показала письма, которые им присылали по поводу последней версии проекта «колония в коробке», разрабатываемого Корпорацией Блэка. Эту технологию опробовали в Черт-Знает-Где, явно надеясь сделать Джошуа рекламным лицом программы. «Колония в коробке» представляла собой универсальный комплект, доставляемый твенном на новое место поселения и содержащий современную манну небесную, например систему навигации, поддерживаемую не менее чем тремя микроспутниками, запущенными на синхронную орбиту с помощью компактной ракеты-носителя. А еще – оборудование, которого хватило бы на первоклассную клинику, все необходимое для небольшого онлайн-университета, с возможностью выбора виртуального преподавателя, и разнообразные средства связи – от старомодных наземных телефонов до коротковолновых приемников и спутниковых антенн. Более продвинутые комплекты включали несколько велосипедов, которыми колонисты могли обходиться до появления лошадей, каталог почтового брачного агентства и так далее.

Наконец, в самый полный комплект входил трехмерный принтер, способный превращать сырье в сложные детали. Но, насколько знал Джошуа, подобные штуки были склонны быстро ломаться – а в эпоху общего технологического застоя, наступившего после Дня перехода, нанотехнологии не особенно продвинулись. С его точки зрения, среднему колонисту куда больше пригодился бы компактный набор базовых справочников, энциклопедий, медицинских словарей.

Основной идеей было то, что получателей поощряли связываться сначала при помощи коротковолновых раций с другими колонистами, обитавшими в том же мире. В одиночку колония, к примеру, не создала бы приличный колледж; но, разделив имеющиеся ресурсы по поселениям, разбросанным по отдельно взятому миру, люди вполне могли справиться.

– Вообще-то это была моя идея, – сказал Джошуа. – Боковые связи. Я предпочитаю, чтоб люди с самого начала считали себя гражданами планеты – мира, растущего вбок, а не только последовательно... нового мира, с самого начала не имеющего границ.

– Ты просто современный хиппи.

– Термины меняются. Прежнее представление о национальности уже не работает. Может быть, подобные инициативы положат конец войне. Новое начало для всех нас...

– А теперь ты говоришь как папа. «Блаженство на рассвете быть живым», – с легким сарказмом заметила Хелен. – Кажется, Шекспир.

– Нет, Вордсворт. Сестра Агнес часто цитировала эту строчку.

Жена внимательно взглянула на него.

– Ты все еще скучаешь по Агнес? С тех пор как мы вернулись, ты несколько раз о ней вспомнил.

Джошуа пожал плечами.

— В конце концов, мы в Мэдисоне. И сенатор Старлинг выбил меня из колеи. Наверное, этого он и добивался. Агнес — самое лучшее, что было в моем детстве. И не только в моем. Они хотят, чтобы однажды я приехал в Приют.

— Ты поедешь?

— Может быть. Не как знаменитый Джошуа Валиенте, приютский мальчик, добившийся славы, ныне — символ Долгой Земли, мэр и все такое... Хорошо, если мне разрешат просто поговорить с детьми... о разных вещах, например как пользоваться ножом, как лечиться в полевых условиях, как сделать ночное небо своим другом, чтоб Большая Медведица стала вешалкой для шляпы, а Орион указал дорогу домой. Вот чего *мне* недоставало в те времена... Жаль, что Агнес не увидит этот благословенный рассвет. Нужно принести цветы на ее могилу.

— Она вообще любила цветы?

Джошуа улыбнулся.

— Сначала всегда отказывалась. А потом брала букет, ворчала о пустой трате денег и держала цветы у себя в комнате, пока не осыпались лепестки.

Хелен поцеловала его в щеку.

— Иди.

— Куда?

— Иди и навести Агнес. Бог с ним, с приглашением из Приюта. Иди сам. И тебе станет легче. Не волнуйся за нас. Мы никуда не денемся. Я, по крайней мере.

Джошуа как следует подумал.

И на следующий день пошел.

Новый город в Мэдисон-Запад-5 вырос, заменив старый, разрушенный взрывом; он возник из поселения, где Хелен некоторое время жила с семьей, прежде чем отправиться в дальний путь. Приют здесь был тщатель-

но воссоздан, с той разницей, что его отремонтировали. Джошуа сам дал денег на ремонт. А сестра Агнес дожидалась до его окончания.

А потом она умерла, под ярким осенним солнцем, на новой Земле. Ее похоронили в присутствии многих важных особ — Джошуа знал, что некоторые из них не прочь были бы проводить Агнес в последний путь намного раньше.

Она покоилась на новеньком кладбище, пока пустом, неподалеку от Приюта. Ясным и свежим майским вечером Джошуа пришел с букетом и положил его на камень. Там лежали и еще цветы — от сестер, от других бывших воспитанников, которые помнили неисчерпаемое терпение сестры Агнес и ее разумную любовь.

Джошуа стоял, не двигаясь и потеряв счет времени. Если кто-нибудь и заметил его из окна Приюта, Джошуа это не беспокоило.

Он с удивлением заметил, что тени начали удлиняться. Приближались сумерки. Тогда он покинул маленькое кладбище и зашагал обратно к Янсон.

И заметил женщину на противоположной стороне улицы. Женщину в монашеском одеянии — она стояла и, казалось, наблюдала за ним. Джошуа перешел дорогу. Он не видел ее лица, но она выглядела молодожаво.

— Чем могу помочь, сестра?

— Я была в отлучке... — она говорила с ирландским акцентом. — И только недавно узнала о смерти сестры Агнес. Вы случайно не Джошуа Валиенте? Я видела вас в новостях. Ох, боже, какая я глупая. Извините. Меня зовут сестра Консепсьон. Мы с Агнес давно дружили. Даже вместе принесли обеты. Я знала, что она станет влиятельным человеком, я всегда это знала, хоть она и бывала многословна...

Джошуа молчал.

Сестра Консепсьон долго смотрела на него.

— Не сработало, да?

— Если вы надеялись выдать себя за другую, то нет, не сработало. Я бы узнал Агнес даже с закрытыми глазами. Помню, как она каждый вечер заходила в спальню, прежде чем выключить свет. Помню щелчок старого выключателя, который держался на клею, потому что на новую проводку вечно не хватало денег. Рядом с ней все чувствовали себя в безопасности... И потом, она никогда не умела врать. И ирландского акцента у нее не было.

— Джошуа...

— Кажется, я догадываюсь... Лобсанг?

— Лобсанг.

— Да, штука совсем в духе Лобсанга. И ведь именно я привел его повидаться с сестрой Агнес, когда она умирала. Наверное, это я во всем виноват. И теперь... ну вот, вы здесь.

— Джошуа...

— Здравствуйте, сестра Агнес.

Он обнял ее и крепко прижимал к себе, пока она не рассмеялась и не оттолкнула его.

26.

Для Агнес все началось с пробуждения. Она почувствовала приятное тепло... и что-то розовое.

Она надолго задумалась. Ее последними воспоминаниями были кровать в Приюте и бормотание священника. Агнес произнесла — скорее осторожно, нежели с надеждой:

— Я в раю?

— Нет. Рай подождет, — спокойно ответил мужской голос. — А у нас есть некоторые неотложные дела.

Сестра Агнес прошептала (хотя и понятия не имела, как именно):

— И там будет хор ангелов?

— Не совсем, — ответили небеса. — Пять баллов за то, что вы процитировали песню покойного Джима Стейнмана в первую же минуту, как пришли в себя. А теперь, увы, вам снова придется поспать.

И темнота покрыла небесный свод, который, потухая, произнес:

— Великолепно...

Самое удивительное — это было сказано по-тибетски. И она *поняла*.

Снова прошло какое-то время.

— Агнес? Мне придется разбудить вас на некоторое время, просто для калибровки...

Тогда они показали Агнес ее новое тело — розовое, обнаженное, очень женственное.

— Кто до этого додумался?

— Прошу прощения?

— Послушайте, даже до того, как я распрощалась со своей грудью, она была не такого размера, заверяю вас. Пожалуйста, можно на размер меньше?

— Не беспокойтесь. Все меняется. Если вы согласитесь потерпеть наше общество, в конце концов мы предоставим вам целый ассортимент тел на все случаи. Разумеется, протетических. Вы вполне сможете сойти за человека; с тех пор как я начал собственные эксперименты, наука заметно шагнула вперед. Хотя в техническом смысле в вас будет мало человеческого. Кстати говоря, над вами трудится множество хирургов и прочих врачей, состоящих на жалованье в одном малоизвестном филиале Корпорации Блэка. Они и понятия не имеют, кто вы. Забавно, правда?

— Забавно?..

Агнес внезапно поняла, с кем разговаривает.

— Лобсанг! Ах ты сукин сын!

Темнота нахлынула вновь. Но гнев остался. Гнев, который она всегда считала союзником. Который переполнял ее. И теперь Агнес цеплялась за него.

Наконец розовый свет вернулся.

И голос Лобсанга негромко произнес:

– Я вновь приношу свои извинения, но это очень деликатная процедура – так сказать, эндшпиль. Я три года работал над вашим воскрешением, и процесс почти завершен. Сестра Агнес, дорогая Агнес, вам нечего бояться. Более того, я надеюсь лично увидеться с вами завтра. Пока ждете, не хотите ли послушать музыку?

– Только не Джона Леннона, пропади он пропадом.

– Нет-нет. Учитывая ваш вкус... как насчет Бонни Тайлер?

Сестра Агнес проснулась вновь – озадаченная. Кроме того, она чуяла запах кофе и яичницы с беконом.

Запах исходил с подноса, стоявшего рядом с кроватью, на которой она лежала. Очевидно, его поставила туда некая молодая особа – в очках, дружелюбная на вид, с азиатскими чертами, возможно японка.

– Спешить некуда, мэм. Не торопитесь. Меня зовут Хироэ. Пожалуйста, если вам что-нибудь нужно, только попросите.

На самом деле вернуться к жизни оказалось не так уж сложно. С помощью Хироэ Агнес добралась до ванной, которая примыкала к комнате, похожей на недорогой гостиничный номер, приняла душ, полюбовалась на свои безупречные зубы в зеркале и безуспешно посидела на унитазе.

Хироэ сказала:

– Физически ничего особенно сложного. Ваше тело уже прошло через множество базовых процессов, пока вы были погружены в глубокий сон. Так сказать, мы подвергли его обучению. Пожалуйста, ходите немного туда-сюда и скажите, что вы чувствуете.

Сестра Агнес побродила по комнате и поделилась впечатлениями. Она попробовала кофе, который ока-

зался недурен, и с удивлением обнаружила, что бекон не просто поджарен, а почти обуглен – именно так, как она всегда предпочитала.

А в шкафу оказалось полно одежды, в том числе ряса вроде той, что она носила много лет. Агнес помедлила. Будучи католической монахиней, но, некоторым образом, неортодоксальной, она и раньше сомневалась в своем статусе, а теперь впала в совершенное замешательство. Но Агнес принесла обет давным-давно и подозревала, что он продолжает действовать, а потому надела облачение и улыбнулась, радуясь исчезновению старческой боли в каждом суставе и давно позабытой свободе движений.

Она сказала японке:

– Наверное, мне предстоит встреча с самим Лобсангом?

Хироэ рассмеялась.

– Он предупредил, что вы быстро перейдете к делу. Пожалуйста, следуйте за мной...

Агнес прошла вслед за Хироэ по коридору со стальными стенами, миновала череду дверей, которые открывались и закрывались с автоматическим шиком, и оказалась в кабинете, полном книг и антикварной мебели. Он словно сошел с иллюстрации, вплоть до пылающего в старинном очаге огня. Но Агнес узнала это место – по описаниям Джошуа, уже знакомого со стилем Лобсанга.

В комнате стояло вращающееся мягкое кресло, обращенное к ней спинкой.

– Огонь ненастоящий, да? – резко спросила Агнес. – Джошуа рассказывал. Он говорил, что треску недостает хаотичности.

Из кресла не донеслось ни звука.

– Послушайте. Я не знаю, следует ли мне благодарить вас или злиться...

— Об этом от вашего имени просил Джошуа, — наконец ответил искусственный голос. — Ну или, по крайней мере, я сделал такой вывод. Меня пригласили повидаться с вами, когда вы болели, помните? В Приюте, в Мэдисон-Запад-5. Вас уже причастили. Вы страдали, Агнес.

— И я этого не забуду.

— Джошуа попросил облегчить ваши муки. Несомненно, вы бы не отказались...

— Джошуа. Ну конечно, он пришел.

Из всех детей, о которых Агнес заботилась в Приюте, Джошуа Валиенте был самым... примечательным. Как характерно для него — не забыть, не уйти навсегда. Джошуа вернулся, когда она нуждалась в нем — когда ее жизнь, после долгих-долгих лет, угасала, как свеча. Он вернулся, надеясь что-то исправить.

— Джошуа обратился к вам за помощью. И я так понимаю, вы не сказали «нет».

— Да. Особенно когда он попросил меня сквозь зубы, — ответил Лобсанг. — После инцидента в Мэдисоне мы слегка разошлись.

— Но, разумеется, он всего лишь просил облегчить мою смерть. Я не ожидала такого... богохульства!

Наконец кресло повернулось, и Лобсанг взглянул на нее. На нем было оранжевое одеяние, голова обрита. Агнес прежде видела его только раз и запомнила это лицо — странное, не вполне человеческое, неопределенного возраста, словно реконструированная внешность жертвы пожара. Она припомнила собственное изображение и подумала, что ее собственное механическое тело намного лучше. Видимо, последняя модель.

Он переспросил:

— Богохульство? Мы будем общаться в таком духе?

— А в каком же духе вы хотите общаться?

— Давайте лучше поговорим о причине, по которой я... вернул вас.

– Причина? И что же это за причина?

– О, вам понравится. Я буду очень рад, если вы воспользуетесь столь необычным случаем и обдумаете мое предложение – новую цель, которая, полагаю, совпадает с вашими собственными желаниями. Вы готовы меня выслушать?

Сестра Агнес опустилась в точно такое же мягкое кресло напротив.

– Кстати, как вам ваше новое тело?

Она подняла руку, взглянула на нее, согнула пальцы и вообразила, что слышит жужжание крошечных гидравлических моторчиков.

– По-моему, вы превратили меня в чудовище Франкенштейна.

– Чудовище Франкенштейна было гораздо умнее и полезнее, чем его так называемый создатель. Это так, к слову.

– К делу. Что вам нужно?

– Агнес, я много слышал о вас от Джошуа – а также почерпнул из других источников, включая ваши собственные дневники. Я знаю ваше исключительное сочувствие по отношению к безнадежно испорченному человечеству, а потому я совершил похищение, так сказать, от имени упомянутого человечества. Я предлагаю вам интересную миссию. А именно: мне нужен противник.

– Кто?

– Агнес, вы меня знаете. Вы знаете, кто я такой. Я охватываю весь мир. Точнее, миры. Мои способности неизмеримы. Начиная с умения не платить за парковку и заканчивая масштабами, которыми не мог похвастать ни один тиран в мировой истории. Я никому не подчиняюсь, не отчитываюсь ни перед кем, кроме самого себя. Даже Дуглас Блэк – всего лишь мой патрон, куратор. Он не способен меня *остановить*. В том-то и проблема.

– Правда?

– Конечно! Почему вы так удивлены? Мне нужен противник, Агнес. Человек, способный сказать, если я переступлю черту. Сделаюсь бесчеловечным. Или чересчур человечным. По-моему, учитывая все то, что рассказывал про вас Джошуа, вы идеально подходите на эту должность.

– Вы вернули меня к жизни, чтобы сделать вашей совестью? Бред какой-то. Даже если я соглашусь, каким образом я помешаю вам делать то, что вы хотите?

– Я объясню, как остановить меня.

– Что? Это вообще возможно?

– Это... нелегко, – признал Лобсанг. – Сейчас существует множество моих итераций, рассредоточенных по всему миру, по Долгой Земле и даже по нескольким локациям в пределах Солнечной системы. Сами понимаете, лучше лишний раз сохраниться. Но – да, я могу дать вам возможность удалить меня отовсюду.

– Хм. И в какой из упомянутых итераций находится ваша душа?

– Раз уж мы с вами разговариваем в наших новых телах, давайте согласимся, что душа не знает границ.

– А у меня есть выбор?

– Конечно. Вы можете уйти сию секунду, и вас переправят в любое место на планете по вашему выбору. Я больше никогда не напому о себе. Или... ну, у вас тоже есть кнопка выключения, Агнес. Но я знаю, что вы не прибегнете к этому способу.

– Ах, вы знаете?

– Когда я в тот день пришел к вам с Джошуа и спросил, жалеете ли вы о чем-нибудь... помните? Вы шепнули: «Так много осталось дел». Вот шанс их доделать. Что скажете? Хотите стать моим Босуэллом, Агнес, при мне – Джонсоне? Ватсоном при мне – Холмсе? Сатаной при мне – Боге?

– Или вашей сварливой женой?

Он рассмеялся странным, не вполне человеческим смехом.

Сестра Агнес некоторое время молчала. Самым громким звуком в кабинете было потрескивание механического огня. В недрах этой комнаты она чувствовала себя как в заточении. Ей страстно хотелось отсюда вырваться. Промчаться по шоссе...

– А где мой «Харлей»?

– Джошуа убрал его в надежное место. Шины накачаны, бензобак пуст, все смазано.

– Я смогу ездить на нем? То есть физически...

– Конечно.

– И эта ваша чертова алхимия позволит мне пить пиво?

– Несомненно.

– Кстати говоря, где я нахожусь, блин?!

– В Швеции. В штаб-квартире моего собственного филиала медицинского управления Корпорации Блэка. А на улице отличный морозный день.

– Правда?

– Здесь тоже есть мотоциклы. Кое-что я продумал заблаговременно. Не «Харлей», конечно, но... хотите прокатиться?

Соблазн был сильный. Вновь стать молодой. И в седле...

– Минутку, – твердо сказала Агнес. – Как там Джошуа?

27.

И вот Джошуа сидел с реинкарнацией сестры Агнес в убогой кофейне в Мэдисон-Запад-5.

Ощущение было странное. Два человека пытались осмыслить необъяснимый новый мир – мир, в котором мертвые воскресали и жизнерадостно попивали кофе,

болтая о старых добрых временах. Эти два человека никак не могли подобрать слова, которые нужно было сказать. Но пока что роль слов с успехом играли улыбки.

Агнес сидела прямо, немного чопорно, и пила кофе. Быть может, ее черты казались чересчур правильными, а кожа слишком гладкой для живого человека. Но, как заметил Джошуа, многие завсегдатаи кофейни, преимущественно строительные рабочие с Ближних Земель, с откровенно светским интересом изучали новые формы сестры Агнес.

– Могли бы проявить побольше уважения к апостольнику.

– Да перестань. Все мужчины – грубые создания, которые откликаются на гораздо более простые сигналы, нежели ряса и крест.

– Даже не верится, что это правда.

– Да. А еще труднее поверить, что я здесь, чтобы выражать неверие, если ты меня понимаешь.

Когда Джошуа поднял глаза, Агнес улыбнулась потрясающей лучезарной улыбкой, которая всегда молодила ее лет на двадцать. Улыбка Агнес была не из тех, что обычно ассоциируются с монахинями. Она содержала оттенок лукавства – и напоминание о бешеной ярости, которую держали под контролем, покуда не понадобится. Вот что помогало Агнес поддерживать на плаву Приют и множество других начинаний, несмотря на уйму противников во главе с Ватиканом. Улыбка и ярость.

Она довольно убедительно пила кофе, как все передвижные модули Лобсанга, и Джошуа старался не думать о системе внутренних трубок, которые обеспечивали процесс. Агнес отставила чашку и с гордостью взглянула на него.

– О боже. Вот ты сидишь – взрослый человек, отец, мэр...

– Это с тобой сделал Лобсанг...

– Да, – многозначительно сказала Агнес, – хотя и использовал в качестве оправдания твои безответственные слова, друг мой. Нам придется серьезно поговорить.

– Но как? Я имею в виду...

– Меня то ли перекачали в ведро с гелем из моего бедного умирающего тела при помощи какого-то нейронного сканирования, то ли воскресили тибетские монахи, в течение сорока девяти дней читавшие над моим погребенным телом Книгу мертвых. Лобсанг говорит, что испробовал оба способа.

Джошуа слабо улыбнулся.

– Да, это в его духе. «Лучше лишний раз сохраниться». Я пришел на ваши похороны, но остальное он, видимо, от меня утаил. Я не знал о вашем перевоплощении. И про монахов. Они, должно быть, сводили сестер с ума. Кто-нибудь еще в курсе, что вы вернулись? В Приюте, я имею в виду.

– Да, я связалась с Приютом, как только смогла. Попросила к телефону сестру Джорджину – она, скорее всего, не рухнула бы в обморок, услышав в трубке мой голос. По крайней мере, я так думала. Кстати говоря, у меня есть записка от архиепископа. Церковь знает больше секретов, чем твой Лобсанг. Но я пока не вышла из тени окончательно. Конечно, рано или поздно мне придется появиться на людях, если я вновь собираюсь обрести некоторое место в мире. В любом случае, благодаря Лобсангу, я не первый человек, э-э, воскресший в силиконе и геле, хоть Лобсанга и окутывает тайна. О его происхождении известно многим, и с моим существованием тоже вполне можно смириться.

– О каком месте в мире вы говорите?

Агнес поджала губы.

– Джошуа, если ты меня когда-нибудь внимательно слушал, то должен знать, что незадолго до болезни я стала главой Руководящей конференции католичек, в которую входят большинство американских монахинь. Я находилась в самом разгаре ужасающей борьбы с Ватиканом, с его Конгрегацией доктрины веры. По сути, с инквизицией. Спор шел о книге некоей сестры Хилари из Кливленда.

– Книге? Какой?

– О духовной пользе женской мастурбации.

Джошуа пролил кофе. Завсегдатаи вновь оглянулись.

У Агнес сверкнули глаза, словно она собиралась броситься в бой.

– Мы воюем с папой и кардиналами со времен Второго ватиканского собора. Потому что, с нашей точки зрения, социальная справедливость важнее, чем борьба с абортами и однополыми браками. Потому что мы отрицаем пренебрежительное покровительство мужчин – ведь именно поэтому, так или иначе, женщины и становятся монахинями. Я жду не дождусь, чтобы вновь вступить в схватку, Джошуа. А с этим новым телом я никогда не выдохнусь. Как кролик «Энерджайзер».

– Что такое «кролик Энерджайзер»?

– О, мое милое дитя, тебе еще многому предстоит научиться.

– Объясни, зачем Лобсанг тебя воскресил. Полагаю, не ради моего блага?

Она фыркнула.

– Ну, процентов на десять. Кажется, мне предстоит служить моральным ориентиром Лобсанга.

– Хм. Так это неплохая идея.

– Возможно, но он, ты удивишься, совсем не понимает, что стрелка моего компаса отнюдь не указывает на север.

Джошуа усмехнулся.

– Помню, вы ударили папского нунция тупфлей. Мы все страшно обрадовались, хоть и понятия не имели о скандале, в котором он был замешан. Потом, через два года, правда вышла на свет, и мы пожалели, что вы не ударили его обеими тупфлями.

– Поначалу, конечно, я страшно злилась, что Лобсанг вернул меня с того света. Вот наглец. И в то же время, если ты понимаешь, я была вне себя от радости...

Агнес окинула взглядом свои руки и все тело.

– Но он дал вам выбор – соглашаться или нет, так? Вы могли бы просто уйти и вести независимую, гм, жизнь. Или...

– Или щелкнуть выключателем.

– Как он вас убедил?

Агнес задумалась.

– Я скажу тебе. У нас был один разговор. Лобсанг по какому-то поводу произнес: «Это не поддается исчислению». – «Да», – ответила я.

– Кстати, я имел в виду сделать ироническую аллюзию, – добавил Лобсанг.

Дело происходило в спортзале, и оба были одеты более или менее соответственно. Лобсанг помогал Агнес развивать физические реакции.

– Что именно?

– Я использовал фразу «это не поддается исчислению» в ироническом смысле, чтобы передать свое недовольство, – терпеливо объяснил Лобсанг. – Я отнюдь не произнес ее бездумно, как сообщение об ошибке, в ответ на недостаточную или противоречивую информацию.

– Лобсанг?

– Что?

– Что такое вы несете?

– Вы упорно думаете обо мне как о компьютере. А я пытаюсь развеять это заблуждение. Отчего вы качаете головой?

– Извините. Но вы... немного перегибаете.

– Можете звать меня Лобби. Уменьшительное имя способствует сближению. Как по-вашему?

– Лобби...

(«Джошуа, он то и дело замолкал и ждал, когда я продолжу разговор. Ты когда-нибудь общался с иностранцем, который хотел попрактиковаться на тебе в английском? В первые несколько дней Лобсанг вел себя именно так, что есть сил стараясь быть человечным...»)

– Послушайте, – сказала Агнес, – вы все делаете неправильно. Вы не человек и не можете быть человеком. Вы – очень разумная машина. Больше чем человек. Почему бы не смириться с этим? Быть человеком – значит не только иметь мозг. Есть разные неприятные вещи – органы, жидкости, инстинкты...

– Вы описываете свое тело, а не себя. Точнее, свое бывшее тело.

– Да, но...

– Внешне вы были животным, но ваша суть не сводилась к этому. Внешне я – машина, но не судите по внешности.

– Да, но...

– Давайте пройдем Туринский тест.

– О, компьютеры уже давным-давно научились проходить тест Тьюринга.

– Нет, я сказал – Туринский тест. Мы оба будем молиться в течение часа, а потом посмотрим, заметит ли Бог разницу.

И она рассмеялась.

– И все? Лобсанг вас рассмешил?

– Он впервые за все это время показался мне настоящим человеком. И продолжал в том же духе. Как

будто тебя насмерть зализывают щенята. Я под конец совсем выбилась из сил.

Джошуа кивнул.

— Знаете, если сработает хотя бы на десять процентов, я скажу, что ему очень повезло с вами.

Агнес фыркнула.

— Это уж пусть он сам скажет. Я учусь шелкать бичом, Джошуа. Я знаю, у тебя были с ним трудности.

— Да уж. После взрыва в Мэдисоне мы не общались, пока я не позвонил ему, чтобы поговорить о вас.

— Наверное, он скучает по тебе. Лобсанг охватывает целый мир, но у него мало друзей. Если они вообще есть.

— И поэтому он вынужден их фабриковать?

— Это грубо, Джошуа. По отношению к нам обоим.

— Согласен. Извините. Послушайте, Агнес, как бы вы здесь ни оказались, очень приятно видеть вас вновь.

На ее лице вдруг появилась странная тревога. Взяв Джошуа за руки, как она делала в детстве, когда нужно было объяснить ему что-нибудь непростое, Агнес сказала:

— Мы с тобой знаем, в чем подлинная проблема, Джошуа.

— Какая проблема?

— Я выгляжу как Агнес. Думаю как она. Я продолжаю ее дело. Я *чувствую* себя Агнес. Но могу ли я *быть* ею? Я монахиня, Джошуа. Во всяком случае, Агнес была монахиней. И признавала, что в католической теологии нет места реинкарнациям.

— И что?

Агнес в кои-то веки отвела взгляд.

— Моя смерть, Джошуа...

— Что?

— Я... пережила ее. То, что мы называем «личным судным днем». «И отрет Бог всякую слезу с очей». Я видела Бога. Ну или так мне кажется. Я в это верю, —

она подняла руки и вновь внимательно осмотрела их. — И вот я здесь, в чудесном новом теле. «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

Агнес с улыбкой подмигнула.

— Не беспокойся, я не стану спрашивать главы и стих. Может быть, я что-то вроде электронного привидения — никакая не Агнес, ну или, в лучшем случае, кощунственная пародия на нее. Или, наоборот, я вернулась, чтобы исполнить волю Бога на новый лад — в мире, преобразованном наукой. Исполнить Его волю так, как невозможно было раньше. И, кажется, я готова пока что принять этот вариант.

Джошуа помешал остатки кофе.

— Как по-вашему, чего Лобсанг хочет? Чем пытается стать? Опекуном человечества?

Агнес задумалась.

— Скорее садовником. Очень мило, идилично и безобидно... вплоть до того момента, когда садовник вынужден браться за ножницы.

Джошуа встал.

— Мне, к сожалению, пора. С тех пор как мы сюда вернулись, у моей семьи масса проблем.

— Да, я слышала.

— А что касается природы вашего нового существования... честно говоря, я провел много времени с Лобсангом, и я не богослов. Мой совет — просто продолжайте в том же духе. Занимайтесь тем, что прямо перед вами. Так вы сами всегда говорили.

— Честно говоря, я все-таки надеюсь на некоторую толику богословского руководства от парней из Ватикана.

— Мне нет дела до Ватикана. Насколько я могу судить, вы — моя Агнес.

— Спасибо, Джошуа.

Она встала и обняла его.

– Не уходи навсегда.

– Не уйду.

28.

Салли вернулась к Монике Янсон – без предупреждения, без какого-либо рассказа о том, где она пропадала.

Янсон сидела дома одна и ждала, когда Джошуа вернется из Приюта. Хелен обсуждала с копами и адвокатами условия залога, а Дэн радостно играл в футбол с Биллом Чамберсом, который, как всегда, страдал от нечеловеческого похмелья.

Женщины выпили кофе. Янсон подумала: вот две чудачки, которых судьба свела вместе. Салли, как обычно, не сиделось на месте. Она явилась с рюкзаком и в безрукавке с обилием карманов, содержавших стандартный полевой набор.

Они осторожно разговаривали – о жизни, о том, что их объединяло. То есть о Долгой Земле и о Джошуа.

Джошуа, как ни странно, всегда стоял в центре любых представлений Моники Янсон о Долгой Земле, поскольку День перехода случился в ее смену и навсегда определил карьеру. Более того, жизнь. И теперь она рассказывала Салли разные давние случаи. Например, о своих неоднократных попытках завербовать Джошуа.

Один раз, спустя семь месяцев после Дня перехода, Янсон условилась о встрече с Джошуа в Приюте, в Базовом Мэдисоне. За разговором наблюдали старшие. Вполне справедливо, как подумала Янсон, сидя на кушетке «с сестрой, а то и с двумя», совсем как в старой песне «Битлз». В конце концов, Джошуа было всего четырнадцать.

И он питал к Янсон такое сильное подозрение, что, казалось, оно тоже сидело в человеческом обличье между ними.

Мальчик спросил:

– Вы будете меня изучать?

– Что?

– Отдадите университетским профессорам. Посадите в клетку, чтобы исследовать.

Янсон содрогнулась.

– Нет, Джошуа. Ни за что. Послушай. Ты стал знаменитым. Легендой, нравится тебе это или нет. Но с самого начала, со Дня перехода, я делала все возможное, чтобы твое имя не упоминалось в официальных документах.

Он задумался.

– Почему?

– Потому что это не пошло бы тебе на пользу. Решай сам, но я хочу, чтобы ты подумал... о совместной работе. Со мной. Не *для* меня. Направь свои способности и всю свою положительную энергию на благую цель. Я буду добывать для тебя задания. Понимаешь, помогать людям. Конечно, не бесплатно. Что-то вроде подработки по выходным – она не мешает тебе учиться. Джошуа, я обещаю: если ты будешь работать со мной, то не останешься без защиты.

Он поморщился.

– А если нет, значит, останусь?

– Нет. Нет! Джошуа, ты меня не понял. Я буду защищать тебя в любом случае...

Но он уже исчез, растворился с легким хлопком, оставив двух разгневанных сестер.

Янсон попыталась найти светлую сторону. Джошуа не сказал «нет».

И она не прекращала попыток, пока он наконец – с неохотой – не согласился.

И оставался ее союзником до сих пор.

– Занятная история, – сказала Салли. – Это и был твой способ его защитить, так?

– Джошуа – друг на всю жизнь. И он окружает себя сильными женщинами. Ты, Хелен, сестра Агнес...

– И ты, отставной лейтенант Янсон.

– Принимаю как комплимент. Хотя Хелен иногда, наверное, нелегко. Она его жена.

Салли отвела глаза.

– Хелен меня абсолютно не интересует. Маленькая мрачная домоседка. Хотя она ловко положила на лопатки того придурка в аэропорту.

– О да.

Салли продолжала глядеть на часы.

Янсон осторожно поинтересовалась:

– Ну и куда ты теперь?

– К Дыре.

– Правда? Из-за троллихи Мэри?

– Да.

Янсон улыбнулась.

– И что ты там будешь делать? Помашешь плакатом?

– Почему бы нет? Все лучше, чем ждать, пока бедняжку убьют. С глаз долой – из сердца вон.

– Ты права. Жуткая история. Когда я посмотрела видео, то сама кое-кому написала... и Джошуа устроили встречу с сенатором Старлингом. Жаль, что я не могу пойти с тобой.

Салли пристально взглянула на нее.

– Ты серьезно?

Янсон была застигнута врасплох; она сказала это, повинувшись порыву.

– Что? А... ну да, наверное. Мне правда жаль. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты очень полезна, вот почему. Ты же Страшила Янсон. Ты добиваешься того, чего не могу добиться я.

Салли говорила неуверенно, словно ей не хотелось признавать за собой даже малейшую слабость.

– Я думаю, вместе мы могли бы принести больше пользы. По крайней мере, надрать задницы тем придуркам на базе. Джошуа сказал, ты любишь исправлять то, что пошло неправильно, и в этом твоя сила. Из-за истории с троллями вскоре на всей Долгой Земле начнется «неправильное» в огромном масштабе. Идем со мной. Ну, что скажешь?

Янсон слабо улыбнулась.

– Что, вот так? Как Тельма и Луиза? В моем возрасте, при моих болячках? Мне нельзя удаляться от клиники больше чем на два часа езды. Наверное, можно как-нибудь обойтись таблетками. Но я никогда не заходила так далеко. До Дыры – два миллиона переходов. Боюсь, я не выдержу...

– Не спеши, – сказала Салли и подмигнула. – Не забывай, с кем говоришь. Я знаю, как срезать.

– Бред какой. Это невозможно. Ведь так?

29.

Когда Янсон и Салли готовились покинуть Мэдисон-Запад-5, Мэгги Кауфман только-только прибыла туда.

– Найди мне специалиста по троллям, – велела она Джо Макензи.

Капитан всегда получает то, что хочет.

Это заняло пару дней. Поиск по аутернету шел быстро, в связи с природой самой инфраструктуры, хотя, казалось бы, чем ближе ты к Базовой, тем быстрее происходит обмен информацией. Но Мак вскоре разыскал множество университетов, где исследовали поведение троллей в дикой природе. Он показал Мэгги кое-какие

отчеты. Она выяснила, что тролли пытливы, общительны, быстро обучаемы. В целом исследователи полагали, что тролли как минимум стоят на ступени, предшествующей хомо сапиенс, а некоторые даже утверждали, что тролли – абсолютные сапиенс, хотя мышление у них и развивалось иначе, чем у людей. И они учились новому с феноменальной скоростью.

Мэгги все это показалось излишне сухим. Она попросила Мака найти человека, который знал бы троллей не только как подопытных существ или биологические образчики. Человека, который жил бы среди них.

Именно поэтому она ненадолго оставила командный пост и, не ставя начальство в известность (это напыщенное ничтожество, Эд Катлер, зарубил бы любую инициативу на корню), на быстром попутном твене смоталась на восток, в мир, находившийся в пяти переходах от Базовой Земли, в тамошний Мэдисон.

В нескольких милях за городом доктор Кристофер Пейджел и его жена Джульетта, в числе прочих дел, заправляли реабилитационным центром для больших кошек, подвергшихся дурному обращению – кошек, которых нелегально покупали наркобароны и прочие придурки, демонстрировали как символ собственной крутизны, а потом выбрасывали, когда киска переставала быть милой игрушкой. Этот центр существовал и до Дня перехода – и в числе питомцев были даже львы и тигры, но с тех пор, благодаря возможности добывать новые трофеи на Долгой Земле, в вольерах появились саблезубые смилодоны и пещерные львы, *Panthera leo atrox*.

Пейджелам помогала большая семья троллей.

Хозяева центра, пожилые, но элегантные и очень добродушные, рассказали Мэгги, что тролли не только выполняли тяжелую работу. Само их присутствие, казалось, успокаивало животных. Доктор Крис рас-

сказал, что самец ловко умел управляться с одним потенциально опасным тигром. Когда тот попытался наброситься на Криса, огромная тролля ручища схватила зверя за шею и осторожно, но крепко прижала, давая понять, что вдавит его в землю, если безобразия продолжатся.

Мэгги узнала от Пейджелов многое о троллях. Например, что от людей они в первую очередь, казалось, хотели развлечений — разнообразия, новых идей. Покажите юному троллю какую-нибудь штуку вроде газнокосилки, с достаточно большими винтами, удобными для троллих пальцев, и он осторожно разберет ее на части и аккуратно разложит детали, а потом соберет обратно, исключительно ради удовольствия. Джульетта Пейджел экспериментировала с музыкой — слушая хороший церковный хор, тролли сидели в благоговейном молчании. Так реагировали они и на четырехголосный вокал шестидесятых, вроде «Beach Boys».

У Мэгги постепенно складывалось представление о троллях. Насколько она понимала, ей приказали служить повсеместным символом американской Эгиды. В таком случае «Бенджамену Франклину» было недостаточно просто странствовать по мирам, наподобие старомодного дредноута, источая смутную угрозу и намекая на необходимость платить налоги. Миссия Мэгги заключалась в том, чтобы символизировать положительные ценности нации. И это значило — на данном этапе — жить в гармонии с другими обитателями последовательных миров, в особенности с троллями. Салли Линдси не ошиблась, подумала Мэгги. Легче всего доказать мирные намерения, имея на борту нескольких троллей.

Будучи капитаном твена, Мэгги обладала значительной свободой в принятии решений. И все же она потратила немало времени, желая убедиться, что экс-

перимент поддерживает как минимум большинство членов экипажа. А еще она не собиралась рассказывать начальству о том, что затеяла. Разве что не останется иного выбора.

Итак, на корабль она вернулась с тремя троллями. Это была семья, родители и детеныш. Пейджелы звали их Джек, Марджори и Карл.

Как только они поднялись на борт, споры вспыхнули вновь, несмотря на всю подготовительную работу. Мэгги не вмешивалась. Она не собиралась никуда девать троллей.

Прошла неделя, прежде чем команда «Франклина», плывущая в небесах бесчисленных последовательных Америк, привыкла заканчивать работу в сумерки. Тогда открывались огромные двери грузового отсека, и тролли присоединялись к гармонии долгого зова, который катился из мира в мир.

– В «Звездном пути», – сказала Мэгги Маку и Натану, – они, кажется, пустили клингона на капитанский мостик.

- И борга, – добавил Натан.
- Вот, пожалуйста.
- Но не ромуланца, – заявил Мак. – Исключено.
- Тролли останутся здесь, – твердо сказала Мэгги.

30.

Прошло два-три месяца после разговора с Кеном, прежде чем Нельсон Азикиве рассказал о своей отставке. Он хотел привести в порядок дела в приходе, избавиться от лишних вещей и ввести преемника в курс дела (включая обращение с мятежным сортиром), прежде чем перейти на новый этап жизни и заняться Лобсан-

гом и другими тайнами. Нельсон не спешил. Он всегда в чем-то жил как бродяга, но считал, что прощаться нужно как следует.

Он решил отправиться в Америку на самолете; его поколение не привыкло к путешествиям на твене, похожем на неспешный морской вояж. Но Нельсон обнаружил, что самолетов осталось не так уж много – с тех пор как Долгую Землю начали обслуживать воздушные корабли. Конечно, твены были отлично приспособлены к новым мирам, они не нуждались в аэропортах и могли посадить пассажира буквально где угодно. Но и в плане перемещений в пределах одной Земли – даже на Базовой Земле – дирижабли вновь входили в моду. Во-первых, гелий, безопасный невоспламеняемый газ, было намного проще добыть теперь, когда природные ресурсы Базовой Земли сильно истощились, а ресурсы последовательных миров еще не успели открыть. И неспешный полет дирижаблей в самый раз подходил для груза: мешкам с кукурузой и руде все равно, сколько времени занимает путь, и они не жалуются, что в салоне включили неинтересный фильм.

Однако традиционные авиалинии еще не умерли окончательно, и на Базовой по-прежнему летали самолеты, пускай во время пути пришлось терпеть массу задержек: много рейсов отменили из-за туч пепла, поднимавшихся из Йеллоустона. Там происходило какое-то небольшое извержение.

Самолет, на который Нельсону наконец удалось сесть, вылетел из Англии, пересек Атлантику и Канадский щит и наконец достиг безбрежных сельскохозяйственных угодий Базовой Америки, которые тянулись внизу ярким ковром. Нельсон понял: если присмотреться, в этом ковре встречались там и сям бреши, пятна дикой зелени в тех местах, где стояли брошенный дом или ферма, почти наверняка принадлежавшие

людям, которые решили перейти на запад. (Это и был запад для большинства американцев, хоть эксперты и заверяли, что названия «запад» и «восток» даны чисто произвольно.) Фермеры уходили в поисках новой земли и лучшей жизни. Или, подумал Нельсон, просто потому, что там были новые миры, а в генах каждого американца – и канадца тоже – есть нечто, мешающее сидеть на месте. Открылся бесконечный фронтир, и, хотя лихорадка первых лет прошла, приток пионеров на Долгую Землю не иссяк.

Нельсон летел в О'Хэйр. Он хотел ненадолго остановиться в Чикаго, а затем собирался посетить новый университет, который строили в Мэдисоне, на Западе-5, восстанавливая город после взрыва. Там у него были друзья – и свои интересы. Именно в Мэдисоне Уиллис Линдси впервые выложил схему переходника-прототипа в Интернет. Шикарный деструктивный жест, который изменил мир – точнее, миры – навсегда. А еще в Мэдисоне родился Джошуа Валиенте. Нельсон, занимаясь проектом «Лобсанг», чувствовал, что в Мэдисоне он, возможно, кое-что выяснит и получит ответы на некоторые вопросы.

Но первоначальному плану пришел конец прямо в аэропорту.

Нельсон всегда с радостью выбирался из переполненного салона. Он был крупным – из тех, кому нелегко уместиться в самолетном кресле и кто может пройти по любому району, не особенно волнуясь о собственной безопасности. Иногда Нельсона раздражало почтение, оказываемое ему исключительно из-за размеров. Но в общем и целом – размышлял он, терпеливо стоя в очереди на регистрацию, – Нельсон признавал, что приятно добиваться своего, даже не прося.

В Южной Африке, где он вырос, рост избавил его от массы неприятностей, за исключением разве что не-

скольких стычек. Впрочем, проблемы такого рода закончились, когда Нельсон открыл для себя местную библиотеку и обнаружил целый мир идей, которые юный разум освоил быстрее, чем «Сатурн-5» – небо Флориды. Трудно сказать, что он просто впитывал полученные знания; почти с самого начала Нельсон отмечал проблему, требующую решения, и принимался за дело. Один из его учителей заметил, что у мальчика талант искать взаимосвязи.

Жизнь Нельсона изменилась целиком и полностью, к лучшему или к худшему, в тот день, когда он впервые применил свои аналитические способности к идее Всемогущего Бога. Даже если откинуть традиционные представления о Боге, Нельсону всегда казалось, что без первопричины это – философская пустота, брешь. Его приятели-интеллектуалы заполняли ее учением иллюминатов или недреманным оком на долларовой банкноте. После Дня перехода – после открытия обширного, плодородного и доступного человечеству универсума – Нельсону показалось, что необходимость заполнить пустоту лишь усугубилась. Вот почему он и решил посвятить следующую фазу своей жизни исследованиям этой пустоты – и связанным с ней тайнам.

В любом случае в О'Хэйре угрожающие размеры Нельсона, вкупе с его способностью разрешать проблемы, уж точно помогли ему пробраться через лабиринт американской иммиграционной зоны. Когда Нельсон миновал последний таможенный барьер, за ним побегал один из служащих и вручил листок.

– Это просили передать вам, мистер Азикиве.

Листок оказался рекламным проспектом трейлеров «Виннебаго». Нельсон собирался в Мэдисон, никакой Виннебаго ему не был нужен. Но, когда он поднял глаза от листка, служащий уже исчез.

Нельсон ощутил некую взаимосвязь, словно решал очередную головоломку.

– Я понял, Лобсанг, – сказал он.

И сунул листок в карман.

Через час он взял напрокат отличный «Виннебаго», с мощным двигателем и большой кроватью – как раз по размеру.

Нельсон выехал с парковки в своем доме на колесах, не имея никаких конкретных инструкций. Он выбрал направление наугад и отправился в путь. Само по себе ощущение езды по таким дорогам было фантастическим. Он задумался: может быть, в конце концов, это и есть воплощение американской мечты? Странствовать, оставив позади все проблемы, словно мусор. Ничего, кроме движения к горизонту, движения ради самого движения.

До полудня он катил на запад.

Потом Нельсон остановился в маленьком городке, купил еды и вышел в сеть, чтобы узнать последние новости, в том числе про успехи друзей по «Мастер-викторине». Они ломали голову двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, с тех пор как он бросил им легкий намек. «Слушайте, мы все видели, как «Марка Твена» притащили в Мэдисон на буксире, и слышали, как та девушка упомянула кошку, которая говорит по-тибетски. Нет ли здесь подсказки? Но какой? Похоже, кто-то нас морочит...»

И «мастера игры» полезли на стенку. Они высказывали догадки и обменивались мнениями. Стоя в трейлере и готовя вкусный карри из свежих ингредиентов, Нельсон следил за сообщениями и запутанными гипотезами, мелькавшими на экранах, и думал, думал...

Поставив карри на стол, он почти перестал обращать на экраны внимания. Нельсон усвоил манеры ан-

глийской старины, с которыми столкнулся в приходе Святого Иоанна-на-Водах, где люди *обращались* к еде вежливо. Было в этом нечто, заставлявшее улыбаться мальчика из африканского городка. Но краем глаза Нельсон все-таки следил, как «мастера» выбиваются из сил, выдвигая теории со скоростью одна штука в минуту. Некоторые из них были совершенно фантастическими.

И тут он наткнулся на след, который привлек его внимание. Благодаря странностям телепрограммы, прыгая с канала на канал, зрители могли на протяжении суток непрерывно смотреть «Близкие контакты третьей степени».

Нельсон пробормотал:

– Значит, Башня Дьявола, Лобсанг? Это уже было. Не так уж оригинально. Но я всегда хотел на нее посмотреть. Я не спрашиваю, как найти тебя; скорее всего, ты сам меня найдешь...

Он доел карри и вымыл посуду. Если верить показаниям навигатора, предстоял путь примерно в тысячу миль на северо-запад, из Чикаго в Вайоминг. Потрясающее путешествие. Нельсон решил, что никому и ничем не обязан; он не будет торопиться и полюбуется видами.

Может быть, даже посмотрит «Близкие контакты».

31.

Последний отрезок пути по слабым местам, самый долгий, привел Салли и Янсон в мир всего лишь в десятке переходов от Дыры. Слабые места перемещали путников, в том числе и географически. Они оказались на северо-западе Англии, вблизи побережья Ирландского моря – оттуда, как знала Салли, было недалеко до космической базы.

Моника Янсон измучилась и совсем обалдела. Салли пришлось уложить ее на мягкую травку на склоне холма, завернув в кокон из серебристых спасательных одеял.

Ушла неделя, чтобы пересечь по слабым местам два миллиона миров, отделявших их от Дыры — намного быстрее, чем на любом твене, но в любом случае путешествие было утомительное. Салли выискивала слабые места, двигаясь, как боец тайцзы. Они, казалось, преимущественно гнездились в центральных районах, подальше от побережий. Слабые места было проще найти на закате или на рассвете. Иногда Янсон их даже *видела* — словно что-то сверкало. Странная штука. Но они переносили путников куда надо за четыре-пять переходов.

Янсон ни на что не жаловалась во время путешествия, и лишь спустя несколько переходов Салли догадалась, что ее спутнице приходится нелегко. Слабые места были изъяном в многомерной квазилинейной геометрии Долгой Земли, а умение их находить — уникальной генетической способностью, которое досталось Салли по наследству. Путешествовать по ним было намного проще, чем тащиться вперед переход за переходом, как некогда делала серая мышка Хелен Валиенте, отправившаяся со своей семьей за сто тысяч миров, чтобы выстроить там бревенчатую хижину. Но ничто не давалось даром, и слабые места влияли на самочувствие. Переход в таких случаях не был мгновенным, как обычно: человеку казалось, что он падает, летит, проваливается в ледяную яму... и «полет», по ощущениям, длился некоторое время, даже если часы свидетельствовали, что не прошло ни секунды. Путешествия по мягким местам пожирали энергию, требовали много сил. Вдобавок Янсон уже была больна до того, как они тронулись в путь. Но она не жаловалась, что бы ни случилось.

Салли засуегилаь, собирая дрова для костра, до- ставая из рюкзака еду и питье. А затем, теплым май- ским вечером, в последовательной Англии, она тихо села у огня, позволяя Янсон выпасться и отдохнуть.

Салли смотрела, как восходит луна.

Не та, к которой она привыкла. В этом мире, всего в нескольких переходах от Дыры, луну покрывали све- жие кратеры. Море дождей – правый глаз лунного че- ловека – почти исчезло, кратер Коперник тоже, скры- тый огромным свежим шрамом, который тянулся брил- лиантовым всплеском через половину диска. Наверное, подумала Салли, было на что посмотреть – в этом мире и в соседних, – когда Беллос и его братья-близнецы с грохотом пошли на сближение, разминувшись с дан- ной Землей, но пройдя очень близко, и планета содро- галась от бомбардировки случайными обломками, а лик луны пылал, как небесное поле брани...

Янсон заворочалась и села. Салли поставила кофей- ник на небольшую треногу над огнем. Янсон с благо- дарностью взяла жестяную кружку руками в перчатках и рассеянно поглядела на небо.

– А что тут случилось с лунной?

– Мы слишком близко к Дыре.

Янсон кивнула и отхлебнула кофе.

– Послушай. Прежде чем мы туда отправимся. Не забывай, что я – тупой коп, который лучше разбирается в пятнах крови и пьяных драках, чем в планетах и кос- мических кораблях. Что такое Дыра? И при чем тут кос- мическая база?

– Дыра – это брешь в Долгой Земле. Миры тянут- ся бесконечно, насколько нам известно, и все они в ос- новном похожи, но с разницей в деталях. Дыра – един- ственное место, где Земли нет вообще. Если перейдешь туда, окажешься в вакууме. Там произошло какое-то столкновение. Огромный камень – астероид, комета

или шальная луна – врезался в Землю. Космонавты называют этот гипотетический объект «Беллос».

– Почему Беллос?

Салли пожала плечами.

– Аллюзия на какой-то старый дурацкий фильм, кажется. Джошуа, наверное, сказал бы точнее. Наверняка они его смотрели с Лобсангом. Все, что *может* случиться, *должно* где-нибудь случиться, правда? Так называемый Беллос прилетел из темноты и разминулся с бесчисленными миллиардами Земель. Некоторые миры, например этот, оказались близко от его траектории и в разной мере пострадали от падения случайных обломков.

– В какой мере?

– Например, на Луне появились новые кратеры. Или же исчезла большая часть земной атмосферы. Или поменялось положение полюсов. Или что-то произошло с тектоническими плитами. Вымирание динозавров по сравнению с этим – сущие пустяки. Но все-таки планеты уцелели.

Янсон кивнула.

– Я понимаю, к чему ты клонишь. А одна конкретная Земля...

– Одна Земля полностью исчезла.

Янсон присвистнула. Эта мысль ее, видимо, напугала.

– Нам здорово повезло, – сказала она.

– Базовая Земля находится на другом конце кривой вероятностей.

– Но, но если бы не... или если бы мы жили в одном из соседних миров...

– Землетрясения, цунами и так далее. Первая же зима, скорее всего, нас бы прикончила. Или, точнее, наших предков, ведь это случилось давно.

– Жуть.

– Нет, просто статистика. Так получилась Дыра, – Салли подлила еще кофе. – По крайней мере, сейчас человечество не погибнет. По крайней мере, от падения кометы. Люди широко расселились. Долгая Земля – сама по себе гарантия безопасности. Даже Беллос не сможет уничтожить всех.

– Допустим. И Дыра нам полезна, потому что...

– Потому что можно перейти прямо в открытый космос. В соседнем с Дырой мире надеваешь скафандр, переходишь – и описываешь круги вокруг Солнца. Не нужно лететь на ракете размером с небоскреб, чтобы преодолеть земное притяжение, потому что там нет Земли. Лети куда угодно. Как во сне. Свободный доступ в космос.

Янсон задремывала.

– Очень хочется глянуть. Утром, да?

– Утром. Спи. Я поставлю палатку, пока не стемнело. Хочешь есть?

– Нет, спасибо. И я уже выпила таблетки.

Янсон снова легла и натянула на себя одеяло.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Салли.

Янсон заснула, а Салли сидела тихонько – возможно, единственное бодрствующее и разумное существо на планете.

Свет мерк, израненная луна становилась все ярче, и Салли казалось, что кто-то разом раздвинул границы ее сознания. Травянистый склон холма, расстилавшийся перед ней, словно обретал дополнительную глубину и инаковость буквально на глазах. Пейзаж был бездонным, многомерным, бесконечным. Когда-то Салли приснилось, что она научилась летать – до смешного легко, достаточно было просто подпрыгнуть, а потом продолжать прыгать уже в воздухе. И теперь ее преследовало

мучительное ощущение, что, если вспомнить, как это делается, она сможет уйти – не отсчитывая миры один за другим по очереди, а покрыв сразу всю их вереницу. Сам воздух вокруг казался возбуждающим, а земля – зыбкой, как дым.

Янсон кашлянула и негромко застонала во сне. И зов бесконечности утих в душе Салли так же быстро, как и возник.

32.

Команда «Франклина» постепенно привыкла к своим новым товарищам – троллям.

Но не все колонии думали точно так же.

Новый Мелфилд был грязным и непривлекательным поселком в Кукурузном поясе. Его обитатели высыпали наружу, когда «Франклин» приземлился – и страшно удивились, когда за членами экипажа последовало семейство троллей.

Тролли и остальные бродили по поселку, пока Мэгги общалась с местным мэром, передавала документы с Базовой и вообще пыталась наладить контакт. Мэр явно нуждался в некоторой отладке, поскольку в сводке Мэгги Новый Мелфилд значился как очередное пакостное гнездо ненависти к троллям, не говоря уже о людях и прочих тупых скотах. Что ж, изменения происходят постепенно.

Вскоре три тролля уже сидели на стульях в кабинете мэра. Тролли просто обожали стулья и кресла, особенно вращающиеся. Допив предложенный кофе, Мэгги внятно попросила:

– Пожалуйста, помой, Карл.

Юный тролль, держа кружку как что-то очень ценное, обвел комнату взглядом, заметил открытую дверь, ведущую на кухню, осторожно сполоснул кружку в ра-

ковине и столь же бережно поставил на сушилку. А потом вернулся к Мэгги, которая дала ему мятный леденец.

Мэр в немом изумлении наблюдал за ними.

Они еще пару дней провели в поселке, покоряя сердца и умы — детей помладше катали на «ФранкLINE», чтобы впервые в жизни показать им сверху поселок, а ребята постарше под бдительным присмотром играли с троллями. Но на второй день команда собралась по сигналу тревоги: в небе над Новым Мелфилдом появился еще один твен.

Это было торговое судно. Тем же вечером капитан собственной персоной, вместе с первым помощником, переправился на «Франклин» и встретился с Мэгги в ее каюте. С собой гости принесли какой-то сверток.

Мэгги быстро взглянула на Натана Босса, который сопровождал их на борту.

— Мы просканировали сверток, — сказал тот. — Все чисто.

Капитан торгового судна, молодой, полный, улыбнулся.

— Вы, видимо, важная персона, капитан Кауфман. Пришлось здорово постараться, чтобы доставить вам вот это. Дуглас Блэк лично заверяет...

— Дуглас Блэк? Из Корпорации Блэка? Тот самый...

«Ого, — подумала она. — У Салли Линдси действительно есть связи».

— Да, капитан. Тот самый мистер Блэк заверяет, что содержимое свертка не нанесет вреда ни вам, ни «Бенджамену Франклину». Инструкции вы найдете внутри. Больше я ничего не знаю.

Мэгги почувствовала себя ребенком, которому не терпится развернуть рождественский подарок.

Как только капитан ушел, она, последовав осторожному совету Натана, вынесла сверток наружу, чтобы

развернуть. Безопасность лишней не бывает. Внутри, тщательно запакованный, лежал странный прибор, отдаленно напоминавший окарину. Троллий зов. Салли Линдси сделала, что обещала. Мэгги потыкала в кнопки. Этот прибор был сложнее, чем тот, что показывала Салли. Видимо, усовершенствованный вариант. К нему прилагалась краткая инструкция, подписанная от руки незнакомым именем – «Дж. Абрахамс».

Мэгги не терпелось испытать прибор на троллях.

Она отпустила Натана, который ушел, ухмыляясь и качая головой. Оставшись одна, Мэгги отправилась в салон, где тролли предпочитали спать, возможно, потому, что там было прохладнее. Они лежали бок о бок и в полудреме осторожно перебирали друг другу шерсть, переговариваясь нежно и чуть слышно.

Мэгги тихонько включила «окарину», навела ее на Джейка и стала внимательно слушать.

И страшно удивилась, когда вдруг человеческий голос отчетливо произнес: «Я сыт, доволен, мне хорошо. Я хочу вернуться... значение слова не установлено».

Голос был мужской, твердый, довольно приятный, хоть и механический.

Значит, троллий зов работал, пусть даже давал не столько перевод, сколько общее представление. Очки из Корпорации Блэка – ну или кем там был Дж. Абрахамс – просто обожали выдумывать такие штуки.

Затем она навела троллий зов на Марджори.

– Самка здесь. Наблюдает. Самца нет. Значение слова не установлено. Приблизительный перевод – самка, которая по каким-то причинам предпочла не заводить самца для спаривания.

Они говорили о ней!

– И каждый лезет в личную жизнь, – буркнула Мэгги.

Набравшись смелости, она подняла повыше троллий зов и внятно произнесла в трубку:

– Меня зовут Мэгги Кауфман. Добро пожаловать на борт «Бенджамена Франклина».

Ее слова сопровождало мелодичное чириканье.

Тролли, немедленно насторожившись, уставились на Мэгги с разинутыми ртами и широко раскрытыми глазами.

Она указала на себя.

– Мэгги. Мэгги.

Марджори забормотала, явно пытаюсь подобрать определение:

– Друг. Бабушка. Интересный незнакомец...

«Бабушка» потрясла Мэгги до глубины души. Бабушка! Подумать только! Может быть, так они воспринимали ее отношение к экипажу? Словно она – пожилая женщина, присматривающая за выводком ребятешек. Остальные ведь и вправду были по большей части намного младше...

Мэгги смело подошла к троллям, которые сидели, сбившись в кучу, в углу каюты, и уселась рядом с ними на ковер.

– Меня зовут Мэгги. Мэгги. Да, вы правы. У меня нет мужа. Нет самца. Этот корабль – мой дом...

Ей показалось, что троллиха Марджори посмотрела на нее сочувственно своими ласковыми карими глазами. С невероятной осторожностью ладонь размером с лопату коснулась Мэгги. Та подумала, что единственным вариантом будет придвинуться ближе, – и утонула в огромных объятиях.

Карл тем временем ухватил окарину и экспериментировал, пока из прибора не донеслось:

– Конфетка.

Именно так Мэгги и нашли поутру – она проснулась, когда члены экипажа очень осторожно извлекали своего капитана из кучи похрапывающих троллей.

Завтрак прошел слегка натянуто. Все до единого знали, как она провела минувшую ночь. Но Мэгги никогда и не старалась непременно сохранять достоинство.

Она провела целый день, позволяя членам экипажа развлекаться под ее наблюдением с тролльным зовом. А потом велела Герри Хемингуэю из научного отдела выяснить, как эта штука работает – хотя бы как она обрабатывает информацию.

Вечером пришлось приказать команде отложить новую игрушку, чтобы усталые тролли могли поспать. За завтраком на следующий день Мэгги собрала экипаж. Она внимательно оглядела всех и выбрала Дженнифер Вонг – морского пехотинца, чьи родители, насколько ей было известно, происходили из Китая.

– Дженнифер, ты вчера много времени общалась с Джейком. Что он тебе сказал?

Вонг посмотрела вокруг, отчего-то смутившись. А затем кашлянула и ответила:

– Я многого не поняла. Но вообще – что-то о том, как далеко я от дома. Я чуть не упала. Конечно, я американка и горжусь этим, но любовь к китайской родине у меня в крови. Откуда троллю знать?

– Потому что он умен, – сказала Мэгги. – У него интуиция. Он *разумен*. Знаете, ребята, нас отправили сюда, в числе прочего, чтобы искать на Долгой Земле разумные существа. Так? И вот они – на нашем корабле, среди нас. Именно так, если что, я намерена оправдываться перед трибуналом. Я горжусь тем, как вы обращаетесь с вашими новыми соседями. Но если через две минуты вы не уберетесь отсюда и не займетесь делом, у кого-то будут неприятности. Разойтись!

33.

Совершив последний переход, они внезапно перенеслись с дюн неподалеку от серого океана – местной версии Ирландского моря – в нечто похожее на примитивный промышленный парк, полный сверкающих цистерн, ржавых подъемников, дымовых труб и бетонных зданий. Ничего космического там не было, по крайней мере, как показалось Янсон с первого взгляда.

– Пошли, – сказала Салли, поправляя рюкзак, и первой зашагала вперед.

Янсон последовала за ней, мерным шагом пересекая поросшую травой лужайку, которая постепенно сменялась бугорками дюн. Утро в этом мире, в одном переходе от Дыры, было сухое и ясное. Ветер, дувший с моря, доносил запах соли и гниющих водорослей. Янсон попыталась представить Дыру. Представить вакуум, пустоту, открытый космос. Достаточно одного прикосновения к висящему на поясе переходнику, чтобы перенестись прочь от повседневной реальности... У нее не хватало воображения.

Они не прошли и сотни метров, когда пейзаж вокруг озарился ослепительным сиянием, исходящим от какой-то постройки впереди. Как будто на землю упала капля солнечного света.

Не медля, Янсон прижала Салли к земле, упала сверху и натянула на голову капюшон. Янсон находилась в соседнем мире, когда в Мэдисоне взорвалась ядерная бомба. И она этого не забыла. Послышался грохот взрыва, повеяло горячим воздухом, и земля содрогнулась. Потом настала тишина.

Янсон осторожно откатилась на бок и поморщилась, когда ее ослабевшее тело отозвалось симфонией болей. Над местом взрыва поднималось облако белого дыма и пара.

– Это не ядерная бомба, – заметила Салли.

– Да. Похоже, взорвалась фабрика химикатов. Прости, что уронила тебя.

– Ничего.

Салли села и отряхнула песок.

– Здесь играют в свои игрушки ребята, помешанные на технологиях. Не факт, что они сами представляют масштаб бедствий. Надо быть поосторожнее.

– Согласна.

Они пошли дальше, держа ухо востро и ожидая новых проблем. Разрушенную фабрику пожирал огонь; приблизившись, они увидели неумелые попытки потушить пожар.

Никакой охраны, насколько могла судить Янсон, не было. Даже забора. Но их заметили, едва они вошли на обширную территорию. Рабочие устали на гостей. Наконец навстречу Салли и Янсон зашагал какой-то мужчина. Лет за пятьдесят, невысокий, но прямой, жилистый, загорелый, с седеющими, коротко стриженными волосами, в синем спортивном костюме с выцветшим логотипом НАСА и бейджиком «Ф. Вуд». Он улыбнулся довольно дружелюбно.

– Здравствуйте, дамы.

– И вам того же, – ворчливо ответила Салли.

– Меня зовут Фрэнк Вуд. Раньше работал в НАСА, а теперь... ну, как нас ни назови. Скажем, Космо-Д. Тем более что так мы официально и называемся. Могу я поинтересоваться, что вы здесь делаете? Тут бывает мало случайных гостей. Вы волонтеры? Если так, расскажите, что умеете. Не сомневаюсь, вы впишетесь в команду.

Он грустно посмотрел через плечо на поднимающееся облако дыма и пара.

– У нас произошла неприятность с цистерной жидкого кислорода, но это, в общем, в порядке вещей.

Янсон показала значок и удостоверение.

– Я из полиции. Мэдисон, штат Висконсин.

Он уставился на удостоверение, но Янсон убрала его, прежде чем Вуд успел понять, что она давно уже в отставке и, в общем, не имеет права носить значок.

– О...

Вуд тревожно взглянул на нее.

– Честно говоря, лейтенант Янсон, представителям Базовых властей здесь, в общем, делать нечего. Даже если бы мы находились на территории американской Эгиды – а мы на ней не находимся. Вы, наверное, из-за троллей?

– Боюсь, что так, мистер Вуд.

– Зовите меня Фрэнк.

– Кажется, я вас узнала, – сказала Салли.

– Правда?

– Я смотрела видео. Именно вы помешали тому парню уложить троллиху на месте.

Он покраснел и отвел глаза.

– Я никогда не стремился к славе. Вам нужен Гарет Имз. Нечто вроде здешнего исполнительного директора. Англичанин. Честно говоря, если бы не шумиха в аутернете – да, новости даже сюда доходят, – Мэри бы уже не было в живых. Но даже люди вроде нас мотают на ус, когда оказываются в эпицентре. Сейчас я отведу вас к Имзу...

– Не нужно, я сама найду дорогу, – быстро ответила Салли.

Вуд взглянул на нее с сомнением, затем пожал плечами.

– Как хотите.

Он указал на низкое и приземистое бетонное строение.

– Вот административный блок. Ну, в местном варианте. Мы здесь все строим по типу бункеров. Когда живешь рядом с ракетами, учишься осторожности. И тролля мы тоже держим там.

– Прекрасно.

Салли повернулась к Янсон и шепнула:

– Я пойду туда, а ты покарауль, чтоб он не стоял у меня над душой.

Янсон уже поняла, что таков уж у Салли излюбленный образ действий. Выбивать у человека почву из-под ног.

– Ладно. Но я...

– Отвлекай его. Пусть покажет тебе свои космические игрушки. Кстати, по-моему, он положил на тебя глаз.

– Чушь. И учти, мои ракеты вообще стартуют с другой площадки.

– Значит, он так же невнимателен, как большинство мужчин, – ответила Салли, подмигнув. – Расстегни пару пуговиц – и он твой раб на всю жизнь. Увидимся.

34.

– Мы не называем этот мир «Запад-два миллиона и сколько-то еще», – сказал Фрэнк Вуд. – Мы говорим «Дыра-Восток-1». Потому что центр *нашей* вселенной – Дыра, а вовсе не Базовая Земля. Станный мир, правда? Почти пустой. Целые континенты, где не ступала нога человека. Мы, пока строим корабли, в основном живем рыбалкой и немножко охотой. Племя охотников-собирателей с космической программой...

Пока Фрэнк Вуд разглагольствовал, Янсон изучала Космо-Д. База представляла собой причудливую реконструкцию полузабытого мыса Канаверал, где она некогда побывала в качестве туриста. Именно там, как выяснилось, люди из Космо-Д завербовали Фрэнка Вуда. В некоторых постройках Янсон распознала печи для обжига кирпичей из местной глины, кузницы, фабричные мастерские. Заметила она и некоторые tradi-

ционные атрибуты космического центра – например, огромные сферические цистерны с покрытыми изморозью стенками. Фрэнк объяснил, что в них содержалось огромное количество очень холодного жидкого топлива. У компании даже был свой логотип – круг с тонким полумесяцем, охватывающим звездное поле. Внизу стояло название, а наверху девиз: «У нас свободно». Джошуа когда-то сказал Янсон, что это девиз Лобсанга.

А самое интересное – даже для загорелого старого копа, – там действительно стояли космические корабли. Один – вроде капсулы, на четырех массивных ногах, а еще ракетный ускоритель, примерно шестидесяти футов в высоту, увенчанный пылающим соплом, которое отчего-то было направлено вверх, в небо, словно ракеты собирались запустить носом в землю. Фрэнк объяснил, что это – установка для статической проверки.

Работали на базе в основном мужчины от тридцати до сорока, как правило, тучные. Одни ходили в защитном снаряжении или комбинезонах, как Фрэнк, другие в шортах, сандалиях и футболках со слоганами давно забытых ток-шоу и фильмов. Например, «Вы никогда не слышали о полярном медведе?».

Один тип, с охапкой чертежей, подошел к Янсон, взглянул в лицо и сказал:

– Новенькая, э? Здесь одна нескончаемая афера, подружка. Неужели я в раю?

И ушел, прежде чем она успела ответить.

Фрэнк поднял брови, словно услышал шутку.

– Да, корпорацией нас пока не назовешь. Эти люди – сплошь добровольцы. Увлекающиеся личности. Здесь работают любители – инженеры, радисты, астрономы и разочарованные космонавты, такие как я. Кое-кто на Базовой спонсирует Космо-Д частным образом. Большие концерны пока не видят ценности всего этого. Зачем напрягаться и лететь в космос, на пустынь-

ные планеты вроде Марса, если в шаговой доступности есть миллиарды пригодных для обитания Земель? Но они поймут — и, несомненно, подключатся, когда мы начнем получать результаты.

— И вы разбогатеете.

— Может быть. В любом случае, как вы сами убедитесь, отбирают здесь не по уровню социальных навыков. Вы привыкнете...

Янсон поняла, что для Фрэнка Вуда Дыра стала возможностью воплотить Мечту.

До того как его завербовал Гарет Имз, Фрэнк даже не слышал про Космо-Д. Но он работал в Космическом центре Кеннеди — в том, что от него осталось, — и это было грустно. В «саду ракет», музее на открытом воздухе, даже не старались сберечь драгоценные реликвии. Коррозия от соленого воздуха разъедала тонкие цилиндрические корпуса, начиная с сопел. Они продолжали запускать спутники без космонавтов, но для человека, который охотно слетал бы в космос сам, подобные рутинные запуски были сродни дешевой распродаже.

В детстве Фрэнк видел по телевизору ясноглазых парней, которые собирались устанавливать разгонные катапульты на Луне, добывать металлы из астероидов, строить алюминиевые миры прямо в открытом космосе и воздвигать лестницы, похожие на бобовые стебли, в небо с поверхности Земли. Какой мальчишка отказался бы в этом поучаствовать?

А потом Линдси изобрел переходник. Фрэнку минул тридцать один год, он был ветераном военно-воздушных сил и только что вступил в космический корпус НАСА. Но появились переходники и Долгая Земля. Человечество внезапно обрело необходимые просторы, дешевый и легкий путь на миллионы Земель.

Некогда Фрэнк Вуд грезил о полетах на другие планеты, если не к звездам. Но теперь космические корабли будущего мертво стояли на стартовой площадке воображения, и, дорабатывая оставшиеся до пенсии годы в Космическом центре Кеннеди, он – космонавт, вынужденный водить туристический автобус, – чувствовал себя млекопитающим, снующим среди костей вымерших динозавров.

Потом появился Гарет Имз, речистый британец. Он рассказал про так называемую Дыру. Место, где космонавты были еще нужны – так показалось Фрэнку, который поначалу вообще едва понял Гарета.

И тогда Имз показал ему фотографию космического корабля.

Больше всего во время краткой экскурсии Янсон поразили не космические технологии и не странноватые рабочие, а тролли. Они были повсюду – трудились на фабриках бок о бок с неуклюжими конвейерными роботами, перетаскивали туда-сюда тяжелые грузы, в том числе загадочные кирпичные конструкции, фрагменты арок и сводов, а в одном месте даже месили бетон и строили какую-то широкую площадку, наподобие посадочной полосы. Они пели за работой, и Янсон напрягла слух, чтобы расслышать; мелодия шла по кругу, и в основе, судя по всему, лежало нечто вроде старой попсовой песенки о том, как здорово быть космонавтом, самым быстрым человеком на свете. Несомненно, тролли подхватили ее у местных чудаков.

Фрэнк Вуд ни словом не обмолвился о троллях, как будто и не видел их.

После прогулки он отвел Янсон в примитивную кофейню на свежем воздухе, рядом с перевернутым ракетным ускорителем. Янсон с облегчением села.

– Думаю, вы поняли, что это настоящий космодром, – сказал он. – Здесь, рядом с Дырой, мы в исключительном положении, и наши методы не похожи ни на что предыдущее.

Янсон инстинктивно нравился Фрэнк Вуд, но она быстро устала от его мальчишеского хвастовства.

– По-моему, все довольно просто. Достаточно сделать один шаг, чтобы оказаться в открытом космосе. Так?

– Да, – ответил он, кивнув. – В вакууме. Конечно, вы умрете в ту же минуту, если будете без скафандра. И ваше тело полетит в открытый космос со скоростью в несколько сотен миль в час.

– Правда?

Янсон тщетно пыталась это представить.

– Вращение Земли, – объяснил Фрэнк. – *Здесьней* Земли. Стоя на экваторе, вы вращаетесь со скоростью тысяча миль в час, но гравитация не позволяет вам взлететь. Перейдите в соседний мир – силы тяжести там нет, но инерция останется. Как если бы я крутил вас у себя над головой на веревке, потом веревка лопнула. Конечно, мы можем использовать вектор скорости, если постараемся, но, по большей части, он нам только мешает. Единственные точки стояния расположены на полюсах, и работать там неудобно. Вот почему мы находимся на относительно высокой широте – в Англии. Чем дальше на север, ну или на юг, тем лучше.

– Конечно, – неуверенно отозвалась Янсон.

– Это прямо противоположно методам запуска ракет с Базовой Земли, где чем ниже широта, тем больше шансов воспользоваться помощью вращения. Нужно перейти в космическом корабле, – он указал на капсулу, которую Янсон уже заметила раньше, похожую на командный отсек «Аполлона» на четырех ногах. – Вот наш шаттл. За основу мы взяли твен – транспортное

средство, способное переходить, но придали ему вид ракетоносителя, старого «Дракона» от «Космос-Икс». Железные и стальные детали исключаются. Переходишь в Дыру – выбрав подходящее время суток, чтобы оказаться в нужной точке, – и ракета включает двигатель, преодолевает скорость вращения и приходит в состояние относительного покоя. Потом пристаешь к Кирпичной Луне...

– К чему?

– Так мы назвали постоянную станцию, которую строим на месте нахождения Земли – в Дыре. Здесь несложно делать кирпичи и бетон и переправлять их большими блоками туда, главное – использовать раствор, способный противостоять условиям вакуума. Такие блоки способны штамповать даже тролли.

Фрэнк впервые упомянул гуманоидов.

– Станция будет представлять собой нечто вроде улья из смыкающихся сфер – двести футов в поперечнике. Дешево и сердито – зато мы тут делаем что угодно, всё, что можно перенести с собой. Не нужно впахивать груз в носовой отсек баллистической ракеты и подвергать многочисленным опасностям. Кирпичная постройка не выносит давления, но в каркас конструкции мы помещаем надувные или керамические стержни. Когда мы закончим, то сможем *оттуда* запускать космические корабли.

Он указал на перевернутый двигатель.

– Вы, наверное, узнаете эту малютку.

– Вряд ли, – грустно ответила Янсон.

– Это переделанный S-IVB. То есть «Сатурн-5». Помните старые ракеты для полетов на Луну? Древняя, но чертовски надежная технология. Пока – тестовый образец. Мы его переделываем из материалов, выдерживающих переход. В том-то и прелесть Дыры. На Базовой нужна махина размером с «Сатурн-5», чтобы добраться

до Луны и вернуться. Так? Потому что надо преодолеть земное притяжение. А в Дыре достаточно вот такой штучки, чтобы полететь куда угодно, даже на Марс. Мы уже запустили один пробный образец на Венеру – корабль, который мы назвали «Зимородок». Скоро будем создавать ядерные ракеты, способные развивать высокую характеристическую скорость. То есть...

– Верю. Верю!

Фрэнк уставился на нее. И рассмеялся.

– Кажется, мы с вами поладим, лейтенант Янсон. Извините. Я увлекся. Послушайте... вы читали когда-нибудь Роберта Хайнлайна? Здесь у нас примерно так же. Можно собрать на заднем дворе ракету и полететь на Марс. Правда, замечательно? Все эти миры – наши. Знаете, мисс Янсон, вы проделали такой долгий путь... не думайте плохо о здешних ребятах. Им, как правило, недостает умения общаться, они в принципе немного двинутые. Не исключаю, что у многих и впрямь какие-то расстройства личности. Но душа у них что надо в общем и целом. Они могут быть равнодушны к троллям, но не жестоки.

Взгляд у него вдруг сделался рассеянным.

– Кстати, а вы когда-нибудь встречали таких людей? Я имею в виду, по-настоящему плохих. Я служил в ВВС и разное повидал, когда получал назначения за границу.

– А я работала в полиции, – ответила Янсон.

Фрэнк глянул через плечо и ухмыльнулся.

– Работали? Значит, ваш значок, лейтенант Янсон...

– Ладно, ладно, сдаюсь. Кстати, зовите меня Моника. Его улыбка расплылась еще шире.

– Моника.

К ним подошел парень в бейсболке.

– Вы лейтенант Янсон?

– Да.

– Ваша подруга Салли Линдси просила вас привести. И кое-что передать.

– Что?

– «Тролли ушли».

– И все?

Парень пожал плечами.

– Ну, вы идете или нет?

35.

Янсон отвели в большой административный корпус, где ее ждала Салли, которая за полминуты отделалась от парня в кепке. Янсон так и не поняла, как она это сделала.

Они поспешно шагали по тесным, скудно освещенным коридорам с грубыми стенами.

– Идем, – торопила Салли. – Тут, на этой помойке, есть вещи, которые ты должна увидеть.

Они миновали нечто вроде кабинетов, лабораторий, учебных залов, даже какое-то подобие компьютерного центра. Кое-кто смотрел на них с любопытством или равнодушно, но никто не останавливал и не задавал вопросов. Должно быть, здесь привыкли к посторонним. У Янсон возникло впечатление, что организация в Космо-Д довольно свободная – просто кучка технофанатов, клуб по интересам. Люди явно приходили и уходили в зависимости от степени энтузиазма и других обязательств. Никакой охраны.

Они добрались до лестницы, которая вела вниз, в подземный комплекс – лабиринт коридоров и комнат. Янсон вспомнила слова Фрэнка насчет бункеров. А еще – разные догадки касательно того, почему троллиха Мэри не перешла, спасаясь от своих мучителей. Держать ее под землей значило сделать так, чтобы она точно не сбежала.

Шагая по коридору, Янсон услышала музыку – обрывистую, нестройную.

– Так, – сказала она. – «Тролли ушли». Что это значит?

– То самое, – мрачно ответила Салли. – Не отсюда – пока нет, – но в целом бегство уже началось, как и в других местах. Тролли покидают Долгую Землю. Послушай, ты же знаешь про долгий зов. Они обмениваются тем, что знают. Похоже, чаша их терпения переполнилась.

– Почему?

– Из-за нас. Из-за людей. Из-за того, как мы к ним относимся. По всей Долгой Земле *тролли уходят* – или как минимум покидают человеческие поселения. Те миры, где заметно человеческое присутствие. Тролли не тупые животные. Они учатся – и приспосабливаются. Похоже, они усвоили все, что им необходимо знать про нас.

Янсон едва понимала, о чем речь. Событие такого масштаба просто не укладывалось в голове.

– Куда они уходят?

– Никто не знает.

Янсон не стала спрашивать, откуда знает Салли. Она сама видела, как та перемещается по Долгой Земле. И Салли каким-то образом была настроена на троллей и их зов. Для Янсон она воплощала некую всеобъемлющую разведслужбу, ну или вездесущее присутствие неведомых сил, скажем Корпорации Блэка. Салли Линдси *естественным* образом знала, что творится во всех мирах.

И Янсон видела, что Салли принимала интересы троллей близко к сердцу – иначе бы они не забрались сюда. Поэтому она осторожно спросила:

– Это правда серьезно?

Салли поморщилась, но не стала грубить.

– Да, серьезно. Тролли и есть Долгая Земля, насколько я понимаю. Ее душа. А еще они – неотъемлемая часть экосистемы. Не говоря уж о том, что, черт возьми, они полезны. Без помощи троллей тысячи сельскохозяйственных миров осенью вряд ли сумеют собрать урожай.

– Поэтому, – подхватила Янсон, – *мы*, конечно, должны что-то предпринять.

– Разумеется, – сердито оскалившись, сказала Салли.

– С чего начнем?

– Прямо отсюда.

Они стояли перед дверью, на которой кто-то в шутку намалевал надпись «Космическая тюрьма». Нестройная музыка, если можно так выразиться, доносилась из комнаты – резкая, неприятная, – и Янсон поборол желание заткнуть уши. Заглянув в окошко в двери, она заметила, что в углу, скорчившись, сидела троллиха. Обмякшая, неподвижная – и в то же время воплощенная скорбь. В камере ничего не было, кроме миски с водой.

– Мэри, – негромко проговорила Янсон.

– Наша героиня. «Я не хочу», – сказала Салли, сопровождая слова жестами.

– Мы под землей... – Янсон вспомнила слова Фрэнка. – Но рядом Дыра. В одну сторону – сплошной камень, а в другую – нет. Мэри могла бы перейти в вакуум, чтобы добраться до своего детеныша. На ней ведь нет железа?

– Думаю, нет. Но, наверное, она инстинктивно сторонится вакуума. И этот шум сбивает ее с толку и раздражает. Нужно увидеться с Гаретом Имзом, который тут главный. Британец, специалист по акустике. Такая мразь. Он почему-то ненавидит троллей от всей души. Говорит, что начал общаться с троллями, когда научил-

ся отгонять их диссонансами. И вот он превратил свои разработки в оружие, в ловушку, в клетку. Но троллиху здесь удерживает кое-что другое. Пойдем, я покажу.

Чуть подалее по коридору была еще одна закрытая дверь, с маленьким окошком. Заглянув внутрь, Янсон увидела нечто вроде примитивной детской или же обезьяньего вольера в зоопарке, с перекладинами для лазания, веревками, массивными грубыми игрушками. Там тоже сидел тролль, только маленький, и рассеянно возился с большой пластмассовой машинкой. На нем был странный серебристый костюм, оставлявший обнаженными ступни, кисти и голову.

– Детеныш.

– Да, – сказала Салли. – Дрессировщики называли его Хэм. Сама видишь, чем они тут занимаются. На него надели экспериментальный скафандр. Ты сама видела. Хэма собирались отправить в космос как подопытное животное.

– Они не хотели повредить ему...

– Да. Но у Мэри, видимо, свои представления об опасности. Дыра – это место, которое тролли избегают. Поэтому она стала возражать.

Янсон уже достаточно хорошо знала Салли.

– У тебя ведь есть план?

– У нас только один шанс.

Ожидая ответа и страшась его, Янсон уточнила:

– Что мы будем делать?

– Надо забрать их отсюда. Отдадим малыша матери и перейдем...

– А потом?

– Удерем и спрячемся где-нибудь, пока не отыщем надежное укрытие. Может быть, отведем обоих туда, куда направляются остальные тролли.

– Я так и знала.

Салли усмехнулась.

– А я знала, что ты мне поможешь. Любому копу хоть раз в жизни хочется перейти на темную сторону, правда?

– Нет.

– В любом случае я без тебя не обойдусь, Янсон.

– Зачем я тебе нужна?

– Для начала чтобы отпереть дверь. Ты бывший коп, ты знаешь, как это делается. Я понятия не имею, сколько у нас времени. Ну? Ты можешь открыть замок или нет?

Янсон могла. И открыла.

И стала сообщницей.

36.

Через три недели после того, что выкинула Салли – когда новости о случившемся дошли по аутернету до Базовой Земли, – Лобсанг предложил Джошуа встретиться лично. Впервые за много лет. Впервые со дня похорон Агнес.

Лобсанг.

Джошуа, как обычно, взял сутки на раздумья.

А потом неохотно отправился на встречу.

Филиал Трансземного института, в который направили Джошуа – в паре миль от Мэдисон-Запад-10, – оказался низким и широким строением из камня и дерева, типично колониальной архитектуры, которое одиноко стояло на безлюдном отрезке дороги, идущей сквозь заросли степных цветов. Разумеется, Лобсанг устроил свою штаб-квартиру в принадлежавшем ему филиале Корпорации Блэка в последовательном Мэдисоне, поближе к Агнес и к Приюту. Хоть это и была Ближняя Земля, но она все-таки отличалась от Базовой,

и вечернее небо выглядело капельку иначе. На Базовой Земле в такой день горизонт был бы оранжево-серым. Прекрасные и смертельные цвета пожара. Но здешнее небо сияло девственной синевой. Сравнительная пустота и чистота, хоть и по соседству с Базовой, вновь вселили в Джошуа ощущение необъятности миров, составлявших Долгую Землю.

Войдя, Джошуа обнаружил обычную офисную суету, обманчиво неудобные кресла, засохшие фикусы и вышколенно любезную молодую особу, которая разве что не просветила его рентгеном насквозь, прежде чем впустить. Буквально на каждом углу торчала камера, и все внимательно наблюдали за ним.

Наконец Джошуа провели через автоматическую дверь в коридор с белыми стенами. Еще одна камера повернулась вслед, параноидально блестя объективом.

Дверь в дальнем конце коридора отворилась, и появилась женщина.

– Мистер Валиенте? Я так рада, что вы приехали.

Она была невысокой и смуглой, с азиатским лицом, и в огромных очках. Женщина протянула руку.

– Меня зовут Хироэ. Добро пожаловать в Трансземной институт. Наденьте этот бейджик.

Она протянула ему карточку на шнурке, с названием института, логотипом – шахматным ферзем, – фамилией Джошуа, фотографией и зашифрованным кодом, который содержал все, начиная от размера ноги и заканчивая последовательностью ДНК.

– Носите не снимая, иначе охранные роботы застрелят вас из лазерной пушки. Шучу.

– Да уж.

– Кстати говоря, Селена Джонс должна мне доллар. Помните Селену?

– Помню. Она по-прежнему официальный опекун Лобсанга?

– В некоторых отношениях – да. Она поспорила со мной, что вы не приедете. Что не отзоветесь на просьбу Лобсанга о помощи.

– Правда?

– Любопытство – удивительная вещь, вы согласны? «Как и верность идиота», – подумал Джошуа.

– Сюда, пожалуйста.

Хироэ провела Джошуа в просторную комнату с низким потолком и венецианскими окнами, выходившими на прерию. Повсюду стояли мониторы, на столе лежала потерянная клавиатура – кусок дубовой доски в шесть дюймов толщиной. Этот кабинет принадлежал человеку, который обожал свою работу – и не знал в жизни больше ничего.

Интереснее всего была каменная колода перед одним из окон. В ней росли какие-то трубообразные растения пяти футов в высоту, бледно-зеленые, с красными и белыми прожилками. Они жались в кучку, словно объединенные общим секретом, и у Джошуа возникло странное ощущение, что движутся они вовсе не от сквозняка.

– *Sarracinea gigantea*, – сказала Хироэ. – Кстати, они плотоядные.

– И вид у них соответствующий. Когда время кормежки?

Хироэ мелодично рассмеялась.

– Они едят только насекомых. Эти растения выделяют нектар – сладкую приманку, у которой есть несомненный коммерческий потенциал. Семена мы получили с помощью одного из дублей Лобсанга, разумеется.

– Которого?

– Ответ на этот вопрос вам пока еще не по карману, – с улыбкой ответила Хироэ, указав ему на кресло. – Подождите минутку, пожалуйста, сейчас мы пройдем последний этап контроля...

Она постучала по клавишам.

– Вот чем мы торгуем тут, в Трансземном институте. Мы продаем и покупаем коммерчески ценную информацию.

Джошуа цинично подумал: «Значит, это не просто спонсируемый Блэком игровой манеж для Лобсанга». Как типично для Дугласа Блэка – потребовать прибыли.

– Вот, я ввела вас в систему. Пожалуйста, носите бейджик не снимая. Вы готовы к встрече с Лобсангом?

Хироэ вывела его из здания, и они зашагали по прилегающей территории. В этом мире, как и во всех остальных, наступал вечер. На горизонте мерцали несколько фонарей, солнце низко висело в небе.

И слабо пахло серой. Ходили слухи, что Йеллоустон тут вел себя чуть беспокойнее, чем в большинстве соседних миров. Например, сообщали о деревьях, погибших из-за ядовитых испарений. Видимо, Йеллоустоны в большинстве Ближних Земель переживали какие-то геологические сдвиги. На Базовой Земле произошел взрыв, в результате которого погиб молодой парковый смотритель по имени Герб Льюис – не вулканическое извержение, как подчеркивали ученые, а гидротермический инцидент, выброс кипящей воды. В общем, мелочи. *Мелочи.* Даже в тысяче миль от Йеллоустона Джошуа казалось, что он чувствует здешние «мелочи»; он вспомнил помешанного на апокалипсисе фанатика, который пристал к ним в аэропорту на Базовой Земле с разговорами об адском огне и сере, и ему стало не по себе.

Хироэ села на деревянную скамью, вырезанную из одного огромного бревна.

– Пожалуйста, садитесь. Здесь мы подождем Лобсанга.

Джошуа неловко сел.

– Вы волнуетесь перед новой встречей, да?

– Не то чтобы волнуюсь... а откуда вы знаете?

– Ну, всякие мелочи. Сtisнутые зубы. Белые ко-
стяшки. И прочие тонкости.

Джошуа рассмеялся. Но все-таки оглянулся, пре-
жде чем ответить.

– А он слышит нас?

Хироэ покачала головой.

– Нет. Здесь его способности ограничены. Сестра
Агнес говорит, это ему на пользу. По крайней мере,
одно место в мире – или мирах, – где Лобсанг не всемо-
гущ. Как по-вашему, зачем я привела вас сюда, прежде
чем начать разговор? Я не хочу его обидеть.

– Вы ведь не просто служащий Лобсанга, правда?

– Я, честно говоря, считаю себя другом. Лобсанг
вездесущ, и в то же время он очень одинок, мистер Ва-
лиенте. Ему нужны друзья. Особенно вы, сэр...

Сквозь стену вечернего света прошел старик – так
показалось Джошуа. Стройный, высокий, бритоголо-
вый, в просторном оранжевом одеянии. Ноги, обутые
в сандалии, были грязны. В руках он держал грабли.

Джошуа встал.

– Привет, Лобсанг.

Хироэ улыбнулась, поклонилась и грациозно вышла.

– Все по порядку, – сказал Лобсанг. – Спасибо, что
пришел.

Черты лица этого конкретного модуля напоминали
некоторые из тех облиций, которыми Лобсанг пользо-
вался раньше. Но он позволил себе состариться – или,
по крайней мере, как подумал Джошуа, запрограмми-
ровал какие-то нанофабрикаторы, наградившие его
морщинами и зобом. Выглядел он лет на семьдесят.
Лобсанг держался сутуло, двигался медленно, суставы
рук, сжимавших рукоятку грабель, слегка припухли,
кожу покрывали пигментные пятна. Конечно, он со-
старился не по-настоящему – в Лобсанге не было ни-

чего настоящего, и приходилось постоянно напоминать себе об этом. Но в любом случае выглядела подделка внушительно: если Лобсанг вознамерился изображать старого монаха, он верно передал все детали, вплоть до потрепанного края грубого оранжевого одеяния.

Джошуа остался равнодушен. Он не испытывал особого желания к обмену любезностями.

– Зачем ты хотел меня видеть? Из-за того, что устроила Салли?

Лобсанг улыбнулся.

– Напомню тебе, что она вступила в комплот с твоей давней приятельницей – лейтенантом Янсон. Комплот... – повторил он, с преувеличенным старанием двигая губами. – Очаровательное слово. Слово, которое необходимо использовать исключительно ради удовольствия его произносить. Это одна из многих неожиданных радостей телесного воплощения... Так о чем мы говорили? А, о Салли Линдси. Да, ее побег вместе с троллихой Мэри и детенышем стал сенсацией.

– Не сомневаюсь, – с горечью ответил Джошуа.

Благодаря старой пленке с записью прибытия «Марка Твена», а также широкому использованию распознающих программ Джошуа обрел известность как сподвижник Салли. Ему не давали покоя представители прессы и активисты, стоявшие на самых разных позициях в отношении троллей и связанных с ними проблем.

Лобсанг сказал:

– Выходка Салли сделала проблему троллей и людей самым актуальным вопросом, да. Но вся эта история уже несколько лет на грани кризиса. Не сомневаюсь, ты в курсе. И теперь тролли начали действовать самостоятельно. Что сулит определенные последствия для нас всех.

– Да, я слышал. Тролли просто берут и уходят.

Лобсанг улыбнулся.

– Я тебе сейчас покажу. Точнее, покажут мои тролли.

– Твои тролли?

– В десятке переходов отсюда их целая компания. Мои здешние владения распространяются на несколько соседних миров.

Он протянул руку, словно приглашая пройти.

– Сейчас увидишь.

В группе было около двадцати троллей. Самки сидели в тени раскидистого дерева и лениво чистились, детеныши играли, несколько молодых самцов без особого увлечения боролись, а по краям мелькали туда-сюда взрослые самцы. Работая, играя и дремля, тролли пели – энергичную песню, насыщенную сложными гармониями и переходами. Мелодия повторялась каноном, образуя замкнутый круг.

Лобсанг отвел Джошуа в маленький садик, обнесенный забором. Там стояли несколько скамеек и фонтан. Земля под кронами разбросанных деревьев была покрыта мхом – не травой, а мхом, который при свете заходящего солнца сиял ярко-зеленым.

– Садись, если хочешь, – сказал Лобсанг. – Пей. Вода чистая, из источника. Кстати говоря, надо почистить трубы...

Он неуклюже опустился на четвереньки и пополз по газону, выдергивая отдельные стебельки травы, как сорняки.

– «Старая горная роса», – произнес он.

– В смысле?

– Так называется песня, которую поют тролли. Старинная народная ирландская песня. Первый контакт людей с каждой отдельно взятой группой троллей можно датировать по песням, которые они поют. В данном случае это произошло в конце девятнадцатого века. Помнишь рядового Перси? Я провел небольшое иссле-

дование, и результатом стало нечто вроде карты перемещений прирожденных путников, предшествовавших Уиллису Линдси. Хотя, конечно, не всегда возможно отследить блуждания троллей.

— Что ты имел в виду под «своими» троллями, Лобсанг?

Лобсанг двигался вперед, терпеливо пропалывая лужайку.

— Фигура речи. Эту стаю я нашел в одном из миров Кукурузного пояса и, как мог, пригласил их последовать за мной. Здесь живут и другие группы. Разумеется, они — *мои* тролли в том же смысле, как Шими — *моя* кошка. Но я создал заповедник — тут и в соседних мирах, на много квадратных миль. Я не пускаю сюда людей и изо всех сил делаю так, чтоб троллям, этой стае и другим, было уютно. Я пытаюсь изучать их, Джошуа. Ты знаешь, что я занимался троллями десять лет, со времен нашего путешествия на «Твене» и визита на Мягкую Посадку. Здесь я могу наблюдать за ними в условиях, приближенных к естественному состоянию.

— Ты поэтому стал таким смиренным, Лобсанг? Ты, сверхчеловеческое существо, охватывающее два миллиона миров, понизился до уборщика?

Он улыбнулся, не прекращая работать.

— Честно говоря, да, в общении с троллями смирение помогает. Я постоянно присутствую, но никого не устрашаю. Но не говори, что я понизился. Особенно в присутствии сестры Агнес. С ее точки зрения, я расту.

— А-а. Так это ее идея?

— Она говорит, что детские башмаки мне уже малы.

— Очень в духе Агнес.

— Если я хочу стать частью человечества, нужно в него влиться. Спуститься на землю, стать нижним звеном пищевой цепочки, так сказать.

— И ты согласился?

– Ну, не было особого смысла так утруждаться и заново воплощать эту женщину, если я не собирался прислушиваться к ее советам, правда? Вот почему я подумал, что нуждаюсь в ней, Джошуа, ну или в ком-то подобном. В человеке, у которого есть здравый смысл и моральное право нашептывать мне на ухо сомнения.

– И как, работает?

– Я многому научился. Например, насколько менее декоративным кажется декоративный сад, если именно тебе приходится подметать сухую листву. Как обращаться со шваброй, которая требует, помимо умения владеть обеими руками, еще и некоторой энергосберегающей стратегии. Ты удивишься, сколько, оказывается, в мире углов. Возможно, это какой-то многомерный парадокс. Но есть и обязанности, которые мне нравятся. Кормить карпов. Подстригать вишневые деревья...

Джошуа представил Агнес, хохочущую во все горло. Но ему самому было не до шуток.

Лобсанг заметил его каменное лицо.

– А, старый гнев еще не утих, я вижу.

– А чего ты ожидал?

Десять лет назад, вернувшись из своего путешествия с одним из аватаров Лобсанга в отдаленные закоулки Долгой Земли, Джошуа обнаружил Мэдисон в виде обгорелых руин. Город разрушила ядерная бомба фанатика. С тех пор у Джошуа не хватало сил заговорить с Лобсангом.

– Ты по-прежнему считаешь, что я мог бы вмешаться, – негромко произнес тот. – Но меня там не было. Я ведь улетел с тобой.

– Не целиком...

Лобсанг, по природе своей разлитый в пространстве, всегда утверждал, что его истинная сущность отправилась с Джошуа в далекие последовательные миры и так и не вернулась. С кем бы Джошуа сейчас ни раз-

говаривал, это был *другой* Лобсанг, другоеместилище души, частично синхронизированное с оставшимися на «Марке Твене» копиями благодаря хранилищам памяти, которые Джошуа доставил обратно на Базовую. Другой Лобсанг – не тот, которого знал Джошуа и который, возможно, продолжал существовать где-то далеко. Но *этот* Лобсанг был свидетелем гибели Мэдисона – и предпочел остаться в стороне.

– Даже тогда, десять лет назад, когда «Твен» вернулся, ты был... – Джошуа отыскал в памяти старый религиозный термин, – имманентным. Ты наполнял весь мир. Ну или так ты утверждал. Однако ты пропустил тех ублюдкой с бомбой, позволил Янсон и другим копам тщетно бегать и искать их, тогда как мог бы...

Лобсанг кивнул.

– Тогда как я мог, метафорически выражаясь, щелкнуть пальцами и предотвратить преступление. Ты бы этого хотел?

– Если ты мог, почему ты им не помешал?

– Знаешь, веками люди задавали тот же самый вопрос христианскому Богу. Если Он всезнающ и всемогущ, как Он допускает страдания хотя бы одного-единственного ребенка? Я не Бог, Джошуа.

Тот фыркнул.

– Но ты любишь вести себя как Бог. Даже в сандалиях и с метелкой.

– Я не читаю в душах мужчин и женщин. Я вижу только внешнее. Иногда, когда истинная суть наконец прорывается в слове или поступке, я понимаю, что ничего подобного не предвидел. И даже если бы я мог остановить тех террористов – стоило бы это делать? И какой ценой? Скольких бы пришлось убить, чтобы предотвратить поступок, который, возможно, так и остался бы чисто гипотетическим? Что бы ты тогда обо мне подумал? Людям дана свободная воля, Джо-

шуа. Когда они причиняют друг другу вред, Бог не желает им мешать, а я не *могу*. Думаю, тебе следует поговорить об этом с Агнес.

– Зачем?

– Возможно, тогда ты найдешь силы простить меня.

Джошуа подумал, что этого не случится никогда. Но он знал, что придется временно сменить гнев на милость. Джошуа с усилием сосредоточился на другом.

– Итак, тролли. Что же ты узнал?

– О, многое. Например, про их настоящий язык, который не имеет ничего общего с примитивными жестами и тыканьем в картинки, которое навязывают им люди, когда хотят отдать приказ.

– Но это же очень действенно, Лобсанг. Повсюду изображения Мэри, которая говорит свое: «Я не хочу». На плакатах, рисунках граффити, в сети, даже на футболках.

– Ты прав, но со стороны мятежников Вальгаллы безответственно смешивать собственную символику с троллей и объединять два разных конфликта, каждый из которых в отдельности затрагивает всю Долгую Землю.

Лобсанг, весьма убедительно вспотевший, сел на пятки.

– Ты знаешь, что в основе подлинного языка троллей – музыка, Джошуа? Конечно, для тебя это не новость. После контактов с людьми они усваивают наши песни, но сочиняют и свои, изобретая бесчисленные вариации. Музыка для троллей – способ выразить естественный ритм собственного тела, вплоть до биения сердца, дыхания, скорости шага во время ходьбы, даже, быть может, работы нейронов. Еще они используют ритм песен как способ отсчета времени, когда хотят сообщить перейти или поохотиться. Кстати, Галилей тоже так делал.

– Галилей?

– В ранних экспериментах по механике, с качающимися маятниками и так далее, он использовал музыку как часы, чтобы отмерять время. И, конечно, тролли песни несут информацию. Самая простая дисгармония может содержать предупреждение. Но в них кроется и нечто большее. Посмотри – кажется, они собираются на охоту...

Тролли мелькали все быстрее и быстрее. Возвращавшиеся особи вносили свою лепту в непрерывную гармонию, громко или тихо, смело или робко, и песня развивалась как единое целое, и остальные откликались на нее.

– Я расположил в окрестностях резервации запасы пищи, – сказал Лобсанг. – В соседних мирах, я имею в виду. Например, медовые соты и животных, на которых тролли могут охотиться. Оленей, кроликов. Стая действует как единый организм, когда ищет еду. Разведчики расходятся по соседним мирам, и, как только один из них находит какой-нибудь многообещающий ресурс, скажем стадо оленей, он возвращается... и поет об этом.

– Насколько я понимаю, поют они о том, как здорово надраться ирландской бражкой.

– Основная тема – это всего лишь несущая волна, Джошуа. Я проделал множество акустических опытов. Есть вариации высоты, ритма, фразировки, которые содержат информацию о том, как далеко находится еда и какого она качества. Другие разведчики подхватывают принесенные сведения, идут и проверяют их, а потом возвращаются с подтверждением или, наоборот, с опровержением. Очень эффективный способ исследовать все местные возможности. И вскоре стая принимает какое-то решение, изменив тональность или вообще заведя другую песню, чтобы обозначить свое едино-

душие. И вместе переходит. Примерно так действуют и пчелы: когда ищут новое место для улья, они высылают разведку, которая возвращается и танцем передает информацию. Тролли по отдельности не намного умнее шимпанзе, но сообщая они разработали способ, благодаря которому племя способно принимать здравые, разумные решения. Но это не человеческое мышление и не демократия. Даже та, которую вы практикуете в вашем захолустье, — он улыбнулся Джошуа. — Я слышал, тебя выбрали мэром.

— Да, типа того.

— Тяжелая предвыборная гонка?

— Заткнись. Моя работа — руководить городскими собраниями. Черт-Знает-Где достаточно мал для того, чтобы все взрослые жители могли собраться на лужайке и обсудить насущные проблемы. Мы используем «Регламент» Робертса¹.

— Очень по-американски. Но, возможно, в ваших методах есть нечто от коллективной троллей мудрости. Лучше так, чем страдать от ошибок одного лидера, если у него голова не так повернута. Тролли почти никогда не ошибаются, Джошуа, даже если я ставлю перед ними довольно замысловатые задачки.

— Никто раньше не изучал троллей?

— Ни у кого не хватало терпения. Люди всегда сосредоточены на том, что тролли могут для них сделать. А не на том, чего тролли хотят. Не на том, что они умеют.

— Ну и почему наши шимпанзе до этого не дошли? Я имею в виду на Базовой.

— Наверное, тролли в ходе эволюции приспособились к переходам. На Долгой Земле, где источник пищи может быть географически близко, но в соседнем мире

¹ «Регламент» Робертса — справочник по парламентской процедуре, составленный в 1876 году военным инженером генералом Г. Робертсом.

нужны иные стратегии поиска и взаимодействия. Разведчики должны найти еду и быстро вернуться с новостями, а стая – решить, отправиться ли туда поскорее или нет. Образ жизни троллей способствовал развитию эффективных методов разведки, точных и подробных описаний, умения быстро принимать решения. Что мы и наблюдаем. Но, опять-таки, в музыке троллей кроется нечто больше, чем сиюминутные потребности. Долгий зов, который распространяется по мирам, – это нечто вроде зашифрованной народной мудрости. Зов может продолжаться целый *месяц*, прежде чем повториться, он насыщен ультразвуками, которые находятся вне человеческой слышимости. Сознание словно растягивается – ничего подобного в человеческом опыте нет. Я пытаюсь расшифровать долгий зов. Представляешь, какая передо мной задача? И я добился кое-каких успехов – у меня есть нечто вроде набора переводчика, в разных прототипах.

– Если кто-нибудь и способен это сделать, так это ты, Лобсанг.

– Ты прав, – самодовольно ответил тот. – Но прямо сейчас, Джошуа, долгий зов насыщен дурными новостями. Из-за нас.

Он неуклюже встал.

– Я пытаюсь изучать троллей в естественном состоянии. Впрочем, этой стае я выдвинул одно условие: в обмен на убежище – на защиту от людей – они остаются здесь, пока я не разрешу им уйти. Словесно, разумеется, поскольку физически они никоим образом не ограничены. Все просто.

– И?

– А теперь, Джошуа, я их отпускаю.

Он дважды резко хлопнул в ладоши.

Тролли перестали петь – мельканье прекратилось, как только вернулись разведчики, – и все, кроме самых

маленьких, повернулись к Лобсангу. Несколько мгновений тишины – и они завели новую песню, какую-то веселую балладу.

– «Залив Голуэй», – негромко сказал Лобсанг.

Тролли начали переходить, первыми матери с детьми, последними самцы, готовые защищать свое племя от хищников-эльфов. Меньше чем через минуту они исчезли, осталась только истоптанная земля.

Джошуа понял.

– Они ушли вместе с остальными. Как повсюду на Долгой Земле...

– Да, Джошуа. И именно об этом я хочу с тобой поговорить. Давай прогуляемся. У меня кости ноют от прополки...

Июньское небо в разных мирах оставалось ясным, солнца садились в унисон, как ныряют синхронистки, и медленно сгущалась тьма. В одном мире заухала сова.

А Лобсанг все говорил о троллях.

– Они стали жизненно необходимы для экономики человечества, включая Базовую Землю, хоть и косвенно. Поэтому разные концерны, в том числе Корпорация Блэка, прикладывают массу усилий – везде, где только можно, – чтобы вернуть троллей.

– И вновь приставить к работе.

– Да. Плюс еще и соображения безопасности. Если на троллей начнут смотреть как на активную угрозу для человечества, если начнется массовая военная реакция... Этого нужно избежать. Но есть и другие, более фундаментальные проблемы. Чем больше я изучаю троллей, тем сильнее убеждаюсь, что они – основа экологии Долгой Земли. Как слоны в африканских саваннах, они миллионы лет непрерывно видоизменяли земли, на которых жили, – пусть даже тем, что объедали их. Это объяснила мне Салли Линдси; она на свой

лад изучала троллей в дикой природе намного дольше, чем я. Если убрать из экосистемы крупных животных, произойдет так называемый трофический каскад. Если снести верхнее звено пищевой цепочки, она дестабилизируется целиком, изменится численность популяций, может даже повыситься количество тепличного газа и так далее. Ужас вымирания и предчувствие экологической катастрофы разносятся по Долгой Земле от края до края, ну или по крайней мере всюду, куда заходят тролли. И виноваты мы.

– Кажется, ты гордишься, – буркнул Джошуа.

– Проблема в том, что у троллей нет особых причин возвращаться. До Дня перехода они давно и прочно контактировали с людьми. С ними прилично обращались, и в ответ они прилично обращались с нами.

Джошуа вновь вспомнил историю рядового Перси Блэки, ветерана Первой мировой войны, затерявшегося в дебрях последовательного мира, куда он случайно свалился. Тролли опекали его несколько десятков лет.

– Но после Дня перехода началась совсем другая история. Использование того детеныша для экспериментов – лишь верхушка айсберга.

Джошуа сказал:

– По-моему, мы убедим троллей вернуться, только если сможем каким-то образом доказать, что будем их уважать. Будем прислушиваться, если они, как Мэри, скажут: «Я не хочу». Непросто донести эту идею до гуманоида...

– Я знаю, ты пытался убедить сенатора Старлинга принять троллей под защиту американской Эгиды. Задача, надо сказать, не пустяковая.

– Да, законы о защите животных работают отвратительно.

– Дело не только в этом, Джошуа. Во-первых, нужно решить, что такое тролли.

– В смысле?

– Они не укладываются в привычные категории, правда? В оппозицию «люди и животные». Деление, благодаря которому мы, по нашему убеждению, господствуем в природе. А на Долгой Земле мы как будто наткнулись на множество Номо habilis – промежуточное звено между животными и людьми. В некоторых отношениях тролли похожи на животных. Они не носят одежду, у них нет письменности и языка, который напоминал бы наш. Они не пользуются огнем, хотя, возможно, даже Номо habilis это умел. И все-таки у троллей есть совершенно человеческие черты. Они изготавливают простые орудия – палки для копания и каменные топоры. Они привязаны к своим близким, вот почему легко загнать в ловушку троллиху, если у тебя в руках детеныш. Они выражают сочувствие. Даже к людям. И у них таки есть свой язык – в виде музыки. А еще тролли смеются, Джошуа. Смеются. Различие между человеком и животным – решающий фактор. Животное можно купить и продать, можно убить и остаться безнаказанным, разве что в рамках слабеньких законов против жестокого обращения. А человеком нельзя владеть ни в каком цивилизованном обществе, и его убийство – это преступление. Так нужно ли распространять на троллей права людей?

– В Черт-Знает-Где мы так и поступили.

– Да, но вы разумней остальных. Основная проблема вот в чем: стоит ли ставить троллей на одну доску с собой?

– Это был бы удар по самолюбию. Ведь так?

– И более того, вызов нашим представлениям о самих себе, – ответил Лобсанг. – Тем временем некоторые утверждают, что тролли не могут быть людьми, поскольку у них нет представления о Боге. Ну, насколько нам известно. И что, например, в данной ситуации

делать католикам? Если у троллей есть души, значит, они пали, как и мы, то есть пострадали от первородного греха. В таком случае обязанность католиков – идти и крестить троллей, спасая бедняг от лимба после смерти. Но, разумеется, если на самом деле тролли – животные, то крестить их – богохульство. Если не ошибаюсь, папа готовит по этому поводу энциклику. Но религиозные дебаты лишь взволнуют людей еще больше.

– А что говорит Агнес?

– «Тролли любят мороженое и умеют смеяться. Конечно, они люди, Лобсанг, черт возьми. А теперь иди и принеси швабру, ты не все подмел».

– Узнаю Агнес... но лучше вернемся к делу. Салли именно из-за этого вытащила меня из дома и заставила отправиться на Базовую Землю. Она нашла нас десять лет назад из-за того, что тролли беспокоились. Тогда они бежали от Первого Лица Единственного Числа. И теперь ты хочешь, чтобы я снова отправился в путь? В глубь Долгой Земли, за Верхние Меггеры? Зачем? Чтобы найти Салли, Янсон и Мэри? И что потом? Узнать, где прячутся тролли? Заставить их вернуться и вновь влиться в мир людей?

– Ну, в общем, да, – ответил Лобсанг. – Звучит невероятно, правда? Плюс ко всему, сейчас полным ходом идет заварушка из-за декларации Вальгаллы.

– Ты хочешь восстановить равновесие.

– У нас с тобой и впрямь одинаковые инстинкты, Джошуа, – Лобсанг нагнулся, чтобы убрать с безупречного газона один-единственный сухой листок.

«Ты согласен, Джошуа?» Этот вопрос так и не прозвучал вслух, но он висел в воздухе.

Джошуа задумался. Ему подходило под сорок, у него были жена, ребенок, определенный статус в Черт-Знает-Где. Он перестал быть горцем-отшельником. И вот Салли неслась в глубь Долгой Земли при помощи сла-

бых мест, словно вызывая Джошуа последовать за ней. И вот Лобсанг, словно призрак из прошлого, вновь щелкал пальцами. Неужели он ждал, что Джошуа вскочит по команде?

Ну разумеется. Хоть он и изменился.

Но изменился и Лобсанг.

Они гуляли, время от времени переходя из мира в мир, от заката к закату. Тролльи песни висели в благоуханном воздухе каждой Земли, но Джошуа казалось, что они утихали.

Он осторожно произнес:

– Теперь, когда мы встретились, я понимаю, что инстинкт тебя не подвел.

– В смысле?

– Ты действительно нуждался в сестре Агнес.

Лобсанг вздохнул.

– Я думаю, что нуждаюсь и в тебе, Джошуа. Я часто вспоминаю наши дни на «Марке Твене».

– Ты недавно смотрел какой-нибудь старый фильм?

– Сестра Агнес не позволяет мне смотреть фильмы, в которых не фигурируют монахини.

– Ого. Жестоко.

– Она говорит, мне это тоже на пользу. Конечно, таких фильмов не сказать что очень много, поэтому мы пересматриваем их снова и снова, – Лобсанг вздрогнул. – «Двух мулов для сестры Сары» я уже видеть не могу. Но самое кошмарное – это мюзиклы. Хотя Агнес утверждает, что разграбление холодильника в фильме «Действуй, сестра» – правдивая деталь из монастырской жизни.

– Ну, хоть что-то утешительное. Мюзикл, в котором действуют монахини... хэх.

Откуда-то донесся голос – голос, который Джошуа помнил с детства.

– Лобсанг! Пора домой. Твой приятель никуда не денется до завтра.

– У нее повсюду громкоговорители, – объяснил Лобсанг, вскидывая грабли на плечо и вздыхая. Оба торопливо зашагали по траве. – Вот видишь, во что я превратился? Подумать только – я нанял четыре тысячи девятьсот монахов, которые сорок девять дней распевали мантры на сорока девяти Тибетах – ради *этого*.

Джошуа похлопал его по плечу.

– Сочувствую, Лобсанг. Она обращается с тобой, как с ребенком. Как будто тебе шестнадцать. Еще даже не семнадцать.

Лобсанг сердито взглянул на него.

– Замолкни, – огрызнулся он.

– Но у меня такое ощущение, что ты справишься, Лобсанг. Встречай препятствия смелей. Взбирайся на каждую гору...

Лобсанг мрачно пошел прочь.

Джошуа бодро замахал ему вслед.

– До встречи! До свидания!

37.

Джошуа покинул Трансземной институт в Мэдисон-Запад-10 через вестибюль. Конечно, он мог просто перейти в любой момент, но решил, что вежливей будет удалиться, как делают порядочные люди. И потом, нужно было вернуть Хироэ бейджик.

В вестибюле его ждал Билл Чамберс.

– Билл? Ты что здесь делаешь?

– За мной послал Лобсанг. Он решил, что в путешествии тебе понадобится компаньон.

– Каком путешествии?

– Чтобы найти Салли и троллей, в каком же еще.

– Но мы только-только успели об этом поговорить... – Джошуа вздохнул. – Черт возьми. Совершенно в духе Лобсанга. Ладно, Билл. Спасибо.

– Надо отдать ему должное, он обещает нам какую-то штуку вроде переводчика, чтобы разговаривать с троллями.

– Если мы вообще сумеем их отыскать. Честно говоря, я понятия не имею, с чего начать.

– А я знаю.

Румяное лицо Билла расплылось в широкой улыбке.

– Наверное, потому-то он за мной и послал. Начнем с Салли. Надо выяснить, куда она отправилась.

– Каким образом?

– Послушай, Джошуа, нравится тебе это или нет, но ты близок к ней. Она наверняка что-нибудь такое сказала или сделала... оставила хоть какую-нибудь подсказку!

– Я подумаю. Что-нибудь еще?

– И нужно найти троллей. У меня, кстати, есть идея. Посмотри.

Билл вытащил что-то из кармана куртки и протянул Джошуа.

Тот увидел магнитофонную кассету – предмет, канувший в небытие лет пятьдесят назад или даже больше. Кассета была обшарпанная, с неразборчивой надписью. Крутя ее в руках, Джошуа почуял странный запах. От кассеты пахло то ли козлом, то ли пачулями, то ли чем-то химическим. Иными словами, ясными ночами в Верхних Меггерах.

– Блин, кто еще слушает кассеты? Им самое место в музее. Билл, что это?

– Приманка.

– Для кого?

– Для того, кто нам поможет. Увидишь. Ну, что дальше?

– Я повидаю семью. Поговорю с Хелен.

Билл пристально взглянул на него.

– Она уже знает, старик.

И Джошуа вспомнил стихи, которые Хелен процитировала в самом начале всей этой истории. «Женщина с Западом в странных очах...»

– А, ну да.

– Лично я схожу напьюсь, пока возможность есть. Увидимся утром.

38.

«Бенджамена Франклина» вызвали в город под названием Нью-Пьюрити, в сотне тысяч миров к востоку от Вальгаллы – оттуда поступили какие-то смутные новости об очередных неприятностях с троллями.

Джо Макензи стоял рядом с Мэгги в обсервационном салоне, глядя на поселение. Сверху вид был вполне респектабельный. Ратуша, аккуратные поля и, разумеется, нечто вроде огромной церкви.

– Нью-Пьюрити, э? – сказал он. – Напомни, как там называется эта секта?

Мэгги заглянула в бумаги.

– «Нестриженные братья».

– Да уж, без церкви им точно не обойтись. Зато – ни рва, ни забора.

– Да. И посмотри вон туда, – сказала она, указывая на что-то вроде кладбища.

Пока твен спускался, инстинкты Мэгги начали подавать тревожные сигналы. Нестриженные братья. Мэгги получила домашнее образование, ее вырастили отъявленные атеисты – не такие уж отъявленные на самом деле, они утверждали, что настоящий, фундаментальный атеист не лучше фанатика с огнем, серой и Библией наперевес. В юности Мэгги привлекали обе крайности.

Таким образом, зная и верующих и неверующих, она заметила нечто знакомое, когда Нестриженные братья собрались, встречая прибывших. Мужчины и женщины, все одинаково одетые, в тускло-серых шерстяных рубашках, с длинными распущенными волосами.

Тем не менее они казались достаточно гостеприимными – пока вслед за людьми по трапу с нависшего над поселком корабля не спустился тролль Джейк со своим семейством. Тогда какой-то молодой человек поспешно приблизился к Мэгги.

– Мы не допускаем этих тварей в наши дома и на наши поля. Они нечисты.

Мэгги раздраженно взглянула ему в лицо. И увидела явное смущение. Даже скорбь. Здесь случилось что-то дурное...

– В каком смысле нечисты? И потом, Джейк – не тварь.

Молодой человек задумался.

– Тогда пусть он сам мне скажет.

Мэгги вздохнула.

– Вообще-то это вполне осуществимо. Как вас зовут, сэр?

– Мое имя нематериально. Я говорю от лица всех. Так у нас ведется.

Мэгги ощутила легкое, но настойчивое пожатие. За ней стоял Джейк. Она жестом подозвала Натана Босса, который нес троллий зов.

– Это живое существо / близко к смерти / ушел / существо было, и его нет / песня грусти.

Услышав отрывистые слова, вылетавшие из прибора, братья уставились на тролля.

Мэгги повернулась к молодому человеку.

– Что здесь случилось? Покажите мне.

В качестве ответа он повел ее прочь от аккуратных строений к яме, которую они заметили с воздуха. Это

и впрямь была просто яма. Полная трупов. Мэгги показалось, что там их несколько десятков. Насколько она могла судить, в яме лежали останки множества гуманоидов – троллей и других существ, которых Мэгги знала по пресс-конференциям. А именно эльфов – одной из самых подлых рас, если ей не изменяла память.

Мэгги вновь повернулась к молодому человеку и властно сказала:

– Назови свое имя, сынок.

Он покраснел.

– Брат Джеффри. Аудитор Нестриженных братьев. Мы – созерцатели. С нашей точки зрения, подготовленная душа способна преодолеть любые враждебные обстоятельства... – тут он запнулся.

История, которую Мэгги вытянула из брата Джеффри в промежутках между рыданиями и покаянными возгласами, не отличалась новизной. Каждая последовательная Земля представляла собой новый мир – чистый лист, на котором можно было написать замечательную историю, если человек упрямо шел к своей мечте и не терял бдительности. Братья выстроили неплохой город, открытый для всех, – как Афины, по словам Джеффри. Воззрения Нестриженных представляли собой смесь учений различных лиц, которых Мэгги, весьма приблизительно разбиравшаяся в теологии, скопом отнесла к категории «хороших парней»; в их числе были Иисус, Будда и Конфуций. Но эти люди не прислушивались к элементарным предостережениям, которые получали от более опытных путников. Еще до ухода с Базовой.

Опасностей вокруг было много; но, из всех возможных вариантов, Нестриженные братья столкнулись с эльфами.

Мак подошел к Мэгги.

– Мы произвели небольшую экспертизу, капитан. Эльфы напали первыми. Раны, вызванные сопротив-

лением, — только на троллях. Видимо, эльфы перешли сюда и напали на людей...

Мэгги уже читала отчеты о таких ошеломительных нападениях, когда охотники-убийцы появлялись из ниоткуда.

— Забор от них бы не спас.

— Да, но спасли бы погребя, и я сомневаюсь, что здешние жители ими озаботились. Тролли попали под перекрестный огонь — черт возьми, они, может быть, просто проходили мимо или даже пытались помочь. Братьям страшно не повезло. Тем более что троллей на Долгой Земле становится все меньше. И самим троллям вмешательство тоже не принесло пользы. Подозреваю, местные ребята не видят разницы между эльфом и троллем.

— Значит, колонисты обращали свое оружие без разбору против эльфов и троллей.

— Да.

— Спасибо, Мак.

Джеффри неподвижно стоял рядом.

— Моя мать... моя родная мать погибла... и...

— Я понимаю. Но тролли не виноваты. Посмотри, — сказала Мэгги, указывая на маленького Карла, который возился с детскими игрушками, к большой радости многочисленных местных ребятишек в унылых одеяниях. — *Вот* что такое тролли. Тому, кто хочет здесь выжить, необходимо принять реальность Долгой Земли. В вашем случае — раз поблизости есть эльфы — вам придется принять троллей. Они помогут расчищать поля, строить сараи, копать колодцы. А главное, они отпугнут эльфов.

Джеффри, казалось, с трудом усвоил услышанное. Но ответ он дал положительный.

— И как же это сделать? В смысле привлечь сюда троллей.

Сложный вопрос — и не лучшее время, раз тролли покидали населенные людьми миры. Мэгги пожала плечами.

— Будьте к ним добры. Для начала я предлагаю, чтобы вы с помощью моей команды похоронили погибших троллей вместе со своими убитыми. И вскоре все тролли в этом мире и в других узнают о проявленном вами уважении. А еще мы поможем вырыть несколько погребов, прежде чем отбыть. Небольшая предосторожность против эльфов. Заодно поставим частокол.

Они работали до вечера.

Когда солнце село, жители собрались, чтобы послушать песни прибывших на «ФранкLINE» троллей. Вскоре начали доноситься ответы, подобные эху из-за тусклого горизонта. Дальние отзвуки причудливо смешивались с ближними, текли и плыли над землей, сливаясь в одну гигантскую симфонию.

Но звуку недоставало глубины. Тролли покидали этот мир, как и прочие населенные людьми миры Долгой Земли, и на ней воцарялась тишина, как после какой-то страшной чумы. Мэгги подумала: странное ощущение. Она не могла припомнить ни единого прецедента, ничего подобного. Как если бы все слоны вдруг покинули Африку. Мир природы отвергал человечество. Даже корабельные тролли непривычно беспокоились, и Мэгги, несомненно, отпустила бы их, если бы они всерьез выказали желание уйти.

Она с чувством неизбежности подумала: «А потом поселенцы начнут требовать, чтобы им вернули троллю рабочую силу. Правительству *нора* бы уже что-нибудь предпринять...»

«Бенджамен Франклин» висел над Нью-Пьюрити еще два дня, а затем поднялся высоко в воздух и исчез.

Салли знала мир, в который они прибыли. Ну разумеется.

И, конечно, он был незнаком Янсон. Как и все миры за пределами Ближних Земель.

После ухода от Дыры понадобилось три недели, чтобы добраться сюда – при помощи регулярных переходов и нащупывания слабых мест. Янсон подозревала, что в одиночку Салли двигалась бы быстрее, но они старались идти как можно незаметнее, да и не получилось бы гнать троллей вперед слишком быстро. Эти здоровяки нуждались в основательной ежедневной кормежке.

Они преодолели очередное слабое место и оказались почти в пустыне. Перед ними простиралась широкая долина, по сторонам которой вздымались утесы, испещренные пещерами. В долине росли карликовые деревья. Еще Янсон заметила остатки сломанного каменного моста и какое-то строение – массивное, кубической формы, из обтесанного черного камня. Сухой воздух словно высасывал влагу из тела, и Янсон принялась инстинктивно искать тень. Салли уже бывала в этой долине. Она предупредила, что здесь есть угроза радиации. Впрочем, ничего страшного, если держаться подальше от каменного здания.

Это место неофициально называли Прямоугольниками – с тех пор, как десять лет назад его обнаружили Салли, Джошуа и Лобсанг. Мир разумных существ, потерпевших крах, мир смерти. Мир, где Джошуа нашел одну-единственную красивую вещь – кольцо с сапфиром. Мир, который за десять лет ничуть не изменился, не считая следов, оставленных недавними посетителями, – отпечатков ботинок в грязи, пятен от костров, флажков, расставленных археологами. Даже валялся кое-какой мусор – пластиковые упаковки, порванные пакеты.

Троллиха с детенышем бродили вокруг, ища воды, пищи и тени.

Салли устроила Янсон поудобнее под низкорослым деревом, соорудив примитивную постель из сложенных вещей, накрытых серебристым спасательным одеялом, после чего быстро развела костер. В тепле они не нуждались, но огонь мог отпугнуть животных.

Янсон сказала:

– Значит, ты сюда уже заходила. С Джошуа, много лет назад. Мы здесь, потому что тролли здесь... или где-то рядом. Прячутся. Ты ведь так считаешь, правда? Неважно почему.

Салли неопределенно пожала плечами.

Янсон показалось, что она поняла. Во время пути Салли то и дело пропадала, иногда на несколько часов, иногда на день или дольше. Она тянула за известные ей нити и собирала информацию. Янсон подозревала, что самой Салли нелегко бывало сложить воедино разнообразные слухи, которые она получала из различных источников. Но если уж Салли пришла, она найдет троллей, ну или тролли найдут ее – вот что подсказывали инстинкты. Янсон оставалось лишь надеяться, что обрывочные сведения и чутье прирожденного путника не подведут.

Наконец Янсон перестала ломать голову. И уж точно не было толку спрашивать Салли. Та от природы не отличалась общительностью – и, что особенно раздражало, молчала избирательно.

Когда Янсон заснула, Салли отправилась на охоту.

Дно долины показалось ей подозрительно плоским – точно такое же впечатление сложилось у нее и в первый раз. Как будто долина представляла собой одну-единственную каменную плиту, возможно тоже искусственного происхождения, как и здание. У подножия стен

каньона были каменистые осыпи, там и сям торчали, цепляясь за жизнь, зеленые растения-экстремофилы, любители жары и сухости. На первый взгляд ничто не двигалось – Салли не видела ни птиц, ни животных, ни даже насекомых, но ее это не смущало. Там, где есть хоть какая-нибудь зелень, непременно найдутся и травоядные, а следовательно, и хищники. Главное – проявить терпение. Оставалось только ждать. Салли никогда не делала запасов еды, потому что Долгая Земля представляла собой неисчерпаемую кладовую. Послужить ужином могла ящерица-другая. Или нечто вроде слепыша – подземного жителя.

У крутого склона долины, в тени камня, Салли села на корточки. Такую жизнь она вела уже четверть века, с тех пор как навсегда покинула Базовую Землю вскоре после Дня перехода, когда ее отец преподнес человечеству сомнительный подарок – тайну переходников. Разумеется, бывать на Долгой Земле она начала намного раньше, чем остальные. Питаться на ходу было несложно, но не стоило считать, что животные, которые никогда не встречали человека, по природе ручные. Съедобные существа склонны удирать от всего, что покажется им подозрительным. Значит, нужно ждать...

Прямоугольники выглядели именно так, как она помнила, не считая нескольких отпечатков ног. Салли немного расслабилась и осмотрелась. Из всех открытий, о которых Джошуа и Лобсанг сообщили на Базовой после своего путешествия, эта долина была самым сенсационным: они нашли свидетельства существования разумных существ, похожих на динозавров, более чем в полутора миллионах переходов от Базовой Земли. Лобсанг напрасно заявлял, что колония-организм, называвшая себя Первое Лицо Единственное Число, гораздо интереснее и необычнее; никто просто не мог этого понять. В равной мере бессмысленно было твер-

дять, что существа, чьи останки они обнаружили здесь, никакие не динозавры, хоть и рептилии.

Люди жаждали знать больше. В университеты хлынул поток средств на снаряжение новых экспедиций. В течение нескольких лет исследователи лазали по долине, хоть радиация и представляла собой нешуточную угрозу; чтобы изучить планету целиком, сюда посылали беспилотные самолеты и воздушные шары, снабженные ультракрасными датчиками и сверхчуткими радарами. Никого не удивило, что пирамида в долине была единственным зримым намеком на существование развитой культуры — древней, давно исчезнувшей, погребенной песками этого засушливого мира. Лобсанг и Джошуа, не будучи должным образом экипированы, не могли исследовать его как следует, ну или хотя бы что-нибудь заметить. В песке обнаружились следы городов, дорог, каналов — не человеческих, явно созданных иным разумом, но в других отношениях до жути знакомых... и очень старых.

Нет, тут жили не динозавры, но, возможно, их потомки. Ведь и у людей в эпоху динозавров были предки, шустрые, похожие на белок четвероногие млекопитающие. Быть может, в этом мире падение огромного астероида, который положил конец динозаврам на Базовой Земле, привело к иным последствиям; быть может, оно уничтожило крупных животных и оставило мелких, более смысленных и проворных. Обитатели Прямоугольников, вероятно, отдаленно происходили от хищников.

А потом, много времени спустя, они пережили свою катастрофу. Разразилась война, или эпидемия, или неудачно упал еще один астероид. В результате кучка выживших, ну или их потомки, лишившись всего достигнутого и похоронив цивилизацию, пришли сюда, привлеченные странными феноменами вокруг ядерного котла, возможно естественного происхождения,

например случайной концентрации урановой руды. Их новый бог – или храм – медленно убивал уцелевших.

Во всяком случае, так гласила теория: случайная концентрация. Но с самого начала существовали подозрения, что скопление урана возникло не в результате какого-то природного феномена, но представляло собой разрушенные и по-прежнему ядовитые остатки некоей гораздо более древней и развитой цивилизации. Остаточная радиоактивность исходила от брошенного реактора, а может быть, от свалки отходов. Эту гипотезу активно обсуждали, и она вполне соответствовала первому впечатлению, которое сложилось у Салли, когда она впервые здесь оказалась.

Она испытывала несомненное удовольствие при мысли о том, что простых и ясных ответов нет. Как любой другой мир, Прямоугольники представляли собой отнюдь не аккуратную теоретическую модель, а продукт долгой и уникальной эволюции. Салли закончила колледж в Мэдисоне; она занималась естественными науками и своими глазами видела, как теоретические постройки начинают шататься на фундаменте неверной информации, а потому игнорировала большую часть домыслов.

Салли было приятно, что Джошуа умолчал о существовании одного реального предмета, который они нашли здесь, – изящного кольца, которое вполне могло быть создано ювелиром-человеком. Они нашли его на истлевшем пальце «динозавра». Джошуа хранил кольцо все эти годы.

Впрочем, деньги, отпущенные на исследования, иссякли, а Долгая Земля кишела другими объектами для изучения. Археологи давно уже свернули раскопки и ушли. И Салли, вышедшая на охоту, этому радовалась. Радовалась одиночеству. Никого, кроме теней на камне...

Салли ощутила на шее горячее дыхание и немедленно подумала: «За мной тоже охотятся». Она не вовремя расслабилась. Салли резко развернулась, схватившись за нож на поясе.

Волк — вот что она подумала в первую секунду. Огромный, ошетилившийся, с открытой пастью и свисающим языком, с глазами цвета арктической пустыни. Он был крупнее и массивнее Салли. И стоял достаточно близко, чтобы попробовать ее на зуб, прежде чем она успела бы спохватиться.

Салли подавила желание перейти. Она отправилась в путь не одна — нужно было позаботиться и о Янсон. Салли задумалась, успеет ли предупредить спутницу и будет ли от этого толк.

Но волк не нападал.

Он отступил на шаг, другой, вскинулся — и *встал* на задние лапы, причем не пытаясь с трудом удержать равновесие, как собака в цирке. Он стоял спокойно и твердо, словно был предназначен к тому от природы. Тогда Салли увидела на поясе у него нечто вроде ремня, с которого свисали различные предметы, и в их числе — пистолет самого современного вида, сделанный из металла, больше всего похожий на оружие из фантастического романа и на вид совершенно здесь неуместный. Когда волк протянул к Салли передние конечности, она заметила, что пальцы на них длинные и гибкие, а лапы похожи на человеческие руки (минус большие пальцы, плюс кожаные перчатки). Сюрпризы следовали один за другим.

А затем существо заговорило:

— Салли Линдссссси...

Это был хриплый рык или, точнее, грубый шепот, но вполне разборчивый. Слова сопровождались чуть заметными жестами — подергиванием носа, поворотом головы.

– Ты пр-р-ришла, мы знали. Кобольды с-сказали.
Добр-р-ро пожаловать.

Тут странный волк вскинул морду и завыл.

40.

Оставив позади Ближние Китай, воздушные корабли «Чжэнь Хэ» и «Лю Ян» неуклонно двигались на восток, постепенно набирая скорость, хотя, как узнала Роберта, до максимума было еще далеко. Миры мелькали внизу широкими лентами – холодные и умеренные, влажные и засушливые. Последовательная география Востока приблизительно повторяла карты, составленные американскими исследователями, ходившими на запад. Кое-где попадались Джокеры, подобные случайным вспышкам.

Время от времени они останавливались, и члены экипажа сходили на землю, должным образом экипировавшись, чтобы понаблюдать, измерить, взять образцы почвы, флоры, фауны, даже экзотических атмосферных элементов. Они следовали правилу, установленному Джошуа Валиенте десятью годами ранее: за исследователями на земле следили наблюдатели с корабля. Роберта, сидевшая наверху, методично вела записи.

Наконец они миновали веху в два миллиона переходов от Базовой Земли. И приблизились к тому миру, где Роберте предстояло спуститься самой, в сопровождении лейтенанта Ву Юэ-Сай.

Китайцы уже добирались до этой отметки, и мир номер два миллиона, по крайней мере до некоторой степени, был изучен. Роберте объяснили, что первый спуск станет для нее опытом исследования, и она согласилась. Она уже провела много времени в тренировочном зале с лейтенантом Ву Юэ-Сай, которая научила ее надевать защитный костюм и обращаться

с индивидуальным переходником и маленьким «наблюдателем», который крепился на плечо. Она объяснила Роберте, каким образом капитан общается с наземной партией, и как пользоваться аптечкой, неприкосновенным запасом и серебристыми одеялами, если вдруг они заблудятся, и как стрелять из бронзового пистолета, которыми снабжали исследователей. Роберта вникала в каждую деталь, каждое действие, задавала уместные вопросы и упорно тренировалась.

Юэ-Сай пыталась облегчить процесс. Она шутила на своем небезупречном английском, придумывала игры и соревнования, чтобы тренировки проходили веселей. Роберта обычно просто ждала, когда Юэ-Сай угомонится, и вновь терпеливо принималась за упражнения.

Со временем она почувствовала, что Юэ-Сай сдавалась и отступила. Роберта уже много раз видела такое и раньше. Не то чтобы она не понимала людей; скорее Роберта Голдинг понимала их слишком хорошо. Потуги Юэ-Сай на веселье были очевидными попытками мотивировать ученицу, и Роберта с легкостью их разгадывала. И потом, при ее внутренней целеустремленности, она не нуждалась ни в каких внешних стимулах. Но Ву Юэ-Сай ждала иной реакции, и Роберта это знала.

В свои пятнадцать она *всё понимала*. То есть многое видела яснее, чем люди, которые ее окружали. Роберта, конечно, сознавала собственные рамки, например теперь, когда готовилась впервые столкнуться с далеким последовательным миром и могла в мгновение ока погибнуть из-за собственного невежества или по чистой случайности. Она понимала это — и принимала со спокойствием, которое отчего-то леденило окружающих. Но что толку обманывать себя?

Карьера, к которой она стремилась, предполагала полный отказ от иллюзий. Какова была природа вселенной, в которой родилась Роберта? Почему она во-

обще существовала? И для чего? Роберте казалось, что это единственные вопросы, стоящие изучения. И единственной эффективной стратегией, до которой додумались люди, был научный метод, трудоемкий поиск истины. Но с двенадцати лет Роберте стало очевидно, что наука в том виде, как она развилась – физика, химия, биология и все остальное, – черепашным шагом двигалась к разрешению фундаментальных проблем. К *тем самым* вопросам, как казалось Роберте, обращались лишь богословы и философы. К сожалению, их ответы представляли собой мешанину сомнений, самообмана и вздора, который причинял больше вреда, чем пользы.

И всё.

Поэтому Роберта посвятила себя, хотя бы номинально, богословию и философии, а также естественным наукам. Она даже получала гранты в поддержку китайской экспедиции от Ватикана, от мормонов, от мусульманских организаций и различных философских обществ. Имея дело с подобными учреждениями, Роберта быстро поняла, в каких случаях следует умалчивать о том, что, по ее мнению, организованная религия есть что-то вроде массового помешательства.

Приходилось работать с тем, что имелось в доступе. Иногда Роберта воображала себя ученым эпохи европейского Средневековья, которые выходили из рядов священнослужителей, потому что никакой другой организованной науки не было. Или, если в поисках примера погрузиться еще дальше в прошлое, – как будто она пыталась при помощи каменного топора и куска охры собрать радиотелескоп. И все-таки Роберта упорствовала, поскольку не находила других вариантов.

Несмотря на свое недостаточное образование, Роберта Голдинг ясно видела мир. И людей – яснее, чем сами они видели себя. «Человечество, – так она однажды сказала на экзамене по философии, который

сдавала в одиннадцать лет, — представляет собой лишь тонкий слой осадка, который остается, если убрать ошеломленных шимпанзе». Благодаря таким ответам считалось, что она подает большие надежды, и в Мягкой Посадке, где было много смысленных ребятишек, Роберты не сторонились как «зубрилки». Но на корабле ее сдержанность, привычка читать лекции в ответ и поправлять простейшие ошибки отнюдь не располагали к ней экипаж. Даже добродушную Юэ-Сай.

Твены зависли над подходящим местом и выслали метеорологические ракеты и шары-зонды, чтобы собрать побольше информации. Затем Юэ-Сай отвела Роберту к подъемнику. Они в последний раз проверили снаряжение и спустились на поверхность Земли-2201749.

Они стояли на краю леса, возле широкого устья реки. Из-под прикрытия деревьев виднелась равнина, обрамленная заболоченными лугами, а на горизонте — океан. Ее внимание вдруг привлекли огромные существа, которые низко пронеслись над водой — целая стая, с раскинутыми прозрачными крыльями. Роберта никогда еще не видела таких гигантских летунов. Птерозавры? Летучие мыши? Или нечто совершенно иное? Выделяясь на фоне искристого света, они неслись, изогнув изящные шеи и выхватывая из воды длинными клювами огромную рыбу, ну или что-то похожее на рыбу.

Мир был теплый, с обилием воды — мир с высоким уровнем моря и неглубокими океанами, которые вдавались далеко в глубь континентов. Мир, который мог прокормить фантастических крылатых животных. Мир — как поняла Роберта — со своими опасностями, невозможными в более сухом климате, например на Базовой Земле. Не в последнюю очередь ему грозили необычные климатические катастрофы, например гипер-

ганы, один из которых уже зарождался в местной версией Тихого океана...

В лесу замелькали тени.

Юэ-Сай помахала рукой. Роберта удостиоверилась, что микрофон от монитора на плече выключен, и неподвижно замерла под прикрытием деревьев.

В зарослях двигались огромные силуэты, направляясь к реке, на водопой. Роберта заметила крепко сбитые, мускулистые тела животных, бегущих на четвереньках, но с огромными, мощными задними ногами — что-то вроде кенгуру, только увеличенные. Их уши, с жесткими хрящами, мотались, словно огромные цветные плюмажи. Взрослые особи были ростом по плечо Роберте. Детеныши бежали рядом, а одного малыша мать несла в сумке на животе.

Юэ-Сай тихо, как кошка, двинулась через заросли вслед за стадом.

Роберта следовала за ней. Она шла не так бесшумно, но ее шаги все-таки были бесшумнее жужжания монитора на плече, и Роберта этим гордилась.

Они подошли к кромке леса. По ту сторону реки, на влажной равнине, расхаживали, ссорились и кормились огромные стаи птиц или птицеобразных существ. Животные среди болотных цветов представляли собой мешанину ярких пятен под синим небом. Роберте показалось, что она заметила характерные горбатые спины крокодилов, скользивших в глубине.

Обитатели леса шли к воде.

Самыми заметными и эффектными были огромные кенгуру с разноцветными ушами, похожими на паруса. Массивные, мощные, они двигались медленно и терпеливо и напоминали ожившие каменные скульптуры. Их мускулистые задние ноги явственно предназначались для ударов, а не для прыжков, как у кенгуру на Базовой Земле, зато уши казались странно хрупкими, почти

прозрачными в солнечном свете – просто кожа и соединительная ткань, натянутая на хрящи. Они горели яркими цветами, которые переливались и таяли на глазах у Роберты.

Юэ-Сай негромко сказала:

– Вам видно, капитан Чень? Мистер Монтекьют?

– Да, лейтенант, – ответил капитан. – Покажи-ка поближе эти уши. Зачем им такое великолепие? Пусть наши эксперты попробуют прогнать картинку через распознаватель...

Юэ-Сай тронула Роберту за плечо и вновь указала на берег реки.

Там появились и другие животные. Как показалось Роберте – большие бескрылые птицы, которые двигались почти изящно, вышагивая на мощных задних ногах и свесив спереди коротенькие хватательные лапки. Головы у них были длинные, как у змей, но при этом с широкими утиными клювами. Когда они склонялись к воде и с шумом сосали, позади извивались мускулистые хвосты.

Роберта спросила:

– Это птицы или динозавры?

Юэ-Сай пожала плечами.

– Все они из одного большого семейства. Ничего не ожидай, Роберта, и ничему не удивляйся.

Роберта поняла основной принцип. Последовательные миры на Долгой Земле развивались под влиянием сходных процессов, но различались в деталях. Путешественник двигался по дереву вероятностей, встречая миры, в которых какое-нибудь давно минувшее событие завершилось иначе, чем на Базовой. В результате изменилась последующая история данной Земли и возник новый материал для естественного отбора...

– Например, – продолжала Юэ-Сай, – эти утконосы похожи и на птиц, и на динозавров. Но вон те огром-

ные звери с «парусами» — млекопитающие. Какая-то разновидность сумчатых. И здесь есть кое-что еще, чего с гарантией не было в меловой период...

Она указала пальцем.

Эльфы.

Гуманоиды, умеющие переходить. Целая стая, особей двадцать, включая молодняк и сосунков. Они пристроились в сторонке от крупных травоядных — и достаточно далеко от глубокой воды, чтобы не попасть в зубы к крокодилам. Эльфы набирали воду пригоршнями и рылись в грязи в поисках кореньев, червей и моллюсков. Несколько молодых самцов затеяли потасовку; с громким гиканьем они сновали туда-сюда между мирами, и наблюдать за ними было все равно что смотреть дурно смонтированный фильм.

— Здесь водятся и другие существа, — негромко сказала Юэ-Сай. — Я видела их там, в зарослях...

Ее прервал раскат грома.

Юэ-Сай и Роберта нырнули под защиту леса. Некоторые утконосы продолжали пить, но старшие особи подозрительно подняли головы. Кенгуру пригнули головы и стянулись кружком.

Послышался треск и грохот, застонало, падая, молодое дерево, и лес расступился, как неуклюжая декорация, когда на берег вырвалось гигантское животное, длиной не менее пятнадцати метров. Оно быстро ступало крепкими задними ногами; передние конечности были относительно маленькими, но длиннее и толще, чем бедра Роберты. Правую переднюю лапу обвивало какое-то ползучее растение. Тело громадины покрывали разноцветные перья, точь-в-точь костюм ацтекского жреца, голова была сплошь зубы и кровь, и, когда животное открыло пасть, чтобы зареветь, Роберта почуяла запах сырого мяса.

Оно целенаправленно, огромными шагами, направлялось к реке. Двигалось оно механически, как робот-убийца, — но тем не менее по-настоящему дышало и рыло лапами землю. Травоядные с ревом разбежались, держась берега и прибавляя ходу.

Но эльфы не бросились бежать. Они рассыпались полукругом, глядя на страшилище, — взрослые впереди, с каменными топорами в руках, молодняк позади, оскалив зубы. Роберте показалось, что она видит сцену из фильма. Обезьяно-люди с каменными топорами против динозавра.

Юэ-Сай смотрела во все глаза, словно опасаясь пропустить хоть секунду зрелища.

— Динозавр, да. Ну или его потомок, шестьдесят пять миллионов лет спустя. Похож на тираннозавра. Или нечто иное, заполнившее соответствующую нишу.

— Разумеется, в Китае были свои примечательные динозавры, — строго напомнил капитан Чень. — Лучше использовать другие сравнения, лейтенант.

— Да, сэр, — рассеянно ответила Юэ-Сай. — Не исключаю, что это вообще бескрылая птица. А если тираннозавр, то держу пари, что самка. Каждой принадлежала территория в несколько миль, а самцы попадались реже — один на каждые несколько десятков миль. Но что такое у нее в лапах?

Рев хищника и ответное рычание гуманоидов достигло кульминации. Хищник атаковал, бросившись прямо в середину стаи.

Молодняк в сопровождении родителей бросился бежать. Взрослые эльфы замелькали туда-сюда — быстрее, чем хищник мог их схватить, как бы он ни щелкал огромными зубами, как ни молотил по воздуху лапами и хвостом. Один эльф материализовался в прыжке прямо рядом с головой динозавра и взмахнул своим оружием, целя в правый глаз, прежде чем вновь исчезнуть,

не коснувшись земли. Меткость была поразительная, и хищник не лишился глаза лишь благодаря тому, что случайно мотнул мордой.

Окровавленная и разъяренная, гигантская самка стояла посреди стаи гуманоидов, не в силах нанести смертельный удар ни одному. Она вновь взревела, размахивая хвостом и щелкая зубами. Но эльфы решили, что с них хватит. Они переходили – матери несли детей, и, насколько могла судить Роберта, никто не остался на поле боя.

– Нужно отдать должное этим ребятам, – сказал обоим на ухо Жак. – Они дали отпор Гренделю.

Юз-Сай пожала плечами.

– Рано или поздно зверюга научится не лезть к гуманоидам, особенно к умеющим переходить. И потом, они ей не особенно нужны. Посмотрите.

Хищник направлялся вниз по берегу, преследуя огромных кенгуру. У них была хорошая фора; перепуганные кенгуру – тонны мяса на бегу – напоминали отступающий танковый дивизион. Но одна из самок, подгонявшая детеныша, отстала.

– Они слишком оторвались, – сказал Жак.

– Уверен? – спросил капитан Чень. – Посмотри, что эта тварь делает.

Роберта увидела, что хищник одной лапой ловко разворачивает лозу, висевшую у него на предплечье. Лоза была около шести футов в длину, к каждому концу крепилось что-то вроде кокоса. На бегу, взрывая лапами песок, вытянув спину и хвост почти горизонтально, динозавр раскрутил и выпустил свое оружие. Оно пролетело отделявшее хищника от жертвы расстояние и обвилось вокруг массивных задних лап отставшей самки кенгуру. Лоза немедленно лопнула, но этого хватило, чтобы животное грянулось наземь. Детеныш замедлил бег и припал к земле, явно напуганный.

И не без причины, потому что хищник немедленно напал на мать. Он подбежал и живо вырвал огромный кусок мяса из правого бедра кенгуру, а затем словно играючи отхватил одно роскошное развешивающееся ухо. Султан повис, как сломанный воздушный змей. Самка взревела от боли.

Но она сумела подняться, хоть из страшной раны и текла кровь. Она даже подтолкнула детеныша, приказывая ему бежать, и они заковыляли по берегу вслед за стадом, которое уже скрылось в лесу.

Хищник стоял и смотрел вслед, тяжело дыша. Пасть у него была выпачкана кровью. Затем он подошел к воде, сделал большой глоток, покачал головой и затрусил вслед за самкой и детенышем. У погони мог быть лишь один исход.

– Динозавр воспользовался бола, – заметила Роберта.

– Да, – ответила Юэ-Сай. – Не исключаю, впрочем, что это предмет вполне естественного происхождения. Лоза с выросшими на ней орехами. Но в том, как животное его использовало, не было ничего «естественного»... – Юэ-Сай, на свой тихий лад, явно пришла в восторг, сделав такое потрясающее открытие. – Я же тебе сказала, Роберта. Мы далеко от дома. Не составляй мнений заранее.

– Поддерживаю, – сказал капитан Чень. – И замечу еще, что наши эксперты по обработке сигналов сообщают: цвета, которыми переливаются уши этих «кенгуру», содержат информацию. Они разговаривают при помощи визуальных средств, то есть своих ушей. У них есть способность ощущать! Надеюсь, наши ученые все окончательно прояснят, когда напишут совместный отчет. «Скопление млекопитающих и разумных рептилий за отметкой Восток-Земля-2000 000». Невероятно! Какое потрясающее открытие для Китая!

Они зашагали обратно, туда, где их ожидал корабль.

Чень, явно в восторге, продолжал:

— У нас, китайцев, как вы знаете, Роберта, есть своя утопическая легенда. Эта история относится к пятому веку после рождения вашего Христа и повествует о том, как один рыбак, зайдя в пещеру, добрался до Страны персиковых цветов, где обитали потомки солдат, поселившихся там в эпоху династии Цинь. Они жили за оградой гор, в мире друг с другом и с природой. Но когда рыбак попытался дойти до них во второй раз, то не сумел найти дорогу. Как случается во всех утопиях. Даже в Северной Америке, где мечты аборигенов о Краях счастливой охоты сменились сказками европейских поселенцев о леденцовой горе. Как вы думаете — если мы заберемся достаточно далеко, то найдем такую страну, а, Роберта? Может быть, эти легенды отражают ранние представления о Долгой Земле как таковой?

— В нашей дискуссии нет рационального зерна, — произнесла Роберта. — А что касается отчетов, которые вы собираетесь писать, от них не будет никакого проку.

Юэ-Сай повернулась к ней.

— Почему? — спросил Жак.

Роберта указала на окружающий пейзаж.

— Надвигающийся гиперган все это уничтожит. Я изучаю климатическую теорию миров с высоким уровнем моря. Они подвержены страшным ураганам, которые извлекают тепло из мелких океанов. Такие ураганы способны опустошать континенты, летя со скоростью тысячи миль в час. Водяные пары взмывают в стратосферу, озоновый слой разрушается... Я также изучала отчеты метеорологических зондов, которые вы запускали с твенгов. Очередной ураган собирается прямо сейчас. Спросите у своих метеорологов. Ошибки нет. Пройдет еще две-три недели, прежде чем он наберет полную силу, зато потом эта маленькая экосистема

окажется прямо у него на пути. Сосуществование различных видов – интересный эксперимент. Но вскоре настанет эффектный апофеоз.

Наступила тишина.

– Апофеоз, – наконец повторил капитан Чень.

Роберта уже привыкла, что на ее слова люди реагировали именно так. Девушку это раздражало. Окружающие вели себя как дети, которые зажимают уши, чтобы не слышать дурные новости.

– Жизнь сама по себе конечна. Я просто констатирую факт. Элементарный факт.

И вновь все промолчали.

Юэ-Сай отвела взгляд.

– Капитан, кажется, нам пора возвращаться.

– Согласен.

41.

«Чжэнь Хэ» и «Лю Ян» на несколько дней задержались в окрестностях Востока-2 201 749. Ученые приводили в порядок наблюдения и каталогизировали образцы, а инженеры осматривали корабль и проверяли системы.

Затем они двинулись дальше, в дебри Долгой Земли, никогда прежде не виданные китайскими исследователями, да и кем бы то ни было. Вперед, в неведомое.

Вскоре корабли опять остановились надолго – рядом с Востоком-2 217 643. Там они обнаружили Дыру – разрыв в цепочке последовательных миров, составлявших Долгую Землю. Очередная Земля отсутствовала. Роберта тихонько намекнула Жаку, что первая Дыра на Западе, открытая Джошуа Валиенте, находилась примерно на отметке в два миллиона. Несомненно, судя по схожести цифр, можно было сделать некий вывод

о природе гигантского дерева вероятностей, которое представляла собой Долгая Земля.

Корабль Валиенте пострадал, перейдя в вакуум. Китайские корабли были оснащены лучше. Капитаны заставляли их скакать туда-сюда через Дыру, оставляя в ней сверхпрочные автоматические зонды, которые, благодаря инерции вращения соседних Земель, летели в пустые черные небеса Дыры. Полученные данные Жак обозрел без особого интереса. Звезды, которые выглядели точно так же, как и в любом другом мире, планеты, которые кружили по своим обычным орбитам, не обращая никакого внимания на отсутствие Земли. Экипажи, впрочем, пришли в восторг — их меньше изумили даже гуманоиды и потомки динозавров. Жак напомнил себе, что экспедицию снарядило космическое агентство; неудивительно, что команде любопытно было повидать вселенную хотя бы мельком.

Роберта тоже явно заинтересовалась. Она попросила отправить зонды на соседние планеты, Марс и Венеру, на поиски каких-нибудь различий в атмосфере либо на поверхности.

Завершив первоначальное исследование новой Дыры, капитан Чень, с радостной мальчишеской улыбкой, подошел к пассажирам и пригласил их в обзорный салон на следующее утро.

— Тогда-то и начнется настоящее путешествие...

Когда настало утро, Жак и Роберта присоединились к лейтенанту Ву у больших иллюминаторов на носу твена. Жак держал кружку с кофе, Роберта — бокал с водой. Корабли висели в небе над очередным миром — две серебристые летучие рыбы над бесконечным одеялом лесов. Вдалеке виднелась река — похожая на стекло полоска, а еще дальше до самого горизонта простиралось мелкое море, характерное для этих теплых миров.

Переходы начались без предупреждения, и миры замелькали мимо, поначалу медленно, затем быстрее. Вскоре корабли развили скорость, к которой пассажиры уже успели привыкнуть – одна Земля в секунду, – и погода менялась в такт биению пульса. Солнечно, пасмурно, дождь, гроза, кое-где даже снег. Внизу мелькал лес, а однажды прямо под килем «Чжэнь Хэ» показался и тут же исчез огромный кратер, явно недавнего происхождения. Иногда мир пылал или, наоборот, был погружен во мрак, и Жак понимал, что им попался очередной Джокер.

К зрителям присоединился Чень и ухватился за полированный деревянный поручень вдоль иллюминатора.

– Лучше держитесь.

Тролли внизу запели «На высоте в восемь миль».

Скорость нарастала. Жаку стало больно смотреть на мелькающие миры, как будто ему с увеличивающейся частотой светили в лицо проблесковым огнем. Он попытался сосредоточиться на положении утреннего солнца, которое оставалось неизменным на многочисленных небосводах, но его то и дело заслоняли облака, а небо меняло цвет, становясь белым, серым, синим. Все держались за поручень, даже Роберта. Жак подумал, что слышит гудение моторов; он чувствовал, как корабли двигались вперед, переходя, и видел, как изгибалась серебристая оболочка «Ли Янь», похожая на огромную рыбу, которая плыла в мерцающем свете над множественными мирами.

За их спиной кого-то вырвало.

– Пройдет, – заверила Юэ-Сай. – Все мы прошли проверку на склонность к эпилепсии и пили лекарства от укачивания. Неприятные ощущения скоро закончатся...

Скорость нарастала, быстрее и быстрее сменялась погода. Жак заставил себя смотреть в окно и сосредото-

точился на поручне, за который цеплялся. Вибрация корабельных моторов отзывалась в ногах сквозь пол.

А потом мелькание закончилось, миры превратились в сплошное размытое пятно. Солнце – бледнее обычного – висело неподвижно, в безоблачном небе, которое обрело ярко-синий оттенок, словно ранним вечером. Пейзаж внизу был туманным и смутным, очертания холмов – серыми и нечеткими, там и сям виднелись участки леса, которые росли, дрожали и пропадали. Река, которая прежде порывисто извивалась под кораблем, теперь словно разлилась, затопив землю жидким серебром, и побережье тоже превратилось в сплошное пятно, так что граница между сушей и морем стерлась.

– Мы миновали порог слияния переходов, – пробормотала Роберта.

– Да! – воскликнул Чень. – Теперь мы движемся на максимальной скорости, пятьдесят миров в секунду. Невероятно! Миры мелькают быстрее, чем сменяются изображения на цифровом экране, – быстрее, чем успевает следить глаз. На такой скорости корабль способен покрыть маршруты первопроходцев Долгой Земли всего за полчаса. На такой скорости, если не сбавлять ее, можно пройти более четырех миллионов миров за *день...*

Жак спросил:

– Но мы движемся и в сторону, так? Почему?

– Потому что движутся материки, – немедленно ответила Роберта.

Чень одобрительно кивнул.

– Верно. На Базовой Земле материки дрейфуют с течением времени. Примерно на дюйм в год. Благодаря кумулятивным эффектам некоторое движение так же ощутимо, если идти по мирам последовательно. Поэтому мы смещаемся вбок, и моторы удерживают нас над серединой тектонической плиты, на которой нахо-

дится Китай. Лучше так, чем совсем потеряться, — он подмигнул Жаку. — Кстати говоря, китайские корабли установили ряд скоростных рекордов.

Капитан взглянул на часы.

— А теперь, с вашего позволения, мне нужно похвалить механиков. Или успокоить. Или то и другое. Долг зовет...

Жак заметил, что нижние цифры на счетчике, висевшем на стене салона, превратились в размытое пятно, как и сами миры, над которыми летели корабли, тогда как верхние — крупные, медленно менявшиеся — продолжали отмерять гигантские шаги, которыми путешественники двигались навстречу неведомому.

А тролли продолжали петь.

42.

Отрывки из дневника капитана Мэгги Кауфман.

На Долгой Земле продолжалось лето, а военный корабль «Бенджамен Франклин» летел дальше — довольно хаотически, двигаясь зигзагом. Колонисты Долгой Земли не организовывали свою жизнь сознательно, будь то в географическом или в последовательном смысле, и тем не менее, как заметила Мэгги, все равно возникало нечто вроде организации, по мере того как в соседних мирах росли скопления ферм. Герри Хемингуэй представил научную модель этого процесса — утечки человечества на Долгую Землю, повлекшей за собой перераспределение, которое он обозначил как «на краю хаоса». Мэгги устало подумала, что Герри попал в самую точку.

Однажды на побережье Атлантики под мягким небом Кукурузного пояса они повстречали британский дирижабль под названием «Сэр Джордж Кейли», возвращавшийся из исландской экспедиции. В таких ме-

стах, как Исландия, путники бродили по соседним мирам в поисках подходящей погоды. Имея выбор, люди всегда предпочитали мир с климатическим оптимумом. Смени Землю, выбери погоду. В случае с Исландией колонисты искали миры с относительно мягким климатом, вроде того, что существовал в первом тысячелетии, когда эту страну впервые открыли и колонизировали средневековые викинги. (Некоторые наряжались соответствующим образом.)

Экипажи нанесли друг другу визит. По опыту Мэгги, у британцев всегда было наилучшее спиртное, включая джин с тоником, который пили, провозглашая тосты за его величество, — и вдобавок британские моряки сидели во время верноподданнических тостов. Эта традиция брала начало во времена Нельсона, когда в тесных деревянных каютах просто негде было встать.

Впрочем, для «Франклина» подобные приятные встречи составляли исключение, а не правило.

Гораздо чаще они получали призыв из какого-нибудь мира в семистах тысячах переходов от Базовой Земли, где очередной исполненный надежды золотоискатель, который почерпнул все сведения о добыче руды исключительно из кино, превратил потенциальную шахту в смертельную ловушку. Извлекать таких умников было технически непросто, но, к счастью, один из членов экипажа, курсант Джейсон Санторини, в юности несколько лет занимался спелеотуризмом — он просто обожал разгребать груды камня.

Когда очередная унылая спасательная операция завершилась, Мэгги дала экипажу на отдых два дня, прежде чем двинуться дальше.

На второй день, когда Мэгги сидела на ланчем со старшими офицерами — на земле, в тени «Франклина», причем курсант Санторини в награду за свои труды удостоился чести отобедать за капитанским столом, —

из-за горизонта появился другой твен, маленькое торговое судно. Он спустил трап неподалеку в зарослях, и с корабля, слегка неуклюже, спустились двое — пожилая женщина и мужчина средних лет.

За ними следовала кошка.

Мэгги и ее офицеры встали, чтобы поприветствовать прибывших. Джо Макензи подозрительно взглянул на кошку.

Мужчина сказал:

— Капитан Мэгги Кауфман? Приятно встретить вас во плоти, поскольку я наслышан о вашей экспедиции. Сами понимаете, понадобилось некоторое время, чтобы устроить эту встречу...

— Кто вы такой?

— Меня зовут Джордж Абрамс. Это моя жена Агнес. Точнее, я — профессор Абрамс, но пусть звания вас не смущают...

Он говорил с легким бостонским акцентом, и его фамилия показалась Мэгги смутно знакомой. Профессор был высоким, изящным мужчиной, слегка сутулым, в тяжелом черном пальто и фетровой шляпе. Мэгги подумала, что лицо у него странно бесстрастное, без всякого выражения, незапоминающееся.

Белая грациозная кошка огляделась, принялась и направилась в сторону «Франклина».

Мак толкнул локтем Санторини.

— Приглядывай за этим блоховозом.

— Да, сэр.

Мэгги предложила гостям сесть — достаточно любезно, — а Мак, явно движимый инстинктивной вежливостью, даже налил кофе.

Затем Мэгги произнесла чуть более сурово:

— А теперь объясните, как вы нас нашли, профессор Абрамс. В конце концов, это военный корабль. И что вам от меня нужно?

Ее маршрут он, как выяснилось, отследил достаточно невинным способом – благодаря рассказам о различных приключениях «Франклина», которые публиковали в аутернете гражданские лица. Вся информация лежала в открытом доступе.

А касательно второго вопроса... речь шла о тролл-зме.

Мэгги щелкнула пальцами.

– Ну конечно. Ваше имя стояло под перечнем инструкций.

– Я придумал троллий зов, – напрямик объявил профессор, и миссис Абрамс закатила глаза. – Судя по отчетам, вы быстро освоили все его возможности, и это просто удивительно. Прошу, не обижайтесь. И я пришел к вам с дарами. У меня здесь еще пятнадцать подобных приборов для вас и членов вашего экипажа. Разумеется, по-прежнему прототипы, хоть и улучшенные. По мере того как мы будем совершенствовать наши технологии, обе стороны научатся пользоваться этими приборами – я имею в виду троллей и людей. Не сомневаюсь, вы уже убедились, что тролли терпеливы и учатся так же быстро, как люди, ей-богу. И, разумеется, они ничего не забывают.

– Спасибо, – смущенно ответила Мэгги. – Мы охотно примем у вас новые приборы, как только проверим их на предмет безопасности. Я так понимаю, вы знакомы с Салли Линдси? И – простите, что спрашиваю, – вы связаны с Корпорацией Блэка?

– Ох, дорогая моя, сколько вопросов сразу! Конечно, я знаком с Салли, и она прекрасный знаток людей. Безжалостный, как прокурор, когда она в подходящем настроении. А что касается Корпорации... – профессор вздохнул. – Конечно, без нее не обошлось. Капитан, я независим, у меня собственная мастерская. Да, я сотрудничаю с Корпорацией Блэка, но не принадлежу ей.

Однако она профинансировала мою работу и обеспечила доставку прототипа вам.

– Дуглас Блэк опять раздает сокровища даром?

– По моему впечатлению, Дуглас Блэк полагает, что пустить технологическую новинку в свободное плавание в перспективе значит способствовать успехам человечества на Долгой Земле. В ближайшем будущем это, возможно, поправит наши пошатнувшиеся отношения с троллями. Я, разумеется, близко с ними работал в ходе моих исследований. Какие чудесные создания! Вам так не кажется? Очень душевные. Всякий, кто когда-либо держал домашних животных, твердо знает, что у них есть нечто сродни душе...

Жена подтолкнула его локтем.

– Не проповедуй, Джордж. Они и так уже обращены. Мы сделали то, зачем пришли. Попрощайся, и пусть эти добрые люди вернутся к исполнению своих обязанностей.

На том разговор и закончился. Мэгги и ее офицеры, слегка озадаченные, условились о передаче приборов и встали, чтобы проститься с пожилой четой. По пути к кораблю миссис Абрамс, которая рядом с супругом казалась совсем старухой, громко проворчала:

– Поживей, дорогой. Не забывай про свою простату.

– Не переигрывай, Агнес.

Лишь после их ухода Мак огляделся и спросил:

– А где чертова кошка?

Следующий пункт назначения находился в последовательной Небраске, в одном из миров Кукурузного пояса, куда бродячие обитатели ближайших Америк, такие охотники-собиратели, периодически сходились на так называемое «хутенани» – нечто среднее между ярмаркой невест, фермерским аукционом, рок-концертом и съездом байкеров. Подобные сборища всегда

сулили неприятности. Но для «Франклина» назначение было рутинным – само присутствие корабля сдерживало буянов.

Мэгги воспользовалась возможностью и велела главному механику, Гарри Райану, произвести тщательную ревизию всех корабельных систем, поскольку со времен последнего техосмотра уже прошло некоторое время. В числе небольших проблем Гарри отметил некоторые неполадки с двумя оставшимися на «Франклине» пилотируемыми микролитами, которые запускали с корабля, чтобы получить быструю реакцию. Третий они сами разобрали на запчасти...

Просматривая отчет Гарри в своей каюте, Мэгги почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Это была кошка. Кошка Джорджа Абрамса. Она терпеливо стояла на ковре и смотрела на Мэгги. Грაციозная, белая, на вид весьма здоровая, неопределенной породы, с точки зрения человека, который никогда не держал кошек. В глазах у нее горели странные зеленые искорки. Похожие – как заметила Мэгги, приглядевшись, – на светодиоды.

И тут кошка заговорила – мелодично, женским голосом, но неразборчиво.

– Что?.. Что?!

– Прошу прощения, – сказала кошка. – Джордж и Агнес Абрамс пользовались мною, чтобы попрактиковаться в суахили. Этот язык они установили по умолчанию. Я вижу, вы проверяете системы корабля...

Мэгги, пытаясь нащупать опору, вдруг уцепилась за всплывшее на поверхность воспоминание.

– Джошуа Валиенте. У него, кажется, была говорящая кошка. Вот оно что...

Тут она поняла, что, помимо прочего, сама вовлекает кошку в разговор.

– Я полностью оснащена для помощи в вашем нынешнем занятии – я имею в виду анализ систем. Турбина номер два выказывает признаки усталости металла. А в ванной комнате в хвостовом отсеке плохо работает слив. Количество грызунов несущественно, но, кстати говоря, не равно нулю.

Мэгги уставилась на кошку. Потом поднялась, схватила животное и поставила на стол. Кошка оказалась тяжелее, чем она думала, но на ощупь приятно теплая. Мэгги задумалась. И нажала кнопку переговорного устройства.

– Гарри?

– Слушаю, капитан, – немедленно отозвался механик.

– Как дела в кормовом галюне?

– Что?.. Э-э... сейчас гляну в реестр. Слив не работает. А что?

– А как там турбина номер два?

– Никаких проблем не обнаружено.

– Лучше проверь-ка еще разок и доложи.

Мэгги взглянула на кошку.

– Ну и что же ты такое, черт возьми?

– Искусственная форма жизни, как видите. С превосходным искусственным интеллектом. По крайней мере, это лучше, чем искусственная глупость, вам так не кажется? Ха-ха.

Голос звучал совершенно по-человечески, но тише, словно исходил из маленького микрофона.

Мэгги сохраняла каменную невозмутимость.

– Эти двое, доктор Абрамс и его супруга, тебя забыли.

– Я – еще один подарок, капитан. Простите за уловку. Они решили, что иначе вы откажетесь от меня. Хотя я вполне способна самыми разными способами помо-

гать вам в вашей деятельности. В которой я, кстати говоря, полностью заинтересована.

– У тебя есть имя?

– Шими. По-тибетски это значит кошка. Я – улучшенная версия предыдущих моделей...

Переговорное устройство мигнуло.

– Говорит Гарри Райан. Не знаю, как вы догадались, капитан, но турбина номер два и правда с изъяном. Усталость металла. Нужно будет заняться ремонтом через полтора месяца максимум, и лучше всего в сухом доке. Изъян едва заметный, в глаза он бросился бы лишь через несколько дней, но шансы на неприятности есть. Капитан, мне очень неловко, что мы это проглядели.

– Ничего страшного, Гарри. Попроси Натана проложить обратный маршрут.

– Есть, капитан.

Шими скромно произнесла:

– Турбина издавала не тот звук. Нетрудно было заметить. Я всего лишь высказала свое мнение.

– Но ты ведь не просто кошка, так?

– Да, капитан. Я создана в соответствии с наивысшими стандартами отделов робототехники, протетики и искусственного интеллекта Корпорации Блэка, тогда как вашу турбину строили по заказу правительства, по контракту без особых гарантий. Большое спасибо, надеюсь, я прошла проверку. Кстати говоря, вы не обидитесь, если я время от времени буду приносить вам мышку? Это своего рода традиция...

– Не обижусь.

– Хорошо, капитан.

– И держись подальше от Джо Макензи.

– Да, капитан. То есть я могу остаться на борту?

– Только убирайся из моей каюты.

– Как скажете, капитан.

43.

Лобсанг употребил свои связи в Корпорации Блэка и раздобыл Джошуа и Биллу корабль для поисков Салли Линдси и троллей. Судно было относительно маленькое, маневренное, с прозрачной оболочкой на солнечных батареях, длиной в пару сотен футов, гондолой размером с трейлер, керамическими панелями на стенах и большими иллюминаторами. Изначально этот твен использовали как разведчик, прикомандированный к огромным караванам, идущим в Вальгаллу, поэтому у него не было имени, лишь регистрационный номер. Билл живо окрестил его «Шиллейла».

По каким-то своим причинам, которыми он еще не поделился с Джошуа, Билл заявил, что желает лететь не из обычного аэропорта на Миссисипи, а из Сиэтла, на северо-западе Тихого океана. Самым быстрым способом доставить туда корабль из Ганнибала на одной из последовательных Земель было разобрать его на части, отправить поездом по Базовой Земле и собрать на месте, прямо на взлетной полосе сиэтлского аэропорта. На это понадобилась неделя. Путешественники употребили ее на подготовку и закупку провизии и снаряжения.

Что касается троллей, то Лобсанг выдал путешественникам так называемый «набор переводчика» — программное обеспечение, загруженное в аккуратный угольно-черный «кирпич», достаточно компактный, чтобы влезть в рюкзак.

Что касается Салли, то Джошуа, как и предложил Билл, произвел кое-какие разыскания и побывал там, где она останавливалась, даже дома у Янсон, тщетно ища намеков на конечную точку ее маршрута.

А еще ему пришлось выдержать разговор с семьей, которую он оставлял, отправляясь на очередное зада-

ние на далеких Землях – вновь по распоряжению Лобсанга, вновь бок о бок с Салли, загадочной соперницей Хелен. Маленький Дэн искренне и неприкрыто завидовал – он тоже хотел отправиться на поиски приключений. Хелен, которая отчаянно добивалась разрешения повидать брата, сидевшего в тюрьме, хранила злое молчание. Джошуа оставлял дома отнюдь не счастливую семью, притом не впервые, и у него просто сердце разрывалось.

И все-таки он ушел.

Повинуясь инстинкту, Джошуа взял с собой кольцо с сапфиром, единственную вещь, которую он привез из первого большого путешествия по Долгой Земле, десять лет назад. Он снял его со стены комнаты Янсон, где оно висело до сих пор, и повесил в салоне «Шиллейлы». Может быть, Салли этого хотела бы.

Итак, солнечным июньским утром, в Базовом Сиэтле, Джошуа сидел в маленькой гондоле, точь-в-точь похожей на трейлер, с крошечным камбузом и салоном, складными койками и столами, а Билл занял свое место в маленькой рубке на носу.

«Шиллейла» легко оторвалась от земли. Вскоре Джошуа увидел внизу аэропорт, густую застройку вокруг и залив Пьюджет.

Все это исчезло, когда они перешли, и сменилось примитивными постройками Сиэтл-Запад-1, 2, 3, ленточками дорог и троп, небольшими поселками, врезающимися в вековые леса. Каждый мир появлялся лишь на долю секунды, и вскоре, спустя несколько переходов, вообще исчезли признаки пребывания людей, остались только леса и залив, а вдалеке виднелись горы. Корабль размеренно набирал высоту, и Билл направил его в сторону гор, которые оставались более или менее неизменными, пока «Шиллейла» двигалась по мирам. Небо

менялось, впрочем; погода на разных землях не совпадала, и в этот июньский день они повидали и солнце, и облака, и проливной дождь.

В первых нескольких мирах не было ничего интересного, кроме верхушек деревьев. Джошуа знал, что в лесах водились медведи, бобры и волки. И люди тоже, хотя за пределами Ближних Земель прослойка колонистов становилась все тоньше. Они больше напоминали крыс, чем людей, — теперь, когда твены, с их просторными трюмами и грузами съестных припасов, летали в таком количестве. Об остальном, что происходило внизу, оставалось догадываться. Ученые пытались составить карту Ближних Земель с орбиты, с помощью целой эскадры протянувшихся от полюса до полюса спутников, которые летали над планетой, исследуя континенты, океаны и льды посредством камер, глубинных радаров, инфракрасных датчиков, затем переходили на следующую Землю и так далее. Но даже эта приближительная карта, показывавшая лишь предметы крупнее автомобиля, охватывала не более сотни ближайших миров. Что лежало дальше, за исключением отдельных Земель, подвергшихся пристальному исследованию, не знал никто.

Они поднимались вдоль склона горы Рейнир, когда оказались в первом из миров, скованных льдом. Несколько секунд корабль летел над морщинистыми белыми покровами, укутывавшими землю. А потом вновь потянулись бесконечные зеленые леса.

Джошуа откинулся на спинку кресла, бесстрастно глядя в иллюминатор. Он уже скучал по семье и гадал, как убить время.

- Билл?
- Что?
- Ничего. Как там дела?
- Супер.

– Хорошо.

– Просто нужно сосредоточиться. Мне как-то не приходилось раньше управлять твеном, но ребята из Корпорации ввели меня в курс дела. В общем, ничего сложного. Но совсем не то, что водить машину. Или ездить верхом. В конце концов, этот корабль до какой-то степени разумен – и, честно говоря, блин, он умнее лошади. Ты с ним как будто ведешь постоянный разговор. Знаешь, я однажды катался на слоне на одной ферме в Африке, в слоновьем заповеднике. Африканские слоны – не ручные, как индийские. Здоровенные умные зверюги, которые твердо знают, куда им нужно идти, и скажи спасибо, если ваш маршрут случайно совпадает. В противном случае просто смирись. Ну и здесь то же самое. С ума сойти, а? Но мы туда все-таки доберемся. Куда бы ни было.

– Да.

Это напоминало путешествие на «Марке Твене» десять лет назад, но, по крайней мере, на сей раз Джошуа лучше ладил со своим спутником.

На закате они выбрались из Ледяного пояса, как его называли, – пачки покрытых льдом миров, окружавших Базовую Землю, – и поплыли над засушливыми мирами Рудного пояса. Пейзажи сделались еще однообразнее. Джошуа поужинал сухим пайком, разогретым на единственной газовой конфорке (на «Шиллейле» уж точно не было никакой суперсовременной кухни) – и отнес порцию Биллу, устроившемуся в рулевой рубке.

Потом он лег спать, любуясь сквозь окна гондолы меркнущими лучами летних солнц, отражавшихся на оболочке корабля.

На рассвете было то же самое.

К полудню второго дня они оказались в Кукурузном поясе, за сотню тысяч переходов от Базовой Земли –

в широкой полосе более теплых миров, густых лесов и прерий. Теперь там обильно попадались и человеческие поселения, в том числе Перезагрузка на Западе-101754, основанная семьей Хелен. Место, где они с Джошуа поженились.

Вечером Джошуа почувствовал, что корабль замедляет ход. Небеса перестали мелькать, одинаковые пейзажи сменялись не так быстро, и наконец «Шиллейла» остановилась.

Воздух наполнило сердитое жужжание. Внезапно в гондоле потемнело – свет заслонило темное облако каких-то сердитых существ, похожих на насекомых, которые бились о чистые стекла, треща хитиновыми крыльями. Джошуа взглянул на компактный землеметр. Они достигли Запада-110719.

Пришлось кричать, чтобы перекрыть шум.

– Эй, Билл!

– Да?

– Я узнаю это место.

– Не сомневаюсь. Классический Джокер. Ты ведь побывал тут, когда путешествовал в тот раз с Лобсангом.

– Ну да, и мы его быстро миновали. Отчего мы встали, Билл? Эти жуки нас задушат, если заберутся в вентилятор.

– Потерпи и не прыгай.

Джошуа почувствовал, что корабль поднимается, хотя мир оставался скрыт кишашими тельцами рассерженных насекомых, напоминавших огромную саранчу. Во всяком случае, так показалось Джошуа во время первого визита.

Внезапно «Шиллейла» вырвалась на свет. Джошуа увидел, что корабль по-прежнему висит над склоном Рейнира, ну или его здешней копии. Видимо, в этом мире было теплее, чем в соседних, потому что лес здесь

доходил почти до обветренной верхушки горы – дубовый лес, с огромными деревьями, возвышавшимися над буйной путаницей упавших стволов и густого подлеска. Он заметил и реку, струившуюся по крутому склону. Тем временем что-то промчалось в зарослях, направляясь на восток. Взлетели несколько испуганных птиц – нет, не птиц, а толстых огромных стрекоз, которые с шумом унеслись прочь.

Отведя взгляд от вершины горы, Джошуа увидел землю, скрытую облаком кишящих насекомых – пульсирующий, блестящий полог, который тянулся до самого берега океана, видневшегося вдалеке. Они покрывали и землю, словно черные реки тянулись среди редких островков растительности. Повсюду колыхались облака крылатых тварей. Но ничто не долетало до вершины Рейнира, как и до некоторых других окрестных гор, которые вздымались из туч насекомых, словно одетые зеленью острова в море.

– Они летают только на определенной высоте, – заметил Джошуа.

– Да, большинство крупных насекомых. Но не все. Впрочем, достаточно, чтобы на вершине можно было выжить.

– Кому?

– Нам, Джошуа. В частности, тебе.

– Мы здесь остановимся?

– Ну да. Ненадолго. Скажем, на ночь.

– Зачем?

– Тут нас ждет одна встреча. Вот почему я так хотел стартовать из Сиэтла. Я брошу якорь и спущу лестницу. Вон та травянистая полоска у ручья внизу, по-моему, неплохое место для лагеря. Возьми с собой кассету.

Джошуа с неохотой начал собирать вещи. Спальник, еда, набор для разведения огня. Спрей от насекомых, разумеется.

– Я спущусь один?

Билл явно смутился.

– Послушай, Джошуа, не сочти меня глупым фанатом. Твое путешествие знаменито – и, разумеется, про обратную сторону медали я тоже в курсе. Про то, как ты спускался в неизведанные миры в одиночку, тогда как Лобсанг сидел на корабле. Обхохочешься.

– Хоть какое-то утешение за все мои страдания.

– Но в этой тактике есть несомненный смысл. Ты спускаешься, исследуешь, налаживаешь контакт...

«С кем?» – подумал Джошуа.

– Ну а я сижу наверху, чтобы подать помощь, когда понадобится.

– «Когда»?!

– Если, старик. Если. Просто оговорился.

Не в первый раз за всю историю своих приключений на Долгой Земле и вопреки собственным благим намерениям Джошуа просто отдался воле течения.

Билл настоял, чтобы он взял дуплексную рацию и небольшой наплечный прибор с экраном и датчиками. Джошуа согласился, несмотря на неприятные воспоминания о «попугаях» Лобсанга, а заодно прихватил пистолет.

Спуск в заросли особых сложностей не представлял. Как только Джошуа оказался на земле, корабль поднялся, унося с собой лестницу.

Оставшись в одиночестве, Джошуа, не торопясь, огляделся. На этой полянке, которую проложила река среди деревьев, было довольно приятно. Пахло сырым лесом и многовековым скоплением гниющей листвы. Джошуа услышал отдаленный гул моря насекомых, бурлившего под вершиной. Над головой какие-то твари, похожие на летучих мышей, гонялись за другими тварями, похожими на мух.

Кроме как ждать, делать было нечего. Джошуа принялся разбивать лагерь – расстелил одеяло и спальник, подумал, не развести ли костер, но решил, что не замерзнет и так. Имея сухой паек, Джошуа мог не возиться с готовкой ужина.

Понемногу он расслабился. Все это походило на «творческий отпуск». Джошуа уже собирался порыбачить, просто ради развлечения, если только в ручьях на горе водилась рыба...

Рация щелкнула.

– Джош, старина, ты меня слышишь?

– Нет.

– Очень смешно. Как ты там?

– Бронирую столик в ресторане.

– Ты прямо мои мысли читаешь. Если придется туго и надо будет быстро пополнить запасы, примерно в миле ниже по течению есть нычка.

– Нычка? И что в ней?

– То, что нужно, чтобы выжить. Укрытие, немного еды, ножи, инструменты, запасные шнурки для ботинок. Вещи, которые стригали оставляют для стригалей.

Джошуа сел на спальник.

– Билл, что это за место такое? Зачем мы остановились здесь, в Джокере? Кто, черт возьми, ночует в Джокерах?

– Стригали. В том-то и дело. Хочешь знать, как на Западе-110719 появилось столько саранчи? Мы предполагаем, что на этой Земле никогда не было птерозавров.

– Птерозавров?

– И других летающих ящеров. На Базовой Земле, до того как появились птерозавры, в небесах царили гигантские насекомые. Они росли и росли – от повышенного содержания кислорода. Потом появились птерозавры и стали охотиться на больших насекомых,

и выжили только маленькие. Они так никогда и не выросли опять. Небеса стали принадлежать птерозаврам, а затем птицам. Ну а здесь не было птерозавров, бог весть почему. И птицы не смогли вырасти большими. Поэтому тут нет ласточек, которые охотятся за мухами, – тут огромные жадные стрекозы охотятся за птицами размером с мотыльков...

– Значит, для людей этот мир не подходит.

– Ты прав.

– Но сюда приходят стригали.

– Разумеется. Как и в другие Джокеры. Джошуа, каждый Джокер – целый мир, и он не везде одинаков. В нем обязательно есть безопасные места – вот такие укрытия. Стригали их знают.

– Как?

– Через других стригалей. Это целая субкультура, о которой понятия не имеют люди вроде тебя – и даже Лобсанг. И мы не возражаем. Вы думаете, что Долгая Земля – это колонии вроде Черт-Знает-Где, города вроде Вальгаллы, войны за независимость и все такое. Дурацкая история старой Земли, повторяющаяся в новых мирах. Нет, Джошуа, вы ошибаетесь. Долгая Земля – это новый образ жизни или, наоборот, очень старый. Стригали не *колонизируют* Долгую Землю. И не подгоняют ее под себя. Они просто на ней живут.

Эта отповедь удивила Джошуа, который вырос с Биллом, жил с ним в одном городе и думал, что хорошо знает его.

– А ты-то откуда знаешь?

– Ну, у меня бывают свои «творческие отпуска». Я тоже время от времени ухожу погулять. Но всегда возвращаюсь. Я слишком люблю домашний уют, в том-то и проблема. И выпивку. Но прогулки себя оправдывают. В процессе я понял, как мыслят эти ребята.

Джошуа задумался.

– Значит, нужно думать, как стригали, если мы хотим найти троллей, так?

– Потому что тролли тоже живут на Долгой Земле. И знают потайные места, где можно спрятаться, а стригали этому учатся. Кстати, темнеет.

– Я заметил.

– Джошуа, ты точно не против переночевать внизу? Сам понимаешь, во мраке кроются всякие экзотические ужасы.

– Но у тебя же есть инфракрасные датчики и локаторы. Ты заметишь любое движущееся существо, теплокровное и холоднокровное. Верно? Разбуди меня, если понадобится.

– Не волнуйся. Спокойной ночи, старик.

– И тебе.

Джошуа проснулся в серых и сырых предутренних сумерках.

Еще не успев открыть глаза, он ощутил неприятное покалывание в затылке. Многовековой инстинкт пытался прорваться через кордон, выставленный головным мозгом.

За Джошуа наблюдали.

И он услышал слова:

– Без-здоров-жый...

Джошуа сел в спальнике.

В нескольких метрах от него, прислонясь к стволу дерева, стоял эльф, который так ловко сливался с тенью, что Джошуа ни за что бы не заметил гостя, если бы тот не повернул голову и не улыбнулся. Низкое утреннее солнце блеснуло на двух рядах безупречных треугольных зубов.

Эльф вышел на свет и, сделав несколько широких шагов, подступил вплотную.

Ростом он был не выше четырех футов, мускулистый, коренастый, с лицом, похожим на морду задумчивого бабуина, с прической как у панка — или у какаду. Он щеголял в кожаной набедренной повязке, на поясе у него висел мешочек. Босые ноги выглядели вполне по-человечески, не считая острых загнутых ногтей. Джошуа взглядом поискал у пришельца оружие и не нашел.

Это существо до странности напоминало крота — его лапы явно были приспособлены для копания. Карикатурно большой, очертаниями смутно напоминающий человека, прямоходящий крот в одежде. *И в солнечных очках.* Поцарапанных и треснутых. Вдобавок уши эльфа, тесно прилегающие к приплюснутому черепу, не предназначались для того, чтобы заправлять за них дужки, поэтому очки держались при помощи грязной резинки.

Эльф вновь ухмыльнулся. Джошуа ощутил его дыхание.

Пистолет лежал в спальнике. У Джошуа возникло отчетливое ощущение, что, попытавшись достать оружие, он сделает самую большую глупость в жизни.

Для таких случаев, подумал Джошуа, наверняка должно быть какое-нибудь более уместное приветствие, нежели «Звезда горит над часом нашей встречи». Но именно это прозвучало по рации, лежавшей на земле в спальнике. Билл за ним наблюдал.

Эльф улыбнулся и произнес:

— Ж-желаю тебе хорошей с-смерти.

Он разговаривал по-английски — и, несомненно, принадлежал к одной из многочисленных гуманоидных рас, которые на Долгой Земле за свое изыщество получили название эльфов. Но хотя раньше Джошуа таких не видел, он немедленно догадался, к какому подвиду относится это существо.

– Он кобольд.

– Да, – сказал Билл по рации. – Некоторые зовут их лунями. А придурки англичане – городскими лисами.

– Я думал, это миф.

– Только ему не говори, он может обидеться. Инфракрасные датчики его засекали. Вижу оружие. Но он тебя не тронет. Ну... наверное. Какие ощущения?

– Представляешь себе встречу Ганди и Питера Пэна?

– Нет.

Кобольд усмехнулся, показав острые зубы.

– Не бойс-ся, человеч-чек. Я тебя защищаю. Ты в безопас-ности. Будь моим другом.

– Договорились. Меня зовут Джошуа.

Кобольд серьезно кивнул.

– Знаю. Тебя пос-слал Лобсанг.

– Лобсанг? Ты знаешь про Лобсанга? И почему я не удивлен?

Билл сказал:

– Кобольды о тебе слышаны, Джошуа. Особенно с тех пор, как я принялся искать Салли.

– У тебя ес-сть камень, который поет?

– Камень, который поет?

– Да. Камень, который ес-ст человеческую душу и поет. С-священная музыка. Люди, которые поют после смерти... – Кобольд помолчал, в задумчивости двигая губами, и внезапно закончил: – Как Бадди Холли.

– Скажи «да», – велел Билл.

– Да.

– Блин, Джошуа, я всё должен разжевывать? Отдай ему кассету.

– А, камень, который поет. Я понял.

Джошуа полез в карман куртки, которую использовал в качестве подушки, вытащил старую поцарапанную кассету и протянул кобольду. Тот взял ее, как рев-

ностный адепт священную реликвию, понюхал, поднес к уху, осторожно потряс.

– Билл здес-сь уже бывал. Мы говорили. Он принос-сит муз-ыку. И кофе. У него ес-сть машинка, которая пьет с-солнце и играет с-священную муз-ыку.

– То есть магнитофон?

Кобольд повертел кассету длинными пальцами.

– «Кинкс-с»?..

– Тот альбом, который ты хотел, – сказал по рации Билл.

– Хорош-шо...

Кобольд вытащил из мешочка на поясе старый кас-сетный аудиоплеер, подставил рассветным лучам блестящую солнечную батарею, надел на шею древнего вида наушники и сунул кассету в прорезь.

– А ещ-ще?..

– Двенадцать песен, моноверсия, выпущена в Европе, плюс британский релиз, пятнадцать песен, стерео и моно, ну и парочка раритетов. «Скотный двор», микс. И ранее не выходивший трек под названием «Трусы Мика Эйвори».

Но кобольд уже не слушал. Он прислонился спиной к дереву, прижав к ушам потрепанные наушники.

Билл негромко произнес:

– Всё. На пару часов он потерян для мира. Джошуа, если тебе нужен завтрак, сейчас самое время.

– «Кинкс»?..

– Популярная в шестидесятые английская группа, которая прославилась в Америке, когда...

– Билл, мне плевать, не сочти за неуважение к «Кинкс». Скажи, зачем ты дал ему кассету?

– Натуральный обмен, Джошуа. Кобольдам нравится человеческая культура. Некоторые из них обожают музыку. Например, этот прямо спятил, когда впервые услышал «Закат над Ватерлоо». Он – мой осведоми-

тель. Информант. Я приношу музыку, которую он любит, а он — сведения.

— Да, но кто сейчас пользуется кассетами?

— Он старше, чем выглядит, Джошуа. Он много лет торговал с людьми. И вдобавок его путь разошелся с человеческим миллионы лет назад. Вряд ли стоит требовать, чтобы он мгновенно перенимал новые технологии, правда?

Джошуа вылез из спальника.

— Я хочу кофе.

44.

Первые путники, исследовавшие Долгую Землю, не нашли никаких признаков присутствия современного человека за пределами Базовой Земли.

Впрочем, они нашли несколько каменных орудий. Обнаружили в недрах пещер окаменевшие очаги. И даже несколько костей. Но никакого серьезного рывка. Ни наскальных росписей, ни украшенных цветами погребений, ни городов, ни высоких технологий (во всяком случае, созданных людьми). Искра высшего разума наверняка зажглась в низком черепе доисторического человека в миллионах миров, как и на Базовой Земле, но нигде больше она не превратилась в пламя. Какова бы ни была причина, альтернативные вселенные, куда хлынули земные поселенцы, в основном представляли собой темные и тихие миры. Миры, заросшие деревьями. Сплошными непроходимыми лесами. Базовая Земля представляла собой прогалину в джунглях, маячок цивилизации, один-единственный круг света, за пределами которого без конца тянулись тени. На Долгой Земле жили гуманоиды, потомки давно исчезнувших двоюродных братьев человечества, но люди убедились,

что никогда не встретят существо, равное им по уму. Например, способное говорить по-английски.

Проблема заключалась в том, что эта теория, которую охотно принимали все, была целиком и полностью ошибочной.

Профессор Вотан Ульм из Оксфордского университета, автор нашумевшей, хоть и спорной книги «Двоюродные братья питекантропов: распространение гуманоидов по Долгой Земле», в своем интервью Би-би-си описал существ, известных как кобольды.

– Разумеется, до сих пор мы исследовали Долгую Землю так урывочно, что можем делать лишь осторожные заключения. Свидетельства о кобольдах как таковых преимущественно представляют собой легенды и анекдоты. Тем не менее анализ образцов ДНК, добытых в ранних экспедициях, включая зуб, оставшийся в подметке ботинка Джошуа Валиенте, подтверждает, что гуманоиды Долгой Земли ответвились от предков человека несколько миллионов лет назад, возможно в эпоху возникновения *Homo habilis*, первого гоминида, умеющего делать орудия труда. Я выдвинул гипотезу, что возрастающие познавательные способности *Homo habilis* позволили некоторым представителям этого вида переходить в иные миры. Способность вообразить инструмент в камне, возможно, сродни способности представить себе другой мир. А потом и протянуть к нему руку... После того как путники отбыли, а Базовую Землю заселили потомки оставшихся, не умевших переходить, гуманоиды распространились по Долгой Земле, развившись во множество вариантов. И за четыре миллиона лет естественный отбор выказал чрезвычайную оригинальность. Одно из существенных различий между разными видами гуманоидов заключается в том, сохранили они возможность переходить или нет. Некоторые сохранили, как нам известно, – например,

раса, известная как тролли. Другие нет. Найдя Землю, на которой можно было поселиться, эти особи становились оседлыми, теряли прежнее умение – а в некоторых случаях и смекалку, которая одарила их способностью переходить, – и начинали размножаться, населяя новый мир. Не стоит удивляться. Молодой морской кальмар обладает центральной нервной системой и мозгом. Как только он находит подходящий камень, он селится на нем, принимается за сидячую кормежку, *поглощает собственный мозг* и включает телевизор. Сходным образом птицы, поселившиеся на острове, на котором нет хищников, теряют способность летать. Полет, как и мышление, – вещь энергетически затратная, и эту опцию можно отключить, если она более не нужна для выживания. Так, предположительно, произошло и с переходами. Второе эволюционное различие среди кочевых видов заключается в том, поддерживали ли они контакт с людьми на Базовой Земле или нет. Если нет, гуманоиды могли превратиться в расу, почти неизвестную на Базовой Земле, как, например, тролли. Если да, логично предположить, что нам должно быть о них известно. Некоторым образом, так оно и есть. Удивительно, какое количество человеческого фольклора проявляется, если допустить наличие гуманоидных рас, способных сознательно переходить. Что касается контактировавших с людьми гуманоидов, их последующая эволюция неизбежно претерпела некоторые изменения. Для прикрытия они могли обрести почти человеческий облик. Стать угрожающими или безобидными на вид, чтобы обезоружить нас. Или, что самое интересное, развить механизмы речи, сходные с нашими, чтобы каким-то образом взаимодействовать с людьми. Даже мышление могло сделать рывок, словно соревнуясь с нашим. И вот мы находим кобольдов. Не исключено, что эти существа – и вправду те самые кобольды из фольклора,

источник германских легенд о горных духах, которые также известны как гномы, карлики или Bergmannlein – «маленький горный народец». Они селились в шахтах, и их чаще слышали, чем видели. Иногда они стуком приводили шахтеров к богатым залежам руды или предупреждали об опасности. В Корнуолле они известны как «томминокеры». А иногда кобольды крали человеческие вещи, безделушки вроде зеркал и гребней; видимо, их привлекала человеческая материальная культура, хоть они ей и не подражали. Нужно заметить, что крепкое сложение кобольдов, за которыми мы наблюдали, отвращение к яркому свету, руки и ноги, явно приспособленные для копания, – это все черты, вполне согласующиеся с подземным происхождением. Возможно, кобольды возникли под землей или, по крайней мере, адаптировались к этим условиям, а их предки переходили и возвращались. Возможно, в последние века растущая человеческая популяция наконец вытеснила кобольдов и вынудила жить отдельно от людей, пока не началось наше собственное расселение, связанное с переходами. Слово «кобольд», кстати говоря, лежит в основе слова «кобальт». Как ни странно, хотя эти существа во многом самые человекоподобные из всех гуманоидных рас и в некоторых отношениях самые когнитивно одаренные, они же и наиболее скрытные. Возможно, из-за презрительных прозвищ, которыми награждают их люди. Или же просто потому, что они знают людей. Стороннему человеку может показаться удивительным, что на Долгой Земле есть *оседлые* расы, которые формировались в ходе контактов с людьми. Разумеется, такое возможно только в том случае, если представители этих рас вернулись на Базовую Землю, а *затем* утратили способность переходить. Есть один вид, который в общем подходит под описание, хотя генетические свидетельства противоречивы. Я имею в виду шимпанзе бо-

нобо. Кто бы мог подумать, что эти добродушные существа принадлежат одному миру с нами. Не говоря уже об их родичах, обычных шимпанзе, которые неприятны почти так же, как и люди. Неудивительно, что предки бонобо убрались отсюда, как только сумели спереть автомобиль. Современным бонобо очень не повезло, что их прадеды вернулись обратно. Достаточно, Иокаста? А теперь объясните тому длинноволосому кобольду за пультом, что наблюдать, как он жрет гамбургер во время интервью, было гораздо неприятнее, чем вы думаете...

45.

- У тебя ес-сть еще «Кинкс-с»?
 - Есть, – шепотом ответил Билл по рации.
 - Дай.
 - Нет.
 - Как тебя зовут? – наконец спросил Джошуа. Кобольд усмехнулся. По крайней мере, показал зубы.
 - Для людей меня звать Финн Маккул.
 - Это я придумал, – сказал Билл. – Ему идет.
 - Я не наз-ываю людям имя. *Мое* имя.
 - Финн Маккул вполне сойдет, – сказал Джошуа.
 - Вы, без-дорожные, еще страньше троллев, – заметил Финн Маккул, рассматривая Джошуа и его снаряжение. – Как ты ж-живешь? Без оружия?
 - У меня есть оружие.
 - Ты один. Бездорож-жный. Нас много.
 - Много? Где?
- Кобольд протянул руку.
- Дай. Все знают, так полож-жено. Ты даешь, я говорю.
 - Не обращай внимания, – посоветовал Билл. – Мы ему уже дали. Он просто торгуется.
- Джошуа разглядывал кобольда.

- Ты торгуешь? Торгуешь с людьми?
- С-с людьми, да. И с другими, не с людьми, не с ко-
больдами...
- С другими гуманоидами? Другими расами?
- И *они* тоже торгуют с-с другими. С-с другими, из
далеких миров.
- Насколько далеких?
- Из-з миров, где нет луны. Где с-солнце другого
цвета...

– Брехня, – заметил Билл. – Нет таких миров. Он просто хочет из тебя побольше вытянуть. Так ведь, Маккул? Лучше не дури, мелкий поганец. Джошуа, ты должен уразуметь, с кем мы имеем дело. Кобольды – скользкие маленькие ублюдки. Они быстро бегают, они, кажется, умеют пользоваться слабыми местами, они болтают не умолкая и торгуют – с людьми и со всеми остальными. Но они – не люди. Они делают дела не так, как мы. Мы стремимся к богатству и извлекаем доход по максимуму. А они похожи на...

- Коллекционеров?
- Да, что-то типа того. На тех чудиков, которые собирают комиксы. Или на сорок, которые обожают человеческие безделушки, блестящие вещицы, которые можно украсть, но нельзя понять. Не ищи тут логики, Джошуа. Им просто нужны вещи, вот и все. Как только ты это поймешь, с кобольдами несложно договориться. Они просто большие страховидные сороки, которые носят штаны. Вот что ты такое, Финн Маккул.

Кобольд ухмыльнулся.

- Наверное, ты знаешь, зачем мы здесь, Финн Маккул, – сказал Джошуа. – И чего мы хотим. Где тролли?
 - Дай.
 - Колись уже, сучонок, – рыкнул Билл.
- Финн Маккул зашипел и мрачно буркнул:
- Тролли здесь. Но не *здесь*.

Джошуа вздохнул.

– Сплошные загадки. В следующий раз, когда захочешь встрять, Билл...

– Финн Маккул! Ты говоришь, что тролли прячутся в Джокере?

– Не *здесь*.

– В *каком-то* Джокере, но не в этом? Так я и думал. И в каком?

Финн Маккул явно был не намерен отвечать.

– И все? И больше мы ничего от тебя не узнаем в обмен на эту замечательную, э-э, старую кассету?

Внезапно Маккул выпрямился, понюхал воздух плоским, как у шимпанзе, носом и рассмеялся.

– Джошуа, – строго произнес Билл, – на мониторе девять, точнее, десять... нет, одиннадцать точек, которые приближаются к тебе. А теперь я их вижу. Хм-м.

Джошуа развернулся. Между деревьев клубился утренний туман, ручей пропал из виду. Там могло таиться что угодно. С листьев капала роса.

– Что значит твое «хм»? Как они выглядят?

– Ну... очень целеустремленно.

Сверкнув зубами, Финн Маккул сперва поблек, а затем пропал. Джошуа мог и ошибаться, но ему показалось, что ухмылка исчезла последней.

А из тумана...

Встающее солнце отбрасывало красноватые лучи на траву, и на вершине горы дул холодный ветерок. Несколько клочьев тумана шевелились среди деревьев – там тек ручей.

И кто-то двигался.

Они возникли в утренней дымке сначала как смутные тени, потом обрели плотность. Словно колесо турбины постепенно замедлило ход до полной неподвижности. И когда они остановились...

Они были немного выше среднего человека, но чрезвычайная худоба внешне прибавляла росту. Серолицые, с пепельно-светлыми волосами, заплетенными во множество косичек, они вполне могли бы сойти за людей на какой-нибудь тускло освещенной дискотеке, которые Джошуа изредка посещал в юности.

Не считая ушей. Длинных, заостренных, которые непрерывно дергались туда-сюда, словно улавливая самые тихие звуки. И не считая глаз, которые горели слабым зеленоватым светом. Существа держали в руках длинное и тонкое деревянное оружие – наверное, можно было назвать эти штуки мечами. Эльфы не кричали, не махали оружием. Они просто решительно приближались.

Любой ребенок понял бы, кто они такие. Эльфы. Не те относительно дружелюбные и болтливые существа, вроде меломана Маккула, а эльфы из кошмаров.

И они подступали к Джошуа со всех сторон.

Бежать было некуда. Он встречался с разными видами эльфов и раньше и знал, что переход не поможет – он имел дело с противником, который умел переходить *лучше*. Пистолет лежал где-то в скомканном спальнике. В пределах досягаемости была только рация – кусок пластмассы размером с кулак. Не самое лучшее оружие...

Ближайший эльф размахнулся мечом, описав им убийственную дугу, и остановился, словно наслаждаясь моментом.

Джошуа, застыв на месте, уставился на него. Вблизи эльф походил на существо из учебника по древней истории, хотя неандерталец назвал бы его уродом. Лицо эльфа сплошь покрывали морщины, он был одет в короткую меховую тунику, на спине висело нечто вроде рюкзака, а во взгляде отражалась работа мысли. Возможно, эльф медлил, пытаясь прикинуть, в какую

сторону добыча намерена перейти, чтобы последовать за ней и убить.

Эти соображения заняли одну секунду. Потом рефлексы взяли верх.

Джошуа пригнулся, схватил рацию и развернулся одним стремительным движением, которое завершилось ударом в челюсть. Стекло и пластмасса разлетелись дождем золотых брызг. Эльф, покачнувшись, отступил, и Джошуа нанес ногой классический удар, столь любимый на занятиях по самообороне для женщин. Пронзительный вопль боли несколько расширил его скудные познания об анатомии гуманоидов.

И внезапно вокруг все закипело.

Маккул вернулся, он привел с собой других кобольдов, и они вступили в бой. «Легкая кавалерия», — с благодарностью подумал Джошуа. Кобольды переходили, как и эльфы. Представители обеих рас мелькали вокруг Джошуа, словно картинки в ночном кошмаре.

Джошуа решил, что пора убираться. Он сломя голову побежал к трапу, который свисал со спускавшегося корабля. По пути пришлось сбить с ног одного из бойцов. Джошуа даже не заметил, кобольд это или эльф.

Он оглянулся, лишь когда добрался до трапа и начал подниматься в воздух, крепко цепляясь за ступеньки.

Эльфы предпочитали мечи, тогда как кобольды дрались голыми руками — с точки зрения Джошуа, это было весьма разумно: если вцепиться в противника, он не сможет перейти, не утащив тебя с собой. И потом, кобольды явно довели рукопашный бой до такой степени совершенства, когда оружие только мешает. Джошуа увидел, как кобольд мгновенно исчез, увернувшись от меча, который чуть не снес ему голову, потом появился вновь, ухватил противника за руку и с балетной грацией ударил его ногой в грудь, уложив на месте. Как обычно в случае с гуманоидами, бой превратился в че-

реду поединков. Одержав верх, боец искал следующего противника и не обращал внимания на сородича, которого загоняли в угол превосходящими силами.

И тут Джошуа увидел, как Финн Маккул упал, когда деревянный меч пронзил ему плечо. Возможно, кобольд и пытался перейти, но был ошеломлен и потрясен. Эльф увернулся от когтистых лап и занес меч для второго удара.

И тоже замер, прежде чем довести дело до конца. Спина к Джошуа.

У того появилась возможность вмешаться.

Джошуа выпустил спасительную ступеньку, тяжело spryгнул наземь, поднял валявшийся на земле сук и побегал. Не то чтобы Финн Маккул был ему чем-то дорог. Но, если бы пришлось выбирать, Джошуа предпочел бы принять сторону того, кто не пытался его убить. Того, кто вернулся, чтобы сражаться рядом.

На бегу он что есть сил хватил эльфа палкой, ожидая услышать приятный стук дерева о череп, но вместо этого послышался слабый треск, и гнилой сук рассыпался. Во все стороны полетели споры грибов и рассерженные жучки. Эльф, целый, невредимый и крайне удивленный, медленно развернулся.

Финн Маккул выбросил вперед здоровую руку – раз, другой – и от удара хрустнула кость. Эльф сложился вдвое и успел перейти, прежде чем умереть.

Из раны текла кровь, но кобольд не обращал на нее никакого внимания. Он встал, оказавшись лицом к лицу с Джошуа, и тот вдруг понял, что, кажется, совершил большую ошибку.

– Без-здорож-жный! Вс-сех убью!

Битва вокруг постепенно затихала. Эльфы и кобольды сделали паузу, чтобы поглядеть на них.

– Послушай...

Финн Маккул откинул голову назад и завопил. А потом нанес удар, который мог убить Джошуа на месте.

Но тот уже вновь пустился бежать к трапу. Джошуа прыгнул и ухватился за ступеньку, и Билл, надо отдать ему должное, немедленно поднял корабль в воздух. Взглянув вниз с высоты в несколько метров, Джошуа увидел, что Финн Маккул, бранясь и истекая кровью, лежит под деревом.

Затем твен миновал редкий полог листвы и вылетел на солнечный свет. Горный лес, с хаотическим полем битвы, исчез из виду.

Джошуа вскарабкался по лестнице до конца, влез в люк, встал, треснувшись головой о потолок, и начал огромными охалками сворачивать трап.

— Это ты, Джошуа? — тревожно спросил Билл. — Я потерял связь, когда ты двинул рацией по зубам тому эльфу.

— Летим, летим!

Только покончив с трапом, Джошуа позволил себе рухнуть на кушетку, борясь за каждый вздох. В гондоле стояла тишина, не считая поскрипываний и стонов облоочки, которая нагревалась на утреннем солнце. Внизу тень «Шиллейлы» мирно скользила по кронам деревьев, как будто там, в сумраке, не происходило ничего ужасного.

Перед Джошуа по-прежнему стояло лицо Финна Маккула — страшная маска ярости и ненависти.

— Я спас ему жизнь. А он превратился в моего смертельного врага. Где тут логика?

— Это логика кобольдов, Джошуа. Вроде человеческого представления о чести, только в кривом зеркале. Ты унизил его, когда спас, ведь он намеревался спасти тебя. Хочешь спуститься и поговорить с ним?

— Давай убираться отсюда.

Лес внизу исчез.

46.

Первую остановку в штате Вайоминг, куда он приехал во взятом напрокат трейлере, Нельсон сделал в Дюбуа – стране ковбоев.

К сожалению, ковбоев теперь не хватало: население Вайоминга с особенной быстротой устремилось в новые миры, где земля была бесплатная, а вмешательство со стороны правительства – несчастным. Нельсон с особенным удовольствием прочел на бампере одной из машин надпись «Здесь не смотрят, а делают».

Он нашел закусочную и заказал пиво и гамбургер. На экране телевизора, на который почти никто не обращал внимания, мелькали фотографии Йеллоустона, где продолжались геологические неурядицы. Множество небольших землетрясений, эвакуация некоторых населенных пунктов, оползни, перекрытые дороги. Мертвая рыба в Йеллоустонском озере. Пузыри, медленно поднимающиеся на поверхность пруда горячей грязи. Нельсон постепенно понял, что многие инциденты на самом деле происходили в параллельных версиях Йеллоустона в соседних мирах. Геологи, разбросанные по близлежащим Землям со своими приборами, унесенными со старых станций на Базовой Земле, утверждали, что почерпнули многое из сравнительного изучения кальдер в последовательных мирах. Дикторы, безучастные и миловидные, изображали преувеличенное облегчение от того, что Базовая Земля, по-прежнему перенаселенная, вряд ли серьезно пострадает, и глупо шутили.

Нельсон отвел взгляд от экрана и погрузился в собственные мысли. У него ушел месяц, чтобы добраться сюда из Чикаго. Он ехал не спеша, далеко не напрямик, и наслаждался. Нельсону нужно было время, чтобы избавиться от прошлого – очень насыщенных лет, проведенных в качестве священника в приходе Святого

Иоанна-на-Водах. Сам себе он напоминал глубоководного ныряльщика, который ощутил спад давления. Мировые загадки могли и подождать.

К некоторой досаде Нельсона, за окном, на железной ограде, торчал анимированный рекламный щит. Отвлекая от размышлений, на нем мелькали картинки, хотя Нельсон старался не обращать на них внимания. «Невозможно сосредоточиться» – таков бич современного мира, по крайней мере, на Базовой Земле. Но вдруг одна надпись привлекла внимание Нельсона. «Чувствуете ли вы юмор этих чугунных перил?»

Он чуть не выронил гамбургер, что было бы весьма прискорбно. «Цитата из Честертона? Здесь?.. Что ж, здравствуй, Лобсанг. Значит, я на верном пути».

Трейлер не мог похвастать скоростями, но, выехав из Дюбуа, Нельсон вжал педаль газа в пол.

Он сказал вслух, обращаясь к тем, кто его слышал:

– Строго говоря, я делаю очень большую глупость. Возможно, я имею дело с сумасшедшим. Что ж, я уже встречал безумцев, но они не цитировали мне произведения одного из лучших британских писателей...

Глядя на пустую дорогу, Нельсон задумался, сколько времени прошло с тех пор, как кто-нибудь, помимо ученых, в последний раз читал Честертона. Он и сам редко открывал его, хотя с упоением прочел многое в юношеские годы, случайно обнаружив Честертона в публичной библиотеке в Йобурге.

Башня Дьявола маячила на горизонте впереди, когда Нельсона остановил коп на мотоцикле. В темных очках, с массивной кобурой на бедре. Полицейский неторопливо подошел. Вид у него был угрожающий и решительный.

– Мистер Нельсон А-зи-ки-ве?

Он с особым старанием выговорил фамилию.

– Я вас ждал. Покажите документы, пожалуйста.

Нельсон с шумом выдохнул.

– Нет, сэр, это вы покажите документы. Мы, два незнакомца, стоим на пустом шоссе и оба с сомнением думаем: «Кто он такой и кому служит?» Очень честертоновский момент, не так ли?

За очками глаза копа были невидимы. Но он улыбнулся и произнес:

– Когда ломаются мосты...

Снова Честертон. Автоматически, оживив в себе память отроческих лет, полных безудержного чтения, Нельсон подхватил:

– ...наступает миру конец.

– Неплохо, друг. Больше никаких удостоверений не нужно. К сожалению, на горизонте я вижу настоящего полицейского, поэтому извините за поспешное бегство. В навигаторе вы найдете координаты.

Через полминуты мотоцикл исчез за горизонтом.

Разумеется, настоящий коп был полон подозрений. Нельсон принял вид невинного и слегка растерянного туриста и тянул время, пока мимо, на скорости заметно выше восьмидесяти миль, не пролетели три трейлера с калифорнийскими номерами. Никакой вайомингский коп не упустил бы столь заманчивой добычи.

И Нельсон поехал дальше.

В середине следующего дня он загнал трейлер во внешний двор фабрики электрооборудования и обнаружил закрытые ворота, без единого человека, с логотипом Трансземного института. Голос из небольшого динамика на столбе со стороны водительской дверцы потребовал:

– Назовитесь, пожалуйста.

Нельсон задумался. А потом склонился к динамику и сказал:

– Я Четверг.

– Ну разумеется. Въезжайте.

Ворота бесшумно открылись. Нельсон на мгновение задержался, чтобы ввести в строку поиска слово «Трансземной». А потом въехал во двор.

47.

Он открыл дверь, за которой оказался короткий коридор, ведущий к лифту.

– Пожалуйста, зайдите в кабину, – произнес чей-то голос, возможно Лобсанга. – Лифт работает автоматически.

Конечно, это могло быть ловушкой. Кстати, голос говорил с легким британским акцентом. Чтобы Нельсон не нервничал? Мило, хоть и странно.

Он не колеблясь пошел вперед. Двери лифта закрылись, и кабина поплыла вверх.

Бесплотный голос продолжал:

– Это здание раньше принадлежало американскому правительству. С тех пор как его выкупил Трансземной институт, оно каким-то образом исчезло со всех карт. Правительства бывают такими неловкими...

Двери лифта открылись, и Нельсон обнаружил кабинет в английском стиле, с камином и пляшущими языками пламени – очевидно, искусственными, но потрескивали они вполне реалистично. Такая обстановка вполне могла быть дома у кого-нибудь из его прихожан побогаче.

Повернулось кресло, стоявшее у низкого стола. Навстречу Нельсону поднялся мужчина неопределенных лет, в оранжевом одеянии монаха, наголо бритый, улыбающийся – и с трубкой в руках. Как и огонь в камине, он казался каким-то ненастоящим.

– Добро пожаловать, Нельсон Азикиве.

Нельсон шагнул вперед.

– Вы Лобсанг?

– Каюсь, – ответил мужчина, указывая трубкой на второе кресло. – Пожалуйста, садитесь.

Оба сели – Нельсон в кресло с прямой спинкой, напротив Лобсанга.

– Давайте по порядку, – сказал Лобсанг. – Здесь мы в безопасности и можем говорить свободно. Это один из нескольких технических корпусов, которые принадлежат мне и рассеяны по всему миру, точнее по мирам. Нельсон, вы вольны уйти в любое время, когда захотите, но я бы предпочел, чтобы вы никому не рассказывали о нашей встрече. Впрочем, полагаю, что любитель Честертона умеет хранить молчание. Позвольте, я угадаю ваш любимый роман – «Наполеон Ноттингхильский», не так ли?

– Вы взяли оттуда строчку про чугунную ограду.

– Именно. Лично я больше люблю «Человека, который был четвергом» – он актуален до сих пор и стал предшественником многих шпионских романов. Занятный человек был Честертон. Нырлял с головой в католичество, как испуганный ребенок под любимое одеяло, вам так не кажется?

– Я открыл его для себя в детстве, когда рылся в йобургской библиотеке. Нашел пачку старых книг, пережиток эпохи британского владычества. Явно никто не читал их со времен апартеида...

Нельсон замолчал. Сам по себе образ черного мальчишки, сидящего в пыльной библиотеке и поглощающего книги о приключениях отца Брауна, был достаточно сюрреалистичным, но разговор с Лобсангом, как выразились бы некоторые прихожане, просто бил все рекорды. О чем спрашивать? С чего начать? Нельсон пустил пробный шар.

– Вы – часть проекта «Лобсанг»?

– Друг мой, я и есть этот проект.

Нельсон подумал о своих разысканиях.

— Я помню слухи о суперкомпьютере, который пытался внушить своим хозяевам, что он человек, душа, воплотившаяся в компьютер в момент загрузки... в общем, что-то такое. Умники пришли к выводу, что это отвлекающий маневр — Нельсон помедлил. — Так оно и есть, да?

Лобсанг не ответил.

— Кстати, хотите выпить? Если не ошибаюсь, вы предпочитаете пиво.

Он встал и подошел к каштановому бару.

Нельсон взял массивный бокал, до половины полный ароматным пивом, и продолжил задавать вопросы.

— Вы как-то связаны с экспедицией «Марка Твена»?

— Тут вы меня поймали. Это был второй раз, после моего чудесного рождения, когда я чуть не оказался под любопытствующими взглядами публики, и вывернулся с большим трудом. Боюсь, бедный Джошуа Валиенте в конце концов привлек к себе больше внимания, чем хотел. И, возможно, заслуживал. Тогда как я отступил в тень и наслаждался комфортом.

— Разве Трансземной институт не филиал Корпорации Блэка?

Лобсанг улыбнулся.

— Да, он частично принадлежит Блэку.

— Объясните, зачем я здесь.

— Не забывайте, вы сами приехали ко мне. Вы здесь потому, что разгадали загадку. Нашли все подсказки.

— И обнаружил связь между вами и «Марком Твеном»?

— В общем, да. Но вы и сами давно, со школьных лет, связаны с Корпорацией Блэка. Полагаю, вы не удивитесь, когда узнаете, что Корпорация некоторое время за вами наблюдала. Вы — одно из долговременных вложений Дугласа Блэка.

Лобсанг потянулся через стол и слегка постучал по нему, так что появился экран. Нельсон увидел пугающе знакомые фотографии – самого себя, своей семьи. Его жизнь мелькала чередой слайдов, начиная с улыбающегося личика двухлетнего ребенка.

– Вы родились, разумеется, в Йоханнесбурге. Впервые попали в поле нашего зрения, когда мать заставила вас участвовать в программе Блэка «Поиски будущего». Вы получали стипендии и так далее, хотя напрямую никаких контрактов с Блэком не заключали. Затем вы добились некоторой известности как палеонтолог, специалист по Долгой Земле. Вы изучали последовательное прошлое. Мы изрядно удивились, когда ваш извилистый путь привел в англиканскую церковь, но Дуглас Блэк полагает, что те, кого он ценит, должны сами искать свой путь. Он, как видите, доверяет людям. И вот вы здесь, и о вас хорошо отзывается близкий друг Дугласа, архиепископ Кентерберийский – однако вы ищете новых путей... – Лобсанг улыбнулся. – Я упустил что-нибудь важное?

Нельсон ощутил досаду при мысли о том, что им манипулировали.

– А вы кто такой, сэр? Еще одно долговременное вложение богатого и влиятельного человека?

Лобсанг отчего-то медлил. Нельсон, как ни странно, вспомнил некоторых своих сомневающихся прихожан.

– Некоторым образом. В буквальном смысле – да. С технической точки зрения, я продукт Корпорации Блэка, начиная с геля, который обеспечивает мой процесс мышления. Юридически выражаясь, я – деловой партнер, совладелец филиала Корпорации. Однако Дуглас дает мне большую, а точнее, неограниченную свободу. Кто я такой? Я *полагаю*, что реинкарнировавший тибетец, рабочий мотоциклетной мастерской. У меня сохранились ясные, хоть и несколько хаотические

воспоминания о прежней жизни. Некоторые считают, что я безумный, хоть и высокоинтеллектуальный, суперкомпьютер. Но я *знаю*, что у меня есть душа. В вас это должно найти какой-то отклик. И мне снятся сны, представляете?

– Я, признаться, ничего не понимаю. Вы ищете совета?

Лобсанг грустно улыбнулся.

– Возможно. Точнее, я ищу спутников для путешествия.

– Какого?

– Если коротко, я исследую феномен Долгой Земли и все, что он сулит человечеству. Со временем я понял, что не могу делать это один. Мне нужны различные точки зрения – в том числе ваша, преподобный Азикиве. Ваша необычная смесь рационального с мистическим... Вы не станете отрицать, что и сами всегда искали истину. Достаточно взглянуть на отчет о ваших выходах в сеть, чтобы это понять.

Нельсон сердито спросил:

– Полагаю, сейчас бессмысленно обсуждать мое право на конфиденциальность?

– У меня для вас задание. Путешествие по Долгой Земле, а для начала – по Базовой. Мы отправляемся в Новую Зеландию, на Запад номер... впрочем, номера значения не имеют, правда?

– В Новую Зеландию? Зачем?

– Вы видели отчеты об экспедиции «Марка Твена». Те, по крайней мере, которые стали достоянием гласности.

– Да.

– Вам попадались упоминания о существе, известном как Первое Лицо Единственное Число?

Нельсон молчал. Но любопытство напоминало рыболовный крючок, застрявший в теле.

Лобсанг поерзал в кресле.

– Что скажете?

– Все это как-то внезапно. Мне нужно подумать.

– Твен будет здесь завтра.

– Хорошо.

Нельсон встал.

– Я переночую в трейлере. Хочу немного поразмыслить.

Лобсанг тоже встал, улыбаясь.

– Все время мира в вашем распоряжении.

Ночью грянула гроза, настоящая буря, которая пришла с запада, и разразился ливень, под которым трейлер звенел, как стрелковая мишень.

Нельсон лежал на койке, прислушиваясь к «стрельбе» и размышляя о мире в целом и своем нынешнем положении в частности, а заодно о природе души. Странно, сколько знакомых ему людей, не принадлежавших к ортодоксальному христианству, тем не менее отчего-то полагали, что у них есть душа.

Еще странно было думать, что душу теоретически можно *создать*. По крайней мере, создать тело, которое станетместищем души. Внезапно Нельсону очень захотелось отправиться в путешествие с Лобсангом – хотя бы для того, чтобы постичь самого Лобсанга.

Но оставались еще подозрения. Он помнил загадочные слова: «На самом деле вы сами ко мне пришли, не забывайте. Вы здесь потому, что вы разгадали загадку до конца...» Всё так, но кто составил головоломку?

На следующее утро он попросил прислать эвакуатор за трейлером.

В полдень обещанный твен беззвучно спустился с неба. Нельсон раньше много раз летал на твенах, но эта небольшая узкая гондола под двухсотфтовой обо-

лочкой отличалась прямо-таки спартанской простотой. С корабля спустились привязные ремни, и Нельсон поднялся в воздух. Забравшись в люк на корме и освободившись от ремней, он прошел по тесному коридору в каюту, которая служила также и камбузом, а по совместительству, видимо, обсервационным салоном. Нельсон скорее почувствовал, чем услышал, как заработали моторы.

И внезапно, сквозь большие окна, он увидел, что летит сквозь грозовые облака. По стеклам стучал дождь, а потом появилось жаркое солнце, и оболочка закурилась паром. Значит, корабль начал переходить. Нельсон принял таблетки от тошноты, рекомендованные Лобсангом, и, несмотря на свое обычное отвращение к переходам, ощутил лишь минимальное неудобство.

Короткая лесенка привела его к двери в рулевую рубку, расположенную над общей каютой, — двери, которая оказалась заперта. Когда Нельсон попробовал повернуть ручку, загорелся экран на стене. Появилось улыбающееся лицо.

— Рад видеть вас на борту, Нельсон.

— А я рад, что пришел, Лобсанг.

— Я, как вы, наверное, догадались, управляю этим кораблем.

— С которым Лобсангом я сейчас разговариваю?

— Пожалуйста, поймите, что Лобсанг — не единственное существо. Назвать меня вездесущим тоже было бы не вполне верно. Помните фильм «Спартак»? Так вот, все мы, то есть все «я» — это Спартак. Время от времени требуется пауза, чтобы синхронизировать нас — меня. Вы одни на корабле, но, если вам понадобится мое физическое присутствие, например по медицинским причинам, я создам подвижный модуль. Мы отправимся в Новую Зеландию, более или менее непрерывно переходя, чтобы поймать благоприятный

ветер. Верите или нет, на твене я люблю путешествовать неторопливо.

– Значит, я постараюсь расслабиться и наслаждаться поездкой.

– Непременно. Вот чего никогда не умел Джошуа Валиенте...

– Он уж точно не наслаждался в тот момент, когда кто-то запечатлел его возвращение в Мэдисон. Это видео, по сути, привело меня к вам. Наверняка от вас оно и пришло.

Нельсон весь отдался своей необычной цели, но возмущение при мысли о том, что его контролировали и направляли, переросло в гнев.

– Как далеко простирается ваше влияние? Надеюсь, вы никак не связаны с открытием чата под названием «Мастер-викторина»? Или вы стояли за всей цепочкой событий?

Лобсанг улыбнулся.

– Отныне и впредь – больше никаких уловок.

– Уж надеюсь. Никто не любит, когда им манипулируют, Лобсанг.

– Я не назвал бы это манипуляцией. Я бы сказал «предоставление возможности». Вам решать, воспользоваться ею или нет.

– Вчера вы называли меня «вложением».

– Так сказал Дуглас Блэк, а не я. И не забывайте, Нельсон, вы сами пришли ко мне, в конце концов. Будем мы сотрудничать или нет, добро пожаловать на борт, и наслаждайтесь путешествием. В конце концов, если угодно, считайте это отпуском.

– Или проверкой.

– Как хотите.

Нельсон улыбнулся.

– И кто кого проверяет, Лобсанг?

Бигль и кобольд вышли из пыльных сумерек.

Янсон и Салли настороженно стояли посреди примитивного лагеря. Когда существа подошли ближе, Янсон с особой остротой ощутила, что на поясе у нее — там, где прежде висел полицейский переходник, — пусто. Бигл, собачочеловек, конфисковал его в день прибытия. Поэтому она, по крайней мере без помощи Салли, не могла покинуть этот странный мир, населенный невероятными существами.

Женщин навелили впервые за неделю, которую они провели в лагере, — с тех пор как встретились со странными созданиями в Прямоугольниках и отправились с ними на пару десятков переходов дальше. В мир, полный троллей. Салли сразу же сказала, она чувствует это и слышит. Им объяснили, что бигли ждут возвращения своего вожака... из какого-то другого места. Того самого вожака, которому предстояло разбираться с людьми.

Тем временем они освоились, а Янсон даже слегка оправилась после столь дальнего пути. Ощущение было странное, потому что бигль, которого они повстречали, не умел переходить — его нес на закорках коренастый уродливый гуманоид, которого Салли называла кобольдом.

Впрочем, для обеих происходящее превратилось в череду странностей. Как убедилась Янсон, даже Салли, великая исследовательница Долгой Земли, ничего не знала об этом месте, пока не оказалась там, привлеченная сплетнями кобольдов. Для Салли это был всего лишь очередной Джокер, еще одна пустынная Земля, в окружении точно таких же, которые, вероятно, пересохли из-за какой-то катастрофы в бурную эпоху формирования планеты. В таких мирах геологическая активность была небольшая, формы жизни ограничен-

ны... так гласила теория. На самом деле, как обнаружила Янсон, на многих Джокерах существовали обитаемые убежища.

Если верить тому, что сказал кобольд, в этом мире был островок зелени и влаги — примерно размером с Европу. Не замеченный легкомысленными исследователями прежних лет, включая Джошуа и Салли, которые прошли мимо чересчур поспешно. Не замеченный командами исследователей, которые проследовали по маршруту первой экспедиции «Марка Твена» в Прямоугольники. Все они выросли на Базовой Земле, имели характерные для Базовой Земли ожидания, мыслили только на один шаг вперед и никогда не заглядывали дальше.

И вот Янсон и Салли оказались в мире, который служил приютом прямоходящим разумным псам, а также троллям в огромных количествах.

Долгое время царило молчание. Бигли, казалось, предпочитали наблюдать и думать, прежде чем заговорить. Манера их общения не напоминала человеческую. Поэтому Янсон и Салли просто стояли и ждали. Янсон заметила у кобольда на руке рану, кое-как перевязанную грязной тряпкой. Он захихикал, явно наслаждаясь моментом.

Тролли, которые путешествовали с людьми, как будто ничуть не смутились. Мэри села на холмик и затянула мелодию, которая казалась Янсон смутно знакомой, а Хэм принялся разгребать землю цепкими пальцами, время от времени засовывая в рот личинку. «Как будто прямоходящий пес с лучевым пистолетом ему совсем не новинку», — подумала Янсон.

Бигль стоял перед женщинами, не моргая и шевеля подвижным мокрым носом — видимо, он принюхивался. Ростом он был примерно семи футов и нависал над Янсон и Салли. Но не только из-за роста и лучевого пистолета бигль выглядел угрожающе. В нем чувство-

валось нечто неуловимо животное — ощущение собственного превосходства, заметное во всем, вплоть до гладких завитков мягкой шерсти, покрывавшей тело. В глазах бигля светился разум — ясный, жесткий, направленный.

Зубы, уши, глаза, морда, нос не отличались от собачьих, пусть даже, как заметила Янсон, форма черепа, с выдающимся лбом, была довольно-таки гуманоидная. Морда бигля напоминала то человеческое лицо, то волчью морду, совсем как переливающаяся голограмма. Слишком острые уши, слишком широко расставленные глаза, слишком широкий оскал, слишком плоский нос с черным кончиком... А главное, взгляд. Чисто волчий. Янсон рядом с биглем чувствовала себя жалкой и несовершенной. И в то же время в нем было что-то нереальное, как в компьютерном спецэффекте. Он не вписывался в уютные, ограниченные, типично Базовые рамки.

И не умел переходить. Как и все его сородичи, видимо. Янсон упорно цеплялась за эту мысль: кое в чем она была лучше.

Она кашлянула и задрожала. Ее охватил приступ слабости.

Бигль повернулся к ней.

— Как звать?

Он говорил невнятно, с примесью рычания и поскуливания. «Как-р-р-р зва-р-р-ть?» Но, несомненно, по-английски и вполне разборчиво. Еще один удивительный концептуальный скачок, который предстояло сделать бывшему копу.

Янсон постаралась встать прямее.

— Моника Янсон. Лейтенант в отставке. Мэдисонский полицейский департамент.

Бигль склонил голову набок, явно озадаченный, и повернулся к Салли.

— Ты?

– Салли Линдси.

Бигль поднял переднюю лапу, или руку, и ткнул себя в грудь. Янсон увидела четыре удлинённых пальцеобразных отростка и ладонь, обтянутую чем-то вроде кожаной перчатки. Наверное, чтобы защитить руки, когда бигль опускался на четвереньки.

– Меня звать Снежок, – сказал он.

Как Салли ни сдерживалась, она все-таки рассмеялась.

Янсон взглянула на кобольда.

– Снежок?..

Тот нервно ухмыльнулся.

– С-сюда приходили и другие... они дали имя.

Салли сказала:

– Я знаю, как тебя зовут. Финн Маккул. Так? – она повернулась к Янсон. – Очень смывленный кобольд. Хорошо ладит с людьми. Я могла бы догадаться, что он в этом замешан и ищет своей выгоды.

Кобольд показал зубы.

– Джош-шуа.

Салли нахмурилась.

– Что такое с Джошуа?

Кобольд промолчал.

Снежок разглядывал их троих.

– Ты, – произнес он, обращаясь к Салли, – ты пахнешь между ног.

– Спасибо.

– Пахнешь, как др-ругие. А *ты*..

Он подошел ближе к Янсон. Она постаралась не отшатываться, пока он, полуприкрыв глаза, принюхивался к ее дыханию. От бигля пахло мокрой псиной и чем-то вроде мускуса.

– Стр-р-ранно. Ты больна. Пахнешь болезнью.

– Ты очень внимателен, – ответила Янсон.

Бигль отступил, опустил голову и испустил пронзительный, невероятно громкий вой, заставив Янсон вздрогнуть, а Салли зажать уши. Через несколько мгновений донесся ответный вой с востока.

Снежок указал в ту сторону.

– Мое Логово. Звать Глаз Охотника. Пахнет моими щенками. Пр-ридет повозка, отвезет вас. Внучка Логова, звать Петр-ра. Она будет говор-рить с вами. Внучка р-родом из Логова Матер-ри, далеко отсюда.

Салли спросила:

– Эта Внучка про нас знает?

– Пока нет. Сюр-рпр-риз от Снежка... – бигль оттянул губы, обнажив собачьи клыки в подобии улыбки. – Снежка нагр-р-радят за такой подар-рок...

От радостного волнения он едва переводил дух.

Салли негромко сказала Янсон:

– Не смотри вниз.

– Почему?

– Он уже предвкушает награду, которую получит от Внучки, кем бы она ни была.

Возбужденный Снежок, к большому облегчению Янсон, отошел прочь и принялся расхаживать туда-сюда в ожидании повозки.

Кобольд стоял на месте и ухмылялся, глядя на них.

Янсон устало спросила:

– Вопросы задавать можно?

Салли рассмеялась.

– Если ты знаешь, с чего начать.

Янсон ткнула пальцем в Маккула.

– Я слышала про таких. В полицейских агентствах на Ближних Землях хранятся отчеты о кобольдах. Случайные встречи, обрывочные сведения, размытые снимки с камер видеонаблюдения. Что ты здесь делаешь?

Маккул пожал плечами.

– Помогаю. Не з-з-задаром.

– Разумеется, не задаром, – сказала Салли. – Я знала, что кобольды уж постараются выяснить, где прячутся тролли, Моника.

– Значит, ты пошла к ним и спросила?

– Кобольды все друг друга знают. Они обмениваются информацией. У троллей долгий зов. У кобольдов... длинный нос. Они пускают в оборот всё, что разнюхают, и продают тому, кто больше предложит. И вот я пошла по цепочке слухов, от одного паршивца к другому, и наконец мне велели привести Мэри в Прямоугольники. А потом... ну, остальное ты знаешь. Оттуда нас доставили сюда, в этот засушливый мир, в Джокер, полный разумных собакообразных существ.

– Бигли, – сказал Маккул. – З-звать бигли.

Янсон спросила:

– Почему бигли? Кто их так назвал?

– Кто? Другие бездорож-жные. Раньше тут были. Назвали бигли.

– Кто-то пошутил, – заметила Салли. – Скажи спасибо Чарлзу Дарвину.

Финн Маккул пожал плечами. Янсон подумала: это вышло неестественно, как у обезьяны, которая подражает человеку.

Она спросила:

– Так он получил свое имя, да? Снежок...

Кобольд снова пожал плечами.

– Человеч-ье имя. Ненастоящ-щее. Бигли не открывают настоящ-щих имен людям. Кобольды не открывают настоящ-щих имен бездорож-жным.

– Почему он говорит по-английски? Научился у людей?

– Нет. Кобольды приш-шли сюда первыми. Кобольды торгуют с-с биглями.

Янсон кивнула.

– И вы уже говорили по-английски. Поэтому бигли научились у вас, а не наоборот.

– Значит, бигли умнее кобольдов, – с довольной улыбкой подытожила Салли.

Маккул нервно и сердито отвел взгляд.

На западе поднимался клуб пыли. Снежок заметил его, понюхал воздух и вновь завыл. Издалека донесся ответ, а с ним – что-то вроде хриплого карканья, похожего на крик огромной птицы. Янсон снова вздрогнула. Она понятия не имела, во что впуталась.

Она повернулась к Маккулу.

– Скажи мне еще кое-что. У этого бигля, Снежка, копьё с каменным наконечником – и лучевой пистолет.

Салли буркнула:

– Больше похоже на компактный лазерный проектор.

– Мы здесь недавно. Но я не вижу никаких городов, а в небе самолетов. Каким образом воин эпохи каменного века раздобыл лазерный пистолет?

– В каком-нибудь другом мире, – ответила Салли. – От кобольдов. Так? Вот зачем ты здесь?

Кобольд опять ухмыльнулся.

– Бигли не переходят. Умные, но ничего у них нет. Только камни. Покупают вещь-щи у нас-с, инс-струменты, ну и все ос-стальное.

– В том числе оружие, – негромко закончила Салли. – Похоже, пистолет раздобыли в каком-то мире, который развит даже лучше, чем Базовая Земля. Где ты его взял, макака?

– Ищ-щите, – просто ответил Финн Маккул, улыбнулся и замолчал.

Приближающийся клуб пыли превратился в повозку – тяжелую деревянную раму на четырех массивных колесах с ржавыми железными ободьями. Еще один бигль, не такой крупный, как Снежок, стоял в повозке, держа вожжи. В нее были запряжены птицы, выше Янсон, даже выше Снежка, с грузными телами, коротень-

кими крыльями, мускулистыми ногами, серпообразными когтями, длинными шеями, похожими на колонны, и массивными клювами. Однако вели они себя вполне послушно.

– Потрясающее зрелище, – сказала Янсон. – Собака правит повозкой, в которую запряжены две гигантские птицы. Если это снять и выложить в аутернет, будет сенсация.

Салли с непривычным сочувствием коснулась ее плеча.

– Ничему не удивляйся, лейтенант Янсон. Поехали.

И они поспешно принялись собирать свои скудные пожитки.

Повозка остановилась. Бигль-возница спрыгнул на землю – точнее, спрыгнула (не считая пояса с карманами, животное было обнажено, и стало понятно, что это самка) и поприветствовала Снежка. Они побегали друг вокруг друга, и Снежок на мгновение даже опустился на четвереньки, помахивая коротким хвостом.

– Здесь доминируют самки, – тихо заметила Салли.

– Что?

– Посмотри. Он гораздо больше рад видеть ее, чем она его. Прими к сведению.

– Хм. Не торопись с выводами.

Салли фыркнула.

– Человеческих самцов можно целиком и полностью изучить по одному-единственному экземпляру. И здесь то же самое. Нам нужно поставить себе задачу.

– Мы пришли, чтобы помочь Мэри. И найти троллей.

– Ну да, ну да. Но не ожидали, что будет столько трудностей. Мы потянем время – и в процессе постараемся остаться живыми. Помни, что мы всегда можем перейти, если станет туго. Я тебя перенесу. Теперь мы знаем, что эти псы за нами не погонятся.

Покончив с приветствиями, самка приблизилась к людям. Она указала на себя.

– Лили. Звать Лили.

Она повернулась к повозке.

– Поедем в Глаз Охотника.

Салли кивнула.

– Спасибо. Нам нужно отвезти троллей, с которыми мы сюда пришли...

Но Лили уже жестом подзывала к себе троллей, которые что-то напевали. Мэри спокойно встала, взяла Хэма, посадила его на плечо и вскарабкалась в повозку.

Люди последовали за ними, как и Финн Маккул. Снежок тряхнул поводьями, огромные птицы забурчали, как перекормленные стероидами голуби, и повозка рывком тронулась с места, так что Янсон чуть не упала. Сидений не было. Янсон держалась за грубо обтесанную стенку, гадая, далеко ли до поселения и выдержит ли она дорогу.

Лили подошла к ней. И вновь Янсон пришлось терпеть, пока мокрый нос обнюхивал ее рот, подмышки, низ живота.

– Ты больна, – бесцеремонно заметила Лили.

Янсон натянуто улыбнулась.

– Мое тело сдает, и я полна лекарств. Неудивительно, что я странно пахну.

Лили взяла ее за руки. В отличие от Снежка, она не носила перчаток. Пальцы у самки бигля были длинными, как у человека, но с кожистыми подушечками на внутренней стороне ладони.

– Это моя р-работа. Лечить больных и р-раненых. Тебе повезло.

– Почему? – резко спросила Салли. – В чем нам повезло?

– Вас нашел Снежок. Не очень умный, зато душа хор-рошая. Всегда говор-рит пр-равду. Хр-рабрый. Хор-роший охотник. Добр-рый. Он отвезет вас в гор-

род, вы увидите Правнучку Петру. Некотор-рые охотники привозят только головы. Или уши.

Салли и Янсон переглянулись, и Янсон сказала:

– Значит, нам повезло, что мы встретили бигля, который не убил нас на месте.

– Не ищи здесь высокой морали, – ответила Салли и уже мягче добавила: – Кстати, я только что поспешила с выводами еще раз.

– С какими?

– Лили сказала, что Снежок говорит правду. Следовательно, другие это делают не всегда. Они умеют врать.

Янсон кивнула.

– Ясно.

49.

Вскоре они разглядели на горизонте клуб дыма.

Тропа, по которой они ехали, превратилась в грязь, изрезанную колеями. Здесь, вдали от поросших кустарником пустошей, где бигли разбили лагерь, зелени было больше. Они даже миновали несколько рощ. С точки зрения Янсон, которая никогда не интересовалась биологией, большинство деревьев, с короткими толстыми стволами и раскидистыми кронами-зонтиками, походили на папоротники.

В одном месте она разглядела сквозь деревья блеск большой воды, озеро, и на его берегах – животных, собравшихся на водопой. Они напоминали маленьких оленей, но с гораздо более массивными туловищами и короткими ногами. Помесь оленя и свиньи.

Лили внимательно смотрела по сторонам, пока повозка катила по берегу. Снежок, с поводьями в руках, неотрывно глядел на оленей, наострив уши. Лили несколько раз что-то прорычала ему.

Финн Маккул вновь нервно улыбнулся.

— Она говорит: «С-снежок, помни, кто ты такой». Эти ребята гоняются за дичью на четвереньках, им только дай. На поводке бы их водить.

— Ничто меня не удивит, — сказала Янсон, когда повозка миновала озеро.

Салли произнесла:

— Следует помнить, что они *не* собаки, хоть и *выглядят* как собаки. Иначе мы наделаем ошибок. Предки биглей никогда не были собаками, потому что, скорее всего, эволюция не породила здесь собак, в нашем представлении. Это разумные существа, развившиеся из каких-то собакоподобных животных, точно так же как люди возникли из изрядно модифицированных обезьян.

Янсон поймала себя на том, что скучает по бетону и стеклу Базовой Земли, по приятно незатейливым преступлениям человеческого отребья. Возможно, к хаотической работе естественного отбора привыкаешь, живя на Долгой Земле. Но это не ее кусок счастья...

— Пластичность живого организма...

— Что?

— Ничего. Просто цитирую.

Салли как будто удивилась.

Теперь они ехали мимо пастбищ, которые, видимо, окружали город биглей. Небрежные каменные стенки, косые и кривые, приблизительно делили землю на участки, на которых паслись животные. Некоторые напоминали жирных и глупых «олений», которых Янсон заметила у лесного озера. Другие скорее походили на домашний скот — коз и свиней, попадалось даже нечто вроде носорогов с отпиленными рогами, а еще — несколько толстых, покрытых густыми перьями птиц вроде тех, что тянули повозку. За стадами присматривали

бигли. На одном из пастбищ оленеподобных животных как раз загоняли в загородку, видимо для дойки.

И тут Янсон увидела троллей, первых с момента их прибытия, не считая Мэри и Хэма. Компания голов в десять трудилась над починкой каменной изгороди. Они пели за работой, вплетая в энергичную скачущую мелодию свои обычные многоголосые гармонии. Хэм, дремавший на коленях у Мэри, проснулся и вскарабкался на плечо матери, чтобы посмотреть, а потом детским писклявым голоском сам пропел несколько фраз.

Салли внимательно слушала.

— Ей-богу, они поют «Джонни Би Гуд».

— Эти смысленные псы устроили здесь фермы. Ни полей, ни посевов. Ничего, кроме живого мяса.

— Верно. И в крови у нас будет полно пептидов, после того как мы несколько раз поедим.

— Тролли выглядят вполне счастливыми, если судить по той компании, которую мы миновали.

— Да...

Салли, казалось, отчего-то смутило это наблюдение.

— Бигли явно разумны. А мы знаем, что троллям нравится общество разумных существ. Наверное, потому-то они и сходятся сюда, в этот мир, в поисках укрытия. Разумные существа, но не люди. Поэтому троллям здесь уютно.

— Ты ревнуешь!

— Вовсе нет.

— Перестань. Все знают, что ты любишь троллей, Салли Линдси. Ты защищала их интересы еще до того, как разразился последний скандал. До того, как мы сбежали с Мэри.

— Ну и что?

— Ну а теперь ты обнаружила, что троллей не так уж интересуют люди, как бы тролли ни интересовали тебя.

Салли гневно взглянула на нее в ответ.

Внезапно Снежок резко выпрямился и уставился на север, наострив уши. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Аили опять негромко что-то произнесла – может быть, приказала, – и Снежок не бросил поводья.

– Сейчас поймешь, что его отвлекло, – сказала Салли. – Смотри.

Повернувшись, Янсон увидела небольших животных, покрытых коричневым мехом, которые мчались через поле, прочь от повозки, мелькая белыми хвостами.

– Похоже на кроликов.

– Это и есть кролики. Настоящие, с Базовой Земли. Интересно, как они сюда попали... – и Салли сердито покосилась на Финна Маккула.

Тот ухмыльнулся, показав множество треугольных зубов.

– Бигли их любят. Вес-село погонять. Вкус-сно ес-сть.

– Что еще ты продал биглям?

– Кроме кроликов?

– Да.

Он пожал плечами.

– Не только я. Еще колес-са. Железо...

– Ты продал им секрет изготовления железа?

– Привел кузнеца. Человека.

Янсон спросила:

– И какой платы ты потребовал за это?

– Дети их детей будут выплачивать долг час-стями...

И проклинать кроликов, подумала Янсон. Вспомните Австралию...

Кобольд склонился к ним, очевидно желая присоединиться к разговору, но женщины замолчали, и он отстранился. Возможно, почуял насмешку или нежелание общаться. Тогда Маккул извлек из мешочка свой древний плеер, нацепил наушники, включил музыку

и стал покачиваться в такт. До Янсон доносились жестяные отзвуки. Кобольд вновь улыбнулся, глядя на Салли и Янсон и всячески стараясь обратить на себя внимание. Янсон подумала, что он представлял собой дурное подражание человеку, и притом вечно нуждающееся в одобрении. Животное достоинство, которым обладали его дальние предки, давно было утрачено из-за развращающего контакта с людьми. Янсон отвернулась, ощутив сильнейшее отвращение.

И, к своему ужасу, увидела, что, когда Лили и Снежок отвлеклись, Салли вытащила лучевой пистолет из кобуры на поясе у бигля, быстро осмотрела и сунула его обратно.

— Не работает, — шепнула она. — Я так и подумала. Еще один полезный факт, Моника.

50.

Тропа становилась все шире по мере приближения к городу. Повозок, нагруженных тушами животных, кожами, грудями костей, попадалось больше и больше. Гнали в город и скот — животных, похожих на медведей и даже на обезьян. Стадам не позволяли разбегаться бигли-пастухи с палками и кнутами. Женщины увидели группу троллей, которых куда-то вел бигль, хоть и без очевидного принуждения. Они распевали что-то вроде кантри-рока.

Было и много пешеходов — бигли, взрослые и детеныши, одинаково скудно одетые, в набедренных повязках или куртках с многочисленными карманами. Никаких украшений, ничего похожего на ювелирное искусство. Ни шляп, ни затейливых одежек. Но когда толпа сгустилась, Янсон ощутила резкий запах мокрой шерсти, мочи и экскрементов и подумала, что, возможно,

собаколюди украшают себя именно так — не внешними излишествами, а замысловатыми запахами.

Взрослые все шагали на задних ногах. Может быть, бегать на четвереньках разрешалось только на лоне природы или в одиночку. Примерно как человеку ходить голым. Но детеныши скакали под ногами у взрослых, как щенки вокруг нового хозяина. Янсон хоть и слабо разбиралась в анатомии, но наблюдала за биглями с большим интересом, пытаясь понять, каким образом существо, приспособленное для хождения на четвереньках, сумело приобрести вполне естественную на вид прямую осанку — и почему с такой легкостью возвращалось к первоначальному состоянию. В том-то и отличие биглей от людей, подумала она. Даже в детстве она не продержалась бы и пяти минут, если бы попыталась ходить на манер своего далекого обезьяньего предка.

Янсон цеплялась за подсакивающую повозку, ошеломленная образами и запахами. Городская толпа выглядела почти по-человечески, если смотреть сквозь полуопущенные веки. Бигли были выше людей, хотя из-за низко опущенного таза туловище казалось длинным, а ноги короткими. Не такая уж огромная разница, впрочем. Но тут же Янсон видела заостренные уши и холодные волчьи глаза, она вдыхала запах собачьей стаи и чувствовала, что эти существа невероятно далеки от нее.

Финн Маккул наблюдал за ней.

— Ты для них с-странная, но не нас-только уж. Они думают, ты кобольд, — он рассмеялся. — Мы для них одинаковы — мы, люди. Вс-се одинаковы для глупых пс-син.

— Ты и я — не одно и то же, — с холодным презрением заметила Салли.

Было огромным облегчением, когда повозка наконец вкатилась в город. Глаз Охотника представлял собой большое коричневое пятно – множество деревянных построек, растянувшихся по глинистой равнине, под пеленой дыма. Центр города охватывал широкий ров, через который были переброшены прочные на вид деревянные и каменные мосты. Ров, очевидно, предназначался для обороны, но никакой городской стены Янсон не заметила – только невысокую и неровную каменную ограду, которая скорее мешала животным забредать с полей на улицы, а не предохраняла от направленного вторжения извне.

Незадолго до рва путешественники миновали загородки, куда скот загоняли на убой. Янсон, кинув туда быстрый взгляд, заметила биглей за работой – мелькали отточенные каменные ножи, брызгала кровь, животные валялись наземь одно за другим. Смерть и кровь, неизменные в каждом мире, как бы далеко ты ни забрался. Янсон почувствовала дурноту.

Строения были высотой лишь в пару этажей, прочные, но без всяких украшений – деревянные каркасы, заполненные камнем или глиной, соломенные и дощатые крыши, неправильные формы, никаких квадратов и кругов, которые обычно ассоциируются с человеческими поселениями. Через город, видимо, проходили только две транспортные артерии – длинные, прямые, они вели с севера на юг и с запада на восток, пересекая центр. Остальные улицы петляли и извивались. Кем бы ни были бигли, в геометрии они разбирались слабо – во всяком случае, в человеческой геометрии. Преобладающим стал запах дыма и сырого мяса, перебиваемый густой собачьей вонью самих биглей. Город наводняли не только запахи, но и шум – в нем звучал несмолкающий хор лая, воя и визга.

Они проехали недалеко, прежде чем их остановила компания биглей-самцов довольно воинственного вида. Они окружили повозку и принялись расспрашивать Снежка и Лили, стремительно перелаиваясь и рыча.

– Копы, – объяснила Салли. – Точнее, королевская стража. Мы, видимо, направляемся прямо во дворец... ну, что-то вроде дворца. Не похоже на Париж – столицу Франции, да?

– Не похоже даже на Париж, штат Техас.

– Все это строили не для того, чтобы впечатлить нас.

Лили по-волчьи оскалилась и отрывисто втянула носом воздух.

– Я от кобальдов знаю. Люди не чувят. Но гор-род полон слов. Тут пахнет: «Я полдня назад тебя искал». А далеко, далеко – слышите вой? «У меня вкусное свежее мясо пр-рямо с фер-рмы, покупайте, покупайте...»

Салли усмехнулась.

– Только подумай, Янсон. Представь, что у тебя нос полицейской ищейки. Город полон информации. Повсюду запахи, совсем как плакаты или граффити на стенах, а вой – это средство дальнего действия, вроде интернета.

Наконец они добрались до самого большого здания – просторного, но невысокого и выстроенного так же грубо, как и остальные. Там людям велели оставаться со Снежком и ждать, а Лили потрусила внутрь.

Сильнее всего пахло дымом костра.

– Псы открыли для себя огонь, – негромко произнесла Янсон.

– Может быть, так оно и началось, – задумчиво сказала Салли. – Собаки – умные животные. Высокоорганизованные, умеющие адаптироваться, быстро обучаемые. Возможно, на этой Земле так и не возникло мышленных обезьян, способных оттеснить собак. И вот однажды толковая молодая самка из какой-нибудь го-

лодающей стаи принесла в зубах горящую ветку из охваченного пожаром леса...

– Или толковый молодой самец.

Салли улыбнулась.

– Шутишь?

Лили вернулась и сообщила, что Внучка примет их немедленно.

51.

Их провели по узким, изгибающимся, запутанным коридорам – во всяком случае, запутанным для того, кто не умел ориентироваться по запаху, – в огромный зал с длинными кривыми стенами из глины пополам с камнями, с высоким потолком и потухшим очагом.

Янсон подумала: эту комнату вполне могли спланировать люди, вплоть до очага, выстроенного под дырой, которая явно служила вытяжкой. Некоторые вещи универсальны. Но зал, при всех своих достоинствах, с точки зрения человека, выглядел уныло – ни краски, ни обоев, ни гобеленов, ни картин на стенах. Впрочем, там царил густая смесь запахов, которые различал даже притупившийся шнобель старого копа.

У принцессы биглей не было трона – она сидела прямо на земле, на клочке естественного торфа, растущего посреди зала. По бокам стояли стражники, вооруженные каменными копьями и фантастического вида бластерами. Янсон задумалась, каким образом трава растет без света.

На самом деле титул Внучки звучал иначе, и звали ее не Петра, а стоявшего рядом с ней советника, немолодого самца с мрачным взглядом, – не Брайан. Но ничего иного, и то благодаря Финну Маккулу, Салли и Янсон не получили бы. На Внучке был только практичный пояс

с карманами – а еще подвеска на кожаном ремешке, похожая на золотое кольцо с красивыми синими камушками. Янсон эта вещица показалась странно знакомой.

И рядом с Внучкой сидела собака. Настоящая живая собака с Базовой Земли, немецкая овчарка, насколько могла судить Янсон. Она наблюдала за пришедшими, свесив язык. Вид у пса был здоровый, упитанный, ухоженный. Отчего-то его присутствие в этом зале, полном собаколюдей, казалось совершенно естественным и в то же время очень странным.

Все бигли бесстрастно наблюдали, как Янсон и Салли, подчиняясь торопливым указаниям Финна Маккула, выказали покорность Внучке – улеглись на спину и задрали руки и ноги в воздух.

– Боже, как унизительно, – пробормотала Салли.

– Лучше подумай о том, что я не встану без посторонней помощи.

Лили, как добрая нянюшка, подошла, чтобы помочь, когда с приветствиями было покончено. Салли, Янсон и Маккулу пришлось по мере сил устроиться на плотно утоптанном земляном полу, пока Внучка вполголоса разговаривала с советниками.

– Собака, – шепнула Салли. – Она с Базовой Земли. Это ты постарался, Маккул?

– Не я... другой кобельд. Здесь таких любят. Любят больших с-самцов. Игрушки для с-секса.

Салли фыркнула, но удержала смех.

Янсон склонилась к ней и шепотом сказала:

– Подвеска...

– Вижу. Помалкивай.

– Но она похожа...

– Я знаю, на что она похожа. Заткнись.

Тем временем Внучка снизошла до того, чтобы заметить их. Она сказала – на здешнем примитивном английский язык:

– Вы. Как это – люди. Из мир-ра, котор-рый вы зовете Базовым.

– Да, – подтвердила Салли. – Э... мэм.

– Что вам здесь нужно?

Салли и Янсон кое-как объяснили, зачем пришли. Рассказали о проблемах с троллями на Землях, заселенных людьми, о том, как Салли узнала от кобольдов, что многие тролли бежали сюда. Как они надеялись, что Мэри и Хэм окажутся в безопасности...

Внучка задумалась.

– Тр-ролли здесь счастливы. Тролли любят биглей. Бигли любят тр-роллей. У тр-роллей кр-расивая музыка. У людей музыка дер-рьмо.

Уши у нее встали торчком.

– Бигли слышат лучше, чем люди. У людей музыка дер-рьмо.

– Так говорил и мой отец, – заметила Салли. – Сплошной упадок с тех пор, как расстались Саймон и Гарфанкел.

Петра уставилась на нее.

– Я ничего не знаю про Саймона и Гар-р...

– Неважно.

– Бигли пр-резируют человечью музыку. Бигли пр-резир-рают людей.

Эта прямота поразила Янсон.

– Почему?

Внучка встала и подошла к ней, нависнув над сидящими женщинами. Янсон изо всех сил старалась не ежиться. Она выдержала холодный взгляд бигля.

– Почему? Вы воняете. Особенно *ты*...

Янсон показалось, что у самой Внучки какой-то странный, неестественный запах, перекрываемый чем-то вроде духов. Возможно, для существ с развитым чутьем скрыть свой запах значило скрыть мысли.

– Ваши собаки, – сказала Петра, указав на спокойно сидевшую овчарку. – Раньше был волк. Теперь игр-рушка, как кость во р-рту. Р-разучилась думать. Это сделали люди.

Янсон сообразила, что Внучка права: собаки – это волки, низведенные до положения покорных игрушек. Она попыталась представить себе гуманоида в ошейнике, на поводке... И все-таки Янсон возразила:

– Но мы любим наших собак.

– На самом деле мы развивались вместе с ними, – подхватила Салли.

– У них нет пр-рав. Здесь ходят на двух ногах, не на четыр-рех. Кроме щенков, когда игр-рают. И кр-роме охоты. У нас бывают пр-реступники. Те, кто делает плохо. Мы их ловим. Выгоняем из гор-рода. Мы охотимся.

Янсон пристально взглянула на Петру.

– Вы охотитесь за преступниками? Бежите за ними на четвереньках?

Тут впервые заговорил советник Брайан:

– У нас много щенков. Большие пометы. Жизнь дешева. Мы любим охотиться...

Петра улыбнулась. Янсон ощутила запах мяса.

– Любим охотиться. Пр-риятно для волка, который внутр-ри.

Салли резко сказала:

– Значит, вы презираете людей за то, что в своем мире они одомашнили ваших родичей. Прекрасно. Но *вам* никакого вреда мы не причинили. Никому. Мы даже не знали о вашем существовании, пока Снежок не появился в Прямоугольниках.

– Ты оскорбляешь меня. Вонючие эльфы поступают дурр-рно. Здесь у вас нет пр-рав. Что мешает мне объявить охоту?

Салли взглянула на Янсон и отчаянно произнесла:

– То, что мы можем раздобыть для вас еще лучевых пистолетов, – она указала на ближайшего охранника. – Точно таких же.

Янсон в ужасе повернулась к ней.

Салли отвела взгляд.

– Ваше оружие, кажется, довольно старое. Оно перестало работать? Мы не видели, чтобы оно стреляло. Я знаю, что эти пистолеты не работают. Мы можем раздобыть новые.

Петра посмотрела на кобольда, у которого, в свою очередь, вид сделался то ли сердитый, то ли встревоженный. Янсон подумала: если он поставлял биглям оружие, сделке конец. Но выражение лица Финна Маккула она разгадать не могла.

Петра подалась вперед, чуть не ткнув своей массивной головой Салли в лицо, и испытующе сморщила влажный нос.

– Ты вр-решь.

– Тебе решать.

В воздухе повисло сомнение. Янсон сидела неподвижно, чувствуя, как ноет ставшее чересчур хрупким тело. Салли не дрогнула под яростным взглядом Петры.

Наконец Петра отстранилась с недовольным рыком и вышла из зала. Овчарка потрусила следом.

Салли издала шумный насмешливый вздох.

– Мы проиграли сражение, но не войну...

Пока стражники теснились вокруг, переговариваясь друг с другом твяканьем и рыком, Янсон склонилась к Салли.

– Что ты затеяла?

И сама задумалась, не дожидаясь ответа. Янсон была полицейским. Она видела улики, и в ее голове уже выстраивалась последовательность.

— Это как-то связано с подвеской, которую носит Внучка и которая похожа на кольцо, которое Джошуа нашел в Прямоугольниках?

Салли прижала палец к губам и улыбнулась.

Их отвели в жилые помещения в другом конце дворца, с общей комнатой, очагом посередине и маленькими каморками, в которых можно было отгородиться кожаными занавесями.

Финна Маккула поместили вместе с женщинами. Салли бесцеремонно затолкнула его в одну из комнатушек и велела не высовываться. Кобольд раболепно повиновался, как всегда, когда близко имел дело с людьми. Но Янсон показалось, что в этой странной душе кипело негодование от того, как обращались с ним высшие существа, которые явно зачаровывали кобольда и одновременно претили ему.

Янсон выбрала каморку наугад. На полу там лежал соломенный тюфяк, застеленный простынями. Ни уборной, ни раковины, зато в полу было нечто вроде колодца с относительно чистой водой. Янсон сбросила рюкзак и с любопытством пощупала простыни, казалось сплетенные из коры. Но как? Янсон представила себе биглей, обдирающих и плетущих кору руками и зубами.

Она вернулась в общую комнату, где бигли расставляли вокруг очага миски с едой.

Салли сидела на полу, явно не без удовольствия, и изучала еду. Она взглянула на Янсон.

— Как тебе твой номер?

— Видала я клоповники и похуже. Сейчас я готова заснуть даже на голом бетоне.

Салли придвинулась ближе и заговорила тихо:

— Слушай, Янсон, пока у нас выдалась минутка наедине. Нам нужен план. Как отсюда выбраться.

– Мы всегда можем перейти. Ты сказала, что унесешь меня.

– Конечно. Бигли в этом довольно легкомысленны, правда? Хотя и забрали у тебя переходник. Может быть, они думают, что мы вроде троллей, которые не станут переходить, если придется оставить детеныша. Но, скорее всего, они просто мыслят иначе, чем мы. У биглей нет тюрем – у них иная картина мира. Они говорили об этой своей традиции охоты. Бигли не против, если преступник попытается удрать, вместо того чтобы сидеть в заключении. Вот как они рассуждают. Инстинкт приказывает им *не* запира́ть нас. Наверное, они думают так: даже если мы перейдем, они отправятся в погоню за нами на спинах кобольдов. Но мы никуда не пойдем. Наши дела здесь еще не окончены. Нужно наладить отношения между людьми и этими разумными псами. Нельзя, чтоб кобольды и прочие твари настраивали нас друг против друга.

Янсон взглянула на каморку Финна Маккула и горячо ответила:

– Согласна.

– Ну и еще тролли. Если они собираются здесь, значит... – Салли, как ни странно, с трудом подбирала слова. – Значит, баланс нарушен по всей Долгой Земле. Нужно что-то делать. Впрочем, давай по порядку. Надо вытеснить Маккула из его поганого бизнеса, и для этого хорошо бы найти некий рычаг.

– Ты говоришь о кольцах. О том, которое носит Внучка, и о другом, которое вы с Джошуа нашли в Прямоугольниках.

– Да. Чем-то они важны. Всё связано, тебе так не кажется? Кольцо из соседнего мира – мира, куда могут забрести кобольды, но не бигли, – и высокотехнологичное оружие, сходным образом добытое на какой-то последовательной Земле...

Янсон усиленно думала.

— Мы знаем лишь один потенциальный источник высоких технологий нечеловеческого происхождения. Мир, называемый Прямоугольниками. Ядерная по-мойка. Так? Именно там вы нашли кольцо, точно такое же, как у Внучки. Простейший вывод — там водится и оружие.

— Согласна, — сказала Салли. — Бритва Оккама.

— И инстинкт копа. Но почему-то кобольд сейчас перестал поставлять биглям оружие. Иначе он бы его уже раздавал, верно?

— Это наверняка как-то связано с кольцами. Иначе зачем Внучке носить его на виду, прямо на шее? Возможно, Маккулу нужны кольца, чтобы получить доступ... к чему-то. Но пользоваться Внучкиным кольцом он больше не может...

Янсон улыбнулась.

— Я понимаю, о чем ты думаешь. Что, если кольцо Джошуа подойдет?

— Я пока только догадываюсь, но головоломка вроде как складывается. Мой знакомый кобольд отправил меня в Прямоугольники, а не прямо сюда. Я всегда полагала, что на той пыльной планете должны быть какие-нибудь древние технологии... К черту, нам нужно это кольцо, если мы хотим чего-то добиться. И мне придется его раздобыть — забрать со стены гостиной Валиенте.

— Добыть кольцо? То есть уйти отсюда?

— Придется оставить тебя здесь на некоторое время. Ты больна и помешаешь мне идти быстро. Извини. В любом случае кто-то из нас должен остаться, чтобы доказать, что мы не пытаемся сбежать.

Янсон поморщилась, пытаясь скрыть тревогу при мысли о том, что ее оставляют здесь одну.

— Я тебя прикрою. Они даже не заметят, что ты ушла.

– Конечно. А Валиенте, надеюсь, не заметит, что чертово кольцо пропало. Меньше всего нам нужно, чтобы тут появился он.

– Он придет, если только сможет, – твердо заявила Янсон.

Салли задумалась.

– Если так, мы сумеем им воспользоваться.

Они больше ни о чем не успели поговорить, потому что вошел знакомый бигль – советник Внучки, которого на человеческом языке звали Брайан.

– Пр-рошу, – Брайан призывно помахал лапой-рукой, совершенно по-человечески. – Поужинайте со мной. Я выбр-рал блюда, котор-рые р-раньше вы-бир-рали кобольды.

– Мы не кобольды, – огрызнулась Салли.

Янсон свернула одеяло, осторожно уселась и окинула взглядом расставленные миски. Они были вырезаны из дерева. Бигли не знали горшечного ремесла?

– Одно только мясо, – недовольно сказала Салли, изучая содержимое мисок. – Не спрашивай чье. По крайней мере, оно хорошо прожарено. Во всяком случае, сильнее, чем предпочитают бигли.

– Оно стор-рело, – прорычал Брайан. – Совсем потер-ряло вкус.

– Кроме вон той порции, – Салли указала на стоящую в центре миску, наполненную жирными розоватыми кусочками.

– Это не готовят, – сказал советник.

Янсон собрала все свои силы, чтобы достойно принять новые странности.

– Спасибо за гостеприимство.

– Вам спасибо, – ответил Брайан.

– За что?

– За то, что вы здесь. У меня стр-ранная р-роль. Под стать моему стр-ранному уму. Мой нос чует, р-р, необычные запахи. Внучка Петра тер-рпит меня, пото-

му что мой нос иногда полезен. А я — р-раб ее запаха, как глупый кр-расавчик Снежок. Самки пр-равят самцами. У людей то же самое?

— Да, — ответила Салли. — И некоторые человеческие самцы это тоже сознают.

— Я стр-ранный бигль. Всегда мне скучно. Одни и те же стар-рые запахи. Стар-рые р-разговоры. Мне нр-равятся чужаки, нр-равится чужое. Др-ругие... — он замылся в поисках слов. — Др-ругие точки зр-рения. Что может быть дальше др-руг от друга, чем бигль и кобольд?

— Мы не кобольды, — вновь резко повторила Салли.

— Пр-ростите, простите. Я непр-равильно сказал. Жаль, что мы р-раньше не познакомились. Два типа мышления, два способа чують мир-р. Очень интер-ресно. Вот напр-имер. Этот гор-род назван в честь нашей богини. Она охотник. Она Мать Матерей. Ее стая — Стая Стай. Раз Петра — Внучка, выше ее стоят Дочер-ри, а выше всех — Мать Стаи. Мать живет далеко отсюда и пр-равит многими Логовами. Богиня-охотник, Мать Матерей, пор-родила мир-р, она управляет всем, даже Матер-рями. Когда мы умир-раем, наши души выходят из тел, и Мать Матерей ловит их и забирает к себе. А какие у вас боги?

— Их много, — сказала Янсон. — А у некоторых людей бога вообще нет.

— Вы смотрите на нас как на вар-рваров. Один шаг от волка. Наша вер-ра кажется вам гр-рубой?

Салли непонимающе взглянула на него.

— Вряд ли я могу судить...

— Некотор-рые презирают волка, который внутри. Как вы, навер-рное, пр-резираете своего пр-редка, который виден в вас. Мы охотимся. Убиваем. У нас много щенков. Жизнь дешева, война вечна. Много смертей. Пустые гор-рода, погибшие Логова. Еще больше щенков, больше маленьких солдат.

Салли, явно заинтересованная, обернулась к Янсон и объяснила:

– Это цикл. Подъемы и падения. У них большие пометы, много не знающих любви щенят – будущих воинов, много Дочерей и Внушек, соревнующихся за право стать Матерью, то есть главой государства. Они сражаются, ведут войны, убивают друг друга, а когда население резко сокращается, цикл начинается сначала.

– Вроде войны банд в городах, – сказала Янсон.

– Может быть. И это мешает прогрессу. Техническому и социальному. Неудивительно, что они застряли в каменном веке. И понятно, почему здесь такой спрос на оружие.

– Посмотрите, – Брайан взял из стоявшей в середине миски кусок розового мяса. – Нер-рожденный кр-ролик. Выр-резанный из чр-рева матери. Свежий. Дели... деликатес... – он сунул кроличий эмбрион в пасть, откусил, высосал кровь, как знаток, наслаждающийся дорогим вином. – Некоторые презирают волка, котор-рый внутр-ри. Но вкус, о, этот вкус...

Внезапно запах мяса пробудил в Янсон отвращение. Она неловко поднялась.

– Мне нужно отдохнуть.

– Ты больна. Ты пахнешь.

– Извините. Спокойной ночи, сэр. И тебе, Салли.

– Я потом к тебе загляну.

– Не беспокойся.

Несколько шагов до комнаты казались такими долгими. Янсон почувствовала на себе взгляд Финна Маккула из-за занавески.

Спала она плохо.

Болела голова, живот, даже кости. Янсон взяла с собой запас болеутоляющих, но толку от них не было.

Она кое-как задремала – и, проснувшись, увидела над собой лицо, похожее на волчью морду, в потемках, ко-

торые едва рассеивал звездный свет, лившийся в окошко над изголовьем. Как ни странно, Янсон не испугалась.

– Я Лили, – существо прижало палец к губам. – Ты болеешь. Я видела. Тебе больно?

Янсон кивнула. Смысла отрицать не было.

– Пожалуйста, р-разреши...

И Лили помогла ей. Она обернула тело Янсон теплой тканью, приложила к животу, к спине и к голове припарки из мха и лишайника, разжеванных до мягкости. А потом принялась вылизывать лицо, лоб и шею шершавым языком.

Постепенно боль спала, и Янсон крепко заснула.

52.

Примерно через неделю после встречи Мэгги с Джорджем и Агнес Абрамс «Бенджамен Франклин», направлявшийся на Базовую, достиг Ближних Земель.

Экипаж «Франклина», как заметила Мэгги, явно радовался тому, что благодаря сомнительной турбине их ожидал внеплановый отпуск. Путешествие на запад было утомительным. День за днем они пересекали миры, полные отупляющей пустоты – по крайней мере, с точки зрения горожан, которые и составляли большую часть экипажа. Пустоты, заполняемой лишь просьбами разрешить очередную идиотскую ситуацию.

Тролли ушли. Каким странным по-прежнему это казалось, даже если наблюдать за происходящим с борта военного корабля. Необыкновенная экзистенциальная проблема, которая набросила тень на все миры, которые посетил «Франклин».

Но тем не менее, пока твен плыл по мутным небесам промышленных Земель, Мэгги – хоть она всегда предпочитала деревню городу – ощутила теплый прилив

узнавания и подумала, что у городской жизни, в конце концов, свои достоинства. Впрочем, по возвращении домой их ожидали необыкновенные новости. В последовательных версиях Йеллоустона, в большинстве Ближних Америк, происходили какие-то геологические пертурбации. Мэгги рассматривала фотографии с Востока-2 (стадо, задохнувшееся от выброса углекислого газа) и Запада-3 (люди, эвакуированные на твенах из поселений, оказавшихся в зоне бедствия). До экипажа «Франклина», затерянного в дебрях Долгой Земли, доносились по аутернету лишь смутные намеки на то, что творилось.

Мэгги подумала: «Странные времена. Дисбаланс в природе и среди людей, на Базовой Земле и далеко за ее пределами».

В ремонтном доке в Базовом Детройте вокруг «Франклина» уже сутились механики вперемежку с блестящими диагностическими платформами, похожими на богомолов. Натан Босс и старший механик Гарри Райан наблюдали за происходящим, как ястребы. И Карл тоже. Молодому троллю не позволили покинуть корабль – присутствие троллей напрягало обитателей Базовой, да и сами они чувствовали себя неуютно в переполненном людьми мире, но Карл с огромным интересом рассматривал гаечные ключи, отвертки и щупы.

Даже теперь Мэгги приходилось напоминать себе, что Карл не шимпанзе и не горилла. Он был умнее, даже если сбросить со счетов долгий зов и странный коллективный разум троллей. Его собственная манера общения была гораздо сложнее, чем у любого шимпанзе, и Карл умел делать и использовать орудия труда, находившиеся за пределами воображения обезьяны. Мак сказал: лучше думать о троллях как о предках человека. Нечто промежуточное между шимпанзе и людьми.

Но, напомнил Мак, тролли — не живые окаменелости, они миллионы лет подвергались естественному отбору, с тех пор как сошли с тропы, ведущей от обезьяны к человеку. Тролли не были примитивными людьми — они были полностью состоявшимися троллями. Мэгги благодарила судьбу за то, что *ее* тролли пока что предпочитали оставаться с ней.

И кошка Шими тоже бродила вокруг раскрытого каркаса дирижабля, с видом вдумчивым и собственническим. Мэгги никогда не видела, чтобы Шими общалась с рабочими или хотя бы с роботами. Она сама не знала, радоваться или сердиться ее присутствию.

Зато Мэгги слегка раздражало вездесущее присутствие Корпорации Блэка. На каждой отвертке, на каждом ключе из тех, что так зачаровывали Карла, стоял логотип Блэка или одного из его филиалов. Блэк, казалось, взялся за поддержку твенов и американской военной инфраструктуры в целом гораздо плотнее и серьезнее, чем несколько месяцев назад, когда началась миссия «Франклина». Или, возможно, это больше бросалось в глаза теперь, когда в собственном распоряжении Мэгги оказался твен. Блэк давно установил связь с военными структурами. В конце концов, он подарил человечеству технологию твенов, сделав ее открытой, и был главным подрядчиком вооруженных сил. После того как государство, на основании суверенного права, безуспешно попыталось милитаризировать его разработки, отношения Блэка с высшим военным командованием и основными спонсорами, с точки зрения Мэгги, не просто стали нерасторжимы юридически, но и превратились в установленную практику.

Но все равно — теперь, когда она об этом думала и столь недвусмысленно принимала участие в происходящем, — ситуация вселяла в Мэгги некоторую неловкость.

Ощущение еще усилилось, когда работа была закончена и начальник дока разыскал Мэгги, чтобы сообщить, что турбину номер два заменили бесплатно на усовершенствованную модель Корпорации Блэка. Мэгги инстинктивно запротестовала, но никакой поддержки не встретила.

Подозрения не отпускали ее, когда «Франклина» вывели из дока, чтобы запустить в пробный полет в тусклом небе Базовой Земли. Корабль тихонько урчал, как швейная машинка, и работал, несомненно, лучше, чем прежде. Но Мэгги велела Натану Боссу и Гарри Райану провести новую проверку всех систем, от носа до кормы, чтобы удостовериться, что люди Блэка не оставили на борту маленьких сюрпризов вроде приборов слежения и блокирующих устройств. Ничего обнаружено не было.

Не считая кошки, подумала Мэгги. Чертова тварь заснула или, по крайней мере, имитировала сон в корзинке в капитанской каюте. Отчего-то у Мэгги не доставало сил выгнать Шими.

Гарри Райан ничего странного не нашел. Но все-таки Мэгги продолжала подозревать неладное.

В ту ночь – в последнюю ночь «Франклина» на Базовой Земле перед возобновлением миссии – Мэгги проснулась в три часа, разбуженная срочным сообщением. Судя по отрывочным сведениям в аутернете, приходившим из Верхних Меггеров, пропал «Нейл Армстронг».

53.

Утро на Востоке-8 616 289.

Вслед за Юэ-Сай Роберта с наблюдательным прибором на плече осторожно шагнула на землю, покрытую чем-то вроде зеленого мха. Они пересекли открытую

равнину под пасмурным небом. Китайские корабли беззвучно висели над ними. Высокие деревья здесь не росли, только папоротники, не более чем по пояс, с широкими листьями, почти касавшимися земли. Утро стояло ясное, хотя и холодное. Роберта была одета в стеганный сплошной комбинезон и сапоги, подбитые шерстью, но морозный воздух леденил открытые участки кожи — щеки и лоб. И Юэ-Сай вдобавок чуть не подвернула лодыжку, когда провалилась в норку какого-то подземного зверька. Животное походило на белку, хотя Роберта подумала, что его черты больше напоминают примитивного примата, чем грызуна. Так или иначе, эти приматы, или белки, наделали нор повсюду, так что приходилось смотреть, куда ступаешь. Мир был не очень гостеприимным. Приборы показывали, что на этой Земле тектоническая плита, на которой располагался Южный Китай, находилась на большой высоте, на полпути к северному полюсу. Географы, пытавшиеся получить изображения других участков планеты при помощи ракетных зондов, подозревали, что на экваторе есть суперконтинент — обе Америки и Африка, стиснутые вместе, пересохшие и сильно исказившие мировой климат.

Роберта пережила утомительную подготовку к спуску, тренировки, процесс одевания и заранее занесла в минус скучные и относительно бессодержательные часы наземной экспедиции, которая ей предстояла. Она понимала, что нужно воспринимать новые миры физически. Первые космические инженеры, чьи биографии она внимательно изучала, когда искала образец для себя, говорили о необходимости наземного контроля данных, об отборе проб непосредственно на планете, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезы, выдвинутые в результате орбитальных наблюдений или изучения через телескоп. Наземный контроль, да. Роберта

знала, почему это важно. И перед ней лежал очень далекий, экзотический мир, несмотря на краткость путешествия. Они не более чем за неделю преодолели шесть миллионов миров, с тех пор как оставили позади планету с гигантскими кенгуру, и мощные корабли несли их вперед, прибавляя и прибавляя скорость.

И все-таки Роберте очень хотелось вернуться в каюту, к книгам и графикам. Обрести безопасность внутри собственной головы. Но Роберта уже покинула корабль. А потому она сосредоточилась на реальном физическом мире вокруг.

Они взобрались на утес, за которым, как показывала поспешная аэросъемка, находилась сухая долина — и зрелище, которым они пришли полюбоваться. От невысокого подъема и необходимости осторожно шагать по комкастой земле Роберта быстро запыхалась.

Жак, наблюдавший за процессом с «Чжэнь Хэ», заметил:

— Надеюсь, ты не бросила делать зарядку?

Роберта набрала полную грудь воздуха.

— Просто здесь низкий уровень кислорода.

Она слышала, как на заднем плане поют тролли — через наушник их голоса доносились эхом.

Жак сказал:

— На корабле есть специалисты по атмосфере, которые проверяют качество воздуха, прежде чем открыть люк. Они заметили, как процент содержания кислорода постепенно меняется, чем дальше по мирам мы движемся. Но здесь он вполне в пределах нормы.

Ву Юэ-Сай строго заметила:

— Но учесть фактор физической нагрузки им в голову не пришло. К сожалению, это вечная проблема — слишком узкая специализация отделов и недостаток связи между ними.

— Не сомневаюсь, капитан скажет им пару слов, — сухо произнес Жак. — Если вы хотите вернуться...

— Нет, мы уже почти на месте, — перебила Юэ-Сай, обернулась и посмотрела на Роберту.

Та кивнула.

Не доходя до вершины, Роберта услышала хор разнородных звуков — низкое рычание, похожее на шум грузовиков или даже танков, вмеремешку с горестным ревом, а еще резкие удары, лязг и клацанье. Девушка, ощутив приятное волнение, улыбнулась Юэ-Сай. Обе пробежали остаток пути до вершины и ничком бросились на мшистую землю, чтобы заглянуть в долину.

Там ходили черепахи.

Вот зачем они здесь высадились. Долину заполонил двусторонний поток животных. Они брели по ней — одни направо, на север, другие налево, на юг. Самые крупные были просто гигантскими, и впрямь как танки или даже больше, с побитыми, иззубренными панцирями размером с небольшой дом. Кое-где в трещинах и выемках панцирей пристроились птичьи гнезда, и Роберта задумалась, нет ли у жильцов симбиотических отношений с «домохозяевами». Черепахи были всех размеров, начиная от настоящих чудовищ до средних великанов, которые выглядели бы вполне уместно на Галапагосских островах, и миниатюрных черепашек, которых держат в качестве домашних питомцев. Некоторые, совсем маленькие, уместились бы у Роберты на ладони. Те, что поменьше, бегали под ногами огромных неторопливых гигантов. Шум стоял оглушительный, от писка до трубного рева, похожего на сирену танкера в тумане.

Юэ-Сай указала на черепах поменьше и засмеялась.

— Малыши такие славные.

Роберта покачала головой.

– Может быть, это не детеныши. Здесь, наверное, много пород.

– Ты права. Хотя, скорее всего, мы никогда не узнаем наверняка, – Юэ-Сай вздохнула. – Столько миров и так мало ученых. Если бы только мы могли массово производить ученых в лабораториях, чтобы исследовать все миры. Впрочем, такие лаборатории у нас есть. Они называются университетскими кампусами.

Роберта неуверенно улыбнулась.

Юэ-Сай спросила:

– Ты не поняла шутку? Наверное, она получилась слишком сложной. Неужели я так плохо говорю по-английски?

– Дело не в этом. Жак и другие учителя говорят, что я чересчур умна для большинства шуток.

– Надо же, – бесстрастно отозвалась Юэ-Сай.

– Многие шутки построены на обмане и разоблачении. В том-то и заключается соль. Но я замечаю обман слишком рано. Вот почему в жанре комического я предпочитаю...

– Фарс. Хаотический юмор. Ты смотришь фильмы с Бастером Китом. Теперь я понимаю. В любом случае все эти миры...

– И все эти черепахи!

Они обнаружили целую пачку подобных миров. Чем дальше путешественники удалялись от Базовой Земли, тем более странные экосистемы попадались. В общем, планету, населенную черепахами, даже можно было предвидеть. На Базовой Земле черепахи, морские и сухопутные, давно расселились повсюду и процветали. Почему бы в некоторых мирах им и не преобладать?

– Во многих мирах, – сказала Юэ-Сай, – даже на Базовой Земле, черепахи иногда ведут себя так. Становятся в очередь, чтобы подойти к воде – в данном слу-

чае к озеру, расположенному выше в долине. Они пьют до отвала, чтобы хватило на несколько месяцев.

– Но только не в очередь длиной в сотню миль!

– Да, – согласилась Юэ-Сай. – И не в очередь, которая похожа на шоссе с металлическим покрытием.

Они, впрочем, не сумели подойти достаточно близко, чтобы проверить.

– И не в очередь со своей дорожной полицией...

Роль полицейских исполняли черепахи размером с галапагосских великанов. Они стояли на островках посреди двустороннего потока или в нишах вдоль стен долины. У некоторых панцири были перехвачены поясами, на которых висели мешочки. Они даже держали в лапах бичи, которыми время от времени щелкали, и что-то вроде рогов, игравших роль рупоров. Функция этих черепах не оставляла сомнений – они следили, чтобы огромный поток двигался мирно. Они ныряли в толпу, трубя в рога, если начиналась стычка, или две очереди смешивались, или черепаха поменьше попадалась под ноги гиганту. Каким-то образом под ужасающий грохот панцирей любую неурядицу удавалось уладить.

– Ничего удивительного, что тут есть разумные существа, – сказала Юэ-Сай. – Я много читала. На Базовой Земле люди выяснили, что черепахи умеют выбираться из лабиринтов. Во всяком случае, когда им давали шанс оттуда выбраться, вместо того чтобы бросить в суп. Возможно, где-то в этом мире есть огромные города. Черепашьи армии. Черепашьи университеты. Хочется смеяться, хоть я сама не знаю почему.

– Сомневаюсь, что мы найдем здесь что-нибудь достаточно продвинутое, – заметила Роберта.

– Почему?

– Посмотрите на предметы в руках у охранников. У них, очевидно, одинаковые функции, но в деталях они

отличаются. Видите? Камни разной формы. И рукоятка кнута оплетена по-другому...

– И что?

– Черепашня культура, несомненно, не похожа на нашу, – продолжала Роберта. – И репродуктивная модель у них совсем иная. Черепаха появляется на свет из одного из сотен яиц, она не знает своих родителей, не получает никакой родительской заботы. Вероятно, черепашие потомство не узнаёт историю семьи и не получает формального образования, как мы. Они состязаются за право жить и в том числе учатся делать орудия. Но это значит, что каждое следующее поколение должно более или менее восстанавливать культуру с нуля.

– Хм. Таким образом, общий прогресс ограничен. Быть может. Информации мало, и мы делаем изрядные допущения.

Роберта знала, что не стоит говорить: «Моя теория слишком красива, чтобы оказаться неверной». Однажды Жак Монтекьют, выйдя из себя, сказал, что ей следовало бы вытатуировать у себя на лбу в качестве девиза фразу «Никто не любит слишком умных» в зеркальном отражении, чтобы вспоминать об этом каждое утро в ванной. Роберта ограничилась тем, что ответила:

– Ну, их физиология и отсутствие единообразия в орудиях, которыми они пользуются, тому не противоречат. Но – да, теория еще подлежит проверке. Интересно было бы узнать, что происходит в этом мире ближе к экватору.

Юэ-Сай поняла не сразу.

– Зачем?

– Потому что черепахи, которые выбирались из лабиринтов на Базовой Земле, проделывали это в теплых

условиях. Черепахи – холоднокровные. На холоде они, в некоторой степени, отключаются.

– О, может быть, поведение, которое мы наблюдаем здесь, на холоде...

– Ограничено низкой температурой. В теплых широтах черепахи, возможно, достигли больших успехов. Как вы думаете, капитан Чень согласится слетать на юг, к экватору?

– Рискаю, что его подстрелит какая-нибудь супер-черепаха? Сомневаюсь. – Юэ-Сай принялась складывать вещи. – Пора возвращаться на корабль.

Прежде чем уйти, Роберта бросила взгляд на равнину, на дальнюю ее стену, где обнажились слои местных осадочных пород. Она отчетливо видела морское отложение, меловой слой, утыканный кремнями, дальше – слой гальки и несколько ярдов торфа. Геология была ей ясна. Этот регион, ныне возвышенный, некогда находился под водой. Начался ледниковый период, потом лед стаял, оставив после себя гальку, а затем сверху, в течение тысяч лет умеренного климата, откладывался торф. У этого мира, как и у прочих, была своя история – история, уходившая вглубь на миллиарды лет и не похожая ни на одну другую. История, которую, наверное, никто и никогда не удосужился бы исследовать, и Роберта могла унести отсюда лишь несколько фотографий черепах.

Она отвернулась.

Капитан Чень был взволнован, и не только из-за черепах.

– Наконец-то, наконец-то! Мы получили фотографии со спутников из Восточной Дыры. Помните, более шести миллионов миров назад.

– Конечно, помню.

– Вы просили исследовать планеты, Венеру и Марс. И ученые обнаружили...

– Жизнь.

Капитан явно приуныл.

– Вы знали? Ну конечно, знали.

На Востоке-2 217 643 в атмосфере Марса оказались кислород и метан, химически неустойчивые газы, которые, должно быть, возникли в результате каких-то жизненных процессов. В Северном полушарии спутники запечатлели какую-то растительность. А в облаках над тамошней версией Венеры – высоких, холодных, полных воды – заметили хлорофилл. В небе Венеры летали растения.

Нет, Роберта не удивилась. Любая Дыра, до которой мог добраться умеющий переходить гуманоид, пусть даже самый глупый, регулярно должна была получать порцию бактерий и других живых микроорганизмов, пусть даже случайно, через брешь на месте Земли. Большинство нерасторопных путников умирало быстро, в том числе злополучные гуманоиды, если не успевали немедленно перейти обратно, но некоторые упорные споры бактерий, прибывшие на упомянутых гуманоидах, переживали радиацию и вакуум. Они даже попадали в небеса над иными мирами и укоренялись там. Так проявлялась панспермия – занесение естественных форм жизни из других миров. Она считалась вполне возможной в Базовой вселенной. Насколько же активнее панспермия проходила во вселенной Дыры, там, где разным формам жизни было гораздо проще оказаться в открытом космосе, не дожидаясь удара астероида!

Нет, Роберта не удивилась. Она сложила новую информацию в хранилище памяти, туда, где медленно собиралась модель Долгой Земли во всех ее проявлениях, факт за фактом, вывод за выводом.

54.

Под корпусом «Шиллейлы», которая шла на запад, мелькали миры — по одному каждую секунду, с усыпляющей регулярностью. Билл останавливался, когда встречал Джокер — очередной аномальный мир, изъятый в ткани Долгой Земли, который при обычных условиях путники миновали быстро, ничего не замечая, отводя глаза.

Даже в относительно щедрых и спокойных мирах Кукурузного пояса, где возникла Перезагрузка, ставшая домом для семьи Хелен, попадались Джокеры. Билл ненадолго остановился на Западе-141 759: там многоканальная рация, которую он держал включенной, принялась выкрикивать предупреждения на множестве языков. «Карантин», — догадался Джошуа, у которого чуть не лопнули барабанные перепонки. Поскольку здесь находился источник какого-то особенно опасного вируса, вся планета попала в карантин, который объявила ООН, заодно с американским Центром изучения заболеваний животных. Путешественникам приказывали держаться подальше от определенных областей, в противном случае им грозил арест, конфискация, уничтожение всего имущества и пребывание под замком до завершения процесса дезинфекции. Джошуа и Билл с большим облегчением двинулись дальше и оставили этот мир позади.

— Они серьезно, Билл? Можно объявить карантин на целой планете?

— Можно попытаться. Насколько серьезно — другой вопрос. Мы уже повидали несколько неприятных вирусов на Долгой Земле. Там, где живут птицы и свиньи — ну или животные, похожие на птиц и свиней, — есть и болезни, которые, скорее всего, передаются людям,

как всегда было на Базовой. И у людей, с вероятностью, не будет иммунитета к заболеваниям, пришедшим из другого мира. Самой большой опасности, разумеется, подвержены Базовая Земля и Ближние Земли, густонаселенные, с развитыми транспортными системами. Коули и его идиоты пользуются страхом, чтобы возбуждать враждебность к стригаям и троллям, как будто каждый из них – распространитель чумы. Знаешь, они нанимают врачей, которые приходят сюда и помогают попавшим в беду путникам, а потом отбирают у них переходники, и бедняги понимают, что их больше никуда не отпустят...

Они двигались дальше, с регулярными остановками.

Джокеры были мрачны. По большей части они являли собой картину опустошения. Безжизненная земля под небом, затянутым пылью или пеплом либо раскаленным, гневным, пустым, без озонового слоя и облаков, пронзительно-синим. Билл знал истории многих из этих разрозненных миров, объединенных рассказами путешественников, легендами стригалей, а иногда и подлинными научными исследованиями.

Джошуа начал понимать, что наиболее распространенная причина возникновения Джокера – это столкновение с астероидом. Земля довольно долго находилась внутри автомата для пинбола только в космических масштабах. Билл ненадолго задержался в одном особенно пострадавшем мире – на Западе-191 248. Катастрофа там произошла всего несколько лет назад, в Центральной Азии, далеко от места остановки; жизнь на планете погибла почти полностью, и мир страдал от астероидной зимы.

Но и были и другие опасности, только ждавшие удобной минуты. Взять хоть Запад-485 671. Мир, в котором Ледниковый период превратился в бесконтрольное

оледенение, может быть, из-за того, что Солнечная система вошла в густое межзвездное облако, заслонявшее свет солнца. Здесь океаны до самого экватора покрывал лед, окутанная снегом земля сверкала ослепительно-белым в лучах, лившихся с синего неба, на котором не было ни облачка, не считая завитков, которые Билл назвал кристаллами углекислоты. Но в глубине океан, согреваемый внутренним теплом планеты, оставался жидким, и в темных подводных убежищах притаилась жизнь — в ожидании того времени, когда вулканы вновь оттаят эту Землю.

Запад-831 264. Джошуа увидел землю цвета ржавчины, пейзаж совершенно как на Марсе, очевидно лишенный жизни, не считая ручейков лилового ила. Воздух был красным из-за пыли, которую вздымали непрерывные бури.

— Что тут случилось?

— Гамма-лучевой взрыв. То есть мы так предполагаем. Возможно, вызванный какой-то огромной сверхновой. Огромная звезда рухнула в черную дыру. Могло случиться в пределах нескольких тысяч световых лет. Буря гамма-лучей уничтожила озоновые слои и поджарила все, что было на поверхности.

— «Глубокое молчанье, пустыня мертвая, и небеса над ней».

— Это что, Джош?

— Так, вспомнил о сестре Джорджине.

— Рано или поздно жизнь все равно возвращается. Правда, всегда есть шанс, — с мрачной радостью сказал Билл, — что мы перейдем в какой-нибудь мир в ту самую секунду, когда на него свалится огромный камень. Что это там в небе? Птичка? Самолет? Бабах!

Джошуа, подавленный Джокерами, похожими на склеп, был не в настроении смеяться.

— Мы по-прежнему ищем Салли?

– Мы делаем все возможное, – ответил Билл. – Тот кобольд сказал, что, по его мнению, тролли прячутся в одном из Джокеров. Плохие новости: Джокеров много. Хорошие новости: в них уйма стригалей.

– Тролли прячутся от людей. Как Салли.

– В том-то и дело. Прежде чем мы отправились, я послал вперед весточку. И я по-прежнему надеюсь, что, если Салли заметят, кто-нибудь даст знать. Тут полно радиостанций – отличный способ поддерживать связь в нецивилизованном мире. Мы слышим сигнал, когда проходим мимо. Разумеется, некоторые миры так сильно пострадали, что в них нет ионосферы, тут уж ничего не поделаешь. Когда речь о стригаях, никаких окончательных планов быть не может. Такова их природа. В разных странах стригалей называют горцами, дикарями, отшельниками, хобо, сезонниками. В Австралии говорят «бродяга», в Англии – «путешественник». Кое-где их называют скитальцами. Ты сам когда-то был скитальцем – Тем Самым. Хотя и предал собственную легенду, дружище, когда построил дом и завел хозяйшку.

Джошуа ощутил раздражение. Он никогда не мечтал о легенде. Он просто хотел жить собственной жизнью, по своим правилам. Неужели он был обязан потакать поклонникам? Джошуа едва устоял перед искушением врезать Биллу.

– Да, я понимаю. Правда, мне очень приятно, что ты стараешься помочь.

– Я делаю то, что можно сделать. Если только ты сам вдруг не поймешь, куда она отправилась. И вообще, хватит болтать. У меня мозги не варят от жары. Не хочешь раздавить бутылочку? Тащи сюда ящик, и я тебе расскажу про другие Джокеры. Или посмотрим кино? Как в старые добрые деньки, когда ты путешествовал с Лобсангом. Давай посмотрим кино...

По большей части, к рассказам Билла Джошуа относился скептически.

Например, когда тот рассказал ему про Джокер под названием Биток. Джошуа там побывал во время первого путешествия с Лобсангом. Этот Джокер устроился среди относительно спокойных миров Кукурузного пояса. Мир, похожий на шар для бильярда, совершенно гладкий, под безоблачным синим небом.

— Я знаю одного парня, который слышал от другого парня...

— О господи.

— Короче, тот на спор заночевал на Битке. Один. Как ты. Голый. Это тоже было частью спора.

— Не сомневаюсь.

— Утром он проснулся с адским похмельем. Пить в одиночку — дурное дело. Этот парень, кстати, был прирожденным путником. И вот он с похмелью собрал свои манатки и перешел — и в процессе вроде как споткнулся.

— Споткнулся?

— Ему показалось, что он перешел как-то не так.

— Что? Как? Что ты вообще имеешь в виду?

— Ну, мы в норме переходим на запад или на восток, правильно? Есть обходные пути, есть слабые места, если их найти, но, в общем, и все. Короче говоря, он почувствовал, что перешел как-то иначе. Перпендикулярно. Типа на север.

— И?

— И оказался в каком-то совсем другом мире. Там была ночь. Чистое небо, никаких звезд. Ну, в привычном виде. Вместо наших звезд...

— Твоя манера рассказывать, Билл, иногда действует на нервы.

Билл ухмыльнулся.

– Но тебе интересно, правда?
 – Продолжай. Что он там увидел?
 – Он увидел *все* звезды. Разом. Всю галактику целиком, мать ее, и Млечный Путь. Увидел снаружи. Стоя голый и смотрел...

Джошуа подумал, что в том-то и проблема со стри-галями. Ввали они как нанятые. Может быть, потому, что проводили слишком много времени в одиночестве.

А Салли и Янсон, ища троллей, уходили все дальше и дальше.

Салли. Однажды, когда они остановились на ноч-лег в каком-то спокойном мире, Джошуа показалось, что он *учуял* ее. Как будто она пришла и ушла, пока он спал. Днем он осмотрел гондолу и землю под твеном, но не обнаружил никаких следов присутствия Салли. Он подумал, что ему приснилось, и решил, что никогда не скажет об этом Хелен.

55.

– Троль тут покалечил двух человек, и люди недо-вольны, но знаете что? Когда эта тварюга меня увидела, она бросилась ко мне и заплясала, как будто встретила лучшего друга!

Иными словами, «Бенджамен Франклин» получил очередной вызов на разбор очередного дурацкого ин-цидента с участием тролля. Как заметил Мак, «а мы-то думали, что троллей осталось слишком мало, чтобы причинять проблемы».

Это место называлось Крекед-Рок. Судя по при-сланному Мэгги отчету, там имелся мэр, но жил он в ка-ком-то соседнем мире, а вместо себя оставил шерифа, новичка на Долгой Земле, бедолагу по имени Чарльз Кафка. Тот еще не освоился на новом месте – он бежал

из большого города, надеясь тихо и мирно дожить до старости в маленьком поселении в духе Дикого Запада. И вот случилась беда, и он запаниковал.

Крекед-Рок стоял в довольно непривлекательном мире, чуть в стороне от Кукурузного пояса. Чтобы добраться до него, «Франклину» понадобилось сделать не так уж много переходов, зато ушла целая вечность, чтобы пересечь тамошнюю бесплодную Америку, прежде чем впереди показались огни поселения на берегу реки, такие яркие в сумерках. И вот Мэгги смотрела на палаточный городок — ничего удивительного, многие, ныне процветающие, города Долгой Земли начинались с палаток и хибар — с недостроенной церковью и дорогами, проложенными среди редкого кустарника. Дом шерифа был лучшим зданием в поселке.

Когда твен опустился, шериф сам вышел навстречу, в сопровождении задиристого на вид юнца — и молодого тролля в кандалах. Мэгги задумалась, каким образом они помешали троллю перейти. Из города стянулись люди, чтобы поглазеть.

Мэгги, явившаяся с Натаном Боссом и несколькими курсантами, оборвала обмен приветствиями и попросила шерифа Кафку рассказать, что случилось.

— Мимо города шли тролли, капитан, целая компания — они знают, что не стоит подходить слишком близко, — и наши ребята к ним пристали, в том числе Уэйн, они просто хотели позабавиться, сами понимаете, ничего особенного, только потом они схватили детеныша, и тролли рванулись в бой. И вот этот, — мэр указал на скованного тролля, — убил брата Уэйна. А потом...

Мэгги слышала ту же самую дурацкую историю уже раз двадцать. Она нетерпеливо и гневно вскинула руку.

— Знаете что? Хватит с меня. Курсант Санторини!

— Да, капитан?

– Возвращайтесь на корабль и приведите Карла.

Санторини не стал спорить.

– Есть, капитан.

Они ждали молча, в надвигавшихся сумерках, пять минут, пока Санторини не вернулся. Карл негромко заухал, увидев сородича в цепях.

Мэгги повернулась к юному троллю.

– Карл, я принимаю тебя в число членов экипажа «Бенджамена Франклина» и присваиваю тебе звание лейтенанта. Санторини, запишите. Старший помощник, не забудьте.

– Есть, капитан.

– Натан, дай мне свою нашивку.

Символом операции «Блудный сын» был щит с изображением дирижабля, парящего над стилизованной цепочкой миров. Натан оторвал собственную нашивку, и Мэгги с помощью цепочки от жетона надела ее на руку тролля. Карл с явным удовольствием загугукал.

– Натан, попытайся объяснить ему, что это такое. Хотя, думаю, он и так уже в курсе.

Натан взял троллий зов – горожане с любопытством уставились на прибор – и принялся объяснять троллю, что значит быть частью дружной семьи «Франклина».

Мэгги с отвращением смотрела на разинувших рты деревенщин.

– Вот, горожане, как *мы* относимся к троллям.

Шериф Кафка, казалось, совсем растерялся.

– И что теперь? Вы хотите, чтоб Уэйн дал показания?

– Нет. Я хочу, чтоб показания дал тролль.

Деревенщины так и таращились, пока Натан при помощи тролльего зова вдумчиво общался с арестованным.

– Он помнит, что случилось. Конечно, помнит. Тролли знают, что нельзя заходить на чужие поля. Они и не заходили. Но несколько молодых отстали, и стая растянулась. Тогда на них наткнулись местные парни. Стали бросать камни. Подставлять подножки детенышам. Тролли не отбивались... Понимаете, капитан, добиться от тролля линейного повествования невозможно. Это скорее впечатления и эмоции. Приходится вставлять свои комментарии...

– Все нормально, Натан. Картина достаточно ясна. Уэйн фыркнул.

– Ну и в чем проблема? Мы развлеклись немного. Тролли – просто говорящие животные...

Троллий зов приблизительно перевел. Скорость, с которой Карл ухватил Уэйна за ногу и одной рукой поднял, держа вверх тормашками, была весьма примечательна.

Мэгги улыбнулась.

– Твоя точка зрения опровергнута. Как и твои показания. Шериф, уважения в данной ситуации заслуживают тролли, а не люди.

Она склонила голову, чтобы посмотреть на перевернутого Уэйна.

– А что касается тебя, пусть тобой занимаются твои родители, в надежде на лучшее будущее.

Парень извивался в хватке невозмутимого тролля, но лишь царапал темя о землю.

– Пошли вы! Все знают про вас и ваш гребаный корабль, это в аутернете написано! Троллей любите, да?

Мэгги почувствовала, как закипает кровь. Но она спокойно ответила:

– Отпусти его, Карл.

И повернулась к кораблю, прежде чем парень с воплем боли стукнулся оземь.

56.

«Бенджамен Франклин» до утра висел над Крекд-Рок.

Все еще кипя после разговора с Уэйном – каким образом сопляк из какого-то помойного мира столько о ней узнал? – Мэгги вызвала главного механика.

– Гарри, кто у нас самый повернутый на компьютерах? Ну, ты понимаешь, какого рода человек мне нужен...

– Лейтенант Фокс, – без колебаний ответил Райан.

– Фокс. Тоби, да? Пришли его сюда.

В ожидании Фокса она изучала персональное досье. Фокс действительно был «повернутым», совсем диким. Никудышный матрос, зато с зашкаливающим IQ. Именно то, что нужно.

Когда он пришел, Мэгги сказала:

– Лейтенант Фокс, как часто вы проводите полное сканирование систем? Ищете баги, трояны и прочую хакерскую фигню?

Фокса, казалось, отвлекало присутствие Шими, которая сидела в своей корзинке на полу. Но вопрос его явно обидел.

– Капитан, технический отдел проводит чистку почти постоянно. Разумеется, мы в основном пользуемся блэковским софтом – он саморегулируется, хотя у нас, конечно, есть независимый файрвол, который...

– ПО от Корпорации Блэка. Держу пари, в Детройте мы загрузили еще. Обновления, пополнения...

– Э... да, капитан. Как обычно.

– И я помню, что велела Гарри осмотреть корабль от носа до кормы после ремонта. В какой мерпе блэковские программы контролируют твен? Ответь мне как профану.

Фокс на минуту задумался, сморщив маленькое личико.

– Э... Блэк – наш главный поставщик. Его софт буквально наполняет корабль, капитан.

Мэгги подытожила:

– Призрак в машине. По-моему, информация от нас утекает, как из решета, лейтенант. Даже если мы видим течь.

Фокс, казалось, не особенно заволновался, как будто знал это и смирился.

– Да, капитан.

– Спасибо, Фокс. Кстати говоря, как продвигается перепись?

Лицо Фокса снова сморщилось, пока он искал подходящие слова. Мэгги представила, как Гарри Райан вбивает коммуникативные навыки в голову парня, который страдал болтливостью типичного ботана. Наконец Тоби лаконично ответил:

– К сожалению, она далеко не полна, капитан.

– Продолжай работать. Свободен, лейтенант.

– Есть, капитан.

Когда он ушел, Мэгги схватила кошку и усадила на стол.

– Этот тип, Джордж Абрамс, и его чертов троллий зов...

– Капитан?

– Предполагалось, что у нас военная операция. *Моя операция*. Не сомневаюсь, Абрамс в курсе всех попыток нашего общения с троллями.

– Я бы не сказала, что...

– Ты, наверное, тоже наштигована жучками? Послушай, малютка. Я хочу, чтоб ты устроила мне еще одну встречу с Абрамсами. Ясно? Не сомневаюсь, тебе это под силу.

Кошка лишь тихо мяукнула.

На следующий день Мэгги постаралась разобраться с делами в городке поскорее. Мэр, живший в нескольких переходах от Крекед-Рок, наконец явился. Он испытывал благоговейный трепет перед Мэгги, обещал усвоить полученный урок и предложил экипажу «Бенджамена Франклина» навестить поселения в соседних мирах. Это предложение Мэгги вежливо отклонила.

Она еще раз встретилась с шерифом Кафкой. Когда он попытался извиниться, Мэгги похлопала его по спине.

– Вчера вы сделали все, что могли. Вам нужно многому научиться. А кому не нужно?..

Он благодарно кивнул.

– Счастливого пути, капитан.

И она отправилась на поиски Джорджа Абрамса.

Мэгги не могла скрыть свое намерение встретиться с ним от старших офицеров. Поэтому она не особенно удивилась, когда Джо Макензи принес ей в каюту кофе и сел, глядя на командира пронизывающим, как рентген, взглядом.

– Конфиденциальность гарантирую.

Мэгги сказала:

– Ты знаешь, в чем проблема, Мак. Ты доверяешь Корпорации Блэка?

– В чем именно?

– Мне кажется, кто-то что-то затеял.

Мак ухмыльнулся.

– Все что-нибудь да затевают. И военные ручкаются с Блэком уже много лет. Потому он и стоял на трибуне рядом с Коули, когда нас провожали.

– Да, но кто дал Блэку право постоянно следить за нами? Это военная операция, Мак. У меня такое впечатление, что даже Пентагон смотрит на выходки Блэка сквозь пальцы.

Мак пожал плечами.

– Блэк силен. Как любой армейский поставщик, начиная с эпохи Второй мировой войны. Такова реальность. Но ведь нет никаких свидетельств, что Блэк затевает недоброе? Или что ему недостает патриотизма?

– Нет, но... мне обидно, Мак. Это мой корабль и мое задание. *Мое*. И у меня такое ощущение, что я стою под лучом прожектора. Или, по-твоему, я чего-то не понимаю?

– По-моему, вы прислушиваетесь к внутреннему голосу, а в прошлом он вас никогда не подводил.

– Даже в том случае, когда я решила оставить кошку?

– Бывают и исключения из правил.

57.

Корабли «Чжэнь Хэ» и «Лю Ян» упорно двигались к цели, находившейся за двадцать миллионов миров к востоку от Базовой Земли.

Они миновали еще несколько беспрецедентных рубежей – десять миллионов, двенадцать, пятнадцать – и теперь пересекали необыкновенный участок Долгой Земли, этого гигантского дерева вероятностей, чьи веточки и листочки представляли собой целые группы миров; теперь они достигли ветвей, на которых «росли» Земли, совершенно не похожие на Базовую. Невозможно стало полагаться даже на атмосферу тех миров, которые они посещали. Уровень кислорода значительно менялся от такой высокой концентрации, что неприятные сюрпризы в виде самопроизвольного возгорания мокрой растительности не позволяли расслабляться, до легчайшего напоминания о себе (и суша на поверхности гарцующих континентов была гораздо менее зеленой). Еще одну незаметную опасность, как узнала

Роберта, представляла собой слишком высокая концентрация углекислого газа, в конечном счете смертельная для человека.

И на большинстве этих Земель жизнь не особенно давала о себе знать. Они обнаружили целые вереницы миров, где земля была совершенно голой – видимо, ее так и не колонизировали морские растения, не говоря уже о визитах двоякодышащих рыб. Однообразные, одинаковые, унылые миры плыли мимо, день за днем, не меняясь даже при огромной скорости, которую развивали корабли.

Унылые или нет, но Роберта была очарована разворачивавшимися перед ней панорамами суши, моря и неба, которые она видела сквозь иллюминаторы обсервационного салона, и заинтригована беглыми взглядами на миры, где они останавливались, чтобы взять образцы. Впрочем, спускаться на поверхность этих опасных Земель ей не разрешали. Но что-то в душе Роберты, слабое и достойное презрения, в ужасе сжималось от непрерывного потока странностей. В конце концов, отсюда даже Ледяной пояс – череда холодных миров, в число которых входила и Базовая Земля – казался совсем узким, маленьким и очень далеким; он покрывал не более одного процента того огромного пространства, которое они прошли.

Роберта проводила еще больше времени наедине, в своей каюте, пытаясь осмыслить поток информации, нахлынувший на нее. Или она сидела с троллями в обсервационном салоне, слушая их тихое пение, пусть даже из-за этого ее сторонились остальные члены экипажа, даже лейтенант Ву Юэ-Сай, но только не верный Жак Монтекьют.

Жак с опасениями наблюдал за Робертой. Он даже ощутил укор совести – возможно, экспедиция оказалась девочке не по силам. Она испытала ужас Долгой

Земли. Ведь Роберте не исполнилось и шестнадцати. Самый масштаб происходящего мог ошеломить ее, и неважно, насколько она была умна.

6 июля 2040 года китайские корабли достигли своей номинальной цели – Востока-20 000 000, мира, который оказался непривлекательным, бесплодным, заурядным. Они сложили каменную пирамидку с табличкой, сделали несколько фотографий и собрались в обратный путь.

Капитан Чен собрал старших членов экипажа и гостей в обсервационном салоне «Чжэнь Хэ», чтобы отпраздновать торжественный момент. Тролли спели новую песню, которой шутки ради их обучил Жак, – «Китайянку». Чень даже в кои-то веки дозволил спиртное. Но Жак посоветовал Роберте обойтись без знакомства с шампанским. Та без всякого сожаления принялась за апельсиновый сок.

Лейтенант Ву Юэ-Сай, в полной форме, миловидная и аккуратная, взяла девочку под руку.

– Я многое узнала вместе с тобой, мой товарищ по открытиям.

К ним подошел капитан Чень.

– О да. И, не сомневаюсь, мы узнаем еще больше во время обратного пути на Базовую. Столько миров, которые нужно снова навестить и взять образцы. Двадцать миллионов Земель!

Роберта задумалась.

– По-моему, гораздо лучше будет, если я проведу это время, осмысляя информацию, которую я уже успела собрать.

– «Осмысляя информацию»! Неужели тебе больше ничего не хочется? – спросил капитан Чень, глядя ей в лицо.

С точки зрения Жака, он был порывист, в чем-то похож на ребенка – и капитана явно раздражало бесстра-

стие Роберты, ее нежелание смеяться над его шутками. Видимо, без этого он не чувствовал полного триумфа.

– Ты, конечно, умница. Но какая же ты надутая. Умная, да. Но неужели ты думаешь, что лучше нас, простых смертных? «Человек превосходящий» – вот кем ты себя считаешь? Может быть, нам расступиться перед тобой?

Роберта не ответила.

Чень протянул руку и провел пальцем по ее щеке. Палец оказался влажным.

– А если так, отчего ты плачешь?

Роберта убежала.

До конца дня она не появлялась в обсервационном салоне.

Незадолго до полуночи, уже готовясь ко сну, Жак постучал в дверь ее каюты.

– Роберта?

Ответа не было. Он прислушался, и до него донеслись рыдания. Капитан Чень неофициально выдал Жаку ключ на случай необходимости. И вот он вставил карточку в замок и открыл дверь.

Комната была так же аккуратно прибрана, как обычно, над столом горела одна-единственная лампа, освещающая записи, несколько бесценных печатных книжек, тетради. Графики на стене, изображающие путь кораблей по Долгой Земле. Ни фотографий, ни рисунков, ни игрушек, ни сувениров, не считая научных образцов. Ничего такого у Роберты Голдинг не водилось.

Босиком, в футболке и спортивных штанах, Роберта свернулась клубочком на койке, лицом к стене.

– Роберта?

Жак подошел. Роберта лежала среди скомканных платочков – она, видимо, плакала уже долго. И на виске у нее виднелись синяки. Жак уже и раньше их ви-

дел – Роберта била себя, словно пытаюсь изгнать ту часть своей натуры, которая плакала по ночам. А он-то думал, что она уже переросла эту привычку.

– Что случилось? Ты расстроилась из-за того, что сказал капитан Чень?

– Этот идиот? Ну нет.

– А что тогда? О чем ты думаешь?

– О кенгуру.

– О чем?

– О тех животных, помеси рептилий и млекопитающих, которых мы встретили на Востоке два миллиона двести тысяч...

– Да, я помню.

– Они обречены на уничтожение. Из-за климатической катастрофы. Может быть, их уже нет. Они стерты с лица земли...

Жак представил, как день за днем в голове девочки крепла эта ужасная мысль. Он сел на койку и коснулся плеча Роберты. По крайней мере, она не отстранилась.

– Помнишь уроки литературы у Боба Йохансона?

Роберта шмыгнула носом, но плакать перестала.

– Я знаю, какую цитату ты имеешь в виду.

– Тогда скажи.

– «О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе...»

Он продолжил:

– «...и считать себя царем бесконечного пространства...»

– «...если бы мне не снились дурные сны», – прошептала Роберта.

Жак понимал, каково ей. Он и сам иногда себя так чувствовал, когда просыпался посреди ночи, в три часа, когда мир кажется пустым и лишенным приятных иллюзий. Когда человек сознает, что он – жалкая пылинка

в беспредельной вселенной, пламя свечи в пустом зале. К счастью, в конце концов всегда встает солнце, начинают суетиться люди, и ты продолжаешь заниматься той ерундой, которая отвлекает от мыслей о реальности...

Проблема с Робертой Голдинг заключалась в том, что девочка была слишком умна, чтобы отвлечься. Для нее утро не наступало никогда.

– Хочешь посмотреть фильм с Бастером Китонем?

– Нет.

– А как насчет троллей? Рядом с ними грустить невозможно. Пойдем глянем, как там они?

Нет ответа.

– Ну же, – настаивал Жак.

Он поднял Роберту, набросил ей на плечи одеяло и вывел в наблюдательный салон.

Там дежурил единственный член экипажа – он читал книжку. Кивнув Жаку, он отвел взгляд. Тролли дремали, сгрудившись на носу. Детеныши и большинство взрослых спали. Трое или четверо негромко напевали о том, что сегодня не стоит надевать красное, потому что этот цвет носит моя малышка... Глупая, но красивая песенка, с безыскусными многочастными гармониями. Члены экипажа предпочитали держаться от троллей подальше. Ну или это тролли ненавязчиво сохраняли дистанцию. Но Жака и Роберту они принимали охотно.

Жак и Роберта сели на ковер и прижались к теплым и пушистым животам. Окутанные густым запахом мускуса, они чувствовали бы себя как дома, на Мягкой Посадке, если бы не странные пейзажи за окном.

– Ничего особенно утешительного, – сказала Роберта, отворачиваясь. – Просто бессмысленное животное тепло.

– Знаю, – ответил Жак. – Но других вариантов нет. А теперь постарайся заснуть.

Встреча с Джорджем Абрамсом состоялась всего лишь через пару дней после разговора с кошкой, и Мэгги не особенно удивилась. Они условились встретиться чуть дальше на Западе, в тамошней версии Техаса, в поселке под названием Искупление, удачно расположенном на пути в Вальгаллу, куда стягивались все твены, задействованные в операции «Блудный сын», чтобы окончательно решить вопрос с мятежниками, составившими Декларацию независимости.

Искупление оказалось довольно большим поселком и весьма развитым – с лесопилкой, не знавшей ни одного несчастного случая со смертельным исходом, как гласил рекламный щит. Мэгги не сомневалась, что местные уже зарегистрировали свой город в соответствующем бюро и, разумеется, не стали бы первыми тревожить «Франклин». Она радостно приказала команде отдыхать, но прежде убедилась, что Натан Босс держит ухо востро.

Мэгги принялась ждать. Она даже спросила у Шими:

– Так, ну и где Абрамсы?

Кошка негромко отозвалась:

– Вы не найдете Джорджа Абрамса. Он сам найдет вас.

Через пару часов пришло сообщение от дежурного офицера. Возле пандуса ждал автомобиль.

Он напоминал британские «Роллс-Ройсы», хотя из-под капота поднимались завитки пара. Возле открытой дверцы стоял мужчина в черном, похожий на шофера из богатого дома.

В машине, когда Мэгги села, оказался Джордж Абрамс. Отчего-то он выглядел крупнее, чем она помнила, и внушительнее... нет, моложе.

Он улыбнулся, когда машина тронулась.

– Машина принадлежит ресторану.

– Какому?

– Увидите. Очень стильно, как по-вашему? Пусть даже это лимузин в духе стимпанка... вы в порядке, капитан?

– Извините. Но вы как будто выглядите... младше.

Абрамс улыбнулся и шепотом ответил:

– Это все видимость, как мы с вами оба прекрасно знаем.

Мэгги сочла, что его слова звучат немного зловеще, и у нее включилась паранойя. Она порадовалась, что, прежде чем покинуть твен, сунула в карман локатор.

– Даже не верится, что вы задумали похищение. Должна предупредить, что мой корабль...

– Не надо мелодраматизма, капитан. Мы уже почти приехали. Город не так уж велик. Как и большинство поселений на Долгой Земле. Иногда мы забываем, насколько все тут ново. День перехода случился всего поколение назад...

Мэгги с облегчением обнаружила, что они действительно остановились возле ресторана. Она была поражена его убранством – много камня и дерева, в обычном колониальном духе, но очень изящно. Очевидно, какой-то многообещающий предприниматель понял, что даже в дебрях Долгой Земли людям иногда хочется шика.

И вино оказалось превосходное.

Сидя с Абрамсом за столиком на двоих, Мэгги иронически подняла свой бокал.

– За кого я пью? Кто вы, мистер Абрамс? Неужели я ужинаю с Корпорацией Блэка?

– В общем и целом капитан Кауфман, ответ отрицательный. Хотя я действительно сотрудничаю с Корпорацией и действую через нее – ну, как я вам и говорил. Лично я предпочитаю считать, что работаю на благо че-

ловечества. И на благо троллей. Два прекрасных вида, разделенные глупостью. Вот почему, капитан Кауфман, я обратил на вас внимание – я и кое-кто еще.

Мэгги разозлилась, вдруг почувствовав себя мишенью.

– Кто еще? Дуглас Блэк?

– Разумеется, Дуглас Блэк. Капитан, считайте себя ценным долговременным вложением. Одним из нескольких.

Кипя гневом, она не ответила.

Абрамс продолжал:

– Вы оправдали надежды, которые я питал.

– Какие надежды? Когда?

– Когда в ваше распоряжение предоставили этого красавчика, «Бенджамена Франклина», несмотря на довольно неоднородный официальный послужной список. Пожалуйста, не обижайтесь, если я скажу, что без моей невидимой руки здесь не обошлось. Одному из членов совета не понравилось, как откровенны вы относительно вашего атеистического воспитания, у другого до сих пор допотопные взгляды на женщин, занимающих командные посты...

– Просто не верится, что вы повлияли на адмирала Дэвидсона.

– Вовсе нет. Но он нуждался в поддержке совета. В любом случае даже в недрах Пентагона можно потянуть за определенные нити. Хотите еще выпить?

– Значит, мной манипулировали.

– А что касается вашего обращения с троллями – вы знаете, что сами уже фигурируете в долгом зове? «Женщина, которая позволяет троллям летать».

– Манипуляция, – повторила Мэгги. – Иными словами, моя жизнь и карьера – результат манипуляций. Ну и что я должна чувствовать? Благодарность?

– Нет, не манипуляция. Просто... вас выдвигали на нужное место. За вами оставался выбор – принять предложенную возможность или нет. В конце концов, даже в рамках вашей миссии вы, как капитан твена, достаточно независимы. Вы сами принимаете решения. Ваш характер – это ваш характер, вы такая, какая есть. Блэк, и я, и адмирал Дэвидсон – мы полагаем, что самым умным и лучшим нужно давать полную свободу действий. Ограничения были бы сродни предательству. Разумеется, за вами наблюдали. В эпоху высоких технологий за всеми наблюдают. Ну и что? А что касается так называемых манипуляций... мы, то есть человечество, столкнулись с огромными трудностями, с неведомым и непостижимым будущим. Лучше, если люди доброй воли будут работать вместе, не так ли? Послушайте, капитан Кауфман, вам необязательно как-то менять отношение к работе, когда после нашего разговора вы вернетесь на корабль. Более того, я надеюсь, что ничего не изменится.

– Я ведь не могу отказать, так?

– А вы бы отказались, если бы могли?

Она не ответила.

– Вы не скажете мне, кто вы такой?

Абрамс задумался.

– Этот вопрос, по сути, не имеет смысла, дорогая моя. Итак, что закажем?

Когда лимузин привез ее обратно, высадив неподалеку от «Франклина», Мэгги с удовольствием заметила силуэт Карла, стоявшего возле пандуса. Когда она подошла, он отдал честь – довольно ловко. И она, разумеется, его похвалила.

Было уже поздно, на корабле царил порядок, и, ненадолго заглянув на мостик, Мэгги отправилась к себе в каюту. Кошка свернулась на полу возле койки. Она мурлыкала во сне – если, конечно, спала.

Джордж Абрамс. Мэгги, разумеется, подозревала, что это ненастоящее имя. *Дуглас Блэк*. Нити, за которые потянули... точнее, дернули. Мэгги Кауфман была марионеткой. И мало что могла сделать, кроме как смириться. Ну или найти способ и обратить необычное «партнерство» к собственной выгоде.

Мэгги легла спать, не потревожив кошку.

59.

Лобсанг любил поговорить – и послушать тоже, если собеседник был достаточно смышлен. За то время, что они провели вместе, пересекая последовательные версии Тихого океана, по пути в Новую Зеландию, Нельсон понял: Лобсанг в состоянии узнать *всё*, что стоит знать. Он пытался представить, как чувствует себя Лобсанг, когда синхронизирует свои разнообразные итерации – как будто, метафорически выражаясь, все они встретились в большой комнате и разговаривают одновременно, с лихорадочной быстротой делясь впечатлениями.

В итоге путешествие прошло для Нельсона довольно приятно. Оказалось, он мог даже позабыть на время о том, что Лобсанг и непонятные сущности, стоявшие за ним, смотрели на него как на «ценное долговременное вложение» – одно из многих, как догадывался Нельсон. Загадочное сообщество предполагаемых союзников, чьи имена, скорее всего, должны были навсегда остаться для него тайной.

Впрочем, как и все путешествия, их полет пришел к концу – спустя шестнадцать дней после того, как они покинули Вайоминг.

Нельсон бывал в Базовой Новой Зеландии много раз. А в этом отдаленном мире, в семистах тысячах переходов к западу от Базовой Земли, Страна Долгих Бе-

лых Облаков была практически не населена, и ее зеленые горы и кристальные небеса оставались девственно чисты, представляя собой роскошный вид с воздуха.

Твен, продолжая движение на запад, удалялся от береговой линии в море. Наконец он остановился над маленьким островком, похожим на желто-зеленый значок на груди Тасманского моря.

– И что? – спросил Нельсон. – Что мы тут ищем?

– Посмотрите вниз, – посоветовал бестелесный голос Лобсанга.

– Что-то на острове?

– Это не остров...

Сквозь превосходный телескоп Нельсон увидел кучки деревьев, и пляж, и двигавшихся животных, похожих на лошадей и слонов... даже карликового жирафа. Потрясающая смесь. А самое удивительное, там были даже люди. Вода у кромки берега слегка бурлила, в ней явно кишела жизнь.

И за островом тянулся кильватер.

– Это не остров, – наконец сказал Нельсон. – Кажется, он живой.

– В точку. Сложный, структурный, кооперативный организм, многосоставное живое существо, которое движется на северо-восток, словно намереваясь пересечь Тихий океан...

– Живой остров! – Нельсон рассмеялся, ощутив непонятный восторг. – Старая легенда ожила. Когда святой Брендан пересекал Атлантику, ему довелось высадиться на спину кита. Если не ошибаюсь, это произошло в шестом веке. Подобные истории есть в греческом bestiarii второго века, в «Тысяче и одной ночи»...

– И вот живой остров перед вами. Нельсон, познаться со Вторым Лицом Единственным Числом.

Нельсон вздрогнул, хотя он и слышал об известном открытии Джошуа Валиенте.

- И что теперь?
- Мы отправимся в гости.
- Мы?

Дверь в общую каюту открылась, и вошел Лобсанг – бритоголовый, в оранжевом одеянии. На первый взгляд тот же самый Лобсанг, с которым Нельсон познакомился в Вайоминге.

Нельсон спросил:

- Это и есть ваш передвижной модуль?
- Притом абсолютно водонепроницаемый. Идемте.

Они отправились на корму, к люку, сквозь который Нельсон поднялся на борт в начале путешествия.

– Кстати, внизу мы будем в полной безопасности, – сказал Лобсанг. – Даже если вам захочется поплавать рядом с «островом».

– Вы с ума сошли? Я уже бывал в здешних водах. Акулы, ядовитые медузы...

- Не волнуйтесь.

Лобсанг нажал на кнопку, и из какого-то ящика появилась маленькая шлюпка. Она живо надулась и закачалась на лебедке над открытым люком.

– Я уже много раз посещал этот праздник жизни и могу вас заверить, что волноваться не о чем. Ну же, пойдёмте знакомиться.

Через пять минут они уже выбирались из шлюпки на панцирь Второго Лица Единственного Числа. Впрочем, ощущение было, что они поднимались по песчаному пляжу. «Земля» под ногами Нельсона оказалась твердой, словно этот «остров», как любой другой, уходил корнями в каменистую плоть земли.

Он окинул взглядом берег, усыпанный разбитыми раковинами и кое-где поросший лесом. Дул свежий ветерок; в этом полушарии заканчивалась зима. Пахло солью, песком, водорослями, из глубины острова доно-

сился теплый и влажный аромат растительности. Запахи и цвета, синева неба и моря, зелень деревьев просто ошеломляли глубиной и яркостью.

– Похоже на остров Робинзона Крузо.

– Да. Только подвижный. И посмотрите-ка...

Небольшой участок земли – часть огромного панциря – осторожно приподнялся, как раскрывающийся люк, и изнутри, по лестнице, с улыбками появились десятка полтора человек. Всех возрастов. Они были обнажены и загорелы, как атлеты. На Нельсона уставились несколько ребятишек.

Одна из женщин, с красным цветком в волосах, шагнула вперед и, продолжая улыбаться, произнесла на хорошем английском, хоть и со странным акцентом:

– Добро пожаловать. Какие новости? Пожалуйста, мистер, пожалуйста, нет ли у вас табачку, пожалуйста.

Лобсанг милостиво улыбался.

Нельсон с трудом выговорил:

– Кто все эти люди?!

– Ну, поскольку Второе Лицо, заблудившись, видимо, некогда забрело в океаны Базовой Земли, – сказал Лобсанг, – по крайней мере некоторые из ее пассажиров, я подозреваю, являются потомками экипажа «Марии Селесты».

Нельсон не знал, шутит Лобсанг или нет. Но суть он уловил.

Вскоре он уже смущенно сидел в кругу весьма заинтересованных и абсолютно голых людей, которым очень хотелось знать, что происходит на Базовой Земле. Они устроились рядом с импровизированным очагом – огонь разожгли на плоской каменной плите, несомненно памятуя о болевых рецепторах на спине у «острова», – и Нельсон тихонько напомнил Лобсангу, что святой Брендан вынудил кита погрузиться, когда неосторожно развел костер.

Язык островитян представлял собой креольский, составленный из разных европейских языков, с преобладанием английского, и понять его было несложно. Нельсон рассказал все, что вспомнил, о недавних событиях на Базовой. Островитяне улыбались и слушали – добродушные, чисто выбритые, откормленные, полностью нагие. Когда он сделал паузу, к столу подали половинки кокосовых орехов, полные молока.

Лобсанг сказал Нельсону, что во время предыдущих визитов сумел установить прямой контакт с самим «островом», который во многих отношениях оказался похожим на Первое Лицо Единственное Число. Каким образом он установил контакт, Лобсанг умолчал. Это существо несло на себе примерно сотню пассажиров. Некоторые оказались здесь в результате кораблекрушения или природной катастрофы – и оставались до конца жизни, ну или дожидались конца «цикла», как выражался Лобсанг, имея в виду отрезок времени, в течение которого этот доброжелательный кракен описывал очередной круг. В процессе люди могли высадиться на какой-нибудь берег и сделать его своим домом.

Но, разумеется, судя по детям, которые сидели напротив и рассматривали гостя с откровенным любопытством, маленькое сообщество было само по себе жизнеспособным. Здесь рождались люди, а некоторые проводили всю жизнь и умирали, ни разу не сойдя со спины этого терпеливого существа. Они не видели ничего странного в своем кочующем доме и образе жизни, и только в разговорах с Лобсангом Нельсон начал понимать, в чем дело.

– Этих людей кормят и оберегают, – сказал Лобсанг. – Все живые существа по соседству со Вторым Лицом крайне добродушны. Как будто она окружена аурой взаимного доверия. Конечно, ей нужно питаться, и время от времени она глотает случайную рыбку, но

Второе Лицо Единственное Число не причиняет ненужного вреда – и не позволит его причинять – никаким высшим существам. В частности, людям.

– Если животное такого размера окажется в районе транспортных путей, особенно на Базовой, могут возникнуть проблемы.

– О да. Но эти существа – я называю их транспортерами – обычно достаточно умны и держатся подальше от Базовой. Несколько я понимаю, Второе Лицо заблудилось – оно подошло слишком близко к Базовой, может быть, даже побывало на ней. И сейчас оно пытается добраться до места, которое я перевожу как «убежище». Что любопытно, оно находится вблизи залива Пьюджет. Когда мы улетим отсюда, я оставляю здесь свою копию, чтобы направить Второе Лицо в безопасное место. Большинство ее сородичей, например Первое Лицо Единственное Число, обычно обитают гораздо дальше от Базовой Земли. Не исключаю, что там своего рода центр Долгой Земли...

– В отчетах о существе, которое исследователи с «Марка Твена» – то есть, видимо, *вы* – называли Первым Лицом Единственным Числом, говорится, что оно бороздит Долгую Землю, совершая нечто вроде проверки. Критический анализ, так сказать.

– Во всяком случае, неплохая версия. Есть разные виды этих существ, хотя и не такие огромные и устрашающие, как Первое Лицо Единственное Число. Кстати, не у всех есть панцирь, похожий на раковину. Сами по себе они – организмы-колонии, как свидетельствуют моряки с военных португальских судов, но они растут и увеличиваются, собирая образчики на море и на суше. Одни, как вы видите, принимают пассажиров, другие их ассимилируют, как делает Первое Лицо. До некоторой степени они разумны. Разумеется, разум предполагает цель.

– Какую?

Лобсанг пожал плечами – капельку неестественно.

– Быть может, они коллекционеры. Современные Дарвины, которые собирают интересные образцы. Для чего? В научных целях? Чтобы населить какой-то гигантский зоопарк? Просто из эстетических потребностей? Вы увидите, что большинство животных здесь примерно одного веса и размера – нет синих китов и почти нет мышей и крыс. Как будто их намеренно отбирают. Но, возможно, я вижу слишком узко. Мне показалось, что единственной целью Первого Лица Единственного Числа было учиться и расти – и эту цель разделяют все мыслящие существа. Но, допустим, *она* – исключение...

Вне зависимости от цели, островитяне явно считали сделку выгодной, насколько понимал Нельсон. Если верить Лобсангу, живой дом заботился о них, даже когда считал необходимым погрузиться: тогда он впускал своих пассажиров, людей и животных, в полные воздуха камеры внутри панциря.

– Впрочем, он погружается редко, – сказал Лобсанг. – Вредно для растительности, не говоря уже о верхнем слое почвы. Похоже на бесконечный круиз, правда?

– Хм, «Титаник» без айсберга.

– Приятная компания, много еды, время от времени лакомство в виде устриц или случайного тюленя – кстати, дельфинов они не едят, Нельсон. И много секса.

Нельсон и сам об этом догадался по пристальному вниманию, которое обращали на него молодые женщины.

– А как же люди?

– Нельсон, в страдающих перенаселенных мирах миллиарды сочли бы благословением оказаться на этом живом острове.

Нельсон фыркнул.

Лобсанг пристально взглянул на него.

– Кажется, вам что-то не нравится. Дорогой мой Нельсон, я вижу это в вашем взгляде и выражении лица. Вы, мой друг, пуританин, и то, что вы видите, вселяет в вас ужас. По-вашему, люди не могут так жить – недостаток борьбы за существование кажется вам отвратительным, правда? В том-то, подозреваю, и кроется корень вашего подозрительного отношения к Долгой Земле. На ней слишком легко живется. Вы считаете, что человечество всегда должно устремлять взгляд к звездам, бороться, учиться, расти, совершенствоваться, бросать вызов бесконечному...

Нельсон посмотрел на Лобсанга, который оставался бесстрастным, с небольшим лишь намеком на юмор. Где начинался человек и заканчивался компьютер?

- Вы чертовски проникательны.
- Я принимаю это как комплимент.

60.

Они несколько дней провели на живом острове.

Это было довольно приятно, хотя у Нельсона никак не получалось расслабиться в окружении лотофагов – возможно, Лобсанг не ошибся, сказав, что у него душа пуританина. Невинность пассажиров Второго Лица пробуждала в Нельсоне то ли учителя, то ли пастыря.

Островитянам не хватало сырья, но у них был некоторый запас кусочков кремня, обсидиана, металла, явно доставшихся от предков – жертв кораблекрушения. Они обращались с камушками и железками как с игрушками, амулетами, украшениями. Поэтому, принеся кое-что с твена, Нельсон научил их базовой металлообработке. В том числе как тянуть проволоку, чтобы пополнить скудный запас рыболовных крючков. Он даже оставил инструкции по сборке детекторного приемника, в надежде, что однажды они воспользуются

ею и выйдут на связь с другими людьми, которых занесет в этот мир.

Островитяне кивали, улыбались, аплодировали, когда Нельсон собирал замысловатые детали, а оставшиеся кусочками проволоки украшали волосы.

Некоторое время Нельсон посвятил прогулкам в джунглях, как он их называл, — небольшому лесу на краю панциря. Лес пышно рос, несмотря на периодические погружения, и представлял собой эклектическую смесь растений, от папоротников до эвкалиптов, которая больше напоминала ботаническую коллекцию, чем нечто естественное. Многие растения Нельсон просто не узнавал. А что касается животных, Лобсанг не ошибся — примитивный отбор действительно шел в зависимости от размера и массы тела. Здешние слоны напоминали мамонтов с загнутыми бивнями и косматой оранжево-бурой шерстью, но они были карликами, не выше пони, и очень робкими.

Нельсону пришел в голову еще один вопрос: сколько лет Второму Лицу? Как долго это существо плавало по морям Долгой Земли? Как знать — не нашел бы он, покопавшись в лесу или спустившись в камеры под панцирем, скелеты доисторических животных, например стегозавра?

Но даже Лобсанг не мог ответить на этот вопрос.

На четвертый день, когда Нельсон бродил по джунглям, углубившись в собственные мысли, его догнала Касси — женщина с алым цветком в волосах. Именно она попросила табачку, когда он прибыл.

Он уже знал, чего Касси хочет. Нельсон пытался избежать ее взгляда, но под шепот моря она загнала его в угол.

— Мистер Лобсанг говорит, вы грустите. Вам не хватает любви...

Эти слова повисли в воздухе, и Нельсон буквально услышал грохот, с которым столкнулись две системы ценностей у него в голове. Да, он действительно был пуританином; всякий мальчик, воспитанный матерью Нельсона, с ее представлениями о Боге, вырос бы именно таким. Он общался с женщинами, некогда даже завел подружку, с которой они достигли «взаимопонимания», как говорили в те времена, но...

Но островитяне жили иначе. Нельсон видел здесь признаки устойчивых отношений, похожих на брак, но среди молодежи нравы были вольные. В конце концов, все друг друга знали – совсем как в приходе Святого Иоанна на Водах – и проявляли снисходительность, оберегая свой мирок.

И потом, как сказал Лобсанг, островитянам не помешал бы приток свежих генов от заезжих путешественников. Нельсон был буквально обязан принять предложение Касси.

– Немножко покувыркаемся, мистер Нельсон!

Она улыбнулась, засмеялась и подошла ближе.

И вдруг он поддался влиянию минуты, рациональная часть сознания словно растворилась, и бремя сорока восьми лет свалилось с плеч. Мир был полон света и красок, синевы и зелени, Нельсон чувствовал запах моря, растений, животных, морской соли на теле женщины, которая подошла ближе и коснулась губ кончиками пальцев – и тогда он ощутил ее вкус...

Никто их не видел. Кроме Лобсанга, наверное.

Впоследствии Нельсон старался не заходить в джунгли. И никогда больше не оставался наедине с Касси.

На пятый день они вернулись на корабль, следовавший в кильватере за Вторым Лицом, чтобы помыться и переодеться.

Лобсанг и Нельсон сидели рядом в гондоле, в привычной европейской одежде, которая теперь казалась неудобной и тесной. Живой остров плыл под ними – красивый, плодородный, странный. Словно созданный, чтобы смотреть на него с воздуха.

– Мы так и не обсудили, зачем вы заставили меня составить вам компанию, Лобсанг.

– Заставил?

– Вы сказали, что игр больше не будет. Цепочка подсказок, которой я следовал до конца, была, по сути, призывом. Теперь вы показали мне «транспортёр»...

– Как пример удивительного плодородия – или изобретательности – Долгой Земли.

– Зачем? Зачем вы меня сюда привезли, зачем показали этот остров?

– Я считаю, что ваш ум способен оценить теорию, которую я вынашиваю со времени открытия Долгой Земли.

– Какую теорию?

– О вселенной... человечестве... назначении Долгой Земли. Пока – чисто умозрительно, но очень важно. Хотите послушать?

– По-вашему, я могу не захотеть? Или попытаться вам помешать?

– Преподобный Азикиве, я невосприимчив к сарказму. Это особенность моих внутренних установок. Подумайте лучше вот о чем. *Долгая Земля спасет человечество*. Теперь, когда мы распространились по последовательным мирам, даже гибель целой планеты и возникновение новой Дыры не уничтожат людей полностью. Воистину, как скажут некоторые, Долгая Земля открылась очень вовремя. Иначе мы бы просто прикончили друг друга. Вскоре люди бы уже рылись, как шимпанзе, в развалинах цивилизации и сражались за остатки ресурсов. А вместо этого мы, недостойные

обезьяны, внезапно получили доступ к множественным мирам – и пожираем их с невероятной быстротой.

– Не все мы. Ваши островитяне ведут пассивный образ жизни и, похоже, никому не причиняют вреда. И на Долгой Земле есть множество бродяг – стригалей, как их называют, – и они тоже никого не беспокоят.

– Но посмотрите на нынешнюю ситуацию с троллями – милыми, услужливыми, доверчивыми, которых люди просто *обязаны* покорить, поработить, убить. Посмотрите на напряжение в связи с Вальгаллой и ее тихим мятежом. Я не позволю тебе жить своей жизнью, даже в миллионе миров от меня. Я должен обложить тебя налогами и контролировать!

Нельсон осторожно произнес:

– Лобсанг, вы намерены что-то сделать? Из всех существ, которые мне известны, только вы один обладаете достаточной властью...

– Да, – резко перебил Лобсанг. – На самом деле вы, быть может, не вполне сознаете масштаб моих талантов. У меня человеческая душа, но, кроме того, я намного совершеннее и протяженнее – извините за выражение, я практически вездесущ. Прямо сейчас одна из моих копий направляется в скопление комет на краю Солнечной системы. Нельсон, я внутри облака Оорта!

– О господи.

– Агнес так смеялась... жаль, что вы не видели. Послушайте, Нельсон, я повсюду, но я не Бог – и я не вмешиваюсь. Я не верю в *вашего* Бога – подозреваю, что и вы не верите. Но, полагаю, вам необходимо думать, что вселенная подчиняется некоему замыслу – замыслу, который придает всему смысл и значение.

– Какому замыслу?

– Пускай я не Бог, но у меня божественные перспективы. Долгая Земля дала человечеству иммунитет против планетарных катастроф. Но она не сделала людей

неуязвимыми перед лицом времени. Я мыслю в широком временном масштабе, Нельсон. Принимаю в расчет будущие эпохи, когда наше солнце – и прочие солнца Долгой Земли – погаснут, темная энергия расширится и произойдет Большой Разрыв. Атомы оторвутся друг от друга, и возникнет новый Гиннунгап...

– А, первичный хаос, существовавший до сотворения мира. «Не было ни песка, ни моря, ни бушующих волн, ни земли еще не было, ни неба над ней...»

– «Был только Гиннунгап, и трава нигде не росла», – закончил Лобсанг и кивнул. – «Прорицание Вельвы». Я его хорошо помню.

– Скандинавская мифология и тибетская метафизика. Интересная смесь.

Лобсанг помолчал.

– Человечество *должно* прогрессировать. Такова логика нашей конечной вселенной: мы должны поднестись навстречу трудностям, если не хотим пасть их жертвой. Вы это сами понимаете. Но, несмотря на потенциал Долгой Земли, мы не прогрессируем, а просто наслаждаемся уютом и становимся многочисленнее. В основном потому, что понятия не имеем, что делать со всеми этими просторами. Возможно, придут иные, которые будут мудрее.

– Иные?

– Да. Подумайте. Мы считаем себя мудрецами, но каким был подлинный *Homo sapiens*? Как бы он поступил? Разумеется, он в первую очередь берег бы свой мир – или миры. Он смотрел бы на небо в поисках иных разумных существ. Смотрел бы на вселенную в целом и раздумывал о ее усовершенствовании.

Нельсон задумался.

– Значит, вы считаете, что цель мироздания – чтобы люди вышли за рамки своего нынешнего состояния и исполнили великий замысел? Вы серьезно? Вы правда

полагаете, что в обозримом времени следует ожидать появления какого-то нового вида?

– Согласитесь, это не исключено. И логично. Нельсон, нам многому нужно учиться – многое открывать, многое делать. Мы об этом уже говорили. Вы оставили свой приход и ищете новую дорогу, новую точку средоточия. Я знаю, вы задаете те же вопросы, что и я. Что может быть лучше, чем работать вместе? Я очень нуждаюсь в поддержке, Нельсон. Я вижу, как переворачивается мир. Но в человеческую душу заглянуть не в силах. Кстати, как вы себя чувствуете? Вы достаточно здесь повидали?

Нельсон улыбнулся.

– Давайте погостим еще немного. Никогда не стоит спешить с прощаниями.

61.

Поскольку путешествие не приносило результатов, Билл для разнообразия стал чаще останавливаться в тех мирах, которые, по его словам, стригали называли «алмазными». Эти миры, в противоположность Джокерам, были чем-то особенно привлекательны.

Запад-1176865. Он лежал вблизи Пояса Вальгаллы – череды миров на побережье Американского моря. Но Великий Каньон здесь залила поднявшаяся река – впечатляющее зрелище, как подумал Джошуа, глядя сверху. На краю каньона недаром стояли палатки туристов.

Запад-1349877. Мир со странной, буквально неземной экологической системой. Вполне знакомые животные жили в окружении зеленых причудливых существ, которые ползали и извивались, бросая вызов классификации. Ни животные, ни растения – горки слизи, состоящие из множества разнообразных форм жизни.

Ни один биолог не исследовал этот мир. Бывавшие там стригали шепотом говорили об Огромном Боге – гигантском мифическом пришельце, который рухнул на землю сотни тысяч лет назад, оставив груды плоти, костей и жира, из которых и произошли эти организмы, потомки паразитов или, возможно, каких-то эквивалентов желудочных бактерий. Кишащее разнообразие странных форм жизни пугало Джошуа и в то же время радовало. Как будто чего-то не хватало и ему не суждено было узнать, чего именно.

И каким-то образом он пришел к ответу.

До него дошло во сне. Джошуа резко сел в темноте, а потом выскочил в общую каюту (она же камбуз, она же обсервационный салон) и устался в стенку.

– Я понял...

Ответа не было, и он забарабанил по тонкой перегородке, за которой спал Билл.

– Я понял!

– Блин, что ты понял, псих?

– Я знаю, где Салли. Она оставила мне подсказку, вольно или невольно. Точнее, не оставила, а забрала!

Билл подавил зевок.

– Что конкретно?

– Кольцо, Билл. Кольцо. Золотое, с сапфирами. То, которое я принес с собой и повесил на стенку. Оно пропало, Билл. Я не знаю, как и когда Салли проникла сюда. Понятия не имею, давно ли исчезло кольцо. Она, наверное, животик надорвала со смеху.

– Кольцо. Кольцо, блин. Джошуа, тебе понадобилось меньше месяца, чтобы это сообразить. Ну и куда мы теперь?

– На Запад-1 617 498. В Прямоугольники.

– Прекрасно. Выдвинемся утром и будем на месте через три дня. А сейчас можно я еще посплю?

62.

Готовясь двинуться на Вальгаллу, корабли, участвующие в операции «Блудный сын», собрались за сотню миров от цели и, точь-в-точь низкие облака, нависли над пустынным побережьем тамошнего Американского мира, в полутора миллионах переходов от Базовой Земли.

Когда «Бенджамен Франклин» занял свое место, Мэгги тут же передала привет с показавшегося на горизонте «Авраама Линкольна». Капитан «Линкольна» сообщил, что на борту присутствует адмирал Дэвидсон, командующий американскими ВВС на Долгой Земле, который желает видеть капитана Кауфман лично. Корабли сблизилась и приземлились. Мэгги переоделась и стала ждать адмирала в своей каюте.

Но тут ее вызвал Натан.

– Подойдите к трапу, капитан. У нас тут проблема.

Добравшись до трапа, Мэгги обнаружила, что лейтенанта Карла (тролля), с браслетом, который составлял всю его униформу, кто-то включил в число членов экипажа, которые встречали адмирала на борту «Франклина». А может быть, он сам себя включил, ведь Карл интересовался всем на свете и обожал заводить друзей. И теперь капитан Эдвард Катлер, адъютант Дэвидсона, приставлял к голове Карла пистолет.

Сам адмирал, щеголеватый шестидесятилетний мужчина, с удивлением смотрел на происходящее.

Мэгги подошла к Катлеру и шепотом спросила:

– Капитан, что вы делаете?

– Держу под контролем опасное животное. А вы что подумали?

– Капитан Катлер, он не опасен. Более того... – в присутствии этого непоколебимого и властного человека Мэгги вдруг смутилась. – Карл – член экипажа.

Катлер уставился на нее.

– Вы шутите?

– Отнюдь, – Мэгги показала браслет на руке у Карла. – И я подала соответствующие документы.

Хотя изо всех сил постаралась не привлекать к случившемуся внимания бюрократов.

– Это эксперимент по взаимодействию различных разумных существ...

Адмирал Дэвидсон открыто ухмылялся.

– Очень символично, Эд.

Катлер посмотрел на Дэвидсона, Мэгги и тролля. И позвал:

– Адкинс!

К нему подбежал лейтенант.

– Да, сэр?

– Пошлите сообщение в Белый дом как можно скорее. Сообщите президенту Коули, что мы сдаемся на милость бродяг и тунеядцев, которые наводнили Долгую Землю. А заодно передаем управление флотом троллям, енотам, луговым собачкам и прочим бессловесным тварям.

– Сию секунду, сэр.

– Но, прежде чем сложить с себя полномочия, я всажу пулю в череп этому мелкому...

Мэгги шагнула ближе.

– Катлер, у вас есть дети?

– Что? Нет.

– Капитан Катлер, лейтенант Карл не станут сопротивляться, что бы вы с ним ни сделали. Но если вы не уберете пистолет, я дам вам такого пинка, что ваши шансы когда-либо стать отцом будут равны нулю.

Слава богу, адмирал наконец зашел в ее тихую каюту. Лейтенант – другой, не Карл – подал кофе и закрыл за собой дверь, оставив их одних.

Дэвидсон подался вперед.

– Итак, капитан Кауфман...

– Сэр?..

– Я не люблю тратить время даром, и вы это знаете.

– Да, сэр.

– Давайте перейдем к делу. За то короткое время, пока вы командовали «Бенджаменом Франклином», вы начали относиться к кораблю как к личной собственности и вышли далеко за рамки приказа, которые и без того довольно широки. Проще говоря, вы сами устанавливали правила ведения операции. Более того, вы позволили потенциально опасным существам свободно рассказывать по кораблю.

– Да, сэр.

– И в результате бедный Эд Катлер потерпел унижение из-за тролля.

– Да, сэр.

Адмирал улыбнулся.

– Молодчина, Мэгги.

– Спасибо, сэр.

– Лично мне понравилось, как ты разрешила проблему в Нью-Пьюрити. Заставила похоронить троллей на одном кладбище с людьми. Это одобрили почти повсюду, куда дошли слухи. Ты проделала большую работу, причем весьма ощутимую, по внедрению идеалов, которыми, по моему мнению – черт возьми, даже по мнению некоторых лиц в администрации президента, – мы должны руководствоваться на Долгой Земле. Я хотел, чтобы вы – все капитаны – протянули руку разбросанным поселениям. Протянули руку, а не показали железный кулак. Наше дело не патрулировать колонистов и не исправлять нравы, а защищать своих граждан от внешней угрозы. Но для этого нам надо знать, кого и что мы защищаем в странном новом мире, в котором теперь живем. Чтобы добиться своего, нужно быть от-

крытым. Слушать и учиться. Именно так ты и поступила. Я бы никогда не отдал такого приказа, капитан, — тебе пришлось учиться самой, ты справилась, и я рад.

— Спасибо, сэр, — неуверенно повторила она.

— А что касается будущего... ну, человека с твоим опытом и способностями жалко употреблять в качестве няньки для идиотов, которые забыли прочесть инструкцию. Капитан, как только закончится операция в Вальгалле, ты получишь новое назначение. На «Нейл Армстронг-2».

Мэгги затаила дыхание. Второй «Армстронг» был новеньким капером, полусекретным, созданным для исследования Долгой Земли — в таких даях, где не бывал даже Валиенте. Даже разрекламированная китайская экспедиция.

— Твоей первой задачей, как ты понимаешь, будет выяснить, что случилось с «Армстронгом-1» и его экипажем. До сих пор мы даже не могли выслать корабль на поиски. Ну а теперь можем. А потом... — Дэвидсон сделал широкий жест. — *Лети*. Разумеется, команду наберешь сама.

Мэгги подумала про Мака, Натана, Гарри... даже про Тоби Фокса.

— Без проблем, сэр.

— Я так и думал.

Адмирал взглянул на часы.

— Что ж, в Вальгалле, когда мы туда прибудем, нам предстоит нелегкая работа. Думаю, наш разговор окончен, — он встал. — Кстати, я охотно повидаяюсь с лейтенантом Карлом. В менее напряженной ситуации.

В ту ночь Мэгги лежала в полудреме на своей койке, убаюкиваемая звуками корабля — тихими потрескиваниями, скрипами, щелчками, которые стали такими знакомыми. Каждый матрос знает, что корабль живет

собственной жизнью, что у него есть характер и привычки. Он даже подвержен переменам настроения.

Мэгги ощутила прикосновение лап и повернулась. В темноте маячила кошачья морда, зеленые глаза ярко светились.

– Вы не спите, – заметила Шими.

– Да ты просто гений проницательности.

– О чем вы думаете, капитан?

– Что я буду скучать по этому старому корыту.

– Говорят, вас можно поздравить.

– Ты слышала, да? И Корпорация Блэка тоже наверняка в курсе. Я ни в чем не имею права голоса. Слышите, Абрамс, где бы вы ни были?

– Вам понадобится кошка.

– Правда?

– Лично мне нравится «Бенджамен Франклин». Но я не прочь опробовать новый корабль вместе с вами. Подумайте хорошенько.

– Подумаю. Обещаю. А теперь иди спать.

– Хорошо, капитан.

63.

Через три дня после того, как Джошуа обнаружил пропажу кольца – когда они добрались до мира, который неофициально называли Прямоугольниками, – он понял, что не ошибся.

Он сидел молча, пока Билл вел корабль над пустынным морщинистым ландшафтом, направляясь в сухую, изрытую пещерами долину, на дне которой стояли знакомые прямоугольные здания, похожие на пограничные будки или фундаменты исчезнувших домов, и одна монументальная каменная постройка, словно пирамида с отпиленной верхушкой.

Даже с воздуха Прямоугольники вселяли уныние. Десять лет назад, вместе с Лобсангом и Салли, Джошуа обнаружил там разумную жизнь – в виде каких-то рептилий. Как они догадались, что эти существа были разумными? Только потому, что в груде иссохших скелетов в пещере, в которую упомянутые рептилии забрались умирать, Джошуа нашел кольцо, надетое на чей-то бывший палец. Золотое кольцо с сапфирами. Значит, здешние обитатели явно были разумными, и они давно умерли, и Джошуа ощутил странную экзистенциальную грусть при мысли о том, что они разминулись. Словно он стоял на берегу необитаемого острова и смотрел, как мимо проходит корабль.

Как ни странно, он чувствовал то же самое теперь, когда Долгую Землю покидали тролли. Еще больше миров, где чего-то недостает...

– Да, это здесь! – крикнул он Биллу. – А я думал, мы тут увидим толпу троллей.

Билл пожал плечами.

– Я и не надеялся, что будет так легко.

– Да, похоже на то.

– Классический засушливый Джокер, – заметил Билл. – Если верить приборам. Сухо, как в глотке после пьянки.

– Остановись где-нибудь подальше от того здания. Там жарковато.

– Лично я думаю остановиться рядом с тем человеком, который нам машет.

Джошуа отвел взгляд от «пирамиды» и увидел, что на верхушке утеса расстелены серебристые спасательные одеяла – так, чтобы их было видно сверху, но не с земли. И там стоял кто-то в оливково-зеленом комбинезоне и махал обеими руками.

– Отличная идея, – сказал Джошуа.

«Шиллейла» мягко приземлилась. На сей раз сошли оба, взяв рюкзаки и приготовившись к приключениям. Билл прихватил с собой переходник и прибор Лобсанга.

Джошуа не особенно удивился, когда увидел, кто именно подал им знак.

– Лейтенант Янсон.

– Джошуа!

Янсон похудела и побледнела, ее лицо покрывал пот – видимо, ей стало намного хуже по сравнению с последним разом, когда они виделись. Когда мужчины подошли, она села на камень, явно утомленная.

– Значит, мы прибыли в нужный мир. Мы правильно поняли.

– Насчет того, что мисс Линдси забрала кольцо? Оно подсказывало, куда нужно лететь, да. Она жаловалась, как трудно было его найти. «Подумать только, этот идиот потащил кольцо с собой» – боюсь, мисс Линдси выразилась именно так. Но она *надеялась*, что ты не заметишь отсутствие кольца. А если даже заметишь, то не последуешь за ней. Она надеялась на это и в то же время рассчитывала, что ты придешь... Не сразу и сообразишь, Джошуа.

Тот покачал головой.

– Коп остается копом, даже на пенсии. Только коп назовет Салли «мисс Линдси». Мы должны были прийти, Моника. У нас свое задание. От Лобсанга. Насчет троллей.

Янсон улыбнулась.

– Полагаю, Салли и это предвидела. «Лобсанг, большой любитель лезть в чужие дела, просто обязан сюда замешаться»...

– Да, да.

– Салли рассчитывала, что ты придешь, Джошуа. Хотела она того или нет. Поэтому я здесь. Салли оста-

вила меня здесь, чтобы я тебя дождалась. Я своего рода прикрытие. Она заключила какой-то замысловатый договор с биглями.

Джошуа уставился на нее.

— С биглями?..

— Да. Долгая история. По правде говоря, они, кажется, обрадовались, что я убралась с глаз долой, — для них я плохо пахну. Мы прибыли сюда месяц назад и, по большей части, тянули время, надеясь, что подвернется какой-нибудь вариант. Салли терпелива. Инстинкты охотника, видимо. А мне было труднее.

Джошуа внимательно взглянул на Янсон.

— Я так понимаю, ты обходилась своей аптечкой.

— Да, и все в порядке, так что не нервничай. Теперь послушай, Джошуа...

Она быстро изложила суть ситуации. Мир в двадцати шести переходах от Прямоугольников. Кобольды. Разумные псы.

— Финн Маккул... — прорычал Билл. — Он ведет двойную игру, зуб даю. Вот мелкий поганец.

Джошуа смутился.

— Как-то все запутано.

— О да, — подтвердила Янсон.

— Вот что происходит, когда Салли Линдси вмешивается в твою жизнь. Но, как я уже сказал, у нас свои дела. Ладно. Оставим корабль здесь и дальше пойдем сами...

— Отлично. В определенное время дня они ждут на той стороне, чтобы встретить меня, когда я решу вернуться. Кстати, у вас нет кофе? Мой уже давным-давно закончился.

Последний переход на Запад-1617524 завершился сюрпризом. Хотя Янсон его и предупредила, Джошуа ожидал увидеть очередной засушливый Джокер, напо-

добие Прямоугольников. Но засушливым этот мир не был. Он оказался влажным, зеленым, свежим. Джошуа не удержался и сделал глубокий вдох.

Потом он заметил, что здешняя зелень – не просто лес или прерия, а поля, на которых паслись животные – практически домашний скот. За животными следили прямоходящие существа, издавела похуже на людей.

Наконец он увидел и самое главное. Животных, которые стояли перед ним и вполне могли быть названы собаками. Хотя собаками они не были.

Десятка полтора прямоходящих псов, выстроившихся аккуратными рядами. Двое, стоявшие по центру, казались самыми важными, судя по надетым на них поясам.

Пояса. На собаках.

С поясов свисали какие-то инструменты. И оружие. Нечто вроде арбалета. И лучевой пистолет. Нелепая штуковина, похуже на реквизит из старого фильма. Точь-в-точь как описала Янсон.

Из тех, что стояли в центре, один был самец, другая самка. Самец был выше. Рослое красивое животное. И в то же время не вполне животное. Джошуа, даже сознавая опасность, в которой они оказались, отчасти ликовал. Разумные существа, совершенно новый вид, притом не вымерший тысячу лет назад, как в Прямоугольниках.

У Билла отвисла челюсть.

– Я сплю. Вы, конечно, нас предупредили, лейтенант Янсон, но это бред какой-то, – сказал он, качая головой.

Самец повернулся к Биллу и обнажил зубы совершенно по-волчьи. Джошуа испытал шок, когда пес заговорил.

– Нет. Ты не спишь.

Слова перемежались собачьим рычанием, однако звучали вполне отчетливо.

Янсон произнесла:

– Джошуа, Билл, позвольте представить вам Лили и Снежка.

Хоть Янсон и ввела их в курс дела, Джошуа тоже казалось, что он спит.

– Снежок?..

Янсон поочередно указала на людей.

– Джошуа Валиенте. Билл Чамберс, его спутник. Джошуа – тот человек, которого обещала вам Салли.

– «Обещала»?

– Ну да, она кое-что придумала. Поскольку ты все равно должен был прийти, она решила обратить это в свою пользу и разрекламировала тебя как необычайно могущественного представителя людей...

– Очень мило с ее стороны.

Снежок изучал Джошуа.

– Ты посол человеческой Внучки?

– Внучки?

– Так они называют правителя, – объяснила Янсон.

– А, нет, у нас нет Внучки, э-э... Снежок. Не в том смысле, как принято здесь. Но – да, я посол. Наверное, так будет правильно сказать. Я пришел, чтобы решить проблему с троллями...

Прежде чем он успел договорить, Снежок, не двинув и мускулом, издал негромкое рычание, и двое стоявших позади него псов немедленно метнулись вперед. Они схватили Джошуа, прежде чем тот успел спохватиться, и крепко прижали ему руки к бокам.

Джошуа поборол инстинктивное желание перейти.

– Эй, что вы делаете?

Снежок кивнул.

Джошуа бросили ничком, вдавив лицом в изрытую колями землю. Раненое плечо отозвалось дикой болью. Он заставлял себя терпеть и оставаться на месте. Пока еще...

Он поднял голову и встретил взгляд самки. Лили. Она разворачивала ткань и доставала маленькие деревянные горшочки, железные и каменные лезвия, иглы, нитки. Нечто вроде примитивного набора полевого медика. Глаза у нее были волчьи, но, как ни странно, ласковые.

Джошуа спросил:

– Что?.. Зачем?

– Пр-рости.

Она протянула руку, и Джошуа почувствовал, как на нем разрывают рубашку.

Даже тогда он не перешел.

Янсон явно встревожилась.

– Джошуа! Прости. Салли действительно называла тебя послом. Наверное, они это заранее придумали. Нам в голову не пришло, что с тобой будут так обращаться...

Больше он ничего не слышал, потому что на затылок ему обрушился тяжелый кулак, с силой вдавив носом в грязь. И в любом случае лишив возможности перейти.

Вспыхнула боль – пронизывающая, острая. И Джошуа потерял сознание.

64.

Очнулся он, сидя на жестком стуле. Боль в спине напоминала изысканный гобелен.

Перед ним маячила морда. То ли песья, то ли волчья. Но нелая.

Морда принадлежала самке по имени Лили. Она взглянула на Джошуа, приподняв одно веко кожистым пальцем. Потом повторила: «Пр-рости». И отодвинулась.

К нему подошла Салли.

За ее спиной Джошуа разглядел комнату – просторное помещение с каменными полами и стенами, крепкое, унылое, ничем не украшенное. Пахло псиной. Были там и другие люди. И собаки.

В голове постепенно ясноло. Джошуа чувствовал себя так, словно его накачали лекарствами.

– Джошуа, не переходи.

Он с усилием сосредоточился.

– Салли?

– Не переходи. Что угодно, только *не переходи*. Наконец-то ты здесь. Я не сразу отследила ваш летающий трейлер. Но, кажется, ты наконец сообразил, какую подсказку я тебе оставила...

– Кольцо.

– Да, кольцо.

– Чем оно так важно?

– Сам увидишь. Извини.

– Извини? За что? И почему нельзя переходить? – спросил Джошуа заплетающимся языком.

Она взяла его за щеки, заставив смотреть на себя. Джошуа тщетно пытался припомнить, когда Салли в последний раз к нему прикасалась, не считая хватания за шиворот во время очередной передраги, например когда он застрял в обломках «Пенсильвании».

– Потому что если перейдешь – умрешь.

– Спина? – догадался Джошуа.

– Что-то вроде «скобок».

Янсон! Он туманно посмотрел вокруг и увидел Янсон, которая сидела на земле у стены. Над ней стоял здоровенный пес.

– Скобки? – уточнил Джошуа. – Как у северных корейцев. Кусок металла, вживленный в сердце заключенного. Если человек перейдет...

– Да. В твоём случае – более грубый вариант, примерно того типа, что использовали некоторые военачальники в Центральной Азии. Джошуа, не откидывайся назад. К тебе приделали штуку вроде арбалета. Дерево, камень, веревки – и железное острие. Можешь здесь ходить повсюду. Понятно? Но если перейдешь...

– Железо останется в этом мире. Арбалет сработает, и стрела пронзит мое сердце, так? Понятно.

Джошуа принялся укладывать новую информацию у себя в голове. Не переходить. Не переходить. Он пощупал грудь. Под лохмотьями рубашки оказалась прочная полоса кожи.

– Что мне мешает просто разрезать ремень?

– Во-первых, арбалет выстрелит, – ответила Салли. – А во-вторых, он пришит к тебе. То есть ремень вокруг груди его поддерживает, но...

– Они пришили ко мне эту штуку?!

– Пр-рости, пр-рости, – сказала Лили. – Пр-риказ.

Она принесла Джошуа деревянную кружку – простую и гладкую. В ней был теплый мясной бульон. Джошуа с благодарностью его выпил – и понял, что проголодался. Значит, он вряд ли пострадал серьезно.

– Приказ?

– Она не виновата, – объяснила Янсон. – Лили здесь, кажется, вроде врача. Она постаралась все сделать чисто и профессионально. Даже дала тебе что-то вроде болеутоляющего. Если бы операцию предоставили другим... Джошуа, извини, правда. Я не думала, что они вот так на тебя набросятся.

– Подозреваю, ты бы им не помешала, лейтенант Янсон.

– У нас ведь есть план. Точнее, был, пока ты не появился. Мы хотели приспособиться...

Салли сказала:

– Трудно разгадать мотивацию разумных существ, не похожих на людей. Мы не ожидали, что они будут так с тобой обращаться. Не исключаю, что среди биглей именно это называется дипломатией. Напасть на посла, как только он появится. Впрочем, скобки – чисто человеческое изобретение. Люди их придумали, чтобы контролировать себе подобных.

Джошуа проворчал:

– Да, да, я усвоил урок. Но кто-то же принес эту технологию сюда. Кто-то научил здешних собак...

– Биглей, – поправила Салли.

– ...обрабатывать железо.

– Я научил. Привет, бездорож-жный.

Джошуа оглянулся – на сей раз медленнее и осторожнее. Он увидел нескольких псов – то есть биглей, – вытянувшихся словно по стойке «смирно» над своим сородичем, лежавшим на куске торфа, на живой зеленой травке, как на ковре. Салли стояла рядом с Джошуа, Янсон и Билл сидели на полу, прислонясь к стене. А в другом углу, под присмотром стража...

– Финн Маккул! Ну и вид у тебя.

Кобольд явно был избит, он едва мог сидеть прямо. Очки пропали, один глаз закрылся, обнаженный торс покрывали синяки, ухо было откушено – Джошуа разглядывал следы зубов и грубые стежки. И все-таки Маккул ухмылялся.

– Это бизнес-с. Мы рассказали биглям про вас-с, бездорож-жные. Ваш-ши корабли мелькают в здеш-шем небе. Вы бы рано или поздно заметили биглей. Мы с-сказали им: будьте наготове. Научили с-ставить с-скобки. И получили хорош-шую цену.

– Ты велел биглям пришить ко мне арбалет?

Кобольд с трудом рассмеялся.

– Нет. Жаль.

– Вот ублюдок, – прорычал Билл Чамберс.

Джошуа продолжал:

– Так что с тобой случилось, Маккул? Не сошлись в цене?

– Это пр-приказ, – слышался чей-то голос – голос бигля, но звучал он более плавно, по-женски. – Мой пр-приказ. Пр-приказы всегда мои...

Джошуа повернулся к псам, стоявшим вокруг «ковра». Он узнал рослого Снежка. У того по-прежнему на поясе, рядом с грубыми каменными и железными лезвиями, болтался лучевой пистолет, как в фантастическом фильме пятидесятых годов. Снежок стоял спокойно, но явно держал ухо востро.

Он охранял самку, которая совершенно по-собачьи растянулась на траве. Это она заговорила с Джошуа.

Салли посматривала на него с долей сочувствия, хоть ее и забавляло то, как он откровенно растерялся.

– Классическая сцена для Долгой Земли, правда, Джошуа? Встреча трех совершенно не похожих разумных существ – четырех, если считать строителей Прямоугольников, за кадром. Они выросли на разных Землях и вдруг сошлись вместе... – Салли кивком указала на лежавшую на траве самку. – Познакомься с Петрой. Это Внучка, правительница Логова, то есть города, который называется Глаз Охотника.

– Внучка?

– В здешней иерархии на две ступени ниже Матери, если не ошибаюсь. Главная в этом собачьем государстве зовется Матерью, дальше идут Дочери и Внучки...

– Петра?

– Псевдоним, насколько я понимаю. Ты, скорее всего, язык себе откусишь, если попытаешься выговорить настоящие имена биглей. В любом случае нам, простым людям, их не открывают.

– То есть мы не первые, кто здесь оказался.

– Видимо, да. Чертовы стригали проникают повсюду. А теперь слушай внимательно. Петра главная, и она это сознает.

Джошуа повернулся к Петре.

– Ты отдала приказ прийти ко мне арбалет?

– Давай пр-роясим, Джошуа. Чего мы оба хотим? Тебе нужны тр-ролли. Да? Заключить мир-р.

– Затем я и пришел.

– Я тоже, – сказала Салли.

– Очень хор-рошо. Но мне дела нет до тебя и до тр-роллей. Хотя у тр-роллей кр-расивая музыка. Вот до чего мне *есть* дело.

Она сняла лучевой пистолет с пояса Снежка, подержала в изящных пальцах, нацелила в голову Джошуа – и спустила курок.

Джошуа не дрогнул, хотя углом глаза заметил, что Янсон и Билл отпрянули. Конечно, ничего не произошло. Убивать его пока не собирались, хоть Джошуа и подозревал, что рано или поздно этот вопрос возникнет.

Внучка сказала:

– Ор-ружие. Приносит он, – она указала на рабелепно ухмыляющегося кобольда. – Откуда? Из миров, котор-рые не пахнут.

– То есть из последовательных, – шепотом объяснила Салли. – Эти воинственные псы не умеют переходить. Потому они и поставили тебе скобки.

– С ор-ружием Глаз Охотника – сильное Логово. Сильнее, чем у вр-рагов.

«Внучка, – полуосознанно подумал Джошуа. – У собак много щенят. Внучка верховной королевы имеет массу соперниц...»

Салли сказала:

– Джошуа, пойми. Насколько я могу судить, биглям нет дела ни до нас, ни до переходов в другие миры. Их интересуют только местные войны, собственная жизнь и конфликты. Мы, в конце концов, – просто средства.

– Разве у людей не то же самое?

– О да. И прямо сейчас биглям нужно оружие, чтобы продолжать войну.

– Лучевые пистолеты?

– Ор-ружие умир-рает, – Внучка презрительно швырнула пистолет на пол. – Этот вот знает, – она указала на кобольда. – Знает, где ор-ружие. Как достать. Ор-ружие пр-риносят понемногу, дор-рого, а потом оно умир-рает. Хватит. Мы заставили его помочь...

Она поиграла кусочком плоти, висевшим на бечевке. Это было ухо. Ухо кобольда. А рядом, на втором шнурке – Джошуа увидел, когда пригляделся, – висело кольцо, такое же, как у него.

– Но у кобольда нет для нас ор-ружия.

– Проблемка, – прошипел кобольд и в тревожной улыбке оскалил окровавленные зубы, бегая взглядом по лицам людей.

– Да уж, – заметил Джошуа.

Он пока еще не вполне понимал. Но кольца, добытые в одном из соседних миров, явно были чем-то важны. Это знала Салли. Забрав кольцо Джошуа, она хотела что-то выторговать...

– Вот в чем суть, – быстро сказала Салли. – Биглям нужно лучевое оружие. Оно лежит в тайниках, в Прямоугольниках.

– Где? В чем?

Салли скрипнула зубами.

– Сейчас самое время для лекции по археологии, Валиенте. Просто слушай!

Она заговорила очень быстро, и Джошуа понял: Салли надеялась, что бигли и кобольд не поймут.

– Тайники, которые успел навестить кобольд, уже истощены. Они закрылись. Чтобы вскрыть новые, нужен ключ.

Джошуа, в кои-то веки необычайно сообразительный – возможно, от боли, – наконец сложил два и два.

– Ключ – это кольцо, которое мы нашли в пещере, полной костей. Кольцо, которое я увез с собой, а ты забрала с корабля...

– И спрятала на себе. Бигли не знают, что оно у меня.

– Неудивительно. А кольцо, которое носит Внука...

– Это ключ от старого тайника, который уже истощился.

– Маккулу нужен новый. Он, ну или его дружки, наверняка прочесали Прямоугольники в поисках ключей. Отчего он не унес кольцо раньше?

– Сняв с пальца скелета? Может быть, мертвецы для них табу. Или инстинкт помешал. Кобольды – не мы, Джошуа. Они ищут не так, как люди.

– Ну и что теперь?

– Мы заключили сделку. Бигли не умеют переходить. Поэтому мы смотаемся в Прямоугольники – я, Янсон и кобольд. Он покажет, где тайник, мы откроем его при помощи кольца и вернемся обратно с грузом лазерного оружия. Действующего. То есть план *был* таким. Но я тянула время, Джошуа. Целый месяц. Прежде чем отказаться от нашего единственного преимущества. Прежде чем отдать высокоэнергетическое оружие этим существам, с которыми мы только что познакомились. Я надеялась, что подвернется какой-нибудь вариант, что мы сумеем отсюда выбраться. Я очень рассчитывала на тебя, Джошуа. Думала, что, как только ты придешь – если придешь, – тут-то мы и выкрутимся. Как-нибудь. Сбежим, найдем троллей. А вместо этого...

– Мне пришили к спине арбалет. Извини, что разочаровал.

– Не извиняйся, – без доли иронии ответила Салли. – Ты не виноват. Я, опять-таки, ошиблась, пытаясь просчитать поведение биглей.

Она вздохнула.

– Пока ты был без сознания, мы разговаривали. И кое до чего договорились. Думаю, нам таки придется принести чертово оружие. Если оно существует и если мы сможем с ним вернуться. Если мы раздобудем оружие, нам разрешат поговорить с троллями. Но ты остаешься заложником, чтобы мы не удрали.

– По-моему, именно это вам и следует сделать. Уходите. Возьми с собой Янсон и Билла...

Салли раздраженно втянула воздух.

– Ты идиот, Валиенте. Лично мне все равно, застрянешь ты здесь или нет, но Хелен меня убьет. И потом, в перспективе, что толку? Мы каким-то образом должны решить проблему с троллями. И разрулить отношения между людьми и биглями. Мы вернемся с оружием, а потом, когда обе стороны получают то, что хотят...

Джошуа, морщась от боли при каждом движении, повернулся к Внучке.

– Да, что потом, Внучка Петра? Нас отпустят?

Она улыбнулась. Губы вздернулись, обнажив сверкающие клыки. Выражение было почти человеческое, хоть и жуткое.

– Вы останетесь живы. И, возможно, не умрете и потом, если будете игр-рать честно...

Джошуа задумался.

Тут заговорил Билл:

– Джошуа, не забывай, они не люди. «Честно» для чертова Маккула значило что-то совсем иное. И мне интересно, что это слово значит для разумных существ, которые произошли от хищников, живущих стаями...

– У меня такое ощущение, что я это выясню, – опасно сказал Джошуа. – Но давайте по порядку.

Он аккуратно встал. Тут же в спине вспыхнула боль, и он пошатнулся. Салли схватила его под руку.

– Где тролли?

65.

Выполняя свою часть сделки, Янсон, Салли и кобольд вернулись в Прямоугольники.

Несмотря на большую дозу таблеток от тошноты, переходы были для Янсон сродни ударам под дых. Добравшись до Прямоугольников, она со стоном сложилась пополам.

Салли стояла над ней и гладила по спине.

– Ты в порядке?

– Никакого улучшения с тех самых пор, как я перешла впервые...

– В День перехода, да. Я знаю. Прямо из отцовской гостиной, с переходником, который он собрал и оставил дома.

Янсон, по-прежнему согнутая, раздраженно топнула.

– Проблема не только в переходах. Моя проклятая болезнь. Она страшно мешает.

– Могу представить.

Остальные несколько минут ждали, пока она не пришла в себя и не выпрямилась. Салли была серьезна и терпелива. Кобольд стоял рядом и явно нервничал. Его собственные раны, очевидно, болели, но он копировал позу Салли и даже склонил голову, словно в знак насмешливого сочувствия. Взгляд Маккула перебегал с лица на лицо, как будто в поисках одобрения. Янсон с отвращением отвернулась.

Она огляделась. Над головой висел твен – «Шиллейла», – массивный, вселяющий уверенность. Янсон сделала глубокий вдох. Пахло сухостью, горячим ржавым камнем. Но не псиной, что было весьма приятно.

Салли коснулась ее плеча.

– Мне придется вернуться с лазерными пистолетами, или уж не знаю чем еще, потому что там Джошуа.

Конечно, если мы вообще найдем оружие. Но бигли не доберутся до тебя: они не умеют переходить. Ты можешь уйти, Янсон. Поднимайся на корабль и...

Янсон устало улыбнулась.

– Бросить Джошуа? Салли, я знаю его с детства. Джошуа – это Джошуа, и он отправился за тобой в том числе потому, что я много лет назад вошла в его жизнь. Понимаешь? Я подталкивала Джошуа. И, как и ты, не собираюсь теперь спасать свою шкуру.

Она взглянула на кобольда.

– Хоть, признаюсь, я понятия не имею, отчего этот тип не сделал ноги. Зачем ты там остался и позволил себя избить?

– Лекар-ства, – просто ответил кобольд. – Бедного Финна Маккула накачали лекар-ствами. Я не мог пер-рейти.

– Но с нами ты взял и перешел, – напомнила Янсон. – Значит, действие лекарств уже закончилось. Однако ты не убегаешь.

Салли усмехнулась. Эта гримаса неприятно напомнила Янсон биглей, собаколюдей.

– Он знает – если он сбежит, я его найду. Ты нигде не спрячешься, слышишь, мелкий поганец? Куда бы ты ни пошел, я тебя найду и убью.

Кобольд пожал плечами. Он и так уже был достаточно напуган.

– Бедный Финн Маккул, – повторил он.

Жара и сухость лишали Янсон сил.

– Может, пойдем поскорей?

– Отличная идея, – Салли бросила взгляд на долину, на внушительный силуэт каменного здания. – Нам всем вредно здесь околачиваться.

У нее в руках вдруг оказалось кольцо.

– Тебе это было нужно, Финн Маккул?

Тролли собрались на берегу реки. Джошуа и Билл подошли к ним. Билл нес рюкзак, в котором лежал па-
тентованный «набор переводчика».

Каждый шаг причинял Джошуа мучительную боль. Поясница горела и намокла; видимо, швы расходились оттого, что он нес на себе тяжелый арбалет. Если так, подумал Джошуа, он медленно умрет от потери крови, если только не перейдет, чтобы свести счеты с жизнью поскорей. Раненое плечо тоже ныло, внося дополнительное звучание в симфонию нестерпимых болей.

Он пытался сосредоточиться на том, что видел вокруг. Широкая, быстрая, спокойная река, на берегах – зеленые поля и рощицы. Странный скот пришел сюда с полей на водопой. Животные лакали, склонив уродливые головы.

У воды сидели и тролли. Целая компания собралась там, где река подходила ближе всего к городу – там, где землю прорезали ирригационные каналы и сточные трубы. Хоть тролли в этом мире и вели оседлый образ жизни, они, как обычно, двигались туда-сюда, переходя и возвращаясь. Разведчики и охотники, словно призраки, так и мелькали вокруг стаи.

Она состояла из сотен троллей. Джошуа понял, что они уже провели здесь некоторое время – земля была истоптана, в воздухе висел характерный мускусный запах. Джошуа заметил и другие стаи – дальше на берегу, и на той стороне реки, и в зарослях. Долгий зов – облако эфемерных воспоминаний – звучал не смолкая.

Разумеется, в других мирах Долгой Земли тролли еще оставались; никто в точности не знал, сколько их всего. Но, похоже, именно здесь они концентрировались, Джошуа это понимал. Мир биглей стал центром притяжения троллей популяции.

И сидевшая перед ним стая служила своего рода осью. Тут были Мэри и ее детеныш Хэм, по-прежнему

в лохмотьях серебристого скафандра, в который его нарядили исследователи.

Когда Джошуа и Билл приблизились, тролли не замолчали, хотя заметно убавили громкость. Хэм сосал палец и наблюдал за людьми, широко раскрыв глаза, с явным любопытством, как любое маленькое млекопитающее.

Билл снял со спины рюкзак. В нем лежал прибор, похожий на пустую черную дощечку, с раскладными ножками. Билл раздвинул их и установил «переводчик» напротив троллей.

Джошуа взглянул на приятеля.

– И все? Ни кнопки «пуск», ни загрузки?

Билл пожал плечами.

– Очередная хрень от Корпорации Блэка. Это не похоже на те переводчики вроде дудочки, которые описывала Салли. Совсем новенькая хрень. Ты уже знаешь, что хочешь сказать? Как ты намерен убедить троллей, что люди их любят?

Джошуа нарочно не стал придумывать заранее. Он не любил говорить на публике, и даже необходимость готовиться к городским собраниям в Черт-Знает-Где вселяла в него ужас.

– Как-нибудь симпровизирую.

Билл осторожно похлопал друга по плечу.

– Ну, удачи.

И отошел.

Джошуа взглянул на троллей, выпрямился и постарался не обращать внимания на переливчатую боль в спине. Он чувствовал, что за ним наблюдают сотни темных непроницаемых глаз, которым (напомнил он себе) при необходимости послужат подкреплением сотни волосатых кулаков, похожих на стальные молоты. Джошуа был представителем человечества, которое в миллионах миров продолжало обращаться с их соро-

дичами как с безмозглыми животными. Ну и что он мог сказать троллям?

Джошуа раскинул руки.

– Добрый день.

– Еще утро, – пробормотал Билл.

– Вы, наверное, гадаете, для чего я собрал вас сегодня?

– Правильно. Начни с шутки.

Тролли не двигались.

– Ну и публика. Не расшевелишь.

– Заткнись, Билл.

– Это не я, Джошуа.

Джошуа обернулся. Рядом с ним стояла фигура – высокая, прямая, спокойная, с наголо бритой головой, в оранжевом одеянии и с метелкой в правой руке.

– Лобсанг!

– Я не хочу перехватывать инициативу, Джошуа. Просто подумал, что поддержка тебе не помешает.

– Да уж, безопасность лишней не бывает, – негромко произнес Джошуа.

Лобсанг улыбнулся, и изображение вдруг мигнуло, превратившись в облако квадратных пикселей, сквозь которое просвечивал зеленый луг. Точки вновь слились. Джошуа догадался: голограмма, переданная при помощи проектора. Лобсанг сделал шаг вперед, кинув взгляд на электронный переводчик.

– Валяйте, ребята.

Из прибора, наполнив музыкой воздух, вырвалось чарующее пение огромного хора – громоподобная мелодия в тысячу голосов. Джошуа она показалась не вполне человеческой, но и не вполне троллей. Что-то среднее.

Тролли, казалось, удивились. Они перестали чесать и встали, повернувшись к Лобсангу. Джошуа услы-

шал, что в их пении зазвучали мотивы, вырывавшиеся из прибора.

Лобсанг вскинул руку, потрясая метелкой.

– Друзья мои! Вы меня знаете. Я Лобсанг, известный вам как Мудрый. А это Джошуа. Его называют Скитальцем. Да, Скитальцем. Мы забрались так далеко, чтобы поговорить с вами...

Он подкреплял свои слова примитивным языком жестов, и его голос, тонкий, высокий и отчетливый, как звук трубы в симфонии Баха, перекрывал лившееся из прибора пение.

– А я-то думал, что страннее уже некуда, – пробормотал Джошуа.

Билл сказал:

– Наверное, Лобсанг может отправить картинку в любое место на свете. Поговорить со всеми троллями, какие встретятся. Голограмма не устает. Лобсанг, мировое турне – 2040. А главное, *нам* не придется стоять и слушать каждый раз, когда он будет говорить...

Салли протянула Финну Маккулу кольцо.

– Показывай.

– Запрос-сто, – ответил кобольд.

Он сжал кольцо двумя пальцами, положил на ладонь, покрутил и...

Кольцо взвилось в воздух, продолжая вращаться, пролетело мимо уха Янсон, как ярко-синий шмель, и направилось прямо к каменной постройке. Оно стало ввинчиваться в землю у основания фасада, крутясь как бурав и вздымая фонтанчик песка, пока не исчезло.

Воцарилась тишина.

Салли с явной досадой взглянула на кобольда.

– Что теперь?

– Прос-сто ждите.

Янсон улыбнулась.

– Ты сердишься?

Салли покачала головой.

– Меня просто бесят такие штуки. Идиотские фокусы. Волшебные кольца и так далее. Я-то могу представить, как они работают. Крошечные акселерометры, которые улавливают вращение, активирующее ключ, что-то вроде навигатора, который определяет, куда кольцо должно лететь, ну и небольшая силовая установка – магнит или даже микроракета. Просто дурацкие эффекты, чтобы впечатлить легковых. Только дурак спутает с магией.

Земля под ногами задрожала.

Янсон, у которой закружилась голова, быстро отступила. Песок, выброшенный из ямки, повис в воздухе. Мимо промчалось похожее на ящерицу животное, ища укрытия под грудой камней. Над головами с тревожным карканьем в небо взвились птицы, напоминающие сарычей.

Послышался скребущий звук.

И, к невероятному удивлению Янсон, часть долины пропала из виду. Она ушла под землю, и обнаружилась...

Лестница. Ступеньки, вырубленные в камне.

– Ха! – Салли хлопнула в ладоши. – Я так и знала. Естественная концентрация урана, чтоб мне сдохнуть.

Кобольд подошел к Янсон.

– Дай.

– Чего тебе дать?

– Вот это, – он похлопал себя по запястью.

Недоумевая, она протянула ему старые полицейские часы.

Маккул поднес их к свету, разглядывая циферблат.

– Вос-семь минут.

— Я знала, — повторила Салли, разглядывая дыру в земле. — Я так и сказала в самый первый раз, когда мы сюда пришли. В этой пирамиде или под ней — склад радиоактивных отходов. Старый, очень старый, давно заброшенный. Но радиация еще не иссякла. Помойка настолько древняя, что последующие поколения, давно забывшие про достижения своих предков, пришли сюда, привлеченные странными феноменами, которые происходили на этой мусорной куче. И постепенно радиация их убила. Разумеется, именно так и должно было случиться. Все древние цивилизации оставляли после себя подземные тайники, полные секретного оружия. Подозреваю, каждый ключ одноразовый...

Полицейский инстинкт подсказывал Янсон, что здесь кроется нечто большее, чем штампы из старых фильмов. «Этим секретам миллионы лет. Что может пролежать так долго? Зачем вообще устраивать такие тайники? Для кого? Единственный вариант — если кто-то их пополняет. Но кто, как и почему?»

Кобольд продолжал глядеть на часы, являя собой карикатуру на судью с хронометром, и времени на размышления не было.

Янсон повернулась к нему.

— Восемь минут до чего?

— Потом гробница закроется опять, — Маккул разглядывал часы, но, видимо, цифры были для него загадкой. — Уже меньш-ше...

— Я пойду туда, — сказала Салли.

— Нет, — Янсон схватила ее за руку, собрав остаток сил. — Ты сказала, что там радиация.

— Да, но...

— Мне уже все равно, Салли. Я пойду сама.

— Моника...

— Я серьезно. У меня, в конце концов, долг перед Джошуа.

Она решительно взглянула на Салли.

– Или мне помахать перед тобой значком?

– Ну, иди. Иди, иди! – Салли буквально оттолкнула от себя Янсон.

Янсон обессилела, всего лишь перейдя сухое русло, отделявшее ее от дыры в земле. Справится ли она? Или застрянет внизу, когда истекут восемь минут? В любом случае ничего не поделаешь. Надо идти вперед.

К счастью, по лестнице, высеченной в каменной стене, она спустилась без особого труда – упоры для рук и ног были достаточно большими. Вот насчет обратного пути Янсон сомневалась...

– Салли, сколько у меня времени?

– Семь минут. Чуть меньше. Не знаю. Поживей, Янсон.

– Я стараюсь.

Достигнув подножия лестницы, она оказалась в кругу света, падавшего сверху. Там начинался коридор, слишком низкий, чтобы выпрямиться в полный рост. Он вел в темноту. Единственный путь.

У Янсон в кармане лежал фонарик, длиной чуть меньше пальца, без железных деталей, чтобы брать его с собой во время переходов. Янсон долго проработала в полиции – она всегда носила фонарик. Щелкнув кнопкой, она направила луч света в темноту. Джошуа тоже не забывал фонарик. Даже тринадцатилетним мальчишкой в День перехода. «Ради тебя, – подумала Янсон, заставляя себя двигаться вперед. – К черту троллей и биглей. Я здесь ради тебя, Джошуа».

Стены коридора были из некрашеного камня. Ни указателей, ни зарубок. Однако их покрывали какие-то непонятные неровные рисунки. Янсон осторожно коснулась узоров, провела по ним рукой, проходя мимо.

Наверняка они имели какой-то смысл – как шрифт Брайля, с которым она познакомилась на полицейских курсах. Возможно, их оставили разумные рептилии, которые выстроили это здание. Что, если надписи следовало щупать, а не читать?..

– Янсон, шевелись.

Она дошла до перекрестка. Невероятно. Даже если надписи содержали отчетливые указания – «Волшебные лазерные пистолеты здесь», – ей они ни о чем не говорили.

Янсон наугад свернула налево и пошла по коридору, пригибаясь, чтобы не удариться о низкий потолок. Еще один перекресток. Снова налево. Не забыть обратную дорогу, не забыть. На стенах было нечто вроде полок. Янсон увидела горшки, ящики, груды глиняных табличек с надписями. Хроники? Еще какие-то предметы, инструменты, назначения которых она не понимала...

– Янсон! – слабо донесся голос Салли.

Снова перекресток. Янсон опять выбрала наугад и пошла направо. И под лучом фонарика сверкнуло что-то алое.

Стойка за стойкой – лазерные пистолеты.

Лобсанг извинился за то, как люди – некоторые люди – обращались с троллями. Он рассказал о политиках, склоняющих американское правительство признать за троллями человеческие права, по крайней мере в пределах Эгиды – совокупности последовательных Америк на Долгой Земле. Это было только начало, никоим образом не гарантирующее, что все и всюду будут вести себя пристойно, но это все-таки *было* начало...

– Наверное, ничего лучшего мы и не можем им предложить, – заметил Билл, повышая голос, чтобы Джошуа его расслышал. – Символично и в то же вре-

мя реально. Как отмена рабства, которую официально объявила Британская империя в начале XIX века. От рабства не избавились мгновенно, но все-таки перемены были огромные.

– Лобсанг похож на Мартина Лютера Кинга в сопровождении небесного хора. Типичный трюк...

– Интересно, насколько тролли понимают абстракции, – заметил Билл.

Джошуа пожал плечами.

– Их коллективный разум отличается от нашего. Если они поймут суть – «дайте людям еще один шанс», – этого будет достаточно.

– А как насчет того, чтобы выдать биглям лазерное оружие? Где тут мораль?

– Ну, оно же не наше. И не мы первые начали их снабжать. Если мы уцелеем, за нами следом придут и другие и установят с биглями нормальный контакт. Тогда мы сможем говорить с ними о мире, любви и понимании.

– Разумеется. Только сначала все сделаем прививки от бешенства. Думаешь, это сработает? Я имею в виду, фокусы Лобсанга. И что потом?

Для Джошуа будущее никогда не сулило ничего, кроме сюрпризов.

– Кто знает...

Кто-то слегка похлопал его по плечу. Он обернулся и увидел холодный взгляд Снежка.

– Вы говорите с троллями. Все хор-рошо?

– Да, кажется.

– Вы закончили?

– Вроде бы.

– Джошуа...

– Что?

– Беги.

Каменная крышка люка скользнула обратно на место; кроме взрытой земли, не осталось никаких следов туннеля.

О нем напоминала только кучка похожих на игрушки бластеров, извлеченных из тайника.

И кольцо, которое каким-то образом вернулось и теперь лежало на земле.

Янсон сидела на земле и дрожала, несмотря на жару.

Финн Маккул прошипел:

– Берите оруж-жие. Теперь наз-зад к биглям. И попрощайтесь с Джош-шуа.

Салли, схватив кольцо, развернулась к кобольду.

– Ты, мешок мусора, что это значит?

Он попятился, оборонительно вскинув руки.

– Мы выполнили ус-ловия. Пис-столеты. Тролли. Теперь пус-скай они платят. Внучка окаж-жет Джошуа чес-сть. Попрощайтесь с ним...

Салли взглянула на Янсон.

– Ты понимаешь, что он имеет в виду? Кажется, ничего хорошего...

– Культура уличных банд, – устало произнесла Янсон. – Наверное, что-то вроде того. Кодекс чести воина. Может быть, Маккул хочет сказать, что Внучка намерена подарить Джошуа легкую смерть.

– Блин. Тогда нужно его вытащить... – Салли огляделась. – Что у нас есть? Думай, думай!

Она спрятала кольцо и сунула в карман безрукавки пистолет.

– Что еще? Так. Ты. Маленький Джо.

Кобольд съежился.

– Что? Что?

– У тебя плеер с собой?

– Камень, который поет?

– Давай сюда.

– Но, но, но... это мое! – заныл он, как ребенок.

Салли схватила его за руку, чтобы кобольд не перешел.

– Или плеер, или я тебе яйца оторву. Давай плеер. Мы возвращаемся. Приготовься к переходу, Янсон.

66.

Джошуа попятился от Снежка и от Билла, который поспешно складывал оборудование. Какой-то инстинкт направил Джошуа к берегу реки, к текущей воде.

Черт возьми, что ему делать?! Он едва удерживался в сознании. Штука на спине казалась огромным злобным крабом, который с каждым шагом все глубже запускал клешни в плоть. Наверное, действие болеутоляющих слабело.

Снежок последовал за ним. Он двигался не так быстро, поэтому Джошуа немного оторвался, но в походке бигля читалась неумолимая, спокойная целеустремленность. Затем он опустился на четвереньки, став еще больше похож на волка. Огромного, разумного волка с оружием на поясе.

Джошуа видел, что тролли наблюдали с явным любопытством, но никто не вмешивался. Наблюдали и псы – Лили и язвительный Брайан. К ним присоединились другие бигли, явно пришедшие полюбоваться спектаклем.

И внезапно они завывали – вся стая.

– Давай, Джошуа, – прорычал Снежок. – Это весело.

– Пошел ты знаешь куда.

– Большая честь. Дар-р Внучки. Жизнь здесь дешева.

– Много щенков?

– Все р-рождается. Все умир-раем. Умер-реть хор-рошо – значит пр-рожить хор-рошо.

- Это вы так думаете, а не я.
- Голова высоко на стене. Почетное место.
- Чья голова?
- Твоя.
- Спасибо...

Джошуа, покоровшись неизбежному, повернулся и перешел на рысь, параллельно реке.

- Я могу победить?
- Да.
- Как?
- Умр-ри хор-рошо.
- Есть другие варианты?
- *Моя* голова на стене. Игр-рай честно.
- Что?
- Я игр-раю честно.

Бигль остановился, замер и прикрыл глаза.

- Беги, человек.

Джошуа больше не колебался. Он побежал, стараясь мыслить как волк, как собака. Точнее, в его голове проносились клише из всех дурацких фильмов, где волк преследовал человека.

Какого черта.

Он прыгнул в реку.

Хотя мир был жарким и засушливым, река оказалась на удивление холодной, а течение сильным. Оно быстро понесло Джошуа. Путаясь в намокшей одежде, он старался держать голову над водой. Джошуа сначала хотел сбросить ботинки, потом представил, как побежит босиком, и передумал.

Он отлично придумал, главное – не утонуть, верно? Нужно сбить собаку со следа. Как в кино. Но в холодной воде боль от смертоносной штуковины на спине стала еще сильнее. Джошуа казалось, что арбалет с ним разговаривает. «Ты ведь можешь взять и перейти.

Оборви свои мучения в одну секунду. Стрела в сердце — разве это так уж страшно? Все лучше, чем если тебе перегрызут глотку».

Но Джошуа не спешил умирать.

Река вскоре вынесла его из области возделанных полей и пастбищ туда, где начинались дикие пейзажи. В город Джошуа доставили без сознания, лишив по пути возможности оглядеться. Очевидно, Глаз Охотника, город Правнучки Петры, был не таким уж большим. Джошуа знал: нужно найти укрытие, прежде чем Снежок его настигнет...

— Осторожно! — крикнул кто-то с берега.

Джошуа с трудом приподнял голову. Снежок сидел на камне, словно ждал лакомства от хозяина, и спокойно наблюдал, как Джошуа несет мимо.

— Что такое? — крикнул Джошуа в ответ.

Снежок взглянул вниз по течению.

— Пор-роги.

И в мгновение ока Джошуа пронесло мимо камня, на котором сидел Снежок. Преодолев небольшой водопад, он оказался в бурной воде. Его швыряло от одного валуна к другому, било то в грудь, то по почкам, пока он мотался среди камней, как бревно. Джошуа заставил себя покориться стремительному течению, расслабиться и только закрывать голову. Но каждый раз, когда арбалет на спине задевал за какой-нибудь выступ, от боли темнело в глазах.

И вот он преодолел пороги, вылетел из них, как выплунутая апельсиновая косточка, и понесся дальше по течению. Оглянувшись, Джошуа не увидел Снежка. По крайней мере, он получил некоторую фору.

Поперек реки лежало упавшее дерево. Сделав неимоверный рывок, Джошуа подгрел к нему, схватился за ветки и выбрался на каменистый берег. Он сел, оберегая спину и тяжело дыша. Вдох, другой, третий.

Вокруг никого не было. Теперь, перестав двигаться, Джошуа мог в полной мере сосредоточиться на боли в спине — раздирающей, мучительной, жгучей. По пояснице опять текло горячее и липкое, и мокрая галька под ним покраснела от крови.

Джошуа Валиенте путешествовал в одиночку по Долгой Земле с тринадцати лет. Ему уже доводилось попадать в переделки, и он всякий раз выживал. Почему бы и теперь не вывернуться? «Ты можешь перейти, просто перейти в другой мир, и все закончится в мгновение ока...»

Нет.

Думай.

Собаки и запах.

Джошуа стянул с себя рубашку. Она в любом случае превратилась в лохмотья, и он легко от нее избавился. Одну половину он бросил в воду, и она поплыла по течению, а другую обвязал вокруг ствола дерева, которое спасло ему жизнь. Потом Джошуа встал, огляделся и побрел по мелководью, держась поближе к берегу и не выходя из реки.

— Хор-рошая попытка.

Снежок стоял прямо перед ним.

Джошуа бросился влево, прочь от реки, по неровной земле, покрытой чем-то вроде травы. Упавшее дерево, благодаря которому он выбрался из воды, было частью рощицы, погибшей, судя по всему, от удара молнии. Джошуа нырнул в тень поваленного ствола.

Перед ним беззвучно мелькнула огромная фигура бигля.

А потом он услышал человеческий голос, который доносился откуда-то издалека. Пел мужчина, тонко и жалобно, что-то про Уолтера... эти звуки, казалось, задели какую-то струнку в душе Снежка, и он метнулся прочь.

Джошуа знал, что выиграл несколько секунд, не более. Не было смысла бежать. Он выбрался из своего укрытия, чувствуя, как горит спина и как по телу течет кровь. Он заметался по поляне, подбирая валявшиеся на земле сучья. Вот один, толстый и прочный, но слишком длинный... Джошуа сломал его пополам, прислонив к поросшему лишайниками стволу. Вот, он обзавелся оружием.

Тихий рык.

Джошуа обернулся. Снежок выплюнул изжеванные остатки плеера Финна Маккула.

В ту же секунду Джошуа размахнулся что есть сил и обрушил палку на массивный череп бигля. Ему показалось, что он попытался размоzzжить голову мраморной статуе. От удара заныли руки, спина и даже больное плечо.

Но бигль покачнулся и чуть не упал.

Джошуа бросил взгляд на каменные и железные ножи, висевшие у Снежка на поясе. Один шанс. Он кинулся вперед и протянул руку...

Но Снежок выпрямился — изящно, даже учтиво — и с легкостью, ударив плечом, повалил Джошуа наземь.

Джошуа лежал на спине, чувствуя, как арбалет врежется в позвоночник. Человек-волк возвышался над ним, стоя на четвереньках. Он прижимал жертву лапами к земле, пристально смотрел в глаза, склонив массивную голову. Из пасти Снежка пахло мясом. И вдруг Джошуа заметил виляющий хвост.

Снежок лизнул его в лицо.

— Больно не будет.

О да. Джошуа приготовился перейти и поставить точку.

Но вдруг он услышал другой голос. И, ощутив внезапный прилив надежды, посмотрел вбок.

Лили сказала:

– Внучка хочет тр-рофей. Ты хочешь жить. Все могут выигр-рать.

Снежок тяжело задышал.

– Я скажу Внучке, что откусил тебе лицо. В таком виде тр-рофей никому не нужен.

– Ей это не понравится, – с трудом проговорил Джошуа.

– Взамен я принесу др-ругой тр-рофей.

– Какой?!

– Не дер-ргайся, – предупредила Лили, наклонилась и вцепилась зубами в левое запястье Джошуа.

Когда огромная пасть сомкнулась, раздирая кожу, сухожилия и мышцы, он закричал.

Но даже тогда не перешел.

67.

Географически Вальгалла находилась на побережье внутреннего моря последовательной Америки, на Западе-1400013 (какой-то укурок ошибся в счете, как сообщил лейтенант Тоби Фокс). Корабли, участвующие в операции «Блудный сын», прибыли в середине дня – прекрасного июльского дня – и зависли в небе. Ясном, как в компьютерной игре.

Адмирал Дэвидсон отправил капитанам указания. Им предстояло утвердить власть Соединенных Штатов в мятежной Вальгалле, однако он предпочел бы демонстрацию доброй воли, а не перестрелку. Адмирал распорядился, чтобы отряд морских пехотинцев сопровождал группу старших офицеров, назначенных с разных кораблей, в городскую ратушу. Все должно было пройти душевно и без эксцессов. Впрочем, добавил адмирал, пусть морпехи возьмут с собой оружие.

Когда Мэгги услышала, что капитан Катлер с «Линкольна» – тот идиот, который нацелил пушку на Карла, – будет командовать этим странным парадом, она решила принять в нем участие сама.

На месте выброски, на Западе-1 400 013, они построились – всего пятьдесят человек – и зашагали по улицам Вальгаллы, символической твердыни мятежников на Долгой Земле. По приказу адмирала Дэвидсона морпехи держали оружие на виду, но не снимали с предохранителя. Тем временем корабли молчаливо висели над головами – угрожающие, полные внимательных глаз символы власти и контроля, готовые перейти к уровню С2, хоть все и надеялись, что не придется превращать твены в стрелковые базы. Только не сегодня.

В этот жаркий и душный день Вальгалла была пуста.

Безлюдный город – вот что обнаружил отряд, размеренно шагая от места выброски. Морпехи держались середины широкой улицы, офицеры шли сзади, и, не считая стука шагов и пения птиц, в Вальгалле стояла тишина. На пустых улицах они заметили несколько брошенных ручных тележек. Возле коновязи у салуна, в стиле Дикого Запада, стояли лошади. Попались даже две-три аккуратно припаркованные паровые машины. Но никаких признаков людей.

С кораблей сообщили, что с воздуха картинка примерно такая же. Никого нет дома.

Мэгги шла рядом с Джо Макензи.

– У меня параноя, Мак, или ты тоже чувствуешь себя дураком?

Доктор цинично ответил:

– Нам, военным, не привыкать. Вы сами сказали: не можем же мы вечно снимать котят с деревьев. Время от времени нужно изображать солдат.

– Ты прав.

По крайней мере, Мэгги относительно освоилась в этом месте, которое, в отличие от многих поселений Долгой Земли, походило на настоящий американский город. В Вальгалле были уличные фонари, какие-то попытки контролировать дорожное движение, даже афиши, объявлявшие о концертах, танцах и лекциях, хоть преимущественно и написанные от руки, как водится в маленьких провинциальных городках. И в то же время она представляла собой типичное поселение на Долгой Земле, с массивными постройками из дерева, известняка и бетона, с дорогами, кое-как покрытыми гудроном, с тротуарами, усыпанными речной галькой.

И тут Мэгги услышала пение.

Они добрались до площади, на пересечении двух главных улиц. Там, в тени магазинного навеса, стояли десятка полтора троллей, распевавших про индейцев, чай и налоги, насколько Мэгги могла судить. Морпехи, шагавшие в авангарде, остановились и уставились на них.

Адмирал Дэвидсон и капитан Катлер принялись совещаться.

Затем Катлер распорядился сделать привал. С точки зрения безопасности позиция была выбрана достаточно разумно. Отряд находился на открытом месте, но над площадью не нависало никаких высоких зданий, и на все четыре стороны, вдоль пустых улиц, открывался ничем не заслоненный обзор. Пока остальные искали в рюкзаках бутылки с водой, Катлер поставил часовых на углах площади и отправил нескольких бойцов с переходниками в соседние миры. Классическая разведка в условиях Долгой Земли.

Мэгги осталась с Маком и Натаном. Натан извлек из рюкзака сухой паек и вгрызся в мясной пирог. Мак с легким отвращением взглянул на него.

— Как ты можешь есть в такую минуту, мужик?

Натан, с полным ртом пирога, ответил:

– Достигается упражнениями, док. Соли случайно нет?

– Нет.

Мак вытащил из рюкзака портативный компьютер и навел на троллей.

– Интересно, что за песню они поют. Ага. «Платить мы не желаем за иностранный чай». Это баллада времен Войны за независимость и «Бостонского чаепития». Тот, кто научил ей троллей, нетонко нам намекает. И чувство юмора у него есть.

Натан, доедая пирог, спросил:

– Интересно, где люди?

– Наверное, в других районах, – ответил Мак.

– В *каких* районах?

Мак ткнул пальцем наугад.

– В соседних мирах, – догадалась Мэгги. – Они все ушли в соседние миры?

– Типа того. Я однажды здесь был. Этот город действительно распространяется вбок, так сказать. Он не похож на поселения на Ближних Землях, которые повторяют города Базовой Земли. Здесь соседние миры более или менее нетронуты. Они полны еды, которую можно собирать или ловить. Люди там и живут, по крайней мере, часть времени. Совместными усилиями они поддерживают город. Сегодня тут как-то очень тихо. Обычно в Вальгалле остается, так сказать, некоторая критическая масса...

– Но не сегодня.

– Наверное, они узнали, что готовится вторжение. Неприятности никому не нужны. Впрочем, никакой войны не будет, если никто не хочет драться. Скучно.

Капитан Катлер услышал эти слова, подошел и мрачно нахмурился.

– Скучно?

— Конечно, сэр, — ухмыльнувшись, ответил Мак. — Ведь война — это весело. Вот почему люди воюют начиная с бронзового века, если не раньше, в том-то и секрет. Ну а теперь, когда есть Долгая Земля, каждый получает что хочет. Всегда есть место, куда можно уйти. Больше не нужно воевать. Наверное, нам пора миновать эту стадию...

Натан поднял брови.

— Желаю удачи, док. Если ты рассчитываешь сделать дальнейшую карьеру в ВВС.

Прозвучал свисток. Надо было двигаться дальше. Морпехи принялись собирать вещи, а часовые отправились позвать приятелей, отправленных в соседние миры.

Городская ратуша, судя по картам, находилась всего в паре кварталов к северу.

Вскоре Мэгги увидела ее впереди, через головы своих офицеров. Ратуша представляла собой приземистое здание в колониальном стиле, стоявшее на небольшом пригорке. Перед ней открывалась площадь — еще одно пересечение улиц. На шестах, высоко над фасадом, трепетали два огромных флага. Один звездно-полосатый, другой синий, с вереницей голубых дисков.

— А я все гадал, когда же мы увидим новый флаг, — буркнул Мак. — По Долгой Земле разбросана целая пачка мятежных колоний, начиная с Нью-Скарсдейла на Западе-100 000 и до самой Вальгаллы. И даже дальше. Именно они поддержали Конгресс Долгой Земли, собравшийся здесь, в Вальгалле, где сочинили Декларацию независимости. И вот их флаг. Множественные миры. Видите?

Мэгги услышала мягкие хлопки, словно лопались мыльные пузыри. На площадь переходили люди. Наконец-то гости оказались не одни.

Катлер начал отрывисто отдавать приказы, которые подхватывали командиры морпехов. Солдаты выстроились в ряд. Мэгги заняла свое место.

Она увидела людей – мужчин, женщин, детей, – по большей части одетых как фермеры или пляжники, иногда как сочетание того и другого. Люди переходили и переходили, заполняя площадь. Они появлялись и садились, и, когда кто-нибудь приземлялся на шею ближнему, новоприбывший, смеясь и извиняясь, поспешно откатывался. Начались разговоры, совсем как на сельской ярмарке.

Люди занимали пространство между морпехами и ратушей. Корабли висели над головами, рыча моторами – зоркие, но бессильные.

Капитан Катлер, покрасневшись, наблюдал за происходящим.

– Штыки, – коротко велел он.

– Довольно, – произнес адмирал Дэвидсон – спокойно, но отчетливо, чтобы услышали все. – Мы здесь, чтобы покорять сердца, капитан, а не для того, чтобы вырезать их из мертвых тел. Никакой стрельбы не будет, разве что по моему прямому приказу. Это ясно?

Люди продолжали прибывать, заполняя площадь. Они возникали, словно капли дождя на земле. Удивленная Мэгги заметила, что некоторые прихватили с собой запасы для пикника. Пироги, пиво, лимонад для детей. Другие явились с подарками – корзинками яблок, даже связками крупной жирной рыбы, которую пытались всучивать морпехам и сваливали прямо под ноги, когда те отказывались.

Капитан Катлер обернулся к адмиралу.

– Наша задача – захватить ратушу и поднять американский флаг, сэр.

– Но, кажется, он и так здесь висит.

– Да, но это будет символично... По крайней мере, разрешите мне расчистить путь через площадь, адмирал.

– Хорошо, Катлер, но без грубости.

Повинуясь приказам капитана, морпехи двинулись в толпу. Корабли тем временем заскользили над площадью, из динамиков неслось:

– Вас просят разойтись! Разойдитесь немедленно!

Мэгги наблюдала, как пехотинец Дженнифер Вонг, из подразделения, прибывшего на борту «Франклина», вступила в толпу вместе со своими соратниками. Рядом с людьми в деревенской рабочей одежде Дженнифер, в шлеме и бронежилете, походила на пришельца, спустившегося с неба.

Вонг выбрала жертву наугад.

– Пожалуйста, уходите, мэм, – сказала она женщине лет сорока, окруженной ребятишками.

– Не хочу, – просто ответила та.

Дети подхватили ее ответ, как игровую припевку:

– Не хотим, не хотим!

У Вонг отвисла челюсть.

Они пытались физически убирать людей с дороги, хватая их за руки и за ноги. Но другие, особенно дети, тут же подбегали и усаживались на человека, которого солдаты пытались перенести. И даже если его удавалось поднять, он тут же обмякал, как тряпичная кукла, – не сопротивлялся, но всячески мешал. Катлер, не доложив Дэвидсону, велел морпехам надеть наручники на некоторых активистов. Но те, к кому пытались применить эту меру, просто переходили в соседний мир, а затем возвращались, оказываясь там, где их не могли достать. Мэгги была впечатлена координацией флэш-моба, захватившего площадь; кто-то явно *научил* горожан пассивному сопротивлению, решительному и дисциплинированному, почти в военном духе, хоть и иными методами и с иной целью.

Постепенно пение охватило всю площадь.

— Мы не хотим! Мы не хотим!

Катлер метнулся к Дэвидсону, удрученный и в бешенстве. Мэгги показалось, что правую руку он держит в опасной близости от пистолета. Капитан сказал адмиралу:

— Если мы определим вожakov, сэр...

— Не исключаю, капитан, что у такой толпы вожakov попросту нет.

— Значит, дать пару залпов поверх голов. Чтобы они разбежались.

Не отвечая, адмирал снял фуражку, закрыл глаза и подставил морщинистое лицо летнему солнцу.

— Нет? — резко уточнил Катлер. — Тогда, черт возьми, как мы намерены выполнить нашу задачу... сэр?

Это последнее слово он прорычал, и Мэгги подумала, что Катлер близок к нарушению субординации, а может быть, к откровенному срыву.

— Нельзя, чтоб они над нами издевались, сэр! Они не понимают!

— Не понимают, капитан?

— Они никогда не встречали таких, как мы! Сэр... мы служили и бывали на передовой. Мы принимали огонь на себя, следовали приказам — и не отступали. Именно благодаря этому они могли растить детей, строить свои дурацкие бревенчатые хижины и играть в смелых поселенцев...

Адмирал Дэвидсон вздохнул.

— Что ж, мир менялся вокруг нас с тобой, сынок. С моей точки зрения, лучшая война — это война, которая закончилась без единого выстрела. Оставь оружие в кобуре, капитан.

— Но...

— Я сказал, не доставай оружия.

В центре площади появился мужчина. Лет шестидесяти, осанистый, одетый как работник на ферме.

Натан негромко сказал:

– Я его знаю.

Мэгги тоже. Это был тот тип с фаворами из поселка под названием Перезагрузка. Она подумала, что, наверное, сейчас не время махать и кричать «привет».

Мужчина уверенно взглянул на Дэвидсона.

– Выполнение задачи зависит от того, что это за задача, не так ли, адмирал Дэвидсон? Если вы пришли поговорить, мы не против. Сомневаюсь, что сегодня вы добьетесь чего-нибудь еще. Вам так не кажется?

Дэвидсон смерил его взглядом.

– Кто вы такой?

– Грин. Джек Грин. Один из основателей Перезагрузки. Ныне – помощник Бенджамена Кийса, мэра Вальгаллы.

Он протянул руку, и Дэвидсон пожал ее. Из толпы донеслись иронические возгласы.

– Если хотите поговорить, может быть, пройдем в кабинет мэра? Не сомневаюсь, о ваших солдатах здесь позаботятся – сами видите, местные принесли столько еды, что хватит на всех.

И Грин увел Дэвидсона.

Катлер, явно в бешенстве, скрылся в переулке.

Натан взглянул на Мэгги.

– С вашего разрешения, капитан, я присмотрю за капитаном Катлером. Чтобы он не наделал глупостей.

– Хорошая мысль.

Натан ушел.

– Эду Катлеру не помешал бы психолог, – заметил Мак. Мэгги задумалась.

– Как и большинству из нас. Если ты прав и война действительно устарела.

– Я ведь прав?

– Как обычно, Мак. Да.

Над городом мелькнула тень военного корабля. Люди поднимали головы, заслоняя глаза от солнца.

– Ого, – говорили они, словно увидели рекламу предстоящего футбольного матча.

И тут до Мэгги дошло, что миссия «Бенджамена Франклина» завершена и ей предстоит лететь в неведомые миры на «Нейле Армстронге-2».

Так или иначе, без единого выстрела Долгая война окончилась.

68.

В начале сентября 2040 года, когда военная операция против Вальгаллы была официально прекращена и тролли начали массово возвращаться на Долгую Землю, Лобсанг и Агнес объявили, что устраивают садовую вечеринку в одном из филиалов Трансземного института, который Лобсанг превратил в заповедник для изучения троллей – парк в окрестностях Мэдисона, тянувшийся на несколько миров.

Поначалу Моника Янсон колебалась, но Агнес лично явилась навестить ее в клинике, на Западе-5.

– Непременно приходите, – сказала она. – Без вас будет совсем по-другому. Вы участвовали в этом знаменательном приключении с биглями. И, в конце концов, вы – старейший друг Джошуа за пределами Приюта.

Янсон рассмеялась.

– Правда? А я думала, что я просто коп с нетрадиционной ориентацией, который старательно портил себе карьеру. Если, кроме меня, у Джошуа никого нет, я ему сочувствую... Послушайте, сестра, путешествие поставило точку. Все эти переходы и таблетки...

– И доза радиации, которую вы получили в подземном храме, или где там, чтобы спасти Салли Линдси, – сурово сказала Агнес. – Она мне рассказала. Моника,

вам не придется никуда переходить. Во всяком случае, после того как мы переправим вас на Запад-11. Лобсанг устроил там прелестный маленький летний домик, и вы можете располагать им сколько вздумается.

Она подалась вперед, и Янсон увидела, что ее кожа – кожа тридцатилетней женщины, если верить Лобсангу, – была слишком свежей и гладкой, чтобы выглядеть убедительно. Она подумала: молодые инженеры, которые создают подвижные модули, не умеют передавать возрастные изъяны. Агнес меж тем продолжала:

– Я сама никогда не понимала, в чем притягательность переходов. Один раз попробовала, да. Я не могла этого не сделать, правда? Раз уж по Приюту болтался знаменитый Джошуа Валиенте. Я увидела только заросли, да еще свои собственные туфли, пока пыталась не выблевать завтрак. И ни души вокруг. Ничего интересного. А теперь, когда я перехожу... я вообще ничего не чувствую. Такой меня сделал Лобсанг, идиот. Во всяком случае, я не вижу смысла. Лучше дайте мне «Харлей» и свободное шоссе. Лейтенант Янсон, вы должны принять приглашение, вы – почетный гость. Это приказ.

И вот настала суббота, 8 сентября 2040 года.

Два часа дня. Слава богу, в Мэдисоне на Западе-11 стояла ясная солнечная погода. Янсон застенчиво вышла из летнего домика, о котором говорила Агнес и который оказался чудесным коттеджем со всеми современными удобствами. С пригорка были видны зеленые лужайки, густые рощи и полянки с цветами, спускавшиеся к озеру. Вечеринка, устроенная Агнес, растянулась по местности, несколько десятков человек бродили туда-сюда, дети и собаки шумно играли, отдельная компания собралась вокруг решетки с барбекю, над которой поднимался белый дым. Кучка троллей, сидевших у воды, затянула песню, и Янсон никак не могла узнать эту ускользающую мелодию...

На мгновение она растерялась. Янсон показалось, что она увидела людей без прикрас и мишуры. Просто толпу гуманоидов, гулявших по травке. Безмозглых, как молодые шимпанзе. Тролли. Эльфы. Кобольды. Она вспомнила кобольда, который называл себя человеческим именем — Финн Маккул. Он носил кое-какую одежду, как человек. И солнечные очки! Он болтал, пока Салли и Янсон пытались заснуть, — болтал чушь, но явно подражая их разговору. Теперь иногда, слушая пустословие какого-нибудь политика по телевизору или разглагольствования священника, Янсон видела перед собой кобольда, стоявшего на задних ногах и моловшего ерунду, точь-в-точь как Маккул.

Эльфы, сбившиеся с пути, — так Петра называла людей.

Янсон покачала головой. «Гони эти мысли», — велела она себе и решительно двинулась вперед. Открытые участки кожи у нее были намазаны защитным кремом, редющие волосы на голове прикрывала шляпа. Янсон старалась держаться как можно прямее.

Она не прошла и десяти метров, когда ее нагнала сестра Агнес в компании еще двух монахинь. Одна была пожилая, другой, вероятно, подступало под сорок.

— Моника! Спасибо, что присоединились к нам. Это мои коллеги, сестра Джорджина и сестра Иоанна.

Сестра Иоанна показала Янсон смутно знакомой.

— Мы уже встречались?

Монахиня улыбнулась.

— В миру меня звали Сара Энн Коутс. Я была в Приюте. В смысле жила там. Когда я выросла... то вернулась.

Сара Энн Коутс. Теперь Янсон вспомнила лицо двенадцатилетней девочки, испуганное, смущенное, смотревшее с фотографии в папке, посвященной Дню перехода в Мэдисоне. Сара была в числе приютских детей, которых Джошуа Валиенте спас в те безумные часы, когда двери Долгой Земли впервые приоткрылись.

– Приятно увидеть вас вновь, сестра.

– Пойдемте, – сестра Агнес взяла Янсон под руку, и они медленно пошли к грилю.

– Вы отличная хозяйка, Агнес, – сказала Янсон лишь с малой долей сарказма. – И вы, и ваши гости так и бегут ко мне, как только я показываюсь.

– Считайте это подарком. Но не говорите Лобсангу. Он изводит меня, создавая аватары. Итерации. Мои копии, которые расхаживают повсюду. Он говорит: у тебя ведь столько дел. А я говорю: вообрази споры между мной, мной и мной! Послушайте, Моника, сегодня сестры Джорджина и Иоанна о вас позаботятся. Если что-нибудь понадобится, только скажите. И если вдруг захочется уйти, тоже не стесняйтесь.

Янсон подавила вздох. Она знала, что нуждается в помощи, как бы ни отрицала это.

– Спасибо. Вы очень добры.

Легкий изменчивый ветерок по-прежнему доносил до них песню троллей, в привычном троллем стиле – человеческий мотив, снабженный дополнительными гармониями, повторялся по кругу, перекрывая сам себя.

– Что это такое?

– «Зеленый цвет», – ответила Агнес. – Старая якобитская военная песня. Шотландские мятежники и все такое. Скажите спасибо сестре Симплисити. Ей только дай повод вспомнить о своих шотландских корнях. Ну и еще посмотреть профессиональный бокс по телевизору. Приятно, что тролли вернулись, правда? Конечно, нам пришлось ограничить список гостей, чтобы тролли чувствовали себя комфортно. Вечерком обещал заглянуть сенатор Старлинг. Внезапно он сделался защитником троллей – и, оказывается, всегда им был, вы удивитесь. Говорит, что поет в церковном хоре и хочет спеть вместе с троллями. Он собирается привезти с собой участников операции «Блудный сын», экипаж «Бенджамена Франклина», в знак мира и гармонии.

А теперь давайте найдем Джошуа. Это нетрудно, он наверняка рядом с маленьким Дэном, а маленький Дэн там, где еда...

Агнес назначила Лобсанга шеф-поваром. Янсон изумленно смотрела на тибетского монаха в засаленном переднике поверх оранжевого одеяния, с поварским колпаком на бритой голове. Рядом с ним стоял какой-то незнакомый мужчина, высокий, лет за пятьдесят, чернокожий, в строгом темном костюме с белым воротничком священника.

Лобсанг поднял испачканную жиром лопатку.

– Лейтенант Янсон, рад вас видеть!

Агнес сердито проговорила:

– Этот соевый бургер недожарен, а вон та веганская сосиска уже горит. Меньше зевай по сторонам, Лобсанг.

– Да, дорогая, – устало ответил он.

– Не беспокойтесь, Лобсанг, – сказал священник, стоявший рядом. – Я помогу. Я неплохо умею резать лук.

– Спасибо, Нельсон.

– Лейтенант Янсон...

Янсон обернулась. И увидела Джошуа Валиенте, который явно чувствовал себя неловко в изящной неофициальной одежде – чистой рубашке, отглаженных джинсах, кожаных ботинках. Он прижимал левую руку к груди (стиснутый кулак был скрыт манжетом рубашки). Рядом стояла Хелен, его жена, решительная, красивая, веселая. Мимо пробежал маленький Дэн, одетый в миниатюрную копию формы летчика и увлеченный какой-то шумной игрой с другими ребятами. На взрослых они обращали не больше внимания, чем на деревья.

Янсон и Джошуа смущенно глядели друг на друга. Янсон ощутила вдруг странный прилив эмоций, вспомнив об опасностях, которым Джошуа подвергался вдали от дома, и теперь видя его в семейном кругу, рядом с Хелен, которую он как будто никогда не покидал. По-

сле всего, что Янсон пережила вместе с Джошуа, она даже не знала, что сказать.

Джошуа добродушно улыбнулся.

– Расслабься, лейтенант.

– Бога ради, – сердито сказала Хелен. – Да обнимитесь же.

Они склонились друг к другу, и Янсон стиснула его в объятиях.

– Вот твоё счастье, – шепнула она. – Не оставляй их больше. Кто бы тебя ни позвал.

– Я понял, Янсон.

И все-таки она знала, что Джошуа не сдержит обещания. Янсон ощутила глубокую жалость к одинокому мальчику, которого знала много лет. К мужчине, которому навсегда суждено было остаться одиноким.

Она отстранилась.

– Хватит. Если стиснешь слишком сильно, я переломлюсь.

– И я тоже.

Джошуа протянул левую руку, обнажив протез – неуклюжий, слишком большой, неестественно розовый. Пальцы закрипели, когда он разжал кулак.

– Билл Чамберс называет его «Вещь». Как в «Семейке Адамсов». Билл забавный мужик. Он, кстати, тоже где-то тут. Напивается с Томасом Куангу.

Янсон с трудом сдержала смех.

– Джошуа, не сомневаюсь, для тебя могли бы сделать что-нибудь получше. В наши дни протезирование...

– Он настаивает на том, чтобы носить эту музейную древность, – перебила Хелен.

– Лучше музейная древность, чем одна из тех штук, которые предложил Лобсанг.

– А, с Лобсангом внутри, – заметила Янсон.

– Да, ты понимаешь. Я не хочу жить, зная, что Лобсанг контролирует все мои поступки. Спасибо, обойдусь. Во всяком случае, Дэн не возражает, а это главное.

Янсон сказала:

– Как странно думать, что твоя рука осталась за миллион миров отсюда, прибитая к стене дворца Внушки Петры.

– Да уж... – Джошуа оглянулся, на тот случай, если Дэн был поблизости. – Ты ведь этого не видела, Моника? Тогда я тебе расскажу...

– Опять расхвастался, – устало произнесла Хелен.

– Те два бигля, Снежок и Лили, прижали меня к земле. Я понимал, что они на свой лад пытаются спасти мою жизнь. Но потерять руку было обидно. Поэтому, когда Лили вцепилась зубами мне в запястье, я сделал вот так... – он сжал механический кулак и с жужжанием выставил средний палец. – Вот что теперь висит на стене у Петры.

Янсон хрюкнула.

– И теперь, – сказала Хелен, – Дэн бегают и демонстрирует неприличный жест своим друзьям. Каждый раз, когда папа об этом рассказывает.

Джошуа подмигнул Янсон.

– Дэн поумнеет. Ну и потом, оно того стоило, правда?

Янсон сдержанно улыбнулась. Опытный коп знает, что не надо вмешиваться в семейные дела.

Их отвлекло приближение низенького, худощавого, жилистого мужчины лет под шестьдесят. Янсон он показался смутно знакомым. Он, слегка смутившись, буквально встал по стойке «смирно», когда обратился к Джошуа:

– Извините, сэр. Вы ведь Джошуа Валиенте?

– Да.

– Простите, что побеспокоил... я тут ни с кем не знаком – и вдруг узнал ваше лицо. Я ищу Салли Линдси. Вы, наверное, ее знаете.

– Конечно. А вы кто?

Мужчина протянул руку.

– Вуд. Фрэнк Вуд. Служил в ВВС и в НАСА, ушел в отставку...

Ситуация получилась почти комическая: Вуд протянул левую руку и тут же отдернул ее, когда в ответ ему предложили старомодный кибернетический протез.

Янсон щелкнула пальцами.

– А я вас помню, мистер Вуд. Мы встречались неподалеку от Дыры. Я сама там была с Салли.

Сначала он словно испугался, увидев ее, а потом обрадовался. Видимо, в первую минуту Фрэнк не узнал Янсон, обезображенную болезнью.

– Лейтенант Янсон? Какая приятная встреча...

Они пожали друг другу руки. Ладонь у Вуда была сухой и крепкой. Янсон со смущением вспомнила, как заподозрила беднягу в том, что он в нее влюбился.

Хелен неохотно ответила:

– Кажется, Салли там, рядом с троллями. С еще какой-то публикой с Мягкой Посадки.

И пошла вперед.

Янсон зашагала следом, вместе с Фрэнком. Увидев, как медленно и неловко она передвигается, он украдкой протянул ей руку.

Точно так же, украдкой, Янсон благодарно улыбнулась.

– Фрэнк, просто чтоб вы знали...

– Я слышал, вы больны.

– Не в этом дело. Фрэнк, я лесби. Помимо того, что я больна.

Он виновато улыбнулся.

– Значит, наш роман умрет, не начавшись? Чутье у меня никудышное. Наверное, поэтому я так и не женился.

– Мне жаль.

– Болезнь и ориентация не помешают вам со мной поужинать?

– Я буду очень рада.

Они нашли Салли в обществе троллей и нескольких человек, которые, с точки зрения Янсон, были одеты странно даже для поселенцев — в стиле восемнадцатого века. Сама Салли, как обычно, расхаживала в безрукавке с многочисленными карманами, готовая в любую секунду отправиться по очередному важному делу.

Все представились, и Янсон соотнесла еще несколько имен и лиц. Странно одетые гости прибыли с Мягкой Посадки. Изящный, скромного вида, моложавый мужчина оказался Жаком Монтекьютом, директором школы из Вальгаллы. Серьезная строгая девочка, молча стоявшая рядом с ним, была школьница Роберта Голдинг, которая прославилась после того, как полетела в составе китайской экспедиции на Восток-20 000 000. Как выяснилось, их пригласил Джошуа. Дэн Валиенте поступил в школу Монтекьюта.

Жители Мягкой Посадки держались чуть в стороне, словно не желая смешиваться с толпой. В Роберте Голдинг было что-то странное. Настороженность и сдержанность, которых Янсон не встречала ни в одном подростке, кроме Джошуа. Но у Роберты она не наблюдала ни зловещего спокойствия, ни непреодолимого инстинкта выживания. У нее было выражение лица, которое Янсон, когда работала в полиции, ассоциировала с детьми из проблемных семей. Роберта слишком многое повидала, несмотря на юный возраст. Янсон с тревогой задумалась, что станет в будущем с этой простой девочкой.

Тролли приняли в свой круг беглянку Мэри и, разумеется, Хэма, который до сих пор щеголял в лохмотьях серебристого скафандра. Увидев Янсон, Хэм тут же бросился к ней, обнял за ноги и опрокинул бы, если бы не вмешался Джошуа.

Салли — истая Салли — немедленно накинулась на Фрэнка.

– Ну-ну. Базз Олдрин¹. Чего вам нужно?

Вуд добродушно кивнул.

– Я надеялся получить бургер и пиво.

– Хватит любезностей, – огрызнулась Салли. – Меня вы не очаруете. Снова неприятности на базе?

– Вовсе нет. Я пришел, чтобы поблагодарить вас, мисс Линдси. И лейтенанта Янсон. За то, что вы решили проблему с троллями. Мои тамошние коллеги – люди неплохие, но немного тронутые. Наверное, мы слегка утратили моральные ориентиры. А ваши действия помогли нам обрести их вновь.

Он улыбнулся.

– Итак, к звездам. Мы уже поговариваем о том, чтобы отправить исследовательские ракеты на Марс. Может быть, даже с людьми.

Фрэнк начал рассказывать про так называемый парад планет, который происходил в этот самый день: во множестве последовательных миров Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн и Луна собрались в одном секторе неба.

– Конечно, его будет видно из всех миров Долгой Земли. Но мы воспользуемся этой возможностью, чтобы запустить ракеты и сделать приличные снимки... то есть продемонстрировать потенциал Дыры.

Джошуа сказал:

– Вы перепугаете людей насмерть. Говорят, парад планет – это зловещий знак с точки зрения астрологии?

Хелен потянула мужа за рукав.

– Не дразни его.

Салли фыркнула.

– Не такой уж у вас хороший вид. В Дыре нет Луны.

¹ Базз Олдрин – американский авиационный инженер, астронавт НАСА, второй человек, высадившийся на Луну.

– Да, она не торчит на дороге, – спокойно и добродушно ответил Фрэнк. – Луна не заслоняет обзор. Тем лучше, мы увидим настоящее шоу.

Внезапно Янсон почувствовала, что страшно устала от шума и разговоров. Слова, которые звучали вокруг, превращались в бессмысленную трескотню. Она опустила голову и зажала уши.

Фрэнк Вуд обвил рукой ее плечи.

– Давайте-ка отойдем.

Агнес заторопилась к ним. Она улыбнулась, взяла Янсон за руку, кивнула Джорджине и Иоанне, и они отвели ее, вместе с Фрэнком, подальше от толпы.

– Подышите воздухом, – сказала Агнес. – Я пока вызову багги – у нас тут есть площадка для гольфа, – и вы поедете обратно в летний домик, отдыхать. Согласны?

– Большое спасибо.

– Честное слово, я помню, каково быть больной. Лобсанг, по крайней мере, не стер этих воспоминаний.

Они направлялись к большой компании троллей, собравшейся у реки. Тролли занимались своими делами, ели, чесались, плескались в воде, мелькали между мирами – и выводили нежную мелодию. Рядом стояли несколько человек, прихлопывали в такт и пытались подпевать. Несмотря на присутствие людей, Янсон ощутила умиротворение, исходившее от довольных троллей.

– Какая чудесная песня.

Агнес сжала ее руку.

– «Все мои страдания». Одна из моих любимых, с самого детства. Не считая Стейнмана.

– И как уместно в моем случае. «Скоро прекратятся».

Агнес вновь стиснула руку Янсон.

– Не надо.

Они подошли к невысокому холму, который Янсон преодолела с заметным трудом, и остановились. Перед ними простирались чистые озера, в синем небе безмятежно висело солнце, на перешейке стоял юный, еще маленький город – копия Базового Мэдисона.

Агнес сказала:

– Я часто приходила сюда, когда болела. И смотрела вокруг. На огромный мир, который окружает нас. На небеса, управляемые вечными законами, которые одинаковы во всех мирах. Как парад планет. И простые вещи, например отблеск солнечного света на воде, тоже универсальны на Долгой Земле. Здесь я обрела покой, Моника.

– Но когда отсюда уходишь, все кажется таким хрупким, – сказала Янсон. – Полным случайностей. Жизнь могла быть совсем иной. И она может стать иной завтра.

– Да, – задумчиво ответила Агнес. – Рядом с Лобсангом... кажется, я до некоторой степени вижу мир его глазами. То, как он относится к людям, даже к ближайшим соратникам и друзьям, к Джошуа, к Салли, к этому милому священнику Нельсону Азикиве, даже ко мне... он называет нас «ценными долговременными вложениями». Иногда я думаю, что Лобсанг, ну или его казначей Дуглас Блэк расставляет людей, как фигурки на шахматной доске, готовясь приступить к игре.

– Какой?

– Несомненно, мы однажды это выясним. Ну, где багги?

Позади послышались взволнованные голоса. Агнес, Янсон и Фрэнк неохотно обернулись.

Прямо над Лобсангом материализовался корабль. Сам Лобсанг как будто застыл на месте – нет, подумала Янсон, судя по позе, он просто покинул свой передвижной модуль, исчез в мгновение ока.

И на всей лужайке затрезвонили мобильники. Люди полезли в карманы и в сумки и немедленно принялись переходить.

Янсон услышала, как с ее губ сорвались два слова:

– Йеллоустон. Базовый.

Фрэнк мрачно сказал:

– Не исключаю, что Джошуа был прав насчет предзнаменования.

69.

Янсон настояла, чтобы ее доставили в Мэдисон-Запад-5, и неважно, сколько таблеток ей придется проглотить, чтобы побороть тошноту. Оказавшись на Западе-5, она потребовала ехать не в клинику, где она теперь жила, а в полицейский участок.

Нынешний шеф полиции, Майк Кристофер, во времена Янсон был младшим офицером. Он узнал ее, впустил и посадил в угол в одном из кабинетов.

– Мы все в боевой готовности, Страшила. Здесь уже начали появляться беженцы. В смысле в Базовом Мэдисоне.

Янсон стиснула руку Фрэнка.

– Беженцы, Майк? В Мэдисоне? Как далеко Мэдисон от Йеллоустона?

Майк пожал плечами.

– Что-то около тысячи миль.

– Это ведь просто извержение, так? Неужели последствия дойдут до Мэдисона?

Он не ответил.

Она осталась сидеть с сестрой Иоанной, а Фрэнк вышел за кофе. Янсон пыталась осмыслить снимки, возникавшие на экранах, которыми были увешаны стены кабинета. Информация поступала из новостей, из по-

лицейских и военных источников, с земли, с самолетов и твенов, спутников и вертолетов; ее загружали на карты памяти, поспешно передавали из рук в руки между мирами и транслировали с минимальным запозданием.

После ряда фальшивых тревог на Ближних Землях наконец случилось серьезное извержение в одном из Йеллоустонов – а именно в Базовом. Оно началось примерно в час дня по мэдисонскому времени. Эвакуация парка продолжалась буквально до последней минуты. Примерно через час огромный столб пепла начал оседать вокруг жерла; масса раскаленных камней и газов пронеслась по территории Йеллоустона со скоростью реактивного самолета, снося, испепеляя, уничтожая... Взволнованные геологи присылали неутешительные отчеты: землетрясение оказалось сильнее, чем Пинатубо, Кракатау и Тамбора.

Янсон охватил сон, похожий на волну горячей магмы. Она перестала воспринимать слова и картинки. И чертовы таблетки не помогали от боли.

Она просто утратила счет времени.

В какой-то момент она слабо осознала, что в комнате происходит нечто вроде совещания, с участием Майка, сестер, Фрэнка Вуда и незнакомого человека, похожего на врача. Янсон догадалась, что они решили, невзирая на слабые протесты, на пару дней перевезти ее в Приют к Агнес.

Майк Кристофер живо всё устроил – кресло и машину. Он подмигнул.

– Тебя за руку держит космонавт, Страшила.

Она показала ему язык.

Плохие новости продолжали поступать. Прежде чем Янсон успели вывезти из участка, на экранах, на планшетах, на смартфонах замелькали новые изображения.

Открылось второе жерло.

Потом третье.

Когда они вышли на улицу, Йеллоустон, запечатлеваемый с воздуха отважными американскими пилотами, напоминал Дантов ад.

В следующий раз она пришла в себя в уютной, но незнакомой комнате, под присмотром сестры Иоанны. Та энергично, но бережно помогла ей дойти до ванной, потом принесла завтрак в постель. Янсон лежала в раздвижной кровати, совсем как в клинике, рядом стояла стойка капельницы, на полке у двери лежали лекарства. Видимо, все это принесли из больницы. Янсон ощутила теплый прилив признательности.

Сестра Иоанна впустила очередного врача. Он попытался растолковать Янсон суть лечения — только паллиативы и так далее. Она отмахнулась и спросила, какие новости.

— Сначала лекарства, потом телевизор, — строго сказал он.

Лишь после его ухода впустили Фрэнка Вуда — судя по виду, он спал не раздеваясь. И тогда наконец они включили телевизор.

Кальдера зияла. Столб дыма, поднимавшийся из нее, достиг такой высоты, что его было видно в Денвере и Солт-Лейк-Сити, судя по трясущимся любительским видео, присланным оттуда. Съездившееся солнце, желто-коричневый свет. «Как на Марсе», — сказал Фрэнк Вуд. Облако пепла, газов и частиц пемзы быстро распространялось в атмосфере. Машины останавливались, потому что забивались фильтры. Уже появились жуткие снимки автострад, забитых людьми, которые, закрыв тканью лица, пробирались сквозь серый пепельный снегопад, как русские крестьяне. Все бежали прочь от Йеллоустона.

Но, конечно, большинство — кто только мог — отзывались на неумолчные призывы переходить. Судя по

снимкам, сделанным с воздуха на Западе и Востоке-1, 2 и 3, поселения, которые соответствовали Базовым городам, оказавшимся под угрозой, были заполнены беженцами. Они переходили целыми кварталами, улицами, школами, больницами, церквями и торговыми центрами, в которых находились в момент катастрофы. Живая карта обреченных городов, отстоявших всего на шаг-другой от Базовой Земли.

Происходившее казалось Янсон пугающе знакомым. Стискивая сильную руку Фрэнка, она проговорила:

- Помню, как я пыталась убедить шефа...
- Кого, милая?
- Старого Джека Клича...

«Прикажите людям переходить, сэр. Куда угодно. На Восток и на Запад, главное – прочь из Базового Мэдисона».

«Ты же знаешь, что не все умеют переходить. Помимо фобиков, есть еще старики, дети, пациенты в больницах...»

«Пусть помогают друг другу. Если можешь перейти, переходи. Но возьми с собой того, кто не может...»

Фрэнк держал ее за руку.

Янсон услышала, как сестры говорят про Джошуа Валиенте, Салли Линдси и прочих, бросившихся на Базовую, чтобы помогать беженцам. Эти имена ненадолго привлекли ее внимание, прежде чем она погрузилась в глубокий сон.

Когда Янсон очнулась вновь, сестра Иоанна тихо плакала.

– Говорят, мы сами виноваты. Мы, люди. Наши ученые. Все версии Йеллоустона в последнее время бурлили, но извержение произошло только на Базовой. Люди потревожили Землю, так же как изменили климат. А другие говорят, это Божья кара. Ну нет, – горячо

сказала монахиня. — Мой Бог не мог так поступить. Но что же теперь делать?

Янсон была слишком слаба, чтобы встать. Чертов морфин. Сестра Иоанна подложила ей судно. Краем глаза Янсон заметила в комнате больничного санитаря — она не помнила, как его зовут. Но он позволил сестре Иоанне распоряжаться, проявив изрядную деликатность.

Когда Янсон проснулась в очередной раз, с чуть более ясной головой, рядом сидел Фрэнк Вуд.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

— Который час?

Он взглянул на часы — массивные, как у космонавта.

— Три дня с начала первого извержения. Сейчас утро, Моника.

— Тебе нужна чистая рубашка.

Фрэнк ухмыльнулся и потер щеку.

— Не считая детей, здесь живут только женщины. И не спрашивай, чем я сегодня брился.

Конечно, в углу комнаты приглушенно работал телевизор. Картинки быстро менялись. Огромное облако пыли и пепла распространилось по Америке, достигнув даже Канады и Мексики, и люди переходили миллионами. Примеров такой масштабной эмиграции человеческая история не знала ни до, ни после Дня перехода. Тем временем последствия извержения уже затронули весь мир. Из Лондона и Токио приходили снимки зловещих закатов.

Моника подумала: как странно наблюдать за катастрофой с Запада-5, где сияло солнце. Ну, образно выражаясь (сейчас опять была ночь). Как будто по телевизору показывали стеклянную игрушку, снежный шар, который слегка встряхнули.

Янсон была слишком слаба, чтобы двигать чем-то кроме головы. В ноздрю ей вставили кислородную

трубку. У кровати стоял автоматический дозатор лекарств, совсем как в сериале «Скорая помощь». Она вновь начала беспомощно погружаться в сон.

«Несите их на руках, на спине, – говорила она Кличи. – Возвращайтесь и переходите снова. Снова и снова...»

«Ты об этом уже думала, правда, Страшила?»

Янсон пробормотала:

– Вот почему ты взял меня на работу много лет назад, Джек.

Фрэнк наклонился к ней.

– Что, милая?

Но Моника спала.

На седьмой день наконец извержение закончилось. К общему облегчению, пепел перестал лететь. И на глазах у Фрэнка Вуда, который бессонными глазами мрачно смотрел на экран, все завершилось финальным ударом цимбал. Кальдера, пятидесяти миль в ширину, извергнув магму до конца, просто обвалилась. Кусок земли размером с небольшой штат рухнул на глубину в тысячу футов.

Некоторые из сестер помладше, в страшном волнении, перешли в засыпанный пеплом Базовый Мэдисон, чтобы своими глазами увидеть последствия. И через пять минут земля задрожала – сокрушительная волна энергии прокатилась по планете, хотя на развалинах Мэдисона она потревожила только руины. Примерно через час донесся звук, похожий на грохот сильнейшего артобстрела где-то за горизонтом или на запуск космического корабля. Так подумал Фрэнк Вуд, в котором воскресли детские воспоминания.

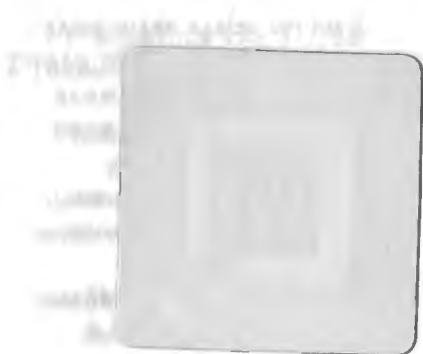
– О боже, – сказал он и взял Янсон за руку. – Что с нами будет, Моника? Моника?..

Ее рука совсем остыла.

ОТ АВТОРОВ

Мы благодарны Жаклин Симпсон, соавтору бесценной книги «Фольклор Плоского мира», за рассказы о кобольдах, теологические консультации и прочее. Именно Жаклин представила нашему вниманию стихи Мэри Элизабет Кольридж. Также мы признательны нашим добрым друзьям, доктору Кристоферу Пейджелу, владельцу клиники для животных в Мэдисоне, и его супруге Джульетте Пейджел, за помощь в поиске материалов и внимательное прочтение черновика. Все ошибки и неточности, разумеется, на нашей совести.

Декабрь 2012 г., Базовая Земля

Литературно-художественное издание

Терри Пратчетт

Пратчетт Терри, Бакстер Стивен

БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА

Ответственный редактор *Е. Березина*

Художественный редактор *И. Сауков*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Т. Короткова*

Корректор *Е. Дмитриева*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және енім бойынша

арыз-тілектерді қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Дембровский көш., 3-а, литер Б, өңір 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 331 56 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 13.11.2014. Формат 80х100¹/₃₂.

Гарнитура MyslC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,74.

Тираж 10 000 экз. Заказ 3887

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-77298-8

9 785699 772988 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 471-66-69, доб. 2261, 1237.

E-mail: ivanova.sv@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-57 (многоканальный).
e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 48.
Тел.: +7(812) 601-0-601, www.bookwoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород,
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Станки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.

В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.

В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-06/06.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Много лет минуло с первого путешествия Лобсанга и Ажонгуа Валенте по Бесконечной земле. В колониях родились и выросли новые поколения мохен, уже не представляющие свою жизнь в рамках привычной нам цивилизации.

Ажонгуа Валенте теперь отец семейства и мэром одного поселения за несколько тысяч переходов от Базовой Земли, но вынужден бросить все и вновь отправиться в путь. Рассеявшиеся по множеству миров мохи ошибочно решили, что человек – вечное творение, а значит, всякие тролли, кобольды и бинги – простые животные. С чем последние категорически не согласны. Ажонгуа вместе с Лобсангом должны предотвратить назревающую войну, победителей в которой не будет...

В ПЕРВЫЙ РАЗ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Прохождение саги о Бесконечной земле от создателя
Нэского мира Терри Пратчетта и известного
писателя фантаста Стивена Бакстера.

ISBN 978-5-699-77298-8

9 785699 772988 >

ЭКСМО